

ISSN 2073-9613

Журнал основан в 2003 году
Выходит 4 раза в год
Издается в 2 частях

Подписные индексы по каталогу
«Роспечать» 33140 и 37285

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет»

Издатель: МПГУ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Байфорд Энди,

*доктор философии, кафедра русистики,
Даремский университет (Великобритания)*

Блох Марк Яковлевич,

*доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
грамматики английского языка МПГУ, почетный академик
Российской академии естественных наук, почетный академик
Международной академии наук педагогического образования*

Демьянков Валерий Закиевич,

*доктор филологических наук, профессор, заместитель директора
Института языкознания РАН*

Кузнецов Александр Андреевич,

*академик РАО, профессор, доктор педагогических наук,
и.о. вице-президента РАО*

Левицкий Михаил Львович,

*академик РАО, доктор педагогических наук, профессор,
директор Института менеджмента МПГУ*

Мурын Тереза,

*доктор наук, профессор французской филологии,
Краковский педагогический университет (Польша)*

Петров Юрий Александрович,

*доктор исторических наук, директор
Института российской истории РАН*

Попова-Велева Иванка,

*кандидат филологических наук, кафедра романистики,
Университет св. Кирилла и Мефодия, Велико Тырново (Болгария),*

Рогожин Николай Михайлович,

*доктор исторических наук, профессор, директор Центра истории
русского феодализма Института российской истории РАН*

Уваров Александр Юрьевич, доктор педагогических наук,

*профессор, ведущий научный сотрудник Института
образовательной информатики ФИЦ «Информатика
и управление» Российской академии наук*

Уваров Павел Юрьевич,

*доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН,
заведующий Отделом западноевропейского средневековья
и раннего нового времени Института всеобщей истории РАН*

Чубарьян Александр Оганович,

*академик РАН, доктор исторических наук,
директор Института всеобщей истории РАН*

Штольценберг Юрген,

*доктор философии, профессор, кафедра истории философии,
Университет Мартина Лютера, Галле-Виттенберг (Германия)*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

**Каракозов
Сергей**

Дмитриевич,

*доктор педагогических
наук, профессор,
проректор МПГУ*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.А. Веряев

О.В. Воробьева

М.А. Гончаров

И.Н. Грифцова

Е.Ю. Лазарева

Е.А. Леванова

С.И. Маловичко

Ф.В. Николаи

Н.А. Николина

Е.А. Никулина

Н.И. Рыжова

С.Б. Серякова

Л.А. Трубина

А.В. Хазина

В.Е. Цибульникова

В.Д. Янченко

Ответственный редактор

О.В. Воробьева

Дизайнер

Н.И. Лисова

ISSN 2073-9613

The journal was founded in 2003
Published quarterly
Issued in 2 volumes

Subscription indexes in the catalogue
"Rospechat" **33140** and **37285**

Founder: Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education
"Moscow State Pedagogical University"

Publisher: Moscow State Pedagogical University

*The journal has been included in the List of the leading peer-reviewed scientific journals
and periodicals recommended for the publication of the results of the dissertations
submitted for academic degrees*

EDITORIAL COUNCIL

Andy Byford (Great Britain), ScD (Philosophy),
Russian Philology Department, Durham University

Mark Ya. Bloch, ScD (Philology), Professor, Chairman,
English grammar Department, Moscow State University
of Education, Honorary Member of Russian Academy
of Natural Sciences, Honorary Member of International
Academy of Sciences in Pedagogical Education

Valery Z. Demyankov, ScD (Philology), Professor, Deputy
Director, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Alexander A. Kuznetsov, Academician, Russian Academy
of Education, ScD (Pedagogy), Acting Vice-President, Russian
Academy of Education

Mikhail L. Levitsky, Academician, Russian Academy of Education,
ScD (Pedagogy), Professor, Director, Institute of Management,
Moscow City Pedagogical University

Theresa Muryn (Poland), ScD, Professor, French Philology,
Krakow Pedagogical University

Yury A. Petrov, ScD (History), Director, Institute of Russian
History, Russian Academy of Sciences

Ivanka Popova-Velva (Bulgaria), PhD in Philology,
Romance Philology Department, St Cyril and St Methodius
University, Veliko Turnovo

Nikolay M. Rogozhin, ScD (History), Professor, Director,
Center of Russian Feudalism History, Institute of Russian
History, Russian Academy of Sciences

Alexander O. Chubaryan, Academician, Russian Academy
of Sciences, ScD (History), Director, Institute of World
History, Russian Academy of Sciences

Jurgen Stoltzenberg, (Germany), ScD (Philosophy),
Professor, History of Philosophy Department,
Martin Luther University, Halle-Wittenberg

Alexander Yu. Uvarov, ScD (Pedagogy), Professor,
Chief Researcher, Institute of Educational Informatics,
Federal Research Center "Informatics and Management",
Russian Academy of Science

Pavel Yu. Uvarov, ScD (History), Professor, Corresponding Member,
Russian Academy of Sciences, Head of the Department
of West European Middle Ages and Early Modern Times,
Institute of General History, Russian Academy of Sciences

EDITOR- IN-CHIEF

**Karakozov
Sergey Dmitrievich**,
Dr. of Science
(Pedagogics),
Professor,
Vice-rector of MPSU

EDITORIAL BOARD

A.A. Veryaev
O.V. Vorobyova
M.A. Goncharov
I.N. Griftsova
E.Yu. Lazareva
E.A. Levanova
S.I. Malovichko
F.V. Nikolai
N.A. Nikolina
E.A. Nikulina
N.I. Ryzhova
S.B. Seryakova
L.A. Trubina
A.V. Khazina
V.E. Tsibulnikova
V.D. Yanchenko

Executive editor

O.V. Vorobyova

Designer

N.I. Lisova

Спецвыпуск. К юбилею С. Д. Каракозова

ЮБИЛЕЙ

Антонов А.Ю., Веряев А.А. Использование пакета SmartTools и концепт-карт в процессе обучения английскому языку	9
Афоница М.В. Особенности формирования компетенции учителя в области критериального оценивания	20
Каракозов С.Д., Маняхина В.Г. Профессионально-ориентированные компоненты электронной образовательной среды педагогического университета	31
Кошева Д.П. Педагогическое проектирование деятельности образовательного учреждения в условиях сетевого взаимодействия	40
Королева Н.Ю. Формирование готовности магистрантов направления «Педагогическое образование» к деятельности в условиях виртуальной образовательной среды	52
Филимонова Е.В., Рыжова Н.И. Развитие информационно-аналитической компетенции школьников посредством решения задач на графах в условиях развития содержания обучения	64
Литвиненко М.В. Разработка и внедрение эффективных технологий обучения в системе непрерывного дистанционного образования на основе адаптивных естественно-языковых программных средств	77
Рыжова Н.И., Ляш А.А. Результаты анализа состояния подготовки будущих учителей информатики в области использования информационно-образовательных систем в профессиональной деятельности	91
Можаров М.С., Можарова А.Э. Профессиональное самоопределение будущего учителя средствами мультимедийного проектирования	102
Мокрецова Л.А., Дудышева Е.В., Маликова Е.В. Психолого-педагогические аспекты смешанного и дистанционного взаимодействия студентов и преподавателей в открытой инфосреде	111
Пак Н.И., Сокольская М.А. Единая методическая система предметного обучения школьников и студентов на базе технологической платформы «мега-класс»	123
Безызвестных Е.А., Смолянинова О.Г. Оценивание образовательных результатов студентов – будущих тьюторов в системе непрерывного образования на основе смешанной модели обучения: опыт Сибирского федерального университета	135

НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА

Педагогические науки (13.00.00)

Педагогика профессионального образования

Серых А.Б., Букша Л.Ф. Идеи Л.С. Выготского в контексте духовно-нравственного развития студентов-психологов.	149
Трухачева Н.В., Пупырев Н.П., Кирколуп Е.Р. Конструктивизм и его основные идеи в качестве руководящих принципов разработки учебных программ	158
Деца Е.И. Вопросы содержательно-организационной поддержки исследовательской работы студентов педвузов	167

Ширматов С.Т. Пути развития культуры личностного общения, основанного на английском языке.	180
Турская Е.Р. Критерии определения уровня развития профессиональной толерантности у сотрудников органов внутренних дел в процессе профессионального обучения.	188
Содержание и технологии образования	
Комарова Э.П., Шушарина Е.С. Развитие межкультурной компетенции студентов-иностранцев на основе технологии смешанного обучения.	195
Ступина М.В. Теоретико-методологические основания отбора содержания обучения будущих инженеров ИТ-профиля.	205
Романченко М.К. Применение ресурсосберегающих технологий в профессиональной подготовке.	214
Насритдинова У.А. Использование оптимальных способов математического статистического анализа при оценке результатов педагогического эксперимента.	222
Педагогическая наука – школе	
Рудман А.З. Система формирования личностных результатов обучающихся на уроках истории России в свете историко-культурного стандарта.	228
Образование и культура	
Чайковская Е.Н. Экологическое мировоззрение шорцев: формы изучения и приобщения к культуре в гетероэтнической образовательной среде.	237

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ НАУКА ВУЗАМ

Исторические науки (07.00.00)

Русова Ю.С. Проблема производства царской одежды в структуре дворцового ремесленного комплекса в России XVII века в отечественной историографии.	253
Волошин Д.В. Профессиональная подготовка отечественного пенитенциарного персонала в дореволюционной историографии.	266
Ивочкин Д.А. Деятельность русской православной церкви по укреплению нравственных устоев заключенных в тюрьмах на Смоленщине во второй половине XIX – начале XX века.	275
Бурлаков А.Н. Маршал Петэн в годы Первой мировой войны: время славы.	286
Никонов О.А. Роль СССР в становлении государственного суверенитета королевства Саудовская Аравия.	302

Филологические науки (10.00.00)

Языкознание (10.02.00)

Абдуллаева С.Н. Сопоставительный анализ фонологических систем русского и узбекского языков в методических целях.	317
Беликова Г.В. Фразема как когнитивно-дискурсивный способ семиотизации этнокультурного пространства.	336
Демидова Е.Б. Языковые средства эмоциональной выразительности в «Очерках античного символизма и мифологии» А.Ф. Лосева.	351

Лызлов А.И. Оценочные признаки концептуального образа «ложь» в паремиях английского языка.	361
Набати Шахрам. К вопросу о разной степени словообразовательной производности глаголов с приставкой при- в русском языке.	372
Москвина Т.Н. Диахронические аспекты семантической глагольной вариативности в островных немецких говорах	383
Шабанова Т.Д., Калугина Ю.В. Когнитивная метафора миграционного кризиса в Европе.	393
Шетэля В.М. Польская топонимика в русских текстах разных лет.	399
Радзиховская В.К. Трансформы поля взаимности	412
Иосифова В.Е. Семантика смысловых вариантов просьбы	424
Моради Митра. Речевой акт «пожелание», его реализация в ситуациях «приветствия» и «прощания» в русском языке	232
Смотряева К.С. Прецедентные феномены в президентской риторике Барака Обамы как способ формирования ориентационного пространства политического дискурса	438
Литературоведение (10.01.00)	
Эргашев П.С. Чувство симметрии как знаковый элемент психологического портрета литературных героев русских классиков.	447
Наргес Санаи. Сцены «карнавала» в романе «Мастер и Маргарита» как иллюстрация теоретических построений М. Бахтина	455
Черноземова Е.Н., Чернова Ю.В. Театральность прозы драматурга (на материале произведения Д.Б. Пристли «Дженни Вильерс: Повесть о театре»)	464
Москвина О.А. «О земле подумаю, о небе...»: закон метра и стихия чувства в лирике Николая Рубцова.	470
Тазетдинова М.Р. Повесть К.И. Чуковского «солнечная» в читательском восприятии современников.	485
Боголюбова В.П. Художественные средства создания комического эффекта в романе Уве Тимма «Руди-пяточок»	495
Тари Махдия. Сравнительный анализ произведений русских и иранских поэтов и поэтесс в аспекте гендерных особенностей	502
Хроника научной жизни	
Дьяковские чтения-2016	508

Special Issue

ANNIVERSARY

Antonov A.Ju., Veryaev A.A. Cmaptools and Concept-Maps in the Process of Learning English	9
Afonina M.V. Features of Formation the Competence of Criteria-Based Assessment	20
Karakozov S.D., Manyakhina V.G. Professionally-Oriented Components of the Electronic Educational Environment of Pedagogical University	31
Kosheva D.P. Pedagogical Design of the Activity of an Educational Institution within Network Communication	40
Koroleva N.Yu. Development of Readiness of Master's Degree Students in "Pedagogical Education" Field to Operation in Virtual Learning Environment	52
Filimonova E.V., Ryzhova N.I. Development of Information and Analytical Competence of Students Through Solving Problems on Graphs in Terms of Development of Learning Content	64
Litvinenko M.V. Development and Introduction of Effective Technologies of Training in the System of Continuous Distance Learning on the Basis of Adaptive Natural Language Software	77
Ryzhova N.I., Lyash A.A. Results of the Analysis of The Condition of Training of Future Teachers of Informatics in the Field of Using	91
Mozharov M.S., Mozharova A.E. Information and Education Systems in Professional Activity Professional Self-Determination of Teacher Means Multimedia Design	102
Mokretsova L.A., Dudysheva E.V., Malikova E.V. Psychological and Pedagogical Aspects of Blended and Distance Interaction of Students and Teachers in the Open Info-Environment	111
Pak N.I., Sokolskaya M.A. Unified Methodological System of Subject Teaching on the Basis of Technology Platform "Mega-Class"	123
Bezyzvestnykh E.A., Smolyaninova O.G. Assessment of Trainee Tutors Educational Outcomes in Lifelong Education System Based on the Mixed Model of Training: Experience of Siberian Federal University	135

SCIENCE, EDUCATIONS, CULTURE**Professional Education Pedagogy**

Serykh A.B., Buksha L.F. The Ideas of L.S. Vygotsky in the Context of Spiritual and Moral Development of Psychology Students	149
Trukhacheva N.V., Pupyrev N.P., Kirkolup E.R. Constructivism and Its Main Ideas as the Guidelines of Educational Programs Development	158
Deza E.I. Issues of Substantial and Organizational Support of Research Activities of Students of Teacher Training Universities	167
Shirmatov S.T. Ways of Developing Personal Communication Culture Based on the English Language	180

Turskaya E.R. Criteria of Defining the Level of Development of Professional Tolerance Among the Employees of Internal Affairs Bodies in the Course of Vocational Education	188
---	-----

Education Topics and Techniques

Komarova E.P., Shusharina E.S. Development of Intercultural Competence of Foreign Students Based on the Technology of Blended Learning	195
Stupina M.V. Theoretical and Methodological Basis of Content Selection for Future IT-Engineers' Training	205
Romanchenko M.K. The Use of Resource-Saving Technologies in Professional Training	214
Nasretdinova U.A. The Use of Optimum Ways of Mathematical and Statistical Analysis When Assessing the Results of Pedagogical Experiment.	222

Pedagogy Science to School

Rudman A.Z. The System of Forming Personal Results of Students at the Russian History Lessons in Light of The Historic and Cultural Standard	228
---	-----

Education and Culture

Chaikovskaya E.N. Environmental Worldview of the Shors: Forms of Learning and Introduction to Culture in Heterogeneous Educational Environment.	237
--	-----

FUNDAMENTAL SCIENCE TO HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

History

Rusova Yu.S. Manufacture of the Tsar Clothes in The Structure of Palace Handicraft Complex of the 17th Century in Russia in The Russian Historiography	253
Voloshin D.V. Professional Training of Penitentiary Staff in Pre-Revolutionary Historiography.	266
Ivochkin D.A. Activity of Russian Orthodox Church on Strengthening of Moral Foundations of the Inmates in Prisons of Smolensk Region in the Second Half of XIX – Early XX Centuries	275
Burlakov A.N. Marshal Petain in the First World War: The Time of Glory	286
Nikonov O.A. USSR Role in Forming of State Sovereignty of Kingdom of Saudi Arabia	302

Linguistics

Abdullayeva S.N. Comparative Analysis of the Phonological System of Russian and Uzbek Languages for Methodological Purposes	317
Belikova G.V. Phrasem as a Cognitive and Discursive Mode of Semiotisation of Ethnocultural Space	336
Demidova E.B. Expressive Means of Language and Some Peculiarities of Losev's Style in his Work "Essays of Antique Symbolism and Mythology".	351
Lyzlov A.I. Axiological Features of the Conceptual Image "Lie" in English and Russian Proverbial Units	361
Nabati Shahram. Different Degrees of Word-Formation Derivativeness of Verbs with the Prefix Pri- in the Russian Language).	372
Moskvina T.N. Diachronic Aspects of Semantic Verbal Variation in Insular German Dialects	383

Shabanova T.D., Kalugina Yu.V. Cognitive Metaphor of the Migrant Crisis in Europe	393
Szetela V.M. The Polish Toponymy in Russian Texts During Different Years	399
Radzikhovskaya V.K. Transforms of the Field of Reciprocity	412
Iosifova V.Ye. Semantics of Request Variants	424
Moradi Mitra. The Speech Act of “Wishing” and Its Performance in the Situations of “Greeting” and “Farewell” in Russian Language	432
Smotryaeva K.S. Precedent Phenomena in Barack Obama’s Presidential Rhetoric as a Means of Forming the Orientational Space of Political Discourse	438
Study in Literature	
Ergashev P.S. Sense of Symmetry as a Significant Element of Psychological Portrait of a Literary Hero of Russian Classics	447
Narges Sanaei. Scenes of “Carnival” in the Novel “Master and Margarita” as an Illustration of Bakhtin’s Theoretical Constructs	455
Chernozemova E.N., Chernova Y.V. Theatricality of the Playwright’s Prose (on the example of J. B. Priestley’s work “Jannie Villiers: the Story About Theatre”)	464
Moskvina O.A. “I’ll Think About Earth, About Heaven...”: Ratio of Poetic Rhythm and Senses in the Lyrics of Rubtsov	470
Tazetdinova M.R. K. Chukovsky’s Story “Solnechnaya” in Contemporary Readers’ Perception	485
Bogolyubova V.P. Artistic Means of Creating A Comic Effect in the Novel “Rudy, The Racing Pig” By Uwe Timm	495
Tari Mahdie. Comparative Analysis of Works of Russian and Iranian Poets and Poetesses in the Aspect of Gender Features	502
Scientific Chronicle	
Dyakovsky Readings 2016	508

УДК 687
ББК 85.126

ПРОБЛЕМА ПРОИЗВОДСТВА ЦАРСКОЙ ОДЕЖДЫ В СТРУКТУРЕ ДВОРЦОВОГО РЕМЕСЛЕННОГО КОМПЛЕКСА В РОССИИ XVII ВЕКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ю.С. Русова

Аннотация. *Статья посвящена историографическому анализу проблемы изготовления царской одежды в процессе эволюции дворцового ремесленного производства в России в XVII веке, которая является актуальной и одновременно малоизученной до настоящего времени. В центре внимания автора – научные работы отечественных исследователей XIX – начала XXI века. Целью статьи является выявление аспектов темы, которые интересовали историков на протяжении этого периода, и определение перспективных направлений для дальнейшего исследования. Автор приходит к выводу о преимущественном интересе историков к деятельности Кадашевской слободы и отсутствии комплексных исследований процесса производства одежды для царского обихода в Государевой и Царицыной мастерских палатах, а также в дворцовых селах Ярославского уезда.*

Ключевые слова: *историография, ремесленное производство, эволюция, царская одежда, Кадашевская слобода, Государева и Царицына мастерские палаты.*

253

MANUFACTURE OF THE TSAR CLOTHES IN THE STRUCTURE OF PALACE HANDICRAFT COMPLEX OF THE 17TH CENTURY IN RUSSIA IN THE RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Yu.S. Rusova

Abstract. *The article deals with the historiographical analysis of the issue of manufacturing of the Tsar apparel in the process of evolution of the palace handicraft complex in the 17th century in Russia, which is both relevant and unexplored so far. The author is interested in the science works of the Russian researchers of the 19th – early 20th centuries. The purpose of the article is to identify the aspects of the topic that interested historians during this period and to determine the perspective areas for the further research. The*

author concludes that the work of the Kadashevskaya Sloboda is described in the most comprehensive way while the process of clothes manufacture in the Tsar and Tsarina workshops and in the Tsar villages of the Yaroslavl region has been neglected by the researchers.

Keywords: *historiography, craft manufacture, evolution, Tsar apparel, Kadashevskaya Sloboda, Tsar and Tsarina work-shops.*

Вопросы становления и эволюции дворцового ремесленного производства в России в XVII веке не теряют своей актуальности в отечественной исторической науке, поскольку они связаны с комплексом дискуссионных проблем экономического развития и его особенностей в допетровский период. Производство царской одежды – один из важнейших аспектов этой проблемы, на основе которого представляется возможным проследить особенности развития мелкотоварного производства в России в данный период.

Внимание к этой проблеме в исторической литературе связано с всплеском интереса к древним музейным ценностям и к национальной культуре в 30-50-е гг. XIX века. Создаются работы, посвященные Московскому Кремлю, путеводители по императорскому дворцовому музею «Оружейная палата». Основное внимание в них уделяется истории формирования царской казны, коронационным ценностям, дворцовым реликвиям, посольским дарам.

П.М. Евреинов в работе «Краткое описание Московской оружейной палаты» повествует о Мастерской Оружейной палате, известной с 1511 г. и позднее состоявшей из разных отделений, в том числе и Палаты Мастерской или Царской [1, с. 4]. П.П. Свинын в «Указателе главнейших досто-

примечательностей, сохраняющихся в Московской Оружейной палате» [2] дает описание и мастерским, где эти вещи выполнялись. Однако в этих работах основной акцент сделан на перечислении и описании сохранившихся ценностей. Организации производства этих вещей не уделено должного внимания.

А.Ф. Вельтман в работе «Московская Оружейная палата» делает выводы, что производством всех предметов для царя, в том числе и одежды, ведала Государева Мастерская палата, а производством работ для царицы – Царицына Мастерская палата. Эти палаты имели свою Казну, заключавшуюся в разных материалах. Всему велись отчетные книги, в которых записывались получение, выдача и что сделано по указу государеву [3, с. 7]. Однако в труде дана не совсем верная трактовка работы мастерских. Отсутствие внимания к организации производства предметов для царского двора в тот период объясняется, скорее всего, недостаточной изученностью приказной документации и малым количеством археологических исследований.

Важна для данного исследования и научная деятельность таких выдающихся историков, археологов, историков искусства, как П.И. Савваитова [4] и Н.И. Костомарова [5]. Эти исследователи пытались восста-

новить картину бытования предметов одежды по старинным письменным источникам. Однако оставалось неизвестным, как выглядела эта одежда. И по-прежнему не возникал интерес к процессу создания царской одежды и организации дворцового ремесленного комплекса.

Позднее в труде историка И.Е. Забелина «Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях» 1872 г., состоящем из двух томов, наряду с описанием архитектуры, утвари, обрядов, пищи встречаем и обширные сведения по царскому костюму XVII века, в том числе уделено внимание его производству. Автор впервые обозначает проблему того, что исследователь располагает огромным количеством названий древней одежды, с одной стороны, и рисунками этой одежды, с другой, но не может достоверно сказать, как эта видимая нами одежда называлась [6, с. 430]. И.Е. Забелин первым начал сопоставлять названные в источниках части одежды с их изображениями, используя зарисовки посла императора Священной Римской империи и путешественника XVII века. Августина фон Мейерберга. Эту сложную кропотливую работу исследователи продолжают и сегодня.

Кроме того, И.Е. Забелин отмечал, что вся царская одежда числилась в Мастерской палате, в царской гардеробной, изготавливавшей все одежды и все к ним принадлежности [6, с. 472]. И.Е. Забелин называет место обитания служительниц царицы, в том числе и мастериц (швей) – Никитская или Царицына улица с Кисловскими переулками. Определяет главное занятие Кадашевской слободы и «слободы хамовников» –

изготовление белой казны «про царский обиход» [6, с. 17]. Исследования И.Е. Забелина являются ценнейшим вкладом в изучение царского костюма XVII века и его производства.

Описанию царской утвари и одежды посвящено второе отделение книги «Древности Государства Российского» [7], которая сопровождается альбомами иллюстраций художника – археолога Ф.Г. Солнцева, оставившего богатейший иллюстративный источник по истории царского костюма. Но этот труд представляет опять же результаты деятельности мастерских, а не интересующий процесс изготовления одежды.

Развитие капиталистического производства в России повысило интерес исследователей середины XIX века к особенностям многоукладной экономики России, к истории русской промышленности. Впервые вопрос об организации ремесел в прошлом, о роли государства в этом процессе в качестве самостоятельной исследовательской темы был поднят историками-государственниками В.Н. Лешковым [8], И.И. Рычковым [9] и Н. Степановым [10]. Характеризуя артель и дружину как национальные формы корпораций, они проводили сравнительный анализ этих организаций с западноевропейскими цехами. В.Н. Лешков отмечает, что корпоративный способ объединения ремесленников был известен в России с давних времен. И с XVI века ремесла были направлены на потребности государства. Автор делает вывод о том, что вопрос о количестве ремесел в России государство решало путем заимствования русских ремесленников из отдельных районов для государственных

предприятий и вызовом иностранных мастеров [8, с. 370].

К такому же выводу в пореформенный период приходит историк и экономист А.К. Корсак в своей работе «О формах промышленности вообще и значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России». Анализируя особенности различных форм производства, он отмечает, что для России была традиционной домашняя система производства, или кустарная промышленность, которая долгое время не могла перейти на следующую стадию. Осуществилось это только благодаря новейшим искусственным мерам правительства. При таком положении ремесленности государство могло удовлетворить свои потребности только путем собирания рассеянных по стране ремесленников на время работы и вызова иностранцев [11, с. 111]. В противовес предыдущим авторам, исследователь называет объединения ремесленников, дружины, скорее, редкими исключительными явлениями, существующими в немногих городах. Подчеркивает их непостоянство по сравнению с корпорациями Запада [11, с. 111, 125]. В дворцовом производстве XVII века А.К. Корсак не видит внутренних стимулов развития и рассматривает его отдельно от общих объективных процессов.

Представитель экономической школы конца XIX – начала XX века М.В. Довнар-Запольский [12] рассматривает ремесленников XVII века как сложную по составу социально-производственную категорию. Автор повторяет вывод А.Ф. Вельтмана о том, что все, что касается выработки

полотен и вышивания, находилось в ведении самой царицы и управлялось из Царицыной мастерской палаты. Упоминает о дворцовых слободах – Кадашевской и Тверской, и селах Ярославского уезда, Брейтово и Черкасово, которые также были заняты хамовным делом. М.В. Довнар-Запольский дает определение хамовным государевым слободам как мануфактурам, в которых каждый рабочий работал у себя на дому. И считает, что особый Кадашевский хамовный двор, построенный в 1658 г., представлял собой большое помещение для склада государевой белой казны [12, с. 59]. Это мнение автора ошибочно, так как двор использовался не только как хранилище, но там же располагалось каменное здание со стенами, где работали мастерицы. Сохранились документальные подтверждения тому, в том числе челобитная, в которой старосты Кадашевской слободы Родка Петров и Миронко Макарьев просят построить новую избу, так как «...хамовная изба истояла и огнила и уголе обвалилось и потолок огнил и твои государевы белые полотенные казны и хамовных дел хамовникам делать негде и зимою тое избы топить немошно... вели государь тое избу поставить новую, чтобы твоим государевым хамовным делам и полотенной казне мешкоты и порухи не было...» [13, с. 55]. Таким образом, М.В. Довнар-Запольский не уделяет внимания дворцовым ремесленникам, а его характеристики относительно организации производства царской одежды не совсем верны.

В начале XX века многоплановые исследования подкрепляются обширной архивной базой. Архивоведы Императорского Московского

Археологического института, возглавляемые его директором А.И. Успенским, более широко исследуют архив Оружейной палаты XVII века. Выходит путеводитель по Оружейной палате Ю.В. Арсеньева и В.К. Трутовского [14].

В 20–30-м гг. XX века повышается интерес к изучению быта «рабочего класса». Это повлияло на характер исторических исследований. В этот период преимущество отдается описательному принципу с акцентами на бытовые условия жизни и работы мастеров. Самая ранняя и самая подробная статья о Кадашевской слободе, месте поселения царских ткачей и мастериц, опирающаяся на архивные источники и написанная в этой концепции – это статья К.В. Базилевича «Кадашевцы, дворцовые ткачи полотен XVII века» [15]. Автор подробно характеризует устройство хамовного двора, организацию производства, повинности и жалованье кадашевцев, управление, источники пополнения и порядка хамовной слободы. К.В. Базилевич обращает внимание на специализацию и разделение труда. Исследователь выявляет единицу измерения нагрузки мастериц, так называемое годовое «дело». Его интересует также торговое влияние кадашевцев. Автор называет некоторые имена тяглецов и самой влиятельной приказной боярыни. Данная статья подробно раскрывает процесс производства нательной одежды для царя и полотен только в одной из царских слобод.

Процессу производства и управления в Кадашевской и Хамовной слободах наряду с другими процессами уделяют внимание историки К.В. Кудряшов и А.М. Яновский [16].

Направленному исследованию Государева Хамовного двора в Кадашевской слободе посвящены написанные в разное время статьи А.А. Мартынова [17] и Р.П. Подольского [18]. Авторов интересует процесс строительства палат на территории Хамовного двора, количество необходимых материалов и рабочих рук, а также затраченные расходы. Эти данные лишь косвенно затрагивают интересующую нас тему, давая почву для размышлений об условиях труда ткачей.

Подробному исследованию условий жизни и привилегий кадашевцев посвящен труд П.П. Смирнова «Московские ткачи XVII века и их привилегии», где он сравнивает их с условиями жизни и торговли корпорации гостей и торговых людей [19] и делает вывод о том, что московские ткачи были одной из самых привилегированных корпораций торгово-промышленной Москвы XVI и первой половины XVII в. (до выхода жалованной грамоты Алексея Михайловича кадашевцам 1648 г., которая частично уничтожила, частично сузила их судебные и финансовые привилегии).

Исследованию организации процесса производства в Кадашевской слободе, расчета себестоимости полотна, вырабатываемого на дворцовых полотняных мануфактурах, и производительности труда посвящена статья академика С.Г. Струмилина «Царская мануфактура XVII века». Ученый делает вывод о том, что себестоимость казенного полотна, производимого раздачей работы деловицам на дом, была явно убыточной по сравнению с продажными ценами и считает, что царская казна

могла себе это позволить, так как хлеб доставался ей не по рыночным ценам [20, с. 22]. Однако этот процесс позволял получить деньги для покупки новых материалов, а также сбыть залежавшийся товар, поэтому может быть, вовсе и не был так убыточен. Также автор находит интересные данные о покупке железных и деревянных колес для станов. Но как выглядели эти станы, как именно их использовали, можно ли считать это зачатками механизации, автору не удалось обнаружить. Исследователь делает предположение, что деловицы тратили на государево дело только зиму, так как требуемый от них объем работ они могли выполнить за три-четыре месяца [20, с. 16]. Занимались ли они в остальное время изготовлением одежды на продажу или гипотеза С.Г. Струмилина неверна, также предстоит проверить.

Вопросы истории, организации, техники и экономической природы производства, социальный состав царских слобод Кадашево, Хамовники, Брейтово, Черкасово, рабочая сила и назначение продукции – все эти аспекты получают отражение в обширном исследовании А.Л. Якобсона «Ткацкие слободы в селе в XVII в.». Автор отмечает усилившуюся в середине XVII века тенденцию по вовлечению ткачей и ткачих на работу непосредственно на хамовном дворе, чем на дому, с этим и связано сооружение новых, более обширных палат в Кадашеве [21, с. 35]. Исследователь приводит огромное количество документов, подтверждающих его идеи и указывающих ткачей и мастериц слобод. Однако автор подчеркивает недостаточную изученность обозначенных вопросов, свя-

занную с малым количеством источников по данной теме и отсутствием подлинной продукции этих слобод.

Позднее, в 1989 г. вышла книга В.И. Буганова [22], содержащая сведения по Кадашевской слободе, но, в основном, они повторяют информацию статьи К.В. Базилевича.

Историков интересовало и появление других текстильных производств. О попытках организации собственного суконного производства в России в XVII веке писали в той или иной степени разные исследователи, но более основательно этот вопрос рассматривает в своей статье Г.А. Новицкий [23].

Исследователь развития русской текстильной промышленности Б.И. Сыромятников, наоборот, отмечал, что в XVII веке городские ремесленники не занимались ни прядением, ни ткачеством, а лишь изготавливали готовые предметы из готовых тканей, доставляемых деревенскими ремесленниками [24, с. 9]. Однако для Москвы это утверждение в столь категоричной форме не может быть принято. Источники упоминают холщевников, крапшенинников, пестрядинников, шелковников, хамьянников, сермяжников, хамовников, хотя их и немного.

Важна работа С.К. Богдавленского «Приказные судьи XVII века» [25]. Этот уникальный справочник раскрывает административную структуру дворцового комплекса, приводит список имен руководителей Приказа Царицыной мастерской палаты и Приказа Царской мастерской палаты за все время их существования на основе архивных данных.

В 1950-е гг. исследователи уделяют внимание общим социально-экономическим вопросам, изучают процесс

становления всероссийского рынка. Н.В. Устюгов в работе «Ремесло и мелкотоварное производство в XVII веке» делает вывод о том, что в интересующий нас период ремесло переросло в товарное производство [26].

О переходе ремесла в мелкотоварное производство пишет и С. И. Сакович в статье «Торговля мелочными товарами в Москве в конце XVII в.» [27]. Автор делает вывод о том, что Москва в конце XVII века и в области торговли мелочными товарами переросла значение местного рынка, выступая уже вполне сложившимся всероссийским рынком, каким она была и для крупной внутренней торговли, связанной с внешней, западноевропейской и восточной.

Напротив, К.А. Пажитнов считает, что и в XVII веке ремесло продолжало оставаться господствующей формой промышленной деятельности, и поэтому продолжала существовать почва для развития ремесленных организаций [28; 29]. Автор не дает характеристики дворцовых мастерских.

Д.И. Тверская в своем исследовании «Москва второй половины XVII века – центр складывающегося Всероссийского рынка» [30] на базе обширных архивных документов показывает, что именно в Москве, как хозяйственном, политическом и культурном центре, возникают новые явления в социально-экономической жизни. Автор характеризует переход ремесла в мелкотоварное производство и формирование всероссийского рынка как сложный постепенный процесс, в который были вовлечены и хамовники.

В 1960–80-е гг. историков больше интересует внешний вид царской одежды, ее разнообразие, чем сам про-

цесс производства. Работы М.Г. Рабиновича «О древней Москве» [31], «Одежда русских XIII–XVII вв.» [32], «Очерки материальной культуры русского феодального города» [33] содержат сведения, в том числе по царской одежде XVII века, и отличаются активным привлечением ученых для анализа письменных и печатных источников (разного рода актов, грамот, описаний имущества, хозяйственных анкет и пр.)

В 1960-х гг. Н.А. Маясова предложила комплексный метод изучения шитья, который предполагал исследование памятников как произведений искусства и культурно-исторических источников [34; 35].

Описанию внешнего вида царских одежд XVII века посвящен ряд современных изданий, среди которых статьи историков А.В. Арциховского и Г.Г. Громова в выпусках «Очерков русской культуры» [36], изданных Московским университетом; статья Левинсон-Нечаевой М.Н. [37] и других по отдельным частным темам.

В настоящее время выпускается много справочных изданий по костюму, энциклопедий, общих работ по истории костюма. Среди них: Е.В. Киреева [38]; В. Брун, М. Тильке [39]; Л.В. Орленко [40]; Р.П. Андреева [41]; Э.Б. Плаксина, Л.А. Михайловская, В.П. Попов [42]; Е.Н. Суслина [43]; Ф.Ф. Комиссаржевский [44]; Р.В. Захаржевская [45]; А.Ю. Андреева [46]. Эти работы содержат сведения о костюме разных стран и народностей с древнейших времен до современности, в том числе и данные по истории русского костюма XVII века. Но сведения очень кратки и в основном носят описательный характер.

Опубликованы и специальные исследования по истории русского костюма: например, работы Р.М. Кирсановой [47; 48]. Подробно и структурировано проанализировала женскую и мужскую одежду, аксессуары и ткани Е.В. Политковская [49]. Однако эти работы не рассматривают интересные автору данной статьи процессы.

Проникновению западного влияния на моду России посвящена работа О.А. Цесевичене «Свое – чужое» в русской моде XVII–XX вв.» [50].

Существует большое количество работ по истории материалов, тканей, декору одежды (вышивка, кружево и т.д.). Это исследования К. Иностранцева [51], М.Н. Левинсон-Нечаевой [52], И.И. Вишневецкой [53] и других. Но, в основном, эти работы освещают привозные ткани, авторы анализируют их внешний вид, художественные особенности, украшения полотна, присущие для восточных и европейских стран.

Осуществлено несколько диссертационных исследований, посвященных шитью [54], тканям, становлению форм костюма [55]. Но интересующего вопроса среди защищенных диссертаций не встречается.

Подводя итоги, можно сказать, что поскольку вопросы изготовления царской одежды затрагивают не только экономические, но и политические, культурологические и социальные аспекты, то и спектр историографических работ достаточно широк. В досоветской историографии были созданы труды о развитии торговых отношений, связи производства с рынком, роли государства в этих процессах, что было обосновано развитием капиталистических отношений в стране и возрастанием интереса к

материальным и письменным источникам, в том числе и воспоминаниям иностранцев. Дворцовые мастерские XVII века в то время не вошли в сферу интересов исследователей ни экономической, ни государственной школ. В связи с активным исследованием архивных документов в трудах советских историков отражены бытовые условия жизни и работы мастеров.

В современной историографии наиболее многочисленная группа существующих изданий посвящены описанию внешнего вида царской одежды, часть из которых либо раскрывает узкие темы (художественные особенности, анализ тканей), либо посвящена отдельному периоду, либо характеризует интересующий вопрос лишь вскользь, в рамках другой темы. Отдельно производству посвящено всего несколько исследований, преимущественно рассматривающих организацию труда ткачей и мастериц в Кадашевской слободе. Формам и организации производства царской одежды в Государевой и Царицыной мастерских палатах на территории Московского Кремля, а также в царских селах Ярославского уезда пока не уделено должного внимания. Открываются перспективы восстановления облика мастерских, условий и распорядка работы, технологий и используемого инвентаря, процесса закупок и поставки материалов; широкие возможности для исследования вопросов хранения тканей и готовой продукции, фиксирования фактов ремонта и поновления одежды для царя и царицы. Существующие пробелы в историографии поставленной проблемы могут быть компенсированы комплексным исследованием данного вопроса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Евреинов, П.М.* Краткое описание Московской оружейной палаты [Текст] / П.М. Евреинов. – М.: Типография А. Семена, 1834. – 228 с.
2. *Свиньин, П.П.* Указатель главнейших достопримечательностей, сохраняющихся в Московской Оружейной палате [Текст] / П.П. Свиньин. – СПб.: Типография А. Смирдина, 1826. – 130 с.
3. *Вельтман, А.Ф.* Московская Оружейная палата [Текст] / А.Ф. Вельтман. – М.: Типография Н.Степанова, 1844. – 171 с.
4. *Савваитов, П.И.* Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей Московской Оружейной палаты [Текст] / П.И. Савваитов. – СПб.: Академия наук, 1865. – 351 с.
5. *Костомаров, Н.И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях [Текст] / Н.И. Костомаров. – СПб.: Типография К. Вульфа, 1860. – 218 с.
6. *Забелин, И.Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях [Текст]: в 2 т. Т. 1., Ч. 2. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 522 с.
7. Древности Государства Российского. [Текст]: 6 отделений. Отд. 2: Древний чин царский, царская утварь и одежды / Ф. Г. Солнцев. – М.: Типография А. Семена, 1851. – 119 с.
8. *Лешков, В.Н.* Русский народ и государство (История русского общественного права до XVIII века) [Текст] / В.Н. Лешков. – М.: Университетская типография, 1858. – 612 с.
9. *Рычков, И.И.* О цехах в России и Западной Европе [Текст] / И.И. Рычков // Русский вестник. – М., 1863. – Т. 47. – С. 789-822.
10. Сравнительно-исторический очерк организации ремесленной промышленности в России и Западно-европейских государствах. [Текст] / Н. Степанов. – Киев, Университетская Типография, 1864. – 164 с.
11. *Корсак, А.К.* О формах промышленности вообще и значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России [Текст] / А.К. Корсак. – М.: Типография Грачева и К°, 1861. – 314 с.
12. *Довнар-Запольский, М.В.* Торговля и промышленность Москвы XVI–XVII вв. [Текст] / М.В. Довнар-Запольский. – М.: Типография Русского Товарищества, 1910. – 106 с.
13. Московская деловая и бытовая письменность XVII века [Текст] / Под ред. С.И. Котков, А.С. Орешников, И.С. Филиппова. – М.: Наука, 1968. – 340 с.
14. Оружейная палата: Путеводитель [Текст] / Под ред. Ю.В. Арсеньев, В.К. Трутовский. – М.: Типография Общества распространения полезных книг, 1911. – 339 с.
15. *Базилевич, К.В.* Кадашевцы, дворцовые ткачи полотен XVII века [Текст] / К.В. Базилевич // Труд в России. – Кн. 2. – Л., 1924. – С. 3-17.
16. *Кудряшов, К.В.* Москва в далеком прошлом. Очерки городской жизни, быта и нравов Москвы XVI–XVII вв. [Текст] / К.В. Кудряшов, А.М. Яновский. – М.: Московский рабочий, 1962. – 395 с.
17. *Мартынов, А.А.* Государев Хамовный двор в московской Кадашевской слободе (Постройка на нем новых зданий в 1658–1661 гг.) [Текст] / А.А. Мартынов // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – Кн. 2, т. 173. – М.: Университетская типография, 1895. – С. 1-15.
18. *Подольский, Р.П.* Государев Хамовный двор в Кадашевской слободе в Москве [Текст] / Р.П. Подольский // Сообщения Института истории искусств. Вып. I. – М.-Л.: Академия наук СССР, 1951. – С. 84-111.
19. *Смирнов, П.П.* Московские ткачи XVII в. и их привилегии [Текст] / П.П. Смирнов // Труды Средне-Азиатского государственного университета. – Серия III а. История. – Вып. 1. – Ташкент: Изд-во Средне-Азиатского государственного университета, 1928. – 28 с.
20. *Струмилин, С.Г.* Царская мануфактура XVII века [Текст] / С.Г. Струмилин // Крепостная мануфактура в России. – Ч. III. – Л.: Академия наук СССР, 1932. – С. XIII-XXXI.

21. *Якобсон, А.Л.* Ткацкие слободы в селе в XVII в. (Кадашево, Хамовники, Брейтово, Черкасово) [Текст] / А.Л. Якобсон. – М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. – 61 с.
22. *Буганов, В.И.* Мир истории. Россия в XVII столетии [Текст] / В.И. Буганов. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 76 с.
23. *Новицкий, Г.А.* Из истории насаждения суконных фабрик в 17 в. [Текст] / Г.А. Новицкий // Труд в России. – Кн. 2. – Л., 1924. – С. 19-31.
24. *Сыромятников, Б.И.* Очерк истории русской текстильной промышленности в связи с историей русского народного хозяйства [Текст] / Б.И. Сыромятников. – Иваново-Вознесенск: Основа, 1925. – 93 с.
25. *Богоявленский, С.К.* Приказные судьи XVII века [Текст] / С.К. Богоявленский. – М.-Л.: Академия наук СССР, 1946. – 316 с.
26. *Устюгов, Н.В.* Ремесло и мелкотоварное производство в XVII веке [Текст] / Н.В. Устюгов // Исторические записки. – Т. 34. – М., 1950. – С. 167-177.
27. *Сакович, С.И.* Торговля мелочными товарами в Москве в конце XVII в. [Текст] / С.И. Сакович // Исторические записки. – Т. 20. – М., 1946. – С. 130-149.
28. *Пажитнов, К.А.* Проблема ремесленных цехов в законодательстве абсолютизма [Текст] / К.А. Пажитнов. – М.: Академия наук СССР, 1952. – 211 с.
29. *Пажитнов, К.А.* Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России: в 2 ч. [Текст] / К.А. Пажитнов. – М.: Академия наук СССР, 1955. – 246 с.
30. *Тверская, Д.И.* Москва второй половины XVII века – центр складывающегося Всероссийского рынка [Текст] / Д.И. Тверская. – М.: Советская Россия, 1959. – 123 с.
31. *Рабинович, М.Г.* О древней Москве: Очерки материальной культуры и быта горожан в XI – XVI вв. [Текст] / М.Г. Рабинович. – М.: Наука, 1964. – 354 с.
32. *Рабинович, М.Г.* Одежда русских XIII – XVII вв. [Текст] / М.Г. Рабинович // Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки / Отв. ред. В.А. Липинская. – М.: Индрик, 2011. – 776 с.
33. *Рабинович, М.Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. [Текст] / М.Г. Рабинович, В.В. Покшишевский, К.В. Чистов. – М.: Наука, 1988. – 312 с.
34. *Маясова, Н.А.* Методика исследования памятников древнерусского лицевого шитья [Текст] / Н.А. Маясова // Материалы и исследования ГММК. – М.: Искусство, 1973. – Вып. 1. – С. 111-131.
35. *Маясова, Н.А.* Древнерусское шитье [Текст] / Н.А. Маясова. – М.: Искусство, 1971. – 154 с.
36. Очерки русской культуры XVII века [Текст]: в 2 ч. Ч. 1. Материальная культура. Государственный строй / Под ред. А.В. Арциховского. – М.: Издательство МГУ, 1979. – С. 202-219.
37. *Левинсон-Нечаева, М.Н.* Одежда и ткани XVI–XVII вв. [Текст] / М.Н. Левинсон-Нечаева // Государственная Оружейная палата Московского кремля. – М.: Искусство, 1954. – С. 307-384.
38. *Киреева, Е.В.* История костюма. Европейский костюм от античности до XX в. [Текст] / Е.В. Киреева. – М.: Просвещение, 1976. – 166 с.
39. *Брун, В.* История костюма от древности до нового времени. [Текст] / В. Брун, М. Тильке. – М.: Эксмо, 1995. – 462 с.
40. *Орленко, Л.В.* История текстиля и моды: учебное пособие [Текст] / Л.В. Орленко. – М.: Академия, 1997. – 475 с.
41. *Андреева, Р.П.* Энциклопедия моды [Текст] / Р.П. Андреева. – СПб.: Литера, 1997. – 416 с.
42. *Плаксина, Э.Б.* История костюма. Стили и направления [Текст] / Э.Б. Плаксина, Л.А. Михайловская, В.П. Попов. – М.: Академия, 2003. – 224 с.
43. *Суслина, Е.Н.* Повседневная жизнь русских щеголей и модниц [Текст] / Е.Н. Суслина. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 424 с.
44. *Комиссаржевский, Ф.Ф.* История костюма [Текст] / Ф.Ф. Комиссаржевский. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 306 с.
45. *Захаржевская, Р.В.* История костюма [Текст] / Р.В. Захаржевская. – М.: РИПОЛ классик, 2009. – 432 с.
46. *Андреева, А.Ю.* Костюм русской знати. От Византии до модерна [Текст] / А.Ю. Андреева. – СПб.: Паритет, 2009. – 176 с.

47. Кирсанова, Р.М. Русский костюм и быт XVIII – XIX вв. [Текст] / Р.М. Кирсанова. – М.: Слово, 2002. – 219 с.
48. Кирсанова, Р.М. Костюм в русской художественной культуре [Текст] / Р.М. Кирсанова. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. – 386 с.
49. Политковская, Е.В. Как одевались в Москве и ее окрестностях в XVI – XVIII веках [Текст] / Е.В. Политковская. – М.: Наука: Флинта, 2005. – 176 с.
50. Цесевичене, О.А. «Свое-чужое» в русской моде XVII–XX вв. [Текст] / О.А. Цесевичене. – Екатеринбург: Издательство РГППУ, 2010. – 25 с.
51. Иностранцев, К. Из истории старинных тканей: Алтабас, Дороги, Зендель, Миткаль, Мухояр [Текст] / К. Иностранцев // Записки Восточного отделения императорского Археологического общества. – Т. XIII, вып. IV. – СПб., 1901.
52. Левинсон-Нечаева, М.Н. Ткачество. Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. [Текст] / М.Н. Левинсон-Нечаева // Труды ГИМ. – Вып. 33. – М., 1939. – С. 9-37.
53. Вишневецкая, И.И. Драгоценные ткани [Текст] / И.И. Вишневецкая. – М.: ИПЦ «Художник и книга», 2007. – 180 с.
54. Круглова, А.Р. Золотошвейное рукоделие великокняжеских и царских мастерских: XV–XVI вв.: Дис. ... канд. ист. наук [Текст] / А.Р. Круглова. – СПб., 2009. – 268 с.
55. Амелехина, С.А. Культурно-историческая эволюция формы и символики церемониальных костюмов при Российском императорском дворе XVIII–XIX вв.: Дис. ... канд. ист. наук [Текст] / С.А. Амелехина. – М., 2003. – 235 с.
4. Bazilevich K.V., “Kadashevcy, dvorcovye tkachi poloten XVII veka”, in: *Trud v Rossii*, Vol. 2, Leningrad, 1924, pp. 3-17. (in Russian)
5. Bogojavlenskij S.K., *Prikaznye sudi XVII veka*, Moscow, Leningrad, Akademija nauk USSR, 1946, 316 p. (in Russian)
6. Brun V., Tilke M., *Istorija kostjuma ot drevnosti do novogo vremeni*, Moscow, Jeksmo, 1995, 462 p. (in Russian)
7. Buganov V.I., *Mir istorii. Rossija v XVII stoletii*, Moscow, Molodaja gvardija, 1989, 76 p. (in Russian)
8. Cesevichene O.A., “*Svoe – chuzhoe*” v russkoj mode XVII – XX vv., Ekaterinburg, 2010, 25 p. (in Russian)
9. Dovnar-Zapolskij M.V., *Torgovlja i promyshlennost Moskvy XVI – XVII vekov*, Moscow, Tipografija Russkogo Tovarishhestva, 1910, 106 p. (in Russian)
10. *Drevnosti Gosudarstva Rossijskogo, Otd. 2, Drevnij chin carskij, carskaja utvar i odezhdy*, Moscow, Tipografija A. Semena, 1851, 119 p. (in Russian)
11. Evreinov P.M., *Kratkoe opisanie Moskovskoj oruzhejnoj palaty*, Moscow, Tipografija A. Semena, 1834, 228 p. (in Russian)
12. Inostrancev K., Iz istorii starinnyh tkanej: Altaabas, Dorogi, Zendel, Mitkal, Muhojar, *Zapiski Vostochnogo otdelenija imperatorskogo Arheologičeskogo obshhestva*, Vol. XIII, vyp. IV, St.Petersburg, 1901. (in Russian)
13. Jakobson A.L., *Tkackie slobody v sele v XVII v. (Kadashevo, Hamovniki, Brejtovo, Cherkasovo)*, Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe socialno-jekonomičeskoe izdatelstvo, 1934, 61 p. (in Russian)
14. Kireeva E.V., *Istorija kostjuma. Evropejskij kostjum ot antichnosti do XX v.*, Moscow, Prosveshhenie, 1976, 166 p. (in Russian)
15. Kirsanova R.M., *Kostjum v russkoj hudozhestvennoj kulture*, Moscow, Bolshaja Rossijskaja jenciklopedija, 1995, 386 p. (in Russian)
16. Kirsanova R.M., *Russkij kostjum i byt XVIII – XIX vv.*, Moscow, Slovo, 2002, 219 p. (in Russian)
17. Komissarzhevskij F.F., *Istorija kostjuma*, Moscow, Astrel, ACT, Ljuks, 2005, 306 p. (in Russian)

REFERENCES

1. Amelehina S.A., *Kulturno-istoričeskaja jevoljucija formy i simvoliki ceremonialnyh kostjumov pri Rossijskom imperatorskom dvore XVIII – XIX vekov*, PhD dissertation (History). Moscow, 2003, 235 p. (in Russian)
2. Andreeva A.Ju., *Kostjum russkoj znati. Ot Vizantii do moderna*, St.Petersburg, Paritet, 2009, 176 p. (in Russian)
3. Andreeva R.P., *Enciklopedija mody*, St. Petersburg, Litera, 1997, 416 p. (in Russian)

18. Korsak A.K., *O formah promyshlennosti voobshhe i znachenii domashnego proizvodstva (kustarnoj i domashnej promyshlennosti) v Zapadnoj Evrope i Rossii*, Moscow, Tipografija Gracheva i Ko., 1861, 314 p. (in Russian)
19. Kostomarov N.I., *Oчерk domashnej zhizni i nравov velikorusskogo naroda v XVI i XVII stoletijah*, St.Petersburg, Tipografija K. Vulfa, 1860, 218 p. (in Russian)
20. Kruglova A.R., *Zolotoshvejnoe rukodelie velikoknjazheskih i carskih masterskih: XV – XVI vv., PhD dissertation (History)*, St. Petersburg, Kolo, 2009, 268 p. (in Russian)
21. Kudrjashov K.V., Janovskij A.M., *Moskva v dalekom prošlom. Oчерki gorodskoj zhizni, byta i nравov Moskvy XVI–XVII vekov*, Moscow, Moskovskij rabochij, 1962, 395 p. (in Russian)
22. Leshkov V.N., *Russkij narod i gosudarstvo (Istorija russkogo obshhestvennogo prava do XVIII veka)*, Moscow, Universitetskaja tipografija, 1858, 612 p. (in Russian)
23. Levinson-Nechaeva M.N., “Odezhda i tkani XVI–XVII vv.”, in: *Gosudarstvennaja Oruzhejnaja palata Moskovskogo kremlja*, Moscow, Iskusstvo, 1954, pp. 307-384. (in Russian)
24. Levinson-Nechaeva M.N., “Tkachestvo. Oчерki po istorii russkoj derevni X–XIII vv.”, in: *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeya*, Vyp. 33, Moscow, 1939, p. 937. (in Russian)
25. Majasova N.A., *Drevnerusskoe shite*, Moscow, Iskusstvo, 1971, 154 p. (in Russian)
26. Majasova N.A., “Metodika issledovanija pamjatnikov drevnerusskogo licevogo shitja”, in: *Materialy i issledovanija Gosudarstvennykh muzeev Moskovskogo Kremlya (GMMK)*, Moscow, Iskusstvo, 1973, Vyp. 1, pp. 111-131. (in Russian)
27. Martynov A.A., Gosudarev Hamovnyj dvor v moskovskoj Kadashevskoj slobode (Postrojka na nem novyh zdaniy v 1658–1661 gg), *Chtenija v Imperatorskom obshhestve istorii i drevnostej rossijskih pri Moskovskom universitete*, Kn. 2, Vol. 173, Moscow, Universitetskaja tipografija, 1895, pp. 1-15. (in Russian)
28. *Moskovskaja delovaja i bytovaja pismennost XVII veka*, Moscow, Nauka, 1968, 340 p. (in Russian)
29. Novickij G.A., “Iz istorii nasazhdenija sukonnyh fabrik v 17 veke”, in: *Trud v Rossii*, Kniga 2, Leningrad, 1924, pp. 19-31. (in Russian)
30. *Oчерki russkoj kultury XVII veka*, Moscow, Izdatelstvo Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 1979. Vyp. 1, pp. 202-219. (in Russian)
31. Orlenko L.V., *Istorija tekstilja i mody: uchebnoe posobie*, Moscow, Akademiya, 1997, 475 p. (in Russian)
32. *Oruzhejnaja palata: Putevoditel*, Moscow, Tipografija Obshhestva rasprostraneniya poleznyh knig, 1911, 339 p. (in Russian)
33. Pazhitnov K.A., *Oчерki istorii tekstilnoj promyshlennosti dorevoljucionnoj Rossii*, Moscow, Akademiya nauk USSR, 1955, 246 p. (in Russian)
34. Pazhitnov K.A., *Problema remeslennyh cehov v zakonodatelstve absolyutizma*, Moscow, Akademiya nauk USSR, 1952, 211 p. (in Russian)
35. Plaksina Je.B., Mihajlovskaja L.A., Popov V.P., *Istorija kostjuma. Stili i napravlenija*, Moscow, Akademiya, 2003, 224 p. (in Russian)
36. Podolskij R.P., Gosudarev Hamovnyj dvor v Kadashevskoj slobode v Moskve, *Soobshhenija Instituta istorii iskusstv*, Vol. I, Moscow, 1951, pp. 84-111. (in Russian)
37. Politkovskaja E.V., *Kak odevalis v Moskve i ee okrestnostjah v XVI – XVIII vekah*, Moscow, Nauka, Flinta, 2005, 176 p. (in Russian)
38. Rabinovich M.G., *Oчерki materialnoj kultury russkogo feodalnogo goroda*, Moscow, Nauka, 1988, 312 p. (in Russian)
39. Rabinovich M.G., *O drevnej Moskve: Oчерki materialnoj kultury i byta gorozhan v XI – XVI vv.*, Moscow, Nauka, 1964, 354 p. (in Russian)
40. Rabinovich M.G., “Odezhda russkih XIII – XVII vv.”, in: *Russkaja narodnaja odezhda. Istoriko-jetnograficheskie oчерki*, Moscow, Indrik, 2011, 776 p. (in Russian)
41. Rychkov I.I., O cezah v Rossii i Zapadnoj Evrope, *Russkii vestnik*, Moscow, 1863, Vol.47, pp. 789-822. (in Russian)
42. Sakovich S.I., Torgovlja melochnymi tovarami v Moskve v konce XVII v., *Istoricheskie zapiski*, Moscow, 1946, Vol. 20, pp. 130-149. (in Russian)

43. Savvaitov P.I., *Opisanie starinnyh carskih utvarej, odezhd, oruzhija, ratnyh dospehov i konskogo pribora, izvlechennoe iz rukopisej Moskovskoj Oruzhejnoj palaty*, St.Petersburg, Akademiya nauk, 1865, 351 p. (in Russian)
44. Smirnov P.P., "Moskovskie tkachi XVII v. i ih privilegii", in: *Trudy Sredneaziatskogo gosudarstvennogo universiteta*, Seriya III a. Istorija, Vyp. 1, Tashkent, 1928, 28 p. (in Russian)
45. *Sravnitelno-istoricheskij ocherk organizacii remeslennoj promyshlennosti v Rossii i Zapadno-evropejskih gosudarstvah*, Kiev, Universitetskaja Tipografija, 1864, 164 p. (in Russian)
46. Strumilin S.G., Carskaja manufaktura XVII veka, *Krepostnaja manufaktura v Rossii*, Part III, Leningrad, Akademiya nauk USSR, 1932, pp. XIII-XXXI. (in Russian)
47. Suslina E.N., *Povsednevnaia zhizn russkih shhegolej i modnic*, Moscow, Molodaja gvardija, 2003, 424 p. (in Russian)
48. Svinin P.P., *Ukazatel glavnejshih dostoprimechatel'nostej, sohranjajushhihsja v Moskovskoj Oruzhejnoj palate*, St. Petersburg, Tipografija A. Smirdina, 1826, 130 p. (in Russian)
49. Syromjatnikov B.I., *Ocherk istorii russkoj tekstilnoj promyshlennosti v svyazi s istoriej russkogo narodnogo hozjajstva*, Ivanovo-Voznesensk, Osnova, 1925, 93 p. (in Russian)
50. Tverskaja D.I., *Moskva vtoroj poloviny XVII veka – centr skladyvajushhegosja Vserossijskogo rynka*, Moscow, Sovetskaja Rossija, 1959, 123 p. (in Russian)
51. Ustjugov N.V., Remeslo i melkotovarnoe proizvodstvo v XVII veke, *Istoricheskie zapiski*, Vol. 34, Moscow, 1950, pp. 167-177. (in Russian)
52. Veltman A.F., *Moskovskaja Oruzhejnaja palata*, Moscow, Tipografija N. Stepanova, 1844, 171 p. (in Russian)
53. Vishnevskaja I.I., *Dragocennye tkani*, Moscow, Hudozhnik i kniga, 2007, 180 p. (in Russian)
54. Zabelin I.E., *Domashnij byt russkogo naroda v XVI i XVII stoletijah, Vol. 1, Part 2, Domashnij byt russkih carej v XVI i XVII stoletijah*, Moscow, Jazyki russkoj kultury, 2000, 522 p. (in Russian)
55. Zaharzhenskaja R.V., *Istorija kostjuma*, Moscow, RIPOL klassik, 2009, 432 p. (in Russian)

Русова Юлия Сергеевна, аспирантка, кафедра истории России, Московский педагогический государственный университет, Julia.rusova@gmail.com

Rusova Yu.S., Post-Graduate Student, History of Russia Department, Moscow State University of Education, Julia.rusova@gmail.com

УДК 37.08
ББК 74.03(2)

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ПЕРСОНАЛА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Д.В. Волошин

Аннотация. В статье впервые в отечественной научной практике предпринимается попытка создания системы историографических знаний о профессиональной подготовке отечественного пенитенциарного персонала по материалам опубликованных российских дореволюционных источников, в том числе малоизученных или впервые вводимых в исследовательский оборот. Автор выделяет плеяду отечественных ученых и государственных деятелей, чьи исследования тюремного дела и научно-публицистические труды позволили теоретически обосновать, а позднее и экспериментальным / практическим путем доказать необходимость подготовки пенитенциарного персонала в России. Они – как современники – стали первыми исследователями проблемы. В статье выделены работы, имеющие системный характер и оказавшие существенное влияние на подготовку отечественного пенитенциарного персонала в процессе ее зарождения и становления. Автор считает, что проведенное историографическое исследование позволяет расширить объектную сферу историко-педагогических исследований процесса зарождения и становления профессиональной подготовки пенитенциарного персонала в России.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, пенитенциарный персонал, историография, И.Я. Фойницкий, Н.Ф. Лучинский, С.В. Познышев, Н.С. Таганцев.

PROFESSIONAL TRAINING OF PENITENTIARY STAFF IN PRE-REVOLUTIONARY HISTORIOGRAPHY

D.V. Voloshin

Abstract. The article attempts to create a system of historiographical knowledge about training domestic staff on the materials published by the Russian pre-revolutionary sources, including those poorly-studied. The author

allocates a group of Russian scientists and public figures, whose studies of prison business and journalistic works allow to justify theoretically, and later experimentally / practically the need for the training of prison staff in Russia. They, as contemporaries, have become the first researchers of the problem. The article highlights the work which had a systemic nature and a significant impact on the domestic training of the penitentiary staff in the process of its emergence and development. The author considers that historiography research allows to extend the object field of historical and pedagogical study of the process of emergence and development of professional training for prison staff in Russia.

Keywords: *professional training, penitentiary staff, historiography, I.J. Foinitsky, N.F. Luchinsky, S.V. Poznyshev, N.S. Tagantsev.*

Отечественная дореволюционная историография, посвященная проблеме подготовки персонала для пенитенциарной системы России, восходит к рубежу последней трети XIX века. Несмотря на значительный пласт источников и исследований собственно генезиса отечественной дореволюционной тюремной системы, крайне мала совокупность специальных исследовательских работ по заявленной тематике, также практически отсутствуют работы биографического или автобиографического характера (пожалуй, за исключением опубликованных материалов К.К. Грота¹ [1]).

К сожалению, специальных исследований вопросов подготовки пенитенциарного персонала в императорской России не проводилось, но с последней трети XIX века ученые – юристы, публицисты, исследователи тюремной системы и ее практические работники стали предприни-

мать попытки осмысления предназначения тюремного персонала, необходимости повышения его общеобразовательного уровня и профессиональной компетентности. Проблемы профессиональной компетентности и вопросы подготовки пенитенциарного персонала, встречающиеся в подобных публикациях, не являлись детально проработанными, носили разрозненный фрагментарный характер, были незначительными по объему (от одного абзаца до небольшого параграфа), однако способствовали расширению представления о предпосылках подготовки служащих для отечественной тюремной системы. Причем «участие» в этом процессе принимали как служащие по тюремному ведомству чиновники, так и общественные деятели, и публицисты [2–6].

Значимый фактический материал, раскрывающий отношение высокопоставленных российских чинов-

¹ Член Государственного совета Российской империи, статс-секретарь. В 1877 г. под его руководством была образована особая комиссия по тюремной реформе, завершившаяся созданием в 1879 г. единого государственного органа управления отечественной пенитенциарной системой – Главного тюремного управления.

ников к проблемам профессиональной подготовки отечественного пенитенциарного персонала, содержится в материалах международных тюремных конгрессов [7–11]. Их, с определенной долей условности, относим к отечественной источниковой базе исследования проблемы. Так, полномочный представитель от правительства России на Втором (Стокгольмском) тюремном конгрессе в 1878 г. Константин Карлович Грот, находил на тот момент «ненужным устройством специальных школ для приготовления тюремных надзирателей», хотя на Конгрессе неоднократно отмечалось что в России такие учебные заведения отсутствуют, хотя даже тюрьмы «подчиняются людям мало способным» [7, с. 31, 175]. Позднее, докладывая о конгрессе Александру II, он обосновывает свое решение отсутствием у большей части всей тюремной администрации хотя бы общего образования. В таких условиях «начинать образовывать тюремный персонал с низших» должностей «едва ли было бы рационально», тогда как высшую тюремную администрацию для подготовки необходимо было вовсе посылать за границу (делалось это по одному человеку от МВД и Минюста). Но такие меры виделись явно недостаточными, и К.К. Грот предлагал Императору «усилить меры к приготовлению ... сведущих тюремных чиновников» и иными способами. Однако дальше положительной резолюции Александра II («Желаю весьма, чтобы оно имело практический результат и для нас» [1, прил. с. 58-59]) дело подготовки тюремных служащих долгое время, к сожалению, не могло сдвинуться от своеобразной нулевой отметки.

В научной среде одним из первых в России проблемами профессиональной подготовки пенитенциарного персонала озаботился в последней трети XIX века видный русский криминалист и правовед, внедривший в юридический оборот понятие «тюрьмоведение», – Иван Яковлевич Фойницкий [12]. В своем «Учении о наказании в связи с тюрьмоведением» 1889 г. [13] он поднимает «коренной вопрос тюремной политики» – о «лицах, руководящих тюремной деятельностью». Им обосновывается вывод о необходимости в России специального образования для специалистов тюремного дела, имеющего «несравненно более важное значение», чем за границей, ведь «на организацию тюремного персонала путем практической подготовки в наших тюрьмах нечего надеяться». Также в указанном исследовании ученым были раскрыты истоки профессиональной подготовки пенитенциарного персонала за рубежом и способы рекрутирования в тюремную администрацию. Интерес для исследователей представляет также следующая позиция ученого. Будучи признанным специалистом в области теории исполнения наказаний, И.Я. Фойницкий отмечал недостаточную для тюремного дела профессиональную пригодность привлекаемых для этой работы отставных армейских чинов [13, с. 428-429]. В последующем никто из авторитетных современников даже не осмеливался высказываться с подобных позиций. Это может говорить не только о серьезном научном авторитете ученого, но и о его деятельном желании сделать отечественный пенитенциарный персонал более профессио-

нально подготовленным, не взирая при этом на возможные неприятности со стороны военных, исторически имевших в государстве сильные административные позиции, при несомненно благосклонном отношении Императора и руководства тюремного ведомства, да и практически всего российского общества.

Знаковая работа выдающегося русского юриста Николая Степановича Таганцева «Лекции по Русскому уголовному праву» 1892 г. [14] также не оставила в стороне казалось бы совсем второстепенный по отношению к уголовному праву, вопрос о подготовке отечественного пенитенциарного персонала. Ученый, будучи солидарен с И.Я. Фойницким, признавал «краеугольным камнем всего тюремного дела» именно вопрос местного тюремного управления. Он справедливо замечал, что «ныне считается желательным, чтобы все члены тюремного персонала, в особенности более высшие, кроме общего образования, получали специальную подготовку при тюрьмах» [14, с. 1615].

О назревшей необходимости подготовки качественно нового профессионального пенитенциарного персонала можно судить по тому факту, что государство поддержало инициативу Московского дамского благотворительно-тюремного комитета об открытии в Москве при этой общественной организации школы тюремных надзирательниц [15]. В мае 1898 г. Министром юстиции был утвержден ее Устав, выработанный Правлением комитета. Этот опубликованный и во многом инновационный для отечественного пенитенциарного ведомства документ содержал ряд педаго-

гических новшеств, используемых до настоящего времени (напр., взаимосвязь первоначальной теоретической аудиторной подготовки и последующего практического обучения на местах предстоящей трудовой деятельности) [16, с. 259-263].

Недостаточно изученной, но представляющей практический исследовательский интерес стала работа Русской группы Международного союза криминалистов в 1904 г. Например, объемная аналитическая работа Альфонса Васильевича Витте, представленная в форме доклада на заседании Комитета Русской группы Международного союза криминалистов (под председательством И.Я. Фойницкого) в апреле 1904 г. [17]. Будучи в ту пору не только членом указанного Комитета, но и председателем Томского окружного суда, А.В. Витте, по собственному выражению, видел «самое больное место нашей тюремной организации» – пенитенциарный персонал на местах. Для их «излечения» им был выдвинут важный постулат о необходимости проведения «теоретико-практического курса тюремоведения» для будущих руководителей тюремных заведений и создания «учебных команд» (сходных по целям с современной работой по подготовке кадрового резерва) для надзирателей, имеющих практический опыт и соответствующие способности для занятия руководящих должностей [17, с. 312-313].

Вопросы профессиональной подготовки пенитенциарного персонала поднимались и в работе другого участника Русской группы – Константина Владимировича Шаврова [18]. Его восприятие подготовки и подготовленности кадров строилось

на концепции, где «высокий ценз для лиц тюремного персонала» выступал бы гарантией законности в тюрьмах. К числу «особых мер для комплектования», помимо собственно подготовки в особых школах, он относил «тщательный выбор» и достойное материальное обеспечение, отчасти сравнивая «высокую миссию» тюремного персонала и судей [18, с. 72-74].

В процессе изучения историко-педагогических документов приходим к выводу, что впервые на российском уровне с инициативой о создании государственного образовательного учреждения по профессиональной подготовке пенитенциарного персонала выступил в начале 1903 года на страницах официального органа российского тюремного ведомства – журнала «Тюремный вестник» – начальник Санкт-Петербургской тюрьмы Василий Андреевич Чунихин [19].

В статье, в числе прочего, впервые в отечественной педагогической истории были сформулированы основные принципы профессиональной подготовки пенитенциарного персонала в России. Видение этого процесса у В.А. Чунихина во многом совпадало с мнением другого прогрессивного чиновника Николая Флориановича Лучинского. При изучении их произведения по данной проблематике складывается устойчивое мнение о сознательном «совместном» творчестве этих двух чиновников [20].

Именно Н.Ф. Лучинскому принадлежит первое серьезное исследование проблем профессиональной подготовки отечественного пенитенциарного персонала. На обширном научно-исследовательском материа-

ле [21] и последовавшей за ним книгой «Основы тюремного дела» 1904 г. [22] он впервые в отечественной науке создал единую теоретическую образовательную концепцию профессиональной подготовки отечественного пенитенциарного персонала. Наибольшую известность и цитируемость из дореволюционной историографии профессиональной подготовки пенитенциарного персонала имеет именно данная работа Н.Ф. Лучинского, по праву заслужившая положительных оценок современников [23].

Образовательные идеи, научные взгляды и размышления Н.Ф. Лучинского легли в основу дальнейшего развития дореволюционной и ранней послереволюционной системы подготовки отечественного пенитенциарного персонала. Его профессионально-педагогическая парадигма на много лет вперед заложила вектор развития профессиональной подготовки отечественного пенитенциарного персонала и представляет сегодня наибольший исследовательский интерес.

Вопросы подготовки пенитенциарного персонала рассматривал профессор Сергей Викторович Познышев, издавший в 1913 г. в виде авторского курса лекций «Очерки тюремоведения» [24], и на следующий год опубликовавший программный релиз по основам тюремного управления [25]. Несколько ранее (в 1908 г.) общественной организацией студентов – юристов Московского университета был напечатан курс, составленный по лекциям С.В. Познышева, где «важнейшим вопросом» тюремного управления им ставился «вопрос о подготовке хороших тюрем-

ных деятелей» [26, с. 124-125], ставший прообразом последующих «Очерков тюремного ведения».

Непосредственно вопросы профессиональной подготовки пенитенциарного персонала рассматривались ученым в корреляции с зарубежным (Италия, Бельгия, Япония и др.) образовательно-пенитенциарным опытом. Формулируя собственные представления о тюремном персонале и его подготовке (обязательное наличие опыта профессиональной деятельности – стажа, осуществление специальной пенитенциарной подготовки и проведение особого экзамена на право занятия определенной управленческой должности по тюремному ведомству и др.), С.В. Познышев, вероятно, всецело опирался на концепцию Н.Ф. Лучинского, отчасти расширяя и дополняя ее (например, привнесением в подготовку балльной оценочной системы). Ему же принадлежит и последняя в дореволюционной историографии (вне журнальных статей и очерков) ретроспективная публикация некоторых аспектов зарождения системы подготовки пенитенциарного персонала – второе издание «Очерков тюремного ведения» в 1915 году [27].

По мнению автора данной статьи, именно указанные работы в дореволюционном периоде представляют наибольший интерес для современных исследователей проблем профессиональной подготовки отечественного пенитенциарного персонала. Очевидным достоинством таких книг и публикаций является простота и доступность изложения своих научных позиций, готовность улучшать повседневность и стремление работать на перспективу, глубина

подхода к раскрытию вопросов профессиональной подготовки пенитенциарного персонала и словарная доходчивость. Их авторов отличает четкость суждений и осознание остроты проблемы, основанное не на высказываниях предшественников, а на собственном познании жизни (профессиональном – как чиновника, и научном – как ученого).

Хотя вопросы профессиональной подготовки пенитенциарных кадров, рассматриваемые в названных работах, все же не являлись ключевыми, они способствовали углублению познания кадрового вектора и образовательного потенциала российского пенитенциарного ведомства.

К сожалению, вынуждены констатировать, что на тот момент педагогическая наука, скорее всего, не находила возможности посвящать рассматриваемой теме значимые самостоятельные исследования. Автору статьи не удалось найти ни одной, представляющей значение для современности, отечественной педагогической исследовательской (не ретроспективной) работы, в которой поднимались бы вопросы профессиональной подготовки тюремного персонала в любом образовательном аспекте.

В данной статье не ставилась задача обозначить все дореволюционные научные работы в области профессиональной подготовки пенитенциарного персонала в России или назвать все достойные упоминания имени. Главным критерием выступало стремление проследить наиболее общие научные тенденции и показать важнейшие предпосылки в процессе зарождения (генезиса) и начального развития.

Комплексный анализ дореволюционной историографии проблемы позволяет сделать вывод о том, что специальные самостоятельные исследовательские работы по подготовке отечественного пенитенциарного персонала в указанный период не проводились. Однако имеющиеся в распоряжении и рассмотренные выше источники в совокупности позволяют сформулировать историографическую систему дореволюционных воззрений по вопросам профессиональной подготовки отечественного пенитенциарного персонала, воспринимая их как теоретические предпосылки и обоснования организации такой деятельности. Ракурс данных работ позволяет рассмотреть проблему зарождения и становления подготовки пенитенциарного персонала в контексте общественно-государственной жизни того времени и значимости тюремного вопроса (а значит, и подготовки такого персонала) для России.

Представляется, что проведенный историографический анализ будет способствовать обогащению современной историко-педагогической науки и содействовать творческому использованию опыта прошлого для новых научных исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Константин Карлович Грот, как государственный и общественный деятель (12 января 1815 – 30 октября 1897). Мат. для его биографии и характеристики. К столетию со дня его рождения. Т. 1 [Текст]. – Петроград: Тип. М.А. Александрова, 1915.
2. *Никитин, В.Н.* Тюрма и ссылка. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из под стражи, со времени возникновения русской тюрьмы, до наших дней: 1560 – 1880 г. [Текст] / В.Н. Никитин. – СПб.: Тип. Г. Шпарварт, 1880.
3. Правила службы тюремных надзирателей и надзирательниц [Текст] / Сост. С.Р. Влащенко. – Саратов: паровая скоропечатня Губ. правл., 1896.
4. *Крапоткин, П.А.* Русские тюрьмы / Тюреммы, ссылки и каторга в России [Текст] / П.А. Крапоткин. – СПб., 1906.
5. *Набоков, В.* Тюремные досуги [Текст] / В. Набоков. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1908.
6. Тюрма: Краткое руководство для лиц, желающих поступить на тюремную службу [Текст] / Сост. А.А. Саат. – Ревель: Тип. И. и А. Пальман, 1912.
7. Второй Международный тюремный конгресс. Стокгольм, август 1878 г. [Текст] / Сост. Э.И. Мишле. – СПб.: Тип. П.И. Шмидта, 1878.
8. А.Л. Свод решений международных тюремных конгрессов Лондонского (1872 г.), Стокгольмского (1878 г.), Римского (1885 г.) и С.-Петербургского (1890 г.) [Текст] / А.Л. // Тюремный вестник. – 1894. – № 5. – С. 246-264.
9. *Жижиленко, А.* Международный пенитенциарный конгресс в Брюсселе 1900 года [Текст] / А. Жижиленко // Вестник права. – 1901. – № 3. – С. 126-159.
10. Постановления шести Международных тюремных конгрессов и систематический указатель к ним [Текст] / Сост. Ф.Н. Малинин // Тюремный вестник. – 1904. – Прил. к № 9.
11. *Люблинский, П.И.* Итоги международного конгресса в Вашингтоне (Окончание) [Текст] / П.И. Люблинский // Журнал Министерства юстиции. – 1911. – № 3. – С. 87-128.
12. *Фойницкий, Ив.* Тюремная реформа и тюремноеведение. Вступительная лекция, прочтенная в С.-Петербургском университете 8-го января 1874 года [Текст] / Ив. Фойницкий // Журнал гражданского и уголовного права. – 1874. – Кн. первая. – Январь-февраль. – С. 185-206.
13. *Фойницкий, И.Я.* Учение о наказании в связи с тюремноеведением [Текст] / И.Я. Фой-

- ницкий. – СПб.: Тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1889.
14. Таганцев, Н.С. Лекции по Русскому уголовному праву. Часть общая. Вып. 4 и последний [Текст] / Н.С. Таганцев. – СПб., 1892.
  15. Волошин, Д.В. Московская школа тюремных надзирательниц как первое учебное заведение по подготовке пенитенциарного персонала в России [Текст] / Д.В. Волошин // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. – 2015. – № 2 (21). – С. 24-27.
  16. Устав Школы тюремных надзирательниц при Московском дамском благотворительно-тюремном комитете [Текст] // Тюремный вестник. – 1898. – № 6. – С. 259-263.
  17. Витте, А.В. [Доклад] Об улучшении тюремной администрации [Текст] / А.В. Витте // Журнал Министерства юстиции. – 1904. – № 8. – С. 305-320.
  18. Шавров, К.В. [Доклад] Судейское усмотрение [Текст] / К.В. Шавров // Международный союз криминалистов. Русская группа. Труды для Киевского съезда русской группы. – СПб., 1904. – С. 55-75.
  19. Чунихин, В. О кадрах тюремных служащих [Текст] / В. Чунихин // Тюремный вестник. – 1903. – № 2. – С. 189-194.
  20. Волошин, Д.В. Историко-педагогическое наследие Н.Ф. Лучинского [Текст] / Д.В. Волошин // Образование и наука. – 2016. – № 6. – С. 187-199.
  21. Лучинский, Н.Ф. Очередные вопросы тюремной жизни [Текст] / Н.Ф. Лучинский // Тюремный вестник. – 1903. – № 3. – С. 259-272.
  22. Лучинский, Н.Ф. Основы тюремного дела. [Текст] / Н.Ф. Лучинский. – СПб.: Изд. ред. журн. «Тюремный вестник», 1904.
  23. Люблинский, П. [Рецензия] Н.Ф. Лучинский Основы тюремного дела [Текст] / П. Люблинский // Журнал Министерства юстиции. – 1904. – № 9. – С. 268-278.
  24. Познышев, С.В. Очерки тюремоведения [Текст] / С.В. Познышев. – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1913.
  25. Познышев, С.В. Тюремное управление. Личный состав служащих по тюремному ведомству [Текст] / С.В. Познышев // Тюремный вестник. – 1914. – № 6-7. – С. 1441-1506.
  26. Учение о карательных мерах и мере наказания // Курс, составленный по лекциям проф. С.В. Познышева. [Текст]. – М.: Издание о-ва взаимопомощи студентов-юристов Московского университета, 1908.
  27. Познышев, С. В. Очерки тюремоведения [Текст]. / С.В. Познышев. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Леман и Плетнев, 1915.

REFERENCES

1. A.L. Svod reshenij mezhdunarodnyh tyuremnykh kongressov Londonskogo (1872 g.), Stokgolmskogo (1878 g.), Rimskogo (1885 g.) i S.-Peterburgskogo (1890 g.), *Tyuremnyj vestnik*, 1894, No. 5. (in Russian).
2. Chunihin V., O kadrah tyuremnykh sluzhashchih, *Tyuremnyj vestnik*, 1903, No. 2. (in Russian).
3. Fojnickij I.Ya., *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyurmovedeniem*, St. Petersburg, 1889. (in Russian).
4. Fojnickij Iv., Tyuremnaya reforma i tyurmovedenie. Vstupitel'naya lekciya, prochtennaya v S.-Peterburgskom universitete 8-go yanvarya 1874 goda, *Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogogo prava*, 1874, Kniga pervaya. (in Russian).
5. Konstantin Karlovich Grot, *kak gosudarstvennyj i obshchestvennyj deyatel (12 yanvarya 1815 – 30 oktyabrya 1897). Materiali dlya ego biografii i harakteristiki. K stoletiyu so dnya ego rozhdeniya*, Vol. 1, Petrograd, 1915. (in Russian).
6. Krapotkin P.A., *Russkie tyurmy. Tyurmy, ssylki i katorga v Rossii*, St. Petersburg, 1906. (in Russian).
7. Luchinskij N.F., Ocherednye voprosy tyuremnoj zhizni, *Tyuremnyj vestnik*, 1903, No. 3. (in Russian).
8. Luchinskij N.F., *Osnovy tyuremnogo dela*, St. Petersburg, 1904. (in Russian).
9. Lyublinskij P., [Recenziya] N.F. Luchinskij Osnovy tyuremnogo dela, *Zhurnal Ministerstva yusticii*, 1904, No. 9. (in Russian).
10. Lyublinskij P.I., Itogi mezhdunarodnogo kongressa v Vashingtone (Okonchanie), *Zhurnal Ministerstva yusticii*, 1911, No. 3. (in Russian).

11. Nabokov V., *Tyuremnye dosugi*, St. Petersburg, 1908. (in Russian).
12. Nikitin V.N., *Tyurma i ssylka. Istoricheskoe, zakonodatelnoe, administrativnoe i bytovoie polozhenie zaklyuchennyh, peresylnyh, ih detej i osvobozhdennyh iz pod strazhi, so vremeni vozniknoveniya russkoj tyurmy, do nashih dnei: 1560–1880 g.*, St. Petersburg, 1880. (in Russian).
13. Postanovleniya shesti Mezhdunarodnyj tyuremnyh kongressov i sistematiceskij ukazatel k nim, ed. F.N. Malinin, *Tyuremnyj vestnik*, 1904, No. 9. App. (in Russian).
14. Poznyshev S.V., *Ocherki tyurmovedeniya*, 2nd ed., Moscow, 1915. (in Russian).
15. Poznyshev S.V., *Ocherki tyurmovedeniya*, Moscow, 1913. (in Russian).
16. Poznyshev S.V., Tyuremnoe upravlenie. Lichnyj sostav sluzhashchih po tyuremnomu ведомству, *Tyuremnyj vestnik*, 1914, No. 6-7. (in Russian).
17. *Pravila sluzhby tyuremnyh nadziratel'ej i nadziratel'nic*, ed. S.R. Vlasenko, Saratov, 1896. (in Russian).
18. Shavrov K.V., “[Doklad] Sudejskoe usmotrenie”, in: *Mezhdunarodnyj soyuz kriminalistov. Russkaya gruppa. Trudy dlya Kievskogo sezda russkoj gruppy*, St. Petersburg, 1904. (in Russian).
19. Tagancev N.S., *Lekcii po Russkomu ugovnomu pravu. Chast' obshchaya. Vyp. 4 i poslednij*, St. Petersburg, 1892. (in Russian).
20. *Tyurma: Kratkoe rukovodstvo dlya lic, zhelayushchih postupit na tyuremnuyu sluzhbu*, ed. A.A. Saat, Revel, 1912. (in Russian).
21. “Uchenie o karatelnyh merah i mere nakazaniya”, in: *Kurs, sostavlenyj po lekcijam prof. S.V. Poznysheva*, Moscow, 1908. (in Russian).
22. Ustav Shkoly tyuremnyh nadziratel'nic pri Moskovskom damskom blagotvoritelno-tyuremnom komitete, *Tyuremnyj vestnik*, 1898, No. 6. (in Russian).
23. Vitte A.V., [Doklad] Ob uluchshenii tyuremnoj administracii, *Zhurnal Ministerstva yusticii*, 1904, No. 8. (in Russian).
24. Voloshin D.V., Istoriko-pedagogicheskoe nasledie N.F. Luchinskogo, *Obrazovanie i nauka*, 2016, No. 6. (in Russian).
25. Voloshin D.V., Moskovskaya shkola tyuremnyh nadziratel'nic kak pervoe uchebnoe zavedenie po podgotovke penitencijnogo personala v Rossii, *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psihologiya*, 2015, No. 2 (21). (in Russian).
26. *Vtoroj mezhdunarodnyj tyuremnyj kongress. Stokholm, avgust 1878g.*, ed. Eh.I. Mishle, St. Petersburg, 1878. (in Russian).
27. Zhizhilenko A., Mezhdunarodnyj penitencijarnyj kongress v Bryussele 1900 goda, *Vestnik prava*, 1901, No. 3. (in Russian).

Волошин Денис Владимирович, кандидат педагогических наук, доцент, Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, sdf111@sibmail.com

Voloshin D.V., PhD in Pedagogy, Associate Professor, Tomsk Institute of Further Training of Penal Officers of the Federal Penal Service of Russia, sdf111@sibmail.com

УДК 27-9
ББК 86.37Я5

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПО УКРЕПЛЕНИЮ НРАВСТВЕННЫХ УСТОЕВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ТЮРЬМАХ НА СМОЛЕНЩИНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Д.А. Ивочкин

Аннотация. *Статья раскрывает основные направления нравственно-го воздействия православного духовенства на заключенных смоленских тюрем во второй половине XIX – начале XX века. Изучены такие направления священнослужителей, как богослужебное окормление арестантов, так и внебогослужебная деятельность. Большое внимание уделено анализу как положительной роли духовенства, так и выявлению отрицательных моментов. Во время работы над статьей применены комплексный подход, общенаучный диалектический метод изучения и анализа общественных явлений, включающий принципы объективности, историзма и системности. Полученные результаты позволяют объективнее представить не только историю Смоленской епархии, но и Русской Православной Церкви.*

Ключевые слова: *Смоленская епархия, нравственное воздействие духовенства, тюремное служение.*

275

ACTIVITY OF RUSSIAN ORTHODOX CHURCH ON STRENGTHENING
OF MORAL FOUNDATIONS OF THE INMATES IN PRISONS
OF SMOLENSK REGION IN THE SECOND HALF OF XIX –
EARLY XX CENTURIES

D.A. Ivochkin

Abstract. *The article reveals the basic directions of the moral influence of the Orthodox clergy on the Smolensk prison inmates in the second half of XIX – early XX centuries. Such areas of clerics as liturgical pastoral care of prisoners and outside the Liturgy activities are studied. Much attention is paid to the analysis of both the positive role of the clergy, and the identification of the negative moments. While working on this article an integrated*

approach was used including general scientific dialectical method of study and analysis of social phenomena and the principles of objectivity, historicism and consistency. The received results will allow to present more objectively not only the history of Smolensk diocese, but also of the Russian Orthodox Church.

Keywords: *Smolensk diocese, moral influence of clergy, prison service.*

Особым видом служения Церкви во второй половине XIX – начале XX века являлось окормление заключенных в местах лишения свободы. Основой этой деятельности была нравственная работа с узниками.

Надзор над деятельностью тюрем губернии осуществлял Смоленский губернский Комитет Попечительного о тюрьмах общества и его уездные отделения [1, с. 271-295]. Попечительное общество имело центр в Санкт-Петербурге, в губерниях имелись его филиалы. Они состояли из комитетов (мужские в губернском центре) и отделений (женские в губернском центре и мужские в уездах). В Смоленске мужской губернский комитет был открыт 19 июля 1831 г., 30 августа того же года появилось дамское отделение Попечительного о тюрьмах общества [там же].

Главной целью своей деятельности Попечительное о тюрьмах общество считало «улучшение как нравственного и физического состояния арестантов, так и мест заключения» [2, оп. 1, д. 73, л. 4]. В сферу попечения тюремных обществ входили все тюрьмы, рабочие и смирительные дома, полицейские места заключения и исправительные арестантские роты гражданского ведомства.

В уставе общества были обозначены основные направления его работы, из которых видно, что общество

должно было заботиться не только о подобающем содержании арестантов, но и повышать уровень их нравственности.

Смоленский губернский Комитет Попечительного о тюрьмах общества управлялся вице-президентами, женские губернские отделения – председателями. Уездными мужскими отделениями руководили председатели директорства. Вице-президентов утверждал император по представлению президента общества, глав мужских и женских отделений избирали вице-президенты губернских комитетов [1, с. 274].

Кроме вице-президентов и рядовых членов комитетов существовали директорства – наиболее значительная, активная и многочисленная прослойка. Количество вице-президентов и директоров регламентировалось уставом: «В звание вице-президентов комитета постоянно поступают: главный начальник губернии, где таковой состоит, епархиальный архиерей и начальник губернии; и в директорства: губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, совестный судья, председатели губернских присутственных мест, губернский прокурор, инспектор врачебной управы и городской голова, а в уездные отделения: уездный предводитель дворянства, судья, стряпчий, окружной начальник государственных имуществ,

уездный врач, благочинный и городской голова» [там же].

Уездные отделения Смоленского губернского Попечительного о тюрьмах комитета появились в 1830-х – 1840-х гг. В 1835 г. они появились в Гжатске и Белом, в 1846 г. – в Поречье, Красном, Дорогобуже, Юхнове, Вязьме и Рославле, а в 1848 г. епископ Тимофей доложил губернатору об открытии отделений в Ельне, Духовщине и Сычевке [там же, с. 284]. Таким образом, ко второй половине XIX столетия попечительные комитеты и отделения действовали во всех 12 уездах Смоленской губернии.

Согласно уставу Общества, конкретные директора заведовали отдельными направлениями попечительской деятельности или курировали исправительные заведения. За нравственностью арестантов и тюремными церквями наблюдали архимандрит Амвросий и иеромонах Амфилохий [2, оп. 1, д. 41, л. 70].

Большим уважением в среде членов Комитета пользовался епископ Тимофей. Он некоторое время даже был председателем Общества.

О признании государством и Церковью заслуг членов Комитета свидетельствует наличие у них орденов, медалей и других знаков отличия. В фондах Государственного архива Смоленской области хранятся «Списки директоров и чиновников Общества попечительного о тюрьмах комитета» с указанием их наград. Дело в том, что 13 февраля 1874 г. в Смоленск поступило циркулярное письмо за подписью заведующего канцелярией общества с распоряжением сообщать в столицу сведения о вице-президентах, директорах и директрисах с указанием наличия у них знаков отличия [там же].

В 1875 г. поименный список губернского Комитета включал в себя 2 вице-президентов и 13 директоров. В основном это были представители известных фамилий и лица, отмеченные государством наградами за полезную службу Отечеству.

Первым вице-президентом был епископ Смоленский и Дорогобужский Иосиф. К 1875 г. он имел следующие награды: золотой магистерский крест, ордена св. Анны 1-й и 2-й степеней с императорской короной, орден св. Владимира 3-й степени, наперсный крест на Владимирской ленте в память Крымской войны 1853–1856 гг., светло-бронзовую медаль в память Крымской войны и темно-бронзовую медаль за усмирение польского мятежа 1863–1864 гг. на Георгиевской ленте [там же, л. 104].

Вторым вице-президентом являлся смоленский губернатор действительный статский советник А.Г. Лопатин, имевший ордена св. Станислава 1-й степени и св. Владимира 3-й степени [там же].

В состав директоров входил ректор семинарии архимандрит Нестор (Метаниев). Он имел орден св. Анны 2-й степени, наперсный крест на Андреевской ленте, выдаваемый Святейшим Синодом в память Крымской войны [там же, л. 105].

От Смоленской епархии в число директоров уездных отделений входили следующие клирики:

- настоятель соборной церкви г. Белого протоиерей Иван Васильевич Афонский. Имел магистерский крест, наперсный крест на Андреевской ленте, орден св. Анны 3-й степени;
- священник Вяземского Аркадиевского женского монастыря Алексей Конокотин;

- протоиерей соборной церкви г. Дорогобужа Яков Алексеевич Волочков. Имел наперсный крест, наперсный бронзовый крест в память войны 1853–1856 гг., орден св. Анны 3-й степени;

- священник Онисим Сеньковский (г. Духовщина);

- протоиерей соборной церкви г. Ельни Василий Соколов. Имел орден св. Анны 2-й степени;

- протоиерей сорной церкви г. Поречья Павел Иванович Ильенков. Имел наперсный крест и орден св. Анны 3-й степени;

- протоиерей Фрол Иосифович Яблонский (г. Сычевка);

- священник Иван Иванович Богданович (г. Юхнов). Имел наперсный крест и бронзовый наперсный крест на Владимирской ленте в память войны 1853-1856 гг. [там же, л. 104-112]

На заседании правления Комитета 11 сентября 1878 г. было замечено, что, согласно уставу, губернские Комитеты могут иметь в своем составе до 20 директоров. В действительности же их было 13. Поэтому было принято решение пригласить в директора еще 9 кандидатур [1, с. 291]. Несмотря на отказ некоторых приглашенных, они были заменены другими лицами. Комитет пополнился семью новыми директорами. В их число входили настоятель Смоленского Троицкого монастыря архимандрит Илларион и ректор Смоленского духовного училища магистр богословия протоиерей Даниил Петрович Лебедев [там же, с. 292]. Кроме ректора, стать директорами изъявили желание почетный смотритель Духовщинского городского училища А.И. Герн, директор Смо-

ленской гимназии И. Гобза, директор Смоленского реального училища Ф.Ф. Чемолосов, учитель-инспектор городского духовного училища В.П. Вахтеров [там же, с. 291-292]. Впервые Смоленский губернский Попечительный о тюрьмах комитет пополнился представителями интеллигенции, а именно – руководителями наиболее значимых учебных заведений губернии и епархии. Таким образом, подтверждается замечание М.Д. Хейсина и Н.В. Нестерова о том, что это пополнение Комитета «отражало общую тенденцию в пореформенной России, где все более решительно заявляли о себе представители новых классов» [там же, с. 292], в том числе и образованного духовенства.

Попечительные Комитеты обладали большими правами и активно вмешивались в жизнь мест лишения свободы. Представители Церкви следили за тем, чтобы в установленные дни в тюремных храмах совершались богослужения, а во время постов арестанты говели. Заботились они также о распространении книг духовно-нравственного содержания [там же, с. 276]. В основном это были Евангелие, молитвословы, жития святых. Также имелась литература, специально предназначенная для арестантов (в основном, о покаянии). Так, в 1880 г. член Санкт-Петербургского Комитета Духовной цензуры архимандрит Иосиф пожертвовал Главному тюремному управлению для распространения по тюрьмам 1500 экземпляров написанной им брошюры «Поучения о покаянии» и 75 экземпляров другого его сочинения «Поучения на великие праздники Православной Церкви». 31 июля 1880 г. по-

мощник начальника Главного тюремного управления Власов переслал смоленскому губернатору 12 экземпляров первого сочинения и 1 экземпляр второго с просьбой распространить книги по тюремным замкам губернии [2, оп. 1, д. 402, л. 1].

31 августа вице-президент Смоленского губернского тюремного комитета губернатор Л.П. Томара (Тамара) направил по одному экземпляру книги архимандрита Иосифа «Поучения о покаянии» во все 12 уездных тюрем Смоленщины с предписанием местным директорам следить, чтобы арестанты «возможно чаще, в часы отдохновения праздничными днями, проводили время в чтении этого сочинения совместно с другими книгами из Священного Писания» [там же]. В библиотеку какого тюремного замка была передана книга «Поучения на великие праздники Православной Церкви», в документах сведений не найдено.

Смоленский губернский Попечительный о тюрьмах комитет, согласно уставу, имел право строить в тюрьмах церкви и открывать молитвенные комнаты. В Смоленской губернской тюрьме храм появился в 1859 г. на средства ротмистра И.С. Матвеева. Тюремная церковь была освящена во имя святителя Николая Чудотворца [3, с. 54]. Она располагалась на втором этаже главного здания тюрьмы и занимала два этажа с хорами. Причт состоял из священника, диакона и псаломщика. Первоначально богослужения (утренние и вечерние молитвы, требы) причт совершал ежедневно [2, оп. 1, д. 73, л. 1-4], а с 1870-х гг. богослужения стали совершать три раза в неделю, не считая праздничных дней [2, оп. 1, д. 402, л. 202].

Храмы и молитвенные комнаты также имелись в уездных тюремных замках. Их насчитывалось 11 (по числу уездов, не считая Смоленский). Некоторые из церквей появились благодаря стараниям священнослужителей, а также на личные пожертвования благотворителей и членов тюремных комитетов. Хронологические рамки появления храмов – 1846–1884 гг. [3, с. 5; 94; 197; 242; 282; 320].

Тюремные клирики неустанно работали в среде арестантов. Они крестили, исповедовали, причащали, совершали отпевания скончавшихся. Трудности пастырского служения были обусловлены тем, что паству составляли преступники. Это требовало от священников близкого знания заключенного, без чего невозможно какое-либо существенное влияние на его нравственное совершенствование. Основной задачей пастыря являлось стремление разобраться в сложных душевно-нравственных переживаниях и психологических тонкостях каждого подопечного. На некоторых из них, для осознания порочной жизни, требовалось наложить церковное покаяние в виде епитимьи (поклоны, частое покаяние и т.д.). Подобное наблюдаем, например, в Дорогобужской уездной тюрьме. 19 марта 1855 г. местное духовное правление по просьбе директора тюрьмы направило в нее священника для исповеди и увещания «крестьянской девки Феклы Яковлевой за блуд ее» [2, оп. 1, д. 73, л. 14]. 30 марта того же года священник наложил епитимью еще на одну заключенную, также за «блудную жизнь» [там же].

Отчеты Смоленского губернского тюремного Комитета и его уездных от-

делений за разные годы второй половины XIX столетия позволяют осуществить анализ христианских подходов к решению духовенством сложных нравственно-психологических задач.

Кроме того, что все без исключения арестанты посещали богослужения, в течение Великого Поста для них совершались исповедь и причастие. Во время подготовки к таинствам священники проводили беседы, в которых раскрывали значение богослужений для страждущей от грехов души и благотворного влияния таинств на нравственное состояние заключенного. Для лучшего усвоения проповедей, сказанных пастырями, арестантам выдавались книги религиозного содержания, преимущественно Библия. Указанные меры приносили плоды. Из общего количества заключенных, посетивших богослужения (731 человек), лишь двое отказались от причастия (но не от исповеди) «по собственному их сознанию», то есть посчитали себя недостойными подходить к главному христианскому таинству [2, оп. 1, д. 402, л. 125]. Общий нравственный фон, по мнению духовенства, в тюремных замках губернии был удовлетворительным. Но, с другой стороны, священники признавали, что выдающихся случаев раскаяния в среде подневольного контингента они не заметили [там же, л. 111]. Практически во всех отчетах Комитета есть пометка о том, что «особых случаев раскаяния преступников не было» [там же, л. 1-218].

Тюремные священники взяли на себя обязанность обучать арестантских детей, сидевших вместе с родителями, а также малолетних преступников в специально созданном в гу-

бернской тюрьме училище. Так, в 1863 г. священник Г. Селезнев обучал 10 малолетних преступников читать и писать, основам арифметики и Закону Божию. Обучение детей и малолетних преступников продолжалось и в последующие годы [там же].

Анализ документов позволяет утверждать, что в конце XIX – начале XX века в среде заключенных православное духовенство пользовалось авторитетом, тюремные храмы превратились в своеобразные центры жизни православных узников. Богослужения собирали довольно много народа. Например, в 1908 г. храм Смоленской губернской тюрьмы на праздники Рождества Христова и Пасхи посетило 200 человек [1, с. 235].

Заключенные в губернской и уездных тюрьмах не оставались без внимания епархиальных архиереев. Обозревая епархию, смоленские епископы обязательно посещали домовые храмы тюремных замков. Так, во время своего пребывания в г. Ельне в августе 1896 г. по случаю празднования освящения местного собора епископ Никанор посетил тюремную церковь [4, с. 943-944]. Архиерей общался с заключенными и сказал им напутственное слово [там же].

14 апреля 1911 г. главный корпус Смоленской тюрьмы посетил епископ Феодосий. В церкви его встретили 371 заключенный, 80 надзирателей и 100 членов семей тюремных служащих [5, оп. 1, д. 145, л. 129].

11 января 1916 г. епископ Феодосий осмотрел практически все жилые и производственные помещения тюрьмы. О своем визите архиерей отзывался так: «С отрядным чувством осмотрел тюремные мастерские, в коих арестанты находят приложение

своих сил и способностей к честному труду, что бесспорно имеет для них благотворное воспитательное и исправительное значение» [5, оп. 2, д. 209, л. 7].

Проанализировав документы, можно сделать вывод, что посещения архиереями тюрем не были из ряда вон выходящими событиями, а повторялись с периодичностью в несколько лет.

Кроме духовного окормления подневольной паствы, священники по-прежнему занимались просветительством. Для этого в губернской тюрьме существовала школа грамоты для заключенных, созданная священником Алексеем Михайловским. Все занятия проводили священник А. Михайловский и диакон В. Ильинский, а также заведующий библиотекой священник Иоанн Афонский. В 1913 г. ее посещали 49 арестантов (около 10% заключенных). Возраст учащихся колебался от 15 до 39 лет. Занятия проводились ежедневно с 13 до 15 часов, исключая праздники и летние каникулы [5, оп. 2, д. 154, л. 21].

Из 49 учеников 20 было неграмотных, 20 малограмотных и 9 грамотных. Школу грамоты, рассчитанную на 20 человек, ежедневно посещало от 15 до 20 арестантов. Получалось, что состав учеников не был постоянным, он менялся на протяжении учебного года. Для удобства работы с ними, обучающиеся были разделены на две группы: в первую входили неграмотные, во вторую малограмотные и грамотные [там же, л. 5-5 об.].

Школьные занятия проходили в камере, отведенной под библиотеку, часть учеников располагалась в соседней смежной камере.

Из предметов общеобразовательного курса изучались русский язык и арифметика. К концу года арестанты показали следующие знания: неграмотные ученики усвоили все четыре арифметических действия, ознакомились с началами русской грамматики. Малограмотные и грамотные, по замечанию преподававших священнослужителей, «помимо того, что вывелись из сумбурного состояния, так свойственного всем знающим с грамотой без всякой системы, усвоили элементарные сведения грамматики русского языка и более или менее удовлетворительно решали задачи на все арифметические действия», а также читали и наизусть учили стихи [там же, л. 6].

Кроме предметов школьного курса, особе внимание уделялось закону Божьему, преступники также изучали молитвы, занимались церковным пением и чтением книг на церковнославянском языке.

Все заключенные, обучавшиеся в школе грамоты, к занятиям относились достаточно серьезно. Они готовили заданные им уроки, в документах не зафиксировано ни одного случая, чтобы на занятие ученик явился неподготовленным «по лени или упорству». За весь учебный год не было случаев нарушения учениками заключенными тюремной дисциплины. О положительном духовно-нравственном воздействии школы грамоты на преступников свидетельствуют строки отчета за 1913 г., в котором сказано: «Школьные занятия и приготовление уроков, дополняя тюремный досуг арестанта, давали здоровую пищу его уму и создавали бодрое и уравновешенное настроение для терпеливого перенесе-

ния тяжелой неволи. Миролюбивое отношение между собою особенно является заметным на учениках-арестантах» [там же, л. 6-6 об.].

На протяжении года во внеурочное время, по воскресным и праздничным дням духовенство проводило чтения с использованием «волшебного фонаря». Только за зиму 1913 г. было проведено более 10 чтений на следующие религиозно-нравственные и исторические темы: «Об улучшении жизни по заветам Христа», «Христианство и социальный вопрос», «300-летие царствования Дома Романовых», «Смутное время на Руси», «Как наши предки говели», «Христос и грешница», «Гефсиманская ночь», «Воскресший Христос», «Что такое жизнь». Эти темы собирали не только заключенных-учащихся, но и весь арестованный контингент. Школьные же чтения заключались в прочтении кратких отрывков из учебной хрестоматии с дальнейшим пересказом учениками смысла пройденного материала [там же, л. 6]. Чтения имели важное нравственное и просветительское значение для заключенных, если учесть, что основная масса из них была невежественна, причем многие из обитателей тюрьмы впервые в жизни познакомились с книгами на этих чтениях. А то, что в этом процессе принимало участие духовенство, положительно влияя на души и умы несчастных, вносило определенный положительный вклад в их исправление.

Кроме общих чтений досуг заключенных скрашивало самостоятельное чтение книг из тюремной библиотеки. Как уже было сказано, заведовал библиотекой священник И. Афонский. К 1 января 1914 г. ее

фонд состоял из 3897 экземпляров, подразделенных на 7 отделов: 1) религиозно-нравственный (355 экз.); 2) беллетристика (981 экз.); 3) научный (505 экз.); 4) научно-популярный (134 экз.); 5) учебный (497 экз.); 6) периодические издания (956 экз.); 7) иностранной литературы (469 экз.) [там же, л. 6 об.].

Из анализа отчетов о духовно-нравственном состоянии заключенных за 1912–1913 гг. видно, что арестанты большой интерес проявляли к изданиям по сельскому хозяйству, портняжному, сапожному, столярному, слесарно-кузнечному ремеслам, знакомились с книгами художественного содержания. Из литературы предпочитали жития святых и журнал «Миссионерское обозрение» [там же, л. 3 об.; 6 об.].

Несмотря на положительные результаты деятельности школы грамоты, в духовно-нравственной работе с заключенными проявлялись и отрицательные стороны. Они были связаны со следующими факторами.

Во-первых, для более успешного хода школьных занятий необходимо было включить в образовательную программу преподавание географии, гражданской истории и естествознания.

Во-вторых, для проведения занятий требовалось устройство отдельного школьного помещения, так как существующие камеры не могли вместить желающих получить образование. В 1912 г. священник И. Афонский произвел запись арестантов, хотевших обучаться в школе грамоты. В список было внесено 70 человек, однако, за неимением помещения, в школу приняли лишь 36

человек. Несмотря на то, что остальным арестантам были выданы буквари и другие учебные пособия, священник Афонский отметил неудовлетворительные результаты подобного обучения, так как ученики бессистемно усваивали методы чтения, письма и решения задач. Он назвал эти методы «своеобразными», то есть не имеющими необходимого образовательного фундамента.

В-третьих, духовенство обратило внимание на тягу заключенных к техническим знаниям. Поэтому священник Афонский рекомендовал Комитету открыть при школе грамоты техническое училище или технические курсы для подготовки техников-мастеров из числа арестантов [там же, л. 8 об.].

Основной же проблемой в деятельности тюремной школы грамоты являлось отсутствие учителей. Священнослужители, в силу занятости при отправлении своих пастырских обязанностей, просили тюремное руководство иметь специально подготовленных преподавателей, оставив за священниками преподавание Закона Божия и заведование учебным заведением с наблюдением за общим ходом занятий [там же].

Анализ документов и литературы о деятельности Смоленского Попечительного о тюрьмах комитета позволяет выявить еще одну проблему, с которой сталкивался Комитет в своей работе. Это человеческий фактор. В этом смысле интересна биография вышеупомянутого священника А. Михайловского. Данный клирик был личностью сложной и противоречивой. С одной стороны, он, как православный священнослужитель, старался добросовестно испол-

нять служение тюремного священника. За свою деятельность отец Алексей в 1911 г. получил орден святой Анны 3-й степени [1, с. 140].

С другой стороны, Михайловский, пользуясь покровительством родственников – членов Смоленской духовной консистории, злоупотреблял положением: брал взятки за незаконно совершенные венчания и разводы. Дошло до того, что в 1911 г. в местной прессе появилась заметка, повествующая о неблагоприятных поступках священника, причем в ней подчеркивалось, что на А. Михайловского заведено дело.

«Состоя священником только для нужд тюремных обитателей, он, тем не менее, стал извлекать доходы из повенчания посторонних лиц и притом без всякого разбора – венчал двоеженцев, венчал в ближайшем родстве, двоюродных и проч. За одно из таких деяний священник Михайловский в настоящее время и привлечен к суду по требованию Московской судебной палаты» [там же, с. 141].

Газета «Смоленский вестник», опубликовавшая заметку, напоминала читателям, что в 1909 г. против Михайловского по подобным основаниям уже возбуждалось дело, но было прикрыто родственниками из консистории. Поэтому, предполагали журналисты, и на этот раз священник «выйдет сухим из воды» [там же]. Судя по документам (священник А. Михайловский трудился при губернской тюрьме в 1913–1914 гг., открыл здесь школу грамоты), так и случилось. Вскоре дело в отношении А. Михайловского было «тихо похоронено в недрах чиновничьих ведомств» [там же].

К 1917 г. духовно-нравственное окормление арестантов оказалось на крайне низком уровне. При ревизии уездных тюрем Смоленской губернии было выявлено, что религиозные и духовно-нравственные потребности заключенных не удовлетворялись по двум причинам.

Во-первых, при большинстве тюрем отсутствовали школы и библиотеки.

Во-вторых, не было священнослужителей, желавших трудиться в пенитенциарной системе. Местные священники относились к своим обязанностям крайне неисправно, и их деятельность ограничивалась, в лучшем случае, отправлением богослужений в дни Великих праздников [5, оп. 2, д. 154, л. 21].

Смоленский губернский Попечительный о тюрьмах комитет, считая духовно-нравственное воздействие на заключенных первоочередной задачей, 1 февраля 1917 г. обратился к уездным благочинным с просьбой пригласить священников вверенных им округов «прийти на помощь заключенным местной тюрьмы, как по совершению богослужений, так и по устройству беседований или школьных занятий в тюрьме» [там же].

Вскоре на имя смоленского губернского инспектора стали приходить ответы уездных благочинных. В основном, исходя из анализа документов, главной проблемой неудовлетворительного ведения духовенством духовно-нравственной работы среди заключенных являлась загруженность священников на приходах. Кроме того, сказывалось отсутствие оплаты тюремным причтам за совершение треб в домовых храмах. При некоторых уездных тюремных зам-

ках отсутствовали служебные квартиры для священников, о чем прямо говорится, например, в рапорте настоятеля Успенской тюремной церкви г. Гжатска Георгия Соколова:

«Принимая во внимание, что Вашему Высокородию угодно было выразить пожелание о знакомстве священника и с личными свойствами каждого узника, и полагая, что для сего нужно близкое и постоянное влияние священника на заключенных, я со своей стороны прошу Ваше Высокородие, не найдете ли Вы возможным по вышеизложенным мотивам предоставить священнику тюремной церкви казенную квартиру, что было бы и поощрением ему за безвозмездное несение трудов по религиозно-нравственному воспитанию арестантов» [там же, л. 25].

Необходимо подчеркнуть, что служебного жилья долгое время не имелось даже при губернской тюрьме. Лишь в начале XX столетия напротив тюремной церкви в честь Александра Невского был выстроен просторный двухэтажный дом из сосновых бревен для священнослужителей. Но, по замечанию М.Д. Хейсина и Н.В. Нестерова, в 1917 г., священники, не успев «прочно обосноваться в новостройке, были лишены крыши над головой» [1, с. 117].

Учитывая положительную роль священнослужителей в духовно-нравственной работе с заключенными, необходимо подчеркнуть, что во взаимоотношениях Русской Православной Церкви и пенитенциарных учреждений наблюдались и сложные моменты. Прежде всего, это касалось почти насильственного насаждения православных богослужений в повседневную жизнь арестан-

тов. Это выражалось в ежедневных посещениях утренних и вечерних молитв, переход всех узников на постную пищу и т.д. Поэтому в отчетах о нравственных качествах заключенных не встречаем фактов добровольного перехода иноверцев в Православие, а также ярких примеров раскаяния. Сказывалась и многочисленность составов директоров тюремных комитетов, что приводило к излишней бюрократизации в ущерб нравственной работе. Часто труд духовенства в местах заключения оставался без оплаты. Особенно это характерно для уездных городов. Храмы, находившиеся при тюрьмах, зачастую имели бедственное состояние из-за отсутствия средств. Поэтому деятельность тюремных священнослужителей в буквальном смысле становилась подвижничеством, роль тюремного священника была необыкновенно велика и значима, несмотря на возникавшие трудности и противоречия в работе. Пастыри Церкви довольно успешно исполняли свои обязанности, видя основной задачей для себя нравственное исправление осужденных, применяя при этом самые гуманистичные и христианские подходы для ее реализации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Хейсин, М.Д.* Застенки Смоленска [Текст] / М.Д. Хейсин, Н.В. Нестеров. – Смоленск, 2007.
2. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 586.
3. Адрес-календарь Смоленской епархии с историческим и церковно-приходским указателем [Текст] / Сост. А.В. Санковский. – Смоленск, 1897.
4. Посещение Его Преосвященством, епископом Смоленским и Дорогобужским Никанором города Ельни в день столетия и престольного праздника ее соборного храма, 6 августа 1896 года // Смоленские епархиальные ведомости. – 1896. – № 15. – Отдел офиц. – С. 943-944.
5. ГАСО. Ф. 388.

REFERENCES

1. *Adres-kalendar Smolenskoj eparhii s istoricheskim i cerkovno-prihodskim ukazatelem*, ed. A.V. Sankovskij, Smolensk, 1897. (in Russian)
2. Gosudarstvennyi arkhiv Smolenskoj oblasti (GASO), F. 388.
3. Gosudarstvennyi arkhiv Smolenskoj oblasti (GASO), F. 586.
4. Hejsin M.D., Nesterov N.V., *Zastenki Smolenska*, Smolensk, 2007. (in Russian)
5. Poseshchenie Ego Preosvyashchenstvom, episkopom Smolenskim i Dorogobuzhskim Nikanorom goroda Elni v den stoletiya i prestolnogo prazdnika ee sobornogo hrama, 6 avgusta 1896 goda, *Smolenskie eparhialnye vedomosti*, 1896, No. 15, Otdel oficial, pp. 943-944. (in Russian)

Ивочкин Демьян Анатольевич, кандидат исторических наук, кандидат богословия, проректор по научной работе, Смоленская православная духовная семинария, idar78@mail.ru

Ivochkin D.A., PhD in History, PhD in Theology, Vice Rector for Scientific Work, Smolensk Orthodox Theological Seminary, idar78@mail.ru

УДК 94(44).08
ББК 63.3 (4ФРА)53

МАРШАЛ ПЕТЭН В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ВРЕМЯ СЛАВЫ

А.Н. Бурлаков

Аннотация. В 2018 г. человечество будет отмечать столетнюю годовщину окончания Первой мировой войны. Между тем, в ее истории существует еще немало «белых пятен». Одно из них связано с именем французского военачальника Филиппа Петэна, которое у большинства историков и в общественном мнении ассоциируется со временами Второй мировой войны. Эта ассоциация, как правило, носит негативный характер. В годы войны правительство Виши во главе с маршалом Петэном было вынуждено сотрудничать с нацистской Германией. Вот почему за маршалом закрепилась дурная слава коллаборациониста. Однако нельзя забывать, что Петэн был еще и одним из великих полководцев Первой мировой войны, внесшим большой вклад в победу Антанты. Его, в частности, называли победителем в битве при Вердене, ставшей одним из решающих, крупнейших и длительных сражений «Великой войны». Солдаты любили Петэна за то, что он всегда стремился сберечь солдатские жизни. В межвоенный период Петэн оставался самым популярным политиком Франции и до 1931 г. занимал пост Главнокомандующего. Все эти факты часто замалчиваются. Но историю нельзя представлять в черно-белых тонах – она полна противоречий и полутонов. Цель данной статьи – восстановить историческую справедливость в отношении этого государственного деятеля и военачальника Франции. Одновременно автор стремится восстановить «вырванные страницы» из истории Первой мировой войны.

Ключевые слова: Франция, Первая Мировая война, маршал Петэн, битва при Вердене, Антанта, Германия.

MARSHAL PETAIN IN THE FIRST WORLD WAR: THE TIME OF GLORY

A.N. Burlakov

Abstract. In 2018 humankind will commemorate the centenary of the First World War. Meanwhile, in its history, there are still many “white spots”. One of them is connected with the name of the French military leader Philippe Petain. The name of Marshal Petain is associated by most historians and public opinion with the times of the Second World War. This association

usually is negative. During World War II the Vichy government headed by Marshal Petain was forced to collaborate with Nazi Germany. That's why the Marshal gained bad fame of the collaborationist. However, we must not forget that Petain is one of the great generals of the First World War who made a great contribution to the victory of the Triple Entente. Petain was named the winner in the battle of Verdun. This battle was one of the decisive, largest and longest battles of the "Great War". The soldiers loved Petain because he always tried to save soldiers' lives. In the interwar period Petain remained the most popular politician in France and up to 1931 he held the post of Commander in chief. All these facts are often ignored. History cannot be presented in black and white. It's full of contradictions and half-tones. The purpose of this article is to restore the historical justice in relation to this statesman and military leader of France. Simultaneously, the author seeks to restore "the torn pages" from the history of the First World War.

Keywords: France, Marshal Petain, World War I, the battle of Verdun, the Triple Entente, Germany.

Долгое время фигура маршала Филиппа Петэна для отечественных историков была одиозной и однозначно отрицательной. Его представляли нам как типичного представителя «реакционного» французского офицерства, близкого к крайне правым монархическим («Аксон франсэз») и даже фашистским организациям. Отечественные историки рисовали портрет «тщеславного, фальшивого, хитрого, двуличного, наделенного невероятным честолюбием старика» [1, с. 43; 2, с. 162]. Для наших историков Петэн – всего лишь «полузабытый генерал времен Первой мировой войны» [3, с. 30]. По их мнению, Петэн был прожженным пораженцем, и победа при Вердене в годы Первой мировой войны была, оказывается, одержана не благодаря, а вопреки будущему маршалу [1, с. 11].

Главная причина столь негативной характеристики маршала Петэна связана с его деятельностью в годы Второй мировой войны. По мнению

советских историков, в 1940 г. он осуществил государственный переворот, ликвидировал Третью Республику, разогнал парламент и установил во Франции авторитарный режим фашистского типа, превратившись в «одного из главных капитулянтов и предателей страны», коллаборациониста, марионетку и пособника Гитлера [1, с. 10-11; 2, с. 161]. Других оценок жизненного пути маршала Петэна, унаследованных от советских времен, в нашей историографии почти не встретишь. Правда, современные отечественные историки чаще всего просто обходят молчанием эту противоречивую историческую фигуру. Впрочем, лучше умолчание, чем явная неправда. Единственным исключением является недавно вышедшая книга В. Максимова «Де Голль и голлистъ»: в ней впервые встречаются достаточно справедливые и беспристрастные оценки маршала Петэна [4].

Если о роли маршала Петэна в годы Второй мировой войны можно

спорить, то оценки нашими историками его деятельности в годы Первой мировой войны полностью несостоятельны. Нельзя умалчивать о том, что это был один из выдающихся полководцев Первой мировой войны, выигравший ключевое сражение при Вердене; нельзя умалчивать о том, что до 1931 г. он оставался Главнокомандующим французской армией. И, наконец, нельзя игнорировать тот факт, что после Первой мировой войны это был кумир миллионов французов, самый популярный в стране человек. Данная статья ставит своей целью восстановить историческую справедливость, осветить славную страницу из жизни этого французского военачальника и политического деятеля.

Из гарнизона в гарнизон

*Французский солдат,
Сын безвестных крестьян.*

Из популярной
французской песни XIX века

Военная карьера Филиппа Петэна, крестьянского сына, началась в 1876 г., когда он поступил в знаменитое военное училище Сен-Сир. Особая Военная школа Сен-Сир – это престижное высшее учебное заведение, занимающееся и сегодня подготовкой офицерских кадров. Среди выпускников Сен-Сира – 11 маршалов Франции, 6 членов Французской академии и три главы государства (маршалы Мак-Магон и Петэн, генерал де Голль).

С 1818 г. в училище существовала традиция давать имена каждому курсу. Петэн принадлежал к курсу, который получил название «Плевна» в

честь крупнейшего сражения русско-турецкой войны (1877 г.). Это название оказалось пророческим: именно в этом сражении была продемонстрирована мощь артиллерийского огня против пехоты, выдвинувшейся на открытое пространство. Позже Петэн будет отстаивать решающую роль артиллерии в современных войнах.

В военном училище он остается таким же, как и в школьные годы, – молчаливым, держащимся особняком от своих товарищей, упорным в учебе. Среди однокурсников он получил прозвище «педантичный сухарь». Недоброжелатели Петэна обращают внимание на скромность его учебных результатов, намекая на профнепригодность будущего маршала: по результатам экзаменов Филипп был 403-м из 412 поступивших в Сен-Сир в 1876 г., а через два года он выпускается 229-м из 336 [5, р. 723]. Однако, учитывая атмосферу косности, которая царила в те годы во французской армии, вполне возможно, что нестандартно мыслящий учащийся, который уже скоро выступит с критикой официальной военной доктрины, просто не соответствовал требованиям начальства. Петэн также выделялся среди однокурсников своим плебейским крестьянским происхождением. До начала XX века многие офицеры продолжали называть наряду с воинскими званиями свои дворянские титулы, отмененные более ста лет назад [6, с. 162].

После окончания военного училища младшего лейтенанта Филиппа Петэна ждало обычное для молодого офицера скитание по провинциальным гарнизонам. Сначала он оказался в элитном 24-м батальоне альпий-

ских стрелков в Вилльфранш-сюр-Мер, близ Ниццы. Здесь Филипп быстро завоевал репутацию смелого и физически подготовленного к службе в тяжелых горных условиях офицера [7, р. 5]. Еще на первом месте службы проявились особые качества Петэна как командира. Во всех тяготах воинской службы и военной подготовки он был рядом со своими солдатами, являясь для них примером и не делая себе никаких поблажек как командира. Это были такие же деревенские парни, как и он сам. Именно тогда будущий маршал понял важную вещь – чтобы тебе доверяли и чтобы тебя слушались люди, которых ты поведешь в бой и даже на смерть, надо любить и уважать их. В аристократически надменной среде тогдашнего офицерства странно звучали слова, в которых нашла отражение вся философия отношений Петэна-командира с солдатской массой, по большей части состоявшей из милых его сердцу крестьян: «Командуешь не солдатами, а людьми» [5, р. 723].

Через пять лет его переводят на восток Франции, где ему было суждено отслужить такой же срок в 6-м стрелковом батальоне, расквартированном в городе Безансоне. За прошедшие после окончания училища Сен-Сир десять лет он дослужился всего лишь до лейтенанта. Однако Петэн был не намерен сдаваться. Все свободное от службы время в Безансоне он тратит на подготовку к поступлению в Высшую военную школу, которая готовила командную и штабную элиту французской армии. В 1888 г. Петэн добился своей цели и через два года выходит из стен Высшей военной школы в чине капитана с общей оценкой «хорошо»

и с дипломом штабного офицера. В его аттестационном листе говорилось: «Выдающийся, добросовестный офицер, сдержанный, проявивший рвение и интеллект; в общении одновременно холоден и любезен» [9].

После окончания Высшей военной школы все повторяется: вновь кочевая жизнь и медленное продвижение по службе. Сначала 34-летний капитан-выпускник откомандирован в качестве стажера от генштаба в 15-й армейский корпус, квартировавшийся в Марселе. И вновь прекрасная характеристика, данная на этот раз корпусным генералом Филиппом Матленом: «Молчаливый, хладнокровный, спокойный, враг скоропалительных решений» [10, р. 26].

В 1891 г. Петэн командует пехотным батальоном в Венсенне. Это уже рядом со столицей. И наконец, в 1893–1899 гг., Петэн служит в штабе военного коменданта Парижа, генерала Феликса Гюстава Соссье. Только в 1900 г., в возрасте 44-х лет, Петэн получает звание майора вместе с новым назначением. Он – командир 8-го стрелкового батальона в крупном городе Амьене, на севере Франции, недалеко от родных мест. Здесь Петэн отлично показал себя во время полевых учений и был отмечен известным военным теоретиком генералом Анри Бонналем, своим бывшим преподавателем по Военной школе и командиром бригады; «Замечательный капитан – замечательный и как штабной, и как полевой офицер. В нем чувствуется соединение таких качеств, как сила, характер, проницательность, решительность и интеллект в той пропорции, которая необходима для будущего великого командира» [Ibid, р. 27].

В эти годы службы проявляется еще одна черта Петэна – его открытость ко всему новому. В 1897 г. он получает удостоверение авиатора и входит в узкий элитарный круг первых воздухоплатателей. Вскоре, в годы Первой мировой войны, он одним из первых осознает решающую роль авиации в современных военных конфликтах и будет активно ратовать за развитие военно-воздушных сил.

Против течения

*Интеллектуальная смелость
встречается реже, чем физическая.*

Филипп Петэн

В 1900 г. начинается преподавательская деятельность Филиппа Петэна в Стрелковой школе в Шалоне-на-Марне. В стенах этого военного учебного заведения будущий маршал проявил высокий профессионализм и бунтарский дух, вступив в конфликт со своим командиром полковником Эмилем Вондершером. Последний отдавал предпочтение массовому неприцельному огню, тогда как Петэн отстаивал важность индивидуального огня, нацеленного на подавление конкретных вражеских объектов. В то время, как сторонники тотального наступления, в том числе и Вондершер, воспевали штыковые атаки, Петэн делал ставку на артиллерию, удар которой, по его мнению, создавал благоприятные условия для продвижения вперед. В результате этого конфликта у Петэна начались неприятности по службе [11, р. 31]. В начале 1901 г. начальник школы добился перевода Петэна в 5-й пехотный полк, расквартированный в Париже. На при-

казе о переводе карандашом была сделана пометка: «Заменить при первой возможности» [12, р. 13]. Вскоре после Первой мировой войны Петэн встретился с Вондершером. Бывший начальник стрелковой школы, ставший к тому времени генералом, был вынужден признать: «Тогда, в Шалоне, был прав майор Петэн» [7, р. 11].

В 1901–1911 гг. Петэн преподает в Высшей военной школе в Париже. В те времена французское военное командование и военные теоретики были в плену доктрины «тотального наступления». Военные инструкции основывались на опыте наполеоновских войн, превозносили атаку и стремительный штурм. Предполагалось, что французские солдаты с примкнутыми штыками, яростно пойдут в атаку, а противник, морально и психологически сломленный этим натиском, отступит или просто побежит с поля боя, бросая свои позиции. Эта доктрина возникла как реакция на поражение во франко-прусской войне 1870–1871 гг., в которой французские военачальники придерживались оборонительной тактики.

Шарль де Голль, в те годы ученик Петэна, так описывал сущность тогдашней военной доктрины: «Военная мысль развернулась в сторону наступательных действий. Эта ориентация была благотворной. Но эта ориентация не знала чувства меры. Целое поколение военных внушило себе, что нападение обладает абсолютной ценностью. Мы мнили, что при любых обстоятельствах сам факт атаки дает абсолютное преимущество. С того момента, как мы поняли, что движение вперед само по себе об-

ладает непреодолимой силой, все стало сводиться к тому, чтобы его осуществить. Таким образом, мы нашли «закон успеха», окончательное правило действий, постоянную основу планов операций, к которым мы беспрестанно стремились. Встав на этот путь, военная мысль могла идти лишь от абстракции к абстракции. Она покинула территорию военной реальности, она собиралась превратить в доктрину чистую метафизику военных действий. Так как в принципе было достаточно просто идти на врага, чтобы его победить, самые быстрые маневры считались наилучшими, а все, что не было устремлено исключительно вперед, трактовалось как второстепенное. Огонь стал крайним средством. Открыть огонь было неизбежным злом, которое мы откладывали как можно дольше; вести огонь было опасно, так как это может расстроить бросок войск вперед. Как только отдавался приказ атаковать, нужно было бросаться на противника, каждое подразделение стремилось гнаться за ним, и лучшая поддержка, которую оно могло обеспечить другим, заключалось в том, чтобы вырваться вперед. Без особого энтузиазма мы допускали, что иногда придется обороняться. Но даже в этом случае не следовало трактовать огонь как основное средство обороны» [13, p. 153-162].

Петэн выступил открыто и резко против устаревшей официальной военной доктрины. Вместе с тем, его критика вовсе не означала, как часто представляют недоброжелатели Петэна, что он был пораженцем и сторонником пассивного ведения войны. Будущий маршал прекрасно понимал, что война может быть выиграна

только наступательными действиями. Однако в наступательную стратегию он интегрировал оборонительные действия, реалистично оценивая пределы эффективности тактического наступления. Свои идеи Петэн изложил в лекциях, прочитанных в Военной школе (они сохранились в Военно-исторической библиотеке в Венсенне). Во второй части лекционного курса, посвященного франко-прусской войне, Петэн утверждал: «Фундаментальным фактом, обнаружившимся в ходе войны 1870 г., была огромная важность огневой мощи – ее значимость превзошла все расчеты. Развитие вооружений диктует пехоте новые методы ведения боя» [14, p. 176]. Важность огневой мощи – вот главная идея всего курса. В течение всей жизни Петэн не раз будет повторять свою любимую фразу: «Огонь убивает». В третьей части своего курса, посвященной периоду между 1870 и 1900 гг., он вновь возвращается к проблеме огневой мощи и ее доминирующей роли в современной войне. Характерно, что в его доктрине нашлось место и для простого солдата: в условиях страшного артиллерийского огня, по мнению Петэна, одной из насущных задач становилась защита воина с помощью земляных укреплений и маскировки. Война для Петэна – не героическое дело, а тяжелое и страшное испытание.

Взгляды Петэна противоречили официальной доктрине «тотального наступления». Генштаб штамповал наступательные директивы. Начальник третьего (оперативного) отдела Генерального штаба полковник де Гранмэзон полагал, что при высоком моральном духе солдаты смогут продвигаться вперед и под градом вра-

жеских пуль и снарядов [15, р. 10]. Петэн критиковал инструкцию военного ведомства от 1901 г., согласно которой для крупных воинских соединений штыковая мощь пехоты считалась предпочтительнее огневой мощи артиллерии [11, р. 31].

Конечно, не собираемся делать из Петэна великого провидца. Например, в своих поисках обеспечения прочной обороны он не обратил внимания на значение колючей проволоки; он также не предвидел позиционный характер будущей войны. Но Петэн не только думал над тем, как обеспечить своим войскам благоприятные условия для обороны, но и над тем, как преодолеть оборону противника. Напрасно критики пытаются представить Петэна как сторонника оборонительной тактики: просто он понимал, что при современных средствах массового уничтожения наступление должно быть тщательно продумано и подготовлено предшествующими оборонительными действиями, которые призваны измотать и ослабить противника. Можно согласиться с английским военным историком Ричардом Гриффитсом, считавшим, что «возможно, Петэн был до 1918 г. самым прозорливым из французских военных мыслителей, всегда исходившим из реалий, а не из абстрактных теорий» [15, р. 10].

Однако эта прозорливость дорого обошлась Петэну – он раздражал начальство своими «еретическими» взглядами. Но не только ими. Его независимый характер был еще одним фактором раздражения. Когда некоторые апологеты Петэна говорят о его неприятностях и трудностях по службе, то забывают сказать о том, что он сам нередко являлся их пер-

вопричиной. Своей прямолинейностью и строптивостью Петэн часто не только нарушал правила субординации, но и правила приличия. Воиющий случай произошел в 1902 г. во время посещения Высшей военной школы военным министром генералом Андре. Во время представления министру офицеров Петэн, как и полагается, вышел из строя, однако «не заметил» протянутой для рукопожатия руки Андре. Вполне возможно, что такой демарш был связан с тем, что при Андре, ставленнике левых, тайно собирались досье на офицеров-католиков консервативных убеждений с целью воспрепятствовать их продвижению по службе. Зная о том, что Петэн, несмотря на полученное в доминиканском коллеже образование, не является ярым католиком, начальство пыталось привлечь его к сбору сведений о его подчиненных и обещало повышение по службе. Известный своими левыми взглядами генерал Александр Персен предложил Петэну место начальника стрелковой школы в Шалоне-на-Марне, где когда-то будущий маршал был инструктором. Однако Петэн ответил отказом: он сослался на то, что во главе школы, как правило, стоял офицер в чине не ниже подполковника, в то время как он, Петэн, всего лишь майор, а в самой школе многие преподаватели выше его по званию. На предложение Персена о немедленном повышении в звании Петэн вновь ответил отказом, потому что он «не хочет никаких поблажек» [16]. Когда же от Петэна как командира батальона потребовали назвать имена его офицеров, которые посещают мессу, Петэн дерзко отвечал, что он не знает их имен, так как он сам во

время церковной службы сидит в первом ряду и не видит, кто находится у него за спиной» [там же].

Неудивительно, что после неудачных попыток «приручить» строптивного офицера руководство Высшей военной школы постаралось избавиться от него. В 1903 г. его отправляют командовать батальоном 104-го пехотного полка, затем в следующем году возвращают в Высшую военную школу, а в 1907 г. вновь отправляют уже в звании подполковника в 118-й пехотный полк, размещенный в Кемпере. Такие перемещения по службе свидетельствуют о том, что высшее командование французской армии не состояло из одних ретроградов, как это часто упрощенчески представляют: у Петэна были как могущественные недоброжелатели, так и влиятельные покровители. Из «ссылки» в Кемпере он писал 29 декабря 1907 года своему племяннику Полю Помару: «Вполне возможно, что я не задержусь здесь надолго. Школа (Высшая военная школа – А.Б.) может вновь призвать меня к себе, но в министерстве у меня дурная репутация. Я не знаю, что возьмет верх: можно делать ставки» [17, р. 90]. И действительно, в 1907 г., когда начальником Высшей военной школы стал генерал Жозеф Монури, Петэн был приглашен возглавить кафедру пехотной тактики. В стенах Высшей военной школы в 1908 году, в возрасте 52 лет, Петэн наконец-то становится полковником. В 1911 г. он был назначен командиром 33-го пехотного полка в Аррасе. Петэн укрепляет дисциплину и моральный дух подчиненных. Их подготовка была приведена в соответствие с требованиями современной военной науки.

Перейдя в 1911 г. с преподавательской работы на полевую службу, Петэн по-прежнему смело критикует устаревшие взгляды своего начальства. В 1913 г. он так прокомментировал на учениях действия генерала Ле Галле, приказавшего войскам идти в штыковую атаку на пулеметные гнезда: «Я уверен, что генерал Ле Галле, стремясь поразить ваши умы в максимальной степени, решил собрать воедино все ошибки, которых следует избегать современной армии» [11, р. 31]. Полковнику Петэну также претил дух реванша и лозунг войны до последнего солдата, модный среди командования французской армии и политической элиты (например, этим духом были проникнуты будущий генералиссимус Ф. Фош и будущий премьер-министр Ж. Клемансо). Петэн же осуждал тех, кто видел в войне акт героизма [7, р. 11].

Судя по всему, Петэн понимал, что его карьера подходит к концу. Его главная задача – это добиться перед выходом в отставку максимально возможного в его положении повышения по службе. «У меня есть надежда, что в ближайшее время я получу повышение и поднимусь хотя бы до исполняющего обязанности бригадного генерала», – писал он одному другу 30 декабря 1913 года. – Я не спешу и терпеливо жду развития событий» [10, р. 42].

Казалось, все идет так, как и предполагал Петэн. В 1914 г. его назначают командиром бригады, расквартированной в Сент-Омере, где он когда-то начинал свою учебу, открывшую ему путь в армию. Одновременно в военном министерстве ему дали понять, что он никогда не

станет генералом. В этом же году будущий маршал, а тогда генерал, Франше д'Эсперэ, обратился к главе кабинета военного министра генералу Адольфу Гийома с просьбой утвердить Петэна дивизионным генералом, но получил ответ: Петэн никогда не станет генералом [18, р. 79]. Кажется, завершается круг его профессиональной жизни там, где она начиналась...

Петэну 58 лет – предельный для его звания возраст. И он решает уйти в отставку, даже присмотрел себе в родной области Артуа небольшую ферму, где намеревался провести остаток своих дней. Друзья и соратники, такие как генерал Луи Эрнест де Мод'юи, однокашник Петэна по Сен-Сиру и его начальник в Высшей Военной школе, сожалели о его уходе, но все понимали – другого пути нет [19, р. 11].

Боевой генерал: через тернии – к звездам

*История поставит маршала
Петэна в первый ряд полководцев.*

Из доклада премьер-министра
Ж. Клемансо Президенту
Французской республики
Р. Пуанкаре (1918 г.)

Отставка Петэна не состоялась. Началась Первая мировая война, в августе 1914 г. Петэн во главе 6-й дивизии отличился в боях на бельгийской территории, а затем принял участие в Марнском сражении. 14 сентября 1914 г. он был назначен исполняющим обязанности дивизионного генерала. Его дивизия выполнила поставленные перед ней задачи. В приказе по армии от 27 сентя-

бря 1914 г. были отмечены заслуги Петэна: «Своим примером, своим упорством, своим хладнокровием под вражеским огнем, своей предусмотрительностью, своими постоянными подключениями к боевым действиям, его дивизия сумела за 15 дней боев добиться перелома, отразив череду дневных и ночных атак, и, несмотря на постоянные потери, победоносно отбила яростное наступление противника» [20, р. 45]. В октябре 1914 г. Петэн получил Орден Почетного легиона и был назначен командующим армейским корпусом.

В первые месяцы боев ярко проявилась неподготовленность политической и военной элиты к требованиям войн XX века. И Петэн с присущей ему прямоотой заявил об этом президенту страны Р. Пуанкаре во время его визита в штаб-квартиру французской армии. Глава государства поинтересовался у Петэна, как тот оценивает ситуацию, и получил такой ответ: «Ничего хорошего. Нами не командуют и не управляют» [9].

Однако не только воинскими подвигами прославился Филипп Петэн, но и бережным, человечным отношением к своим людям. Солдат должен быть сыт и хорошо экипирован; он должен быть уверен, что в случае ранения будет эвакуирован в тыловой госпиталь, а после участия в тяжелых боях получит время для восстановления сил. Вот такой солдат, по мнению Петэна, будет непобедим. Слава о Петэне как об «отце-командире» широко распространилась в армейских кругах и принесла ему популярность, а главное – доверие в войсках. Показателен состоявшийся незадолго до войны разговор Петэна с молодым офицером. «Вы-

полните вашу задачу любой ценой, – учил Петэн юношу. – Может быть, Вам суждено погибнуть при выполнении задачи». И добавил: «Но если бы Вы выполнили свой долг и остались живы, мне это было бы больше по душе» [11, р. 31]. Петэну было присуще чувство ответственности за тех, кем он командует. Как возрастала цена этой заботы во время войны! В этом отношении Филипп Петэн в выгодную сторону отличался от остальных военачальников, не жалевших солдат.

Между тем французское командование по-прежнему исповедовало стратегию «тотального наступления». Накануне декабрьского наступления 1914 г. Ф. Фош, командовавший группой армий «Север», писал в своем дневнике: «Воевать – значит атаковать. Наступление – это высшая форма войны. Она не терпит оборонительных действий» [21, р. 209]. Однако если до войны эта стратегия представляла собой абстрактные теории на бумаге, то теперь она приводила к страшным жертвам. За первые 5 месяцев войны французская армия потеряла 420 тысяч человек убитыми, ранеными и пленными [22, р. 60].

Майское наступление 1915 г. было также остановлено немцами. Тем не менее, и здесь Петэн сумел отличиться. Он добился локальных успехов на вверенном ему участке фронта. Его солдаты продвинулись на три километра вглубь линии обороны противника, захватили 3 тысячи пленных и вражескую артиллерию – все это было отмечено в приказе по армии главнокомандующим Ж. Жоффром. 10 мая 1915 г. за военные успехи Петэн был возведен в

звание командора Ордена Почетного легиона. В 1915 г., когда на полях сражений обнаружилась предсказанная Петэном значимость артиллерийского огня, его авторитет как военачальника еще больше возрос. 21 июня 1915 г. он стал командующим второй армии.

1 ноября 1915 г., после очередного провального сентябрьского наступления французов в Шампани, Петэн изложил свою стратегию: «Прежде чем думать о возобновлении наступления, которое может обойтись нам так же дорого, как и сентябрьское наступление, необходимо, как мне кажется, предварительно измотать противника» [12, р. 59]. Вот как пишет о стратегии Петэна его ученик Шарль де Голль: «Начиная с 1915 года генерал Петэн, командовавший четвертой армией (на самом деле второй армией – А.Б.), предложил придать сражению иную форму. Не стремительный бросок, выполняемый в произвольно установленных заранее условиях, а в первую очередь форма боя, изматывающего противника, а затем, когда враг будет достаточно измотан, перейти к решающему усилию». Но каким образом будет осуществляться это усилие? «В форме следующих друг за другом атак на укрепленные позиции неприятеля. Обстоятельства будут управлять командирами в выборе способов решения той или иной задачи: при необходимости нужно приостановить атаку, чтобы подготовиться к новой, или действовать быстро, чтобы оставить противнику минимум времени» [13, р. 161-162]. Вскоре Петэну предстояло на практике доказать правоту своих утверждений.

Верден

Настал день нашей славы...

Строка «Марсельезы»

И наконец, настал час его славы. 25 февраля 1916 г. Петэн был назначен командующим французскими войсками у Вердена. Потом «ястребы», сторонники войны до последнего солдата, такие, как Ж. Клемансо и Ф. Фош, будут распускать слухи о якобы пассивности, пораженчестве Петэна в Верденской операции [11, р. 35-36]. На самом деле Петэн блестяще воплотил в жизнь стратегию оборонительного боя с последующим переходом в наступление и с использованием всей мощи артиллерийского огня. За первые 5 месяцев Верденского сражения французская артиллерия выпустила по вражеским позициям 15 млн. снарядов. Еще одна задумка Петэна блестяще удалась под Верденом – это комбинированное взаимодействие пехоты, артиллерии и авиации.

Даже Ж. Жоффри, ревновавший к славе Петэна, был вынужден признать его новаторскую роль в комбинировании действий трех родов войск. «Командир второй армии обладал большими военными талантами, которые в полной мере проявились в ходе войны и, особенно, в начальной фазе Верденского сражения. Верден был спасен благодаря постоянному совершенствованию управления войсками и оборонительной тактики, и душой этих благотворных перемен был генерал Петэн. Постоянно изучая боевые заготовки противника, он сумел добиться огромного прогресса в деле координации действий авиации и артиллерии, что принесло

успех. Верден стал, под мудрым руководством генерала Петэна, суровой, но полезной школой для всей французской армии» [23, р. 125].

Враги также оценили успехи Петэна. Начальник немецкого Генерального штаба генерал Пауль фон Людендорф, посетивший позиции своих войск под Верденом, буквально повторил слова Жоффри: «Состояние дел под Верденом и на Сомме оказалось еще хуже, чем я предполагал. Мощная артиллерия, прекрасно координировавшая свои действия с авиацией и имевшая огромное количество боеприпасов, разбила и разнесла в куски нашу собственную артиллерию» [24, р. 292-293].

Петэн своими умелыми действиями не только измотал и обескровил противника, но и сберег много человеческих жизней [25]. Прежнее французское командование под Верденом действовало по так называемой «немецкой системе», то есть держало пехотные дивизии на передовой по несколько месяцев подряд. Петэн же стал менять пехотные части на передовой каждые две недели, давая людям отдохнуть и прийти в себя от последствий страшной бойни. Солдаты не знали недостатка в продуктах и боеприпасах. По получившей название «священной» дороге от Бар-Ледюка до Вердена протяженностью 75 километров по приказу Петэна непрерывно курсировали машины, перевозившие боеприпасы, продовольствие и солдат. За сутки по ней проходили 6 тысяч автомобилей, то есть в среднем одна машина каждые 14 секунд [26, с. 594]. В период с 27 февраля по 6 марта 1916 г. по «священной дороге» было переброшено 190 тысяч человек, 23 тысячи тонн продоволь-

ствия и амуниции, а также 2,5 тысячи тонн артиллерийских снарядов. Каждый день под Верденом французская артиллерия выпускала 55 тысяч 155-миллиметровых снарядов. К тому же Петэн приказал создать огромные батареи, начитывавшие по сто 75-миллиметровых пушек [9].

Петэн выиграл для Франции, для стран Антанты в целом эту титаническую битву. Теперь в глазах нации он превратился в «победителя в битве при Вердене». 27 апреля 1916 г. Петэн становится Высшим офицером Ордена Почетного легиона (предпоследняя по значимости ступень ордена) и возглавляет группу армий «Центр», одновременно сохраняя оперативное командование войсками под Верденом.

Победа при Вердене имела еще одно важное, символическое значение для Петэна, крестьянского сына. Для него главными победителями в этом сражении были подлинные носители национального духа – крестьяне, одетые в солдатскую форму. «В эти мрачные часы меня поддерживал твердый и миролюбивый взгляд крестьянина», – сказал Петэн, открывая памятник погибшим солдатам в Капуле-Жюниаке (департамент Арденны) 6 ноября 1935 г. [20, р. 65]. «Больше, чем во всех других сражениях, в битве при Вердене имел значение человеческий фактор, – совершенно справедливо указывает французский историк М. Ферро. – Это была битва человека, французского гражданина. Это была “победа народа”, в то время как другие сражения Великой войны были сражениями военачальников» [5, р. 275].

Петэн все это понимал и выразил свои чувства в речи, произнесенной

18 сентября 1927 г. по случаю перенесения в Осуарий Дуомона останков 52 солдат, погибших в битве при Вердене. Осуарий Дуомона – специальное сооружение, в стенах галереи которого покоятся около 130 тысяч неизвестных солдат, погибших в Верденском сражении. Отдавая должное командирам, Петэн высказал убеждение в том, что главным победителем в Верденском сражении был простой солдат, простой человек: «Из какой стали был выкован этот солдат Вердена? Мы знаем, что это был просто Человек со своими слабостями и достоинствами; Человек из народа, мысли и привязанности которого, несмотря на восемнадцать месяцев войны, по-прежнему были связаны с семейным кругом, с мастерской, с учреждением, с деревней, с фермой, где он вырос или работал» [27, р. 69]. И эти люди не были для Петэна простыми пешками на шахматной доске, он чувствовал их боль и страдания: «Мое сердце сжималось, когда я видел двадцатилетних юношей, идущих в верденский огонь. Любящим взглядом я провожал их, отправлявшихся на линию огня. Я вспоминаю с теплотой их ответный доверчивый взгляд, который, уходя, они дарили мне в знак приветствия. Но какое уныние читалось в их глазах, когда они возвращались. Их взгляд, казалось, застыл от увиденного ими ужасного зрелища» [20, р. 65]. В этих словах сквозит еще и совершенно несвойственное военачальникам чувство вины за то, что приходится посылать людей на смерть. Как-то Петэна спросили, что требует наибольших усилий на войне. «Отдавать приказы!» – ответил он [13, р. 43].

К победе

Маршалу Петэну, благодаря которому последние две главы книги повествуют о нашей победе.

Посвящение Ш. де Голля в книге «Франция и ее армия» (1938)

В апреле 1917 г. Петэн, только что назначенный начальником Генерального штаба, выступил против не щадившего солдатских жизней Главнокомандующего Робера Нивеля. Нивель не прислушался к советам Петэна, и в середине апреля 1917 г. организованное им наступление на Шмен-де-Дам закончилось катастрофой: французы потеряли за неделю 100 тысяч человек. Нивель был отправлен в отставку, а 15 мая 1917 г. Петэн назначен вместо него Главнокомандующим. Благодаря содействию Петэна начальником Генерального штаба стал Ф. Фош, отправленный ранее в отставку вместе с Нивелем.

Первое, с чем пришлось столкнуться Петэну на новом посту, это волнения в войсках, охватившие 75 пехотных и 12 артиллерийских полков, а также 23 стрелковых батальона [28, с. 258]. Эти волнения были вызваны огромными потерями, понесенными по вине Нивеля. Критики Петэна, в том числе и отечественные историки, расписывали ужасы массовых расстрелов, к которым якобы прибег Петэн. Действительно, новый Главнокомандующий восстановил смертную казнь для нарушивших присягу солдат. На самом же деле, при наведении порядка было казнено минимальное количество бунтовщиков (49 человек из 554 при-

говоренных к смерти) вопреки кроваво-жадным требованиям массовых казней, исходившим от политиков, вроде Ж. Клемансо. 1873 мятежника получили тюремные сроки, из них 1381 человек – свыше пяти лет [29]. Умеренная позиция Петэна по вопросу о наказании участников волнений объяснялась все тем же человеческим отношением к солдатам: «Я без колебаний поддерживаю эти репрессии, не забывая, что им подвергаются солдаты, которые в течение трех лет были с нами в траншеях, и что это наши солдаты» [27, р. 158].

Солдаты, получившие в начальники «отца-командира» вместо «мясника» Нивеля быстро успокоились. С плохо подготовленными наступательными операциями было покончено. К октябрю 1917 г. Петэн, следуя своей тактике «от обороны к наступлению», отобрал у немцев Шмен-де-Дам благодаря менее масштабным наступательным действиям с малыми потерями. Еще раньше, 24 августа 1917 г., Петэн за свои заслуги удостоился звания кавалера Большого креста Ордена Почетного легиона (высшая степень).

Любопытно, что Ф. Фош, на котором отчасти лежала ответственность за прежние военные неудачи и который получил свое назначение благодаря протекции Петэна, попытался приписать себе заслуги своего заступника [30, р. 15]. Однако, как справедливо отмечал английский бригадный генерал Хьюберт Гоф, с 15 мая 1917 г., после назначения на должность начальника Генштаба, Ф. Фош постоянно находился при военном министре Поле Пенлеве и не имел прямого отношения к командованию войсками [31, р. 349]. Такого же мнения при-

держивался и Ш. де Голль. «Неясно, как Фош сумел бы осуществить свои планы и устремления без организационной основы, созданной Петэном», – напишет он позже в книге «Франция и ее армия» [9].

Завистников и недоброжелателей у Петэна хватало. Во-первых, на фоне петэновского «наступления от обороны» с малыми потерями сторонники «тотального наступления» Ж. Жоффер, Р. Нивель, Ф. Фош и Ж. Клемансо выглядели безответственными и неудачливыми военачальниками и политиками, на совети которых были сотни тысяч погибших солдат. Во-вторых, и на фронте Петэн не изменил своей привычке наживать врагов и демонстрировать свою независимость. Уже рассказывали о его отказе прибегнуть к массовым репрессиям против мятежных солдат в 1917 г., как того требовал премьер-министр Ж. Клемансо. Когда Ж. Клемансо оповестил Петэна о дате своего визита на фронт, то генерал ответил, что он в этот день будет занят инспекцией войск. Даже во время визита на фронт президента Франции Р. Пуанкаре вместе с высокопоставленными сербскими гостями (22 марта 1916 г.) Петэн остался верен себе. Герой Вердена упрекнул Президента Франции за то, что у него не нашлось ни слов, ни времени, чтобы обратиться с приветствием к солдатам [там же].

В ходе войны Петэн становится энтузиастом военной авиации, которую он успешно использовал в комбинации с артиллерией и пехотой под Верденом. 27 мая 1917 г. в письме военному министру П. Пенлеве Петэн сформулировал свою позицию:

«Авиация приобретает первостепенную важность. Она становится одним из неперенных факторов успеха. Необходимо господство в воздухе» [20, р. 83]. 4 июля 1917 год в директиве № 3 Петэн приказывает создать общий авиационный резерв при Главном командовании, для обеспечения «абсолютного господства в воздухе на нужных направлениях» [там же]. 25 декабря 1917 г. Петэн пишет своему другу, командующему американским экспедиционным корпусом Дж. Першингу: «Не станет ли авиация главным видом вооружения в недалеком будущем?» [31, р. 188]. Не все французские военачальники обладали прозорливостью Петэна. Так, Ф. Фош придерживался другого мнения. «Для того чтобы выиграть войну, нам необходимо абсолютное численное превосходство, – считал он. Если танки и авиация поглотят слишком много личного состава, это будет ошибкой» [32, р. 149].

В 1918 г. Петэн стал главным координатором действий всех союзников. В октябре 1918 г. он подготовил широкомасштабное наступление союзнических войск, которое должно было закончиться у немецкой границы. Ж. Клемансо, как глава правительства, настоял на том, чтобы не Петэн, а Фош получил звание генералиссимуса. Тем не менее, даже недруги не могли оспорить заслуги и славу Петэна. 8 декабря 1918 г. в Меце он получил из рук президента Пуанкаре, в присутствии Фоша и Клемансо, маршальский жезл. «История поставит маршала Петэна в первый ряд полководцев», – писал Ж. Клемансо в своем докладе президенту Пуанкаре [5, р. 25].

**СПИСОК ИСТОЧНИКОВ
И ЛИТЕРАТУРЫ**

1. *Киссельгоф, И.С.* История Франции в годы Второй Мировой войны [Текст] / И.С. Киссельгоф. – М.: Высшая школа, 1975. – 208 с.
2. *Смирнов, В.П.* Франция в XX веке [Текст] / В.П. Смирнов. – М.: Дрофа, 2001. – 352 с.
3. *Смирнов, В.П.* Движение Сопротивления во Франции в годы Второй Мировой войны [Текст] / В.П. Смирнов. – М.: Мысль, 1974. – 327 с.
4. *Максимов, В.* Де Голль и голлисты. «Коннетабль» и его соратники [Текст] / В. Максимов. – М.: Книжный мир, 2014. – 800 с.
5. *Ferro, M.* Pétain [Text] / M. Ferro. – P.: Fayard, 1993. – 789 p.
6. *Жискар д’Эстен, В.* Французы [Текст] / В. Жискар д’Эстен. – М.: Ладомир, 2004. – 248 с.
7. *Bruce, R.B.* Pétain: Verdun to Vichy [Text] / R.B. Bruce. – Washington: Potomac Books, 2008. – 160 p.
8. *Desprairies, C.* L’héritage de Vichy. Ces mesures toujours en vigueur [Text] / C. Desprairies. – P.: Albin Michel, 2012. – 247 p.
9. Pétain [Электронный ресурс]. – URL: <http://vbonhushist.11vm-serv.net/pages/petain.htm> (дата обращения: 13.08.2016).
10. *Le Groignec, J.* Le Maréchal et la France [Text] / J. Le Groignec. – P.: Nouvelles Editions Latines, 1994.
11. *Aron, R.* Pétain: sa carrière, son procès [Text] / R. Aron // Grandes dossiers de l’histoire contemporaine. – P.: Librairie Académique Perrin, 1962–1964. – 477 p.
12. *Laure (Général).* Pétain [Text] / Laure. – P.: Éditions Berger-Levrault, 1941. – 442 p.
13. *Голль, Ш. де.* На острие шпаги [Текст] / Ш. де Голль. – М.: Европа, 2006. – 240 с.
14. 1911. Ecole Supérieure de Guerre Cours d’infanterie. Colonel Pétain [Text]. – P.: Editions du Cosmogone, 2010. – 210 p.
15. *Griffiths, R.* Marshal Pétain [Text] / R. Griffiths. – L.: Constable, 1970. – 379 p.
16. Maréchal Pétain: officier. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.marechal-petain.com/officier.htm> (дата обращения: 13.08.2016).
17. Centenaire du Marechal Pétain [Text]. – Casablanca: R. Lacour, 1956. – 462 p.
18. *Azan, P.* Franchet d’Espéray [Text] / P. Azan. – P.: Flammarion, 1949. – 309 p.
19. *Bordeaux, H.* Images du maréchal Pétain [Text] / H. Bordeaux. – P.: Sequana, 1941. – 130 p.
20. *Le Groignec, J.* Pétain et les Allemands [Text] / J. Le Groignec. – P.: Nouvelles Editions Latines, 1997. – 459 p.
21. *Weygand, M.* Mémoires. T. 3: Rappélé au service [Text] / M. Weygand. – P.: Flammarion, 1950. – 600 p.
22. *Fayolle, M.E.* Cahiers secrets de la Grande Guerre [Text] / M.E. Fayolle. – P.: Plon, 1964. – 343 p.
23. Mémoires du Maréchal Joffre (1910–1917). T. 1 [Text]. – P.: Plon, 1932. – 465 p.
24. *Ludendorf, P.* Souvenirs de guerre. T. 1 [Text] / P. Ludendorf. – P.: Payot, 1921. – 443 p.
25. Dossier: Pétain dans la Grande Guerre // 14–18: Le Magazine de la Grande Guerre. – 2000. – avril – mai, № 31. – pp. 4-42.
26. История Франции в трех томах. Т. 2 [Текст]. – М.: Наука, 1973. – 664 с.
27. *Pétain, Ph.* Actes et Ecrits [Text] / Ph. Pétain. – P.: Flammarion, 1974. – 652 p.
28. Революционное движение во французской армии в 1917 году [Текст]. – М.–Л.: Соцгиз, 1934. – 313 с.
29. *Pedroncini, G.* Les Mutenries de 1917 [Text] / G. Pedroncini. – P.: PUF, 1983. – 328 p.
30. *Foch (Maréchal).* Mémoires pour servir de l’Histoire de la Guerre de 1914 [Text] / Foch. – P.: Plon, 1931. T. 2. – 330 p.
31. *Pedroncini, G.* Pétain : le soldat et la gloire 1856–1918 [Text] / G. Pedroncini. – P.: Perrin, 1989. – 442 p.
32. *Pedroncini, G.* Pétain, général en chef (1917–1918) [Text] / G. Pedroncini. – P.: Presses universitaires de France, 1997. – 463 p.

REFERENCES

1. 1911. Ecole Supérieure de Guerre Cours d’infanterie. Colonel Pétain, Paris, Editions du Cosmogone, 2010, 210 p.
2. Aron R., “Pétain: sa carrière, son procès”, in: *Grandes dossiers de l’histoire contemporaine*, Paris, Librairie Académique Perrin, 1962–1964, 477 p.
3. Azan P., *Franchet d’Espéray*, Paris, Flammarion, 1949, 309 p.
4. Bordeaux H., *Images du maréchal Pétain*, Paris, Sequana, 1941, 130 p.

5. Bruce R.B., *Pétain: Verdun to Vichy*, Washington, Potomac Books, 2008, 160 p.
6. *Centenaire du Marechal Pétain*, Casablanca, R. Lacour, 1956, 462 p.
7. Desprairies C., *L'héritage de Vichy. Ces mesures toujours en vigueur*, Paris, Albin Michel, 2012, 247 p.
8. Dossier: Pétain dans la Grande Guerre, *14–18: Le Magazine de la Grande Guerre*, 2000, avril – mai, No. 31, Pp. 4-42.
9. Fayolle M.E., *Cahiers secrets de la Grande Guerre*, Paris, Plon, 1964, 343 p.
10. Ferro M., *Pétain*, Paris, Fayard, 1993, 789 p.
11. Foch (Maréchal), *Mémoires pour servir de l'Histoire de la Guerre de 1914*, Paris, Plon, 1931, Vol. 2, 330 p.
12. Giskar d'Ësten V., *Francuzi*, Moscow, Ladomir, 2004, 248 p. (in Russian).
13. Goll' Ch. de, *Na ostrie shpagi*, Moscow, Evropa, 2006, 240 p. (in Russian).
14. Griffiths R., *Marshal Pétain*, Lion, Constable, 1970, 379 p.
15. *Istoria Francii v treh tomah*, Vol. 2, Moscow, Nauka, 1973, 664 p. (in Russian).
16. Kisselgof I.S., *Istoria Francii v gody vtoroj mirovoj vojny*, Moscow, Vyshaya shkola, 1975, 208 p. (in Russian).
17. Laure (Général), *Pétain*, Paris, Éditions Berger-Levrault, 1941, 442 p.
18. Le Groignec J., *Le Maréchal et la France*, Paris, Nouvelles Editions Latines, 1994.
19. Le Groignec J., *Pétain et les Allemands*, Paris, Nouvelles Editions Latines, 1997, 459 p.
20. Ludendorf P., *Souvenirs de guerre*, Vol. 1, Paris, Payot, 1921, 443 p.
21. Maksimov V., *De Goll i gollisty. "Konnetabl" i ego soratniki*, Moscow, Knijnij mir, 2014, 800 p. (in Russian).
22. *Maréchal Pétain: officier*, available at: <http://www.marechal-petain.com/officier.htm> (accessed: 13.08.2016).
23. *Mémoires du Maréchal Joffre (1910–1917)*, Vol. 1, Paris, Plon, 1932, 465 p.
24. Pedroncini G., *Les Mutenries de 1917*, Paris, PUF, 1983, 328 p.
25. Pedroncini G., *Pétain: le soldat et la gloire 1856–1918*, Paris, Perrin, 1989, 442 p.
26. Pedroncini, G. *Pétain, général en chef (1917–1918)*, Paris, Presses universitaires de France, 1997, 463 p.
27. Pétain Ph., *Actes et Ecrits*, Paris, Flammarion, 1974, 652 p.
28. *Pétain*, available at: <http://vbonhushist.11vm-serv.net/pages/petain.htm> (accessed: 13.08.2016).
29. *Revolucionnoe dvizhenie vo francuzskoj armii v 1917 godu*, Moscow-Leningrad, Socègiz, 1934, 313 p. (in Russian).
30. Smirnov V.P., *Dvizhenie Soprotivlenia vo Francii v gody vtoroj mirovoj vojny*, Moscow, Mysl, 1974, 327 p. (in Russian).
31. Smirnov V.P., *Francia v XX veke*, Moscow, Drofa, 2001, 352 p. (in Russian).
32. Weygand M., *Mémoires. Vol. 3: Rapplé au service*, Paris, Flammarion, 1950, 600 p.

Бурлаков Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра новой и новейшей истории, Московский педагогический государственный университет, burlakovan55@mail.ru

Burlakov A.N., PhD in History, Assistant Professor, New and Modern History Department, Moscow State University of Education, burlakovan55@mail.ru

УДК 94 (53)

ББК 63.3(6)

РОЛЬ СССР В СТАНОВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА КОРОЛЕВСТВА САУДОВСКАЯ АРАВИЯ

О.А. Никонов

Аннотация. *Статья посвящена анализу международной ситуации, сложившейся в регионе Ближнего Востока и на Аравийском полуострове в первой трети XX века. Тяжелое экономическое и социально-политическое состояние будущего королевства Саудовская Аравия определило вектор инициатив короля Ибн Сауда, направленных на достижение государственного суверенитета. Особое место отведено внешней политике Великобритании, стремившейся после Первой мировой войны различными средствами укрепить свое колониальное господство в арабских землях. Автор приходит к выводу, что поддержка СССР, включая существенную материальную помощь, полученную от товарообменных операций между странами, позволила лидеру аравийских племен – эмиру Неджда – Ибн Сауду стабилизировать ситуацию в центральной Аравии после гражданского раскола и на более прочных основах вести диалог с западными странами. Вместе с тем, укрепление двусторонних советско-аравийских отношений способствовало и решению собственных геополитических задач СССР, а именно: преодолению обструкции стран Запада коммерческим и политическим начинаниям Советского правительства в регионе Ближнего Востока, и установлению взаимовыгодных отношений, как с аравийскими монархиями, так и с сопредельными африканскими государствами.*

Ключевые слова: *Саудовская Аравия, Ближний Восток, Великобритания, СССР, внешняя торговля, дипломатия, международные конференции.*

USSR ROLE IN FORMING OF STATE SOVEREIGNTY OF KINGDOM OF SAUDI ARABIA

O.A. Nikonov

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the international situation formed in the Middle East and on the Arabian Peninsula in the first third of the 20th century. A difficult economical, social and political situation of the*

future of the Kingdom of Saudi Arabia determined the vector of initiatives of the king Ibn Saud, directed to the formation of state sovereignty. A special attention is devoted to the foreign policy of Great Britain aiming to strengthen its colonial supremacy in Arab countries after the First World War. The author concludes that the USSR support, including sufficient economical help, received due to the barter between countries, let the leader of Arab tribes, Amir of Najd, Ibn Saud, stabilize the situation in central Arabia after a civil dissent and on firmer grounds converse with Western countries. Besides, the strengthening of mutual Soviet-Arabian relations made it possible to solve some geopolitical tasks of the USSR; namely, to overwhelm a stonewalling of western countries to commercial and political efforts of Soviet government in the Middle East, which resulted in mutual beneficial relations both with Arab monarchies and bordering African states.

Keywords: *Saudi Arabia, the Middle East, Great Britain, the USSR, foreign trade, diplomacy, international conferences.*

Становление королевства Саудовская Аравия пришлось на сложные годы первой трети XX века. Весь Ближний Восток тогда представлял собой арену политических интриг ведущих европейских стран, стремившихся закрепить за собой наиболее выгодные коммерческие и политические привилегии. В качестве инструмента реализации своих замыслов Великобритания, Франция, США, Германия и Италия нередко использовали патриотический настрой туземной элиты, направленный на завоевание арабской независимости и создание собственной государственности. Параллельно центральным властям Османской империи, опутанной различными капитуляционными соглашениями и политическими обязательствами в пользу иностранных держав, превратил стамбульский кабинет в стороннего наблюдателя за развернувшимся на окраинах сепаратизмом. По справедливому заключению Р.Г. Ланды, турецкие паша, как правило, «не имели возможности, в случае конфликта, до-

статочно эффективно противостоять местным феодалам» [1, с. 132].

В таких условиях Абд аль-Азиз ибн Сауд, начав очередную кампанию по завоеванию независимости центральной Аравии, в период с 1902 по 1913 гг. сумел освободить от турецкого гарнизона будущую столицу королевства – Эр-Рияд, и изгнать все турецкие воинские части и администрацию из Аль-Хасы [2, р. 75, 83-84].

Самой вовлеченной в процессы национально-освободительного движения в арабских землях оказалась Великобритания. Заключив в 1899 г. тайное соглашение о политическом протекторате с шейхом Кувейта Мубараком ас-Сабахом, британский МИД практически завершил процесс установления своего контроля над всеми княжествами Персидского залива: Кувейтом, Бахрейном, Катаром, Оманом, Абу-Даби. К началу Первой мировой войны главная цель Великобритании сводилась, с одной стороны, к удержанию в своих руках Египта, Суэцкого канала и акватории

рии Красного моря и, с другой, – к расширению своего присутствия в Месопотамии (Ирак). Поэтому нет ничего удивительного, что британцы стали активно влиять на события в «промежуточной» зоне и вмешиваться в шедшую с переменным успехом борьбу феодальных кланов Саудитов и Рашидитов в Аравии.

Правитель Неджда – Ибн Сауд полагал, что заинтересованность Великобритании в вышеозначенных регионах позволит ему рассчитывать на серьезную внешнюю поддержку в борьбе с турецкими властями. Вместе с тем, начало Первой мировой войны открыло перед Великобританией широкие возможности достижения своих целей без корректировки планов с туземными элитами. Убежденность Ибн Сауда в том, что в специфических условиях военного времени «англичане более нуждаются в нем, чем он в них», сыграла с лидером Аравии злую шутку. Впоследствии оказалось, что надежды Ибн Сауда, возлагаемые на договор, оказались довольно призрачными из-за британских дипломатических игр. Однако на момент соглашения будущий король полагал, что смог выторговать лучшие для себя условия. 26 декабря 1915 г. в селении Дарин аравийский лидер заключил договор с политическим советником при британских войсках в Месопотамии Перси Коксом. В соответствии с договоренностями, Великобритания признавала Ибн Сауда и его наследников «правителями Неджда, Аль-Хасы, Катифа и Джубейля» включая города и порты, принадлежащие им, а также право контролировать местные племена. Договор был ратифицирован вице-королем Индии 18 июля 1916 г. Договор был

первым юридическим документом, подтверждавшим новый международный статус саудовского государства. Накануне заключения договора британцы сделали эмиру Эр-Рияда подарок в тысячу винтовок и 20 тыс. ф. ст., и разрешили ему закупать военное снаряжение из запасов военных складов на Бахрейне.

Однако соглашение Ибн Сауда с британцами, как оказалось, не гарантировало ему стабильность и независимость. Британская политика на Востоке всегда преследовала исключительно собственные цели и нередко демонстрировала «умение» менять своих партнеров для их достижения. Поэтому параллельно переговорам с Ибн Саудом шли тайные консультации «Форин офис» с шерифом Мекки – Хусейном ибн Али аль Хашими. Эти переговоры в конечном итоге привели к арабскому антитурецкому восстанию, которое началось 5 июня 1916 г. Международный вес шерифа – потомка Пророка Мохаммеда, его связи с арабскими патриотами и возможность сковать восстанием четыре турецкие дивизии от Маана до Саны, – все это предопределило выбор Хусейна главным союзником «Форин офис» в Аравии.

Ибн Сауд оказался не только преданным, но и окруженным врагами с трех сторон: с запада – союзным с британцами шерифом, с севера – политическим противником из династии Рашидитов – эмиром Джебель-Шаммара, с востока и севера – восставшим против него воинственным племенем аджман [3, с. 58]. Даже на южном направлении у Ибн Сауда не было надежных партнеров. Благодаря заключенным в 1915 и 1917 гг. соглашениям с правителем Южного Асира Мо-

хаммадом Али аль-Идриси Великобритания поставила этот эмират под свой контроль. Лондон снабжал аль-Идриси деньгами и оружием, а британский флот на Красном море поддерживал военные действия по расширению и укреплению территории эмирата [4, с. 5]. В Северном Асире правила династия Айядов, стремившаяся сохранить независимость, а потому объективно выступавшая против расширения влияния Неджда. На другой южной границе с момента признания в 1904 г. имамом стремился укрепить свою власть и независимость йеменский правитель Яхья Хамид ад-Дин. Ему принадлежала область Тихамы, на северную часть которой претендовал Ибн Сауд [4, с. 20].

Окончание Первой мировой войны поставило перед ведущими мировыми державами вопрос о формировании послевоенного ландшафта на Ближнем Востоке. В расчет были приняты следующие обстоятельства. Во-первых, военные действия в Европе заставили государства озаботиться созданием стратегических топливных резервов, без которых невозможна современная маневренная война. Английский премьер-министр лорд Д. Керзон, выступая на заседании Межсоюзнического Нефтяного Совета осенью 1918 г., отмечал, что Британия «приплыла к победе на нефтяной волне» [5, р. 32-33.]. Ему вторил и его коллега по альянсу премьер-министр Франции Жорж Клемансо, утверждая, что «нефть также необходима как кровь» [6, р. 70]. Эксплуатация природных богатств Ближнего Востока на «справедливой» основе предполагала достижение соглашений между западными странами о разграничении сфер интересов.

Во-вторых, возникла необходимость политического контроля над территориями, ранее входившими в состав Османской империи в форме коллективной системы ответственности. Такой контроль позволял весьма эффективно наладить экономическое освоение местной ресурсной базы. Примечательно, но ни о каком участии туземного населения в устройстве собственного будущего речи не шло. Иллюстрацией к данному тезису служит открытое письмо известного проповедника и миссионера на Ближнем и Среднем Востоке Аттельстана Рейли, опубликованное «Таймс» 20 ноября 1919 г. В нем, в частности, утверждалось: «Единственная надежда для этих обширных частей страны – это надежда на то, что некоторые из союзных держав примут мандат на управление ими. Я говорю некоторые, потому что такая задача совершенно не под силу какой-нибудь одной из них. Великобритания может сохранить свое положение на Тигре до Мосула...» [7, л. 23 об.]. Вполне естественно, что автор считал Великобританию «единственной хранительницей порядка и цивилизации в Передней Азии» [там же, л. 24]. Как справедливо замечала историк Ц. Чекаидзе: «Фактор военно-политического преобладания в регионе предоставил британскому правительству весомый аргумент.... И если Индия считалась “жемчужинной британской короны”, то Суэцкий канал рассматривался как “тотем британского величия”» [8, с. 202].

Вместе с тем, в политических условиях мандатной системы, проводить политику «сверху» было весьма проблематично. Поэтому в Лондоне были вынуждены соотнести имперские

стратегические интересы с экономическими и политическими реалиями и искать более рациональные варианты отстаивания своих позиций, а именно, установление «точечных» союзов.

Условия, сложившиеся после распада Османской империи, сделали возможным союз Великобритании и Хашимитской династии. Образование находившихся под мандатным управлением Великобритании королевств в Ираке и Трансиордании, как и провозглашение независимости Хиджаза, укрепили этот союз. Шериф Хусейн в Хиджазе, король Фейсал I в Ираке и король Абдалла I в Трансиордании создавали тот действенный треугольник британского контроля, который мог в дальнейшем восстановить британское влияние на всем мусульманском Востоке. Ведь нельзя сбрасывать со счетов возможность контроля главных мусульманских святынь – Мекки и Медины и крупнейшего красноморского порта – Джидды. Заявление министра колоний У. Черчилля, сделанное в 1921 г., что в отношении арабской расы могут быть применены две политики: одна – держать арабов разделенными; другая – в попытке создать арабское государство, дружественное по отношению к Великобритании, становилось лейтмотивом политики Великобритании на арабском Востоке. Принимая во внимание роль британских политических комиссаров в руководстве национальным правительством в Египте, и режим кондоминиума (британо-египетское правление) в Судане, можно утверждать, что главная цель внешнеполитической стратегии Великобритании была достигнута.

Развивая идею сохранения зависимых, но формально самостоятель-

ных государств, британский кабинет позволил подконтрольному королевству Хиджаз установить дипломатические отношения с рядом стран. В первые годы «независимости» королевство Хиджаз обменялось дипломатическими представителями с Великобританией, Францией, Египтом, Ираком, Сирией, СССР, Италией, Нидерландами, Турцией и Афганистаном [1, с. 135].

И, напротив, 5 мая 1922 г. Неджду навязали невыгодный договор о пограничном разграничении с Ираком, в соответствии с которым часть спорной территории переходила под контроль Хашимитского государства. Соглашение, подписанное в иранской Мохаммере, было позднее подтверждено статьями Укайрского протокола, что установило межгосударственную пограничную линию и дало возможность Великобритании строить военные форты на границе владений Ибн Сауда.

Любопытным представляется факт установления представительских отношений с СССР. На протяжении столетий Российская империя и Великобритания были непримиримыми врагами в вопросах политического и экономического доминирования в восточных странах. Революция 1917 г. в России не только не сняла этих противоречий, напротив, их только усилила, учитывая известное обращение советского правительства к народам Востока с призывом к антиколониальной борьбе. Потратив на организацию «кордона против большевиков» (с февраля 1918 по февраль 1921 г.) по подсчетам лорда Д. Керзона более 100 млн. ф. ст. [9, л. 106 об.], Великобритания «вдруг» не препятствует установлению дружественных отношений

своего протезе с извечным противником. Только содержание английских войск на границе с большевиками, по заявлению У. Черчилля в Палате общин от 16 декабря 1921 г., обходилось в 16,5 млн. ф. ст. [10, л. 106 об.]. Естественный вопрос, который возникает в связи с этим – зачем? Дело тут не только в заключении советско-британского торгового соглашения 1921 г. Договор снял экономическую и политическую изоляцию советского государства, но не изменил методов торговой и политической конкуренции, особенно в Иране, Ираке, на Ближнем Востоке. Проясняет картину факт обращения доктора Азила – представителя хиджазского шерифа Хусейна к председателю советской делегации Г.В. Чичерину на Лозаннской конференции 1922–23 гг. Арабский делегат от имени своего монарха просил советскую сторону признать его не как короля Хиджаза, а как «верховного главу всех арабских стран». При этом доктор Азил указывал на намерение короля сохранить «в отдельных странах их правителей» при создании в них конфедерации [11, с. 170]. Это было настолько созвучно заявлениям британского истеблишмента и содержанию статей, публикуемых «Таймс» на протяжении 1921 г., что не составляло труда понять основной замысел британской дипломатии. Привлечение на сторону Хусейна «не империалистической» страны могло существенно снизить накал антиколониальной борьбы арабских племен, особенно в Курдистане и династических распрях в Аравии. О задачах Великобритании в данном регионе осенью 1918 г. довольно откровенно писал госсекретарь по делам Индии: «будет удобно поощрять создание федерации самостоятельных

государств... которые могут воевать друг против друга, но не будут вредить Месопотамии» [12, с. 15]. Тем более, что по подсчетам того же Д. Керзона военная компания в Ираке стоила государству 700 млн. ф. ст. [13], а временами здесь приходилось держать до 420 тыс. солдат и офицеров [14, с. 10].

Для советской стороны заключение соглашения с авторитетным представителем арабо-мусульманского мира, безусловно, было дипломатическим прорывом. Однако, понимая политический расклад сил в Аравии, Москва не хотела связывать себя жесткими обязательствами, способными в дальнейшем существенно осложнить деятельность государства в регионе в целом. Кроме того, соглашаясь с британским предложением, правительство СССР решало важный вопрос по деблокированию морского судоходства из Черного моря в Средиземное. Дело в том, что, несмотря на заключение британо-советского торгового договора, оккупационное командование Великобритании и Франции в Стамбуле отказывалось пропускать российские коммерческие суда через Босфор и Дарданеллы. По этому поводу в ноябре 1922 г. Заместитель наркома иностранных дел Л.М. Карахан отмечал, что проход судов через проливы возможен под флагами вех наций, «кроме русского, германского, австрийского, болгарского и венгерского» [15, л. 2].

Поэтому советская сторона, признав необходимость установления дипломатических отношений с Хиджазом, уклонилась от признания ставленника Великобритании лидером всего арабского мира. Попутно Г.В. Чичерин указал на наличие в Аравии

врагов Хусейна – кланы аль-Идриси и Ибн Сауда, чье мнение на сей счет надо было учитывать [11, с. 170].

С учетом вышеперечисленных обстоятельств, Москва согласилась на обмен дипломатическими представителями, и в 1924 г. в были открыты агентство и генеральное консульство СССР в Джидде и миссия Хиджаза в советской столице. Возглавлять миссии своих стран за границей было поручено, соответственно, К.А. Хакимову и эмиру Лофталле. Нельзя сказать, что власти СССР серьезно беспокоили династические распри на территории Аравийского полуострова, но вот установление отношений с правителем Джидды – да. Дело в том, что без поддержки местных властей нельзя было восстановить прерванные в ходе войны и революции морские коммуникации с Персидским заливом. Крупнейшие стоянки судов по пути Одесса – иранская Мохаммера как раз приходились на хиджазскую Джидду – йеменскую Ходейду и иракскую Басру. Самый крупный морской порт на маршруте – египетская Александрия из-за боязни британских властей большевистской агитации был в этот период недоступен для советских пароходов. Аденский порт, контролируемый Великобританией еще с середины XIX века, также был закрыт для российских судов. Наконец, в борьбе с движением за объединение исторического Йемена, организованного имамом Яхья, британские войска заняли Ходейду. При отсутствии надежных стоянок и возможностей дозаправки углем и водой, перспективы восстановления морских коммуникаций СССР представлялись весьма туманными. Консульство в Джидде, в первую очередь, должно было прозонди-

ровать почву на предмет установления взаимовыгодных коммерческих контактов, и возможности организовать в Джидде торгово-перевалочный пункт. При этом было рекомендовано внимательно следить за внутривнутриполитической ситуацией в регионе, и искать приемлемые для СССР формы коммерческих и политических контактов с туземной элитой.

Уже первые донесения К.А. Хакимова в НКВД о состоянии дел в Аравии и британской политике показали правильность избранной СССР линии поведения. Консул отмечал, что раздел северной Аравии и создание «английского коридора» от Суэца через Палестину, Ирак, Персидский залив к Индии изолировали Хиджаз, Неджд, Асир, Йемен от их давних северных коммерческих партнеров [16, л. 15]. Британский произвол привел к заметному обострению внутренней ситуации в регионе. Проанализировав сложившиеся обстоятельства, консульство констатировало, что общая обстановка на полуострове напрямую зависит от экономического состояния аравийских стран.

Стесненные внешние и внутренние условия заставили Ибн Сауда предпринять самостоятельные шаги по защите своих экономических интересов, претензий и власти. Необходимость самостоятельных инициатив стала особенно очевидной после марта 1924 г., когда король Хусейн провозгласил себя халифом – покровителем всех правоверных. Военные действия между Недждом и Хиджазом оказались успешными для сторонников Саудитов.

Во время гражданского конфликта СССР занял нейтральную позицию, что, безусловно, сказалось на от-

ношении Ибн Сауда к СССР. Так, во время осады Джидды, все советские граждане были переправлены в безопасное место – Мекку, которую к тому моменту захватили отряды Ибн Сауда [17, с. 671]. После провозглашения 8 февраля 1926 г. Ибн Сауда королем Неджда, Хиджаза и присоединенных областей, СССР первым признал новое правительство. В ноте от 16 февраля 1926 г. подчеркивалось, что «исходя из принципов самоопределения народов... Советское правительство считает себя в состоянии нормальных дипломатических сношений с Правительством Вашего Величества» [там же, с. 101]. В ответном письме в адрес советского правительства король выражал признательность за проявление дружественных отношений и заявил о готовности его страны сохранить с СССР отношения на основе уважения независимости его страны и «прочих международных обычаев, признаваемых всеми государствами» [там же, с. 101-102].

Благожелательное отношение советского правительства к лидеру арабийских племен сказалось на оказании помощи молодому арабскому государству на международной арене. В том же 1926 г. Советская Россия поддержала позицию королевства на созванной в мае международной санитарной конференции в Париже. Нота с таким предложением от советского НКВД за подписью Г.В. Чичерина поступила наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко, возглавлявшему делегацию [там же, с. 275]. Дело в том, что, организованная под благовидным предлогом борьбы с распространением эпидемических заболеваний, конференция могла стать действенным инструментом великих держав для уста-

новления бесконтрольного господства во всех международных портах стран Востока. Холера, чума, желтая лихорадка и другие заразные заболевания, проникающие из стран Азии и Африки в Европу и Америку, вызывали обостренное беспокойство в развитых странах еще в середине XIX века. К концу XIX века были сформированы санитарные нормы, позволившие европейским государствам устанавливать в местах конечной отправки транзитных грузов и пассажиров из стран Востока в Европу свои карантинные службы. Особое значение для стран Аравии имела Египетская санитарная служба, созданная в 1892 г. британцами на базе Венецианских соглашений. И хотя Египетский морской санитарный совет имел статус международного органа, никого не могло ввести в заблуждение истинное положение дел. Британский надзор за судами, идущими через Суэцкий канал, в случае «обнаружения опасности» мог привести к полному закрытию границ для передвижения людей и товаров, что гарантированно вызвало паралич всей транспортной и торговой сети и, как следствие, серьезные экономические трудности и финансовые убытки. Еще более серьезные стеснения для Аравии несли статьи санитарной конвенции 1894 г. Тогда в Париже великим державам удалось включить в перечень «международных мер за пределами Европы» не только порты Красного моря и Персидского залива, но и «систему охраны Египта и Суэцкого канала, подробно остановиться на медико-санитарной проблеме паломничества в Мекку» [18, с. 54]. Окончательная редакция санитарных норм была выработана в Париже в ноябре 1911 – январе 1912 г. Конвенцию поддержала 41 страна. Поми-

мо 16 стран из Южной и Северной Америки, включая США, и европейских стран (Франция, Великобритания, Германия, Австро-Венгрия, Люксембург и пр.), она была поддержана Марокко, Османской империей, Сиамом, Египтом и Китаем [там же, с. 55].

После развала Османской империи и образования на ее территориях независимых государств и подмандатных владений возникла необходимость подтвердить ранее достигнутые соглашения и пролонгировать полномочия европейских наблюдателей. Обсуждение новых санитарных правил объективно имело свои резоны, поскольку после Первой мировой войны к основным эпидемиологическим угрозам добавились паразитарные тифы, оспа, испанка (испанский грипп). Вместе с тем, СССР был заинтересован в выведении крупнейших восточных портов из-под иностранного контроля, и передачи этих портов национальным правительствам. Для советской стороны данный шаг мог привести к облегчению условий экспортно-импортных операций в случае нормализации отношений СССР с восточными партнерами. Можно было бы обвинить советское правительство в безответственности и создании угрозы для европейского сообщества, учитывая состояние медицинской службы на Востоке. Однако, представляется, что СССР опирался на солидный и успешный опыт, накопленный русскими врачами в борьбе с разного рода туземными заболеваниями, включая эпизоотию. Медицинские центры в Иране, Палестине, Средней Азии и Эфиопии вполне справлялись с этими задачами, не прибегая к ограничениям карантинной службы [19]. В качестве примера можно привести

эпизод, связанный со вспышкой чумы в иранском порту Бушир летом 1899 г., когда русский врач Пашковский стал единственным спасителем для местных зараженных. Только он, в силу своих профессиональных качеств и результатов лечения, был благословлен городским духовенством на оказание помощи страждущим, в то время как чиновников британской карантинной службы на улицах города забрасывали камнями [20, л. 11-12].

Благодаря жесткой позиции советской делегации на переговорах в Париже, из Конвенции 1926 г. в значительной мере исчезли «особые постановления для стран Востока», которые имелись в прежних Конвенциях, исчез и соответствующий подзаголовок ст. 54 Конвенции 1912 г., который определял этот особый режим. В результате достигнутых договоренностей устанавливался национальный контроль за карантинно-санитарным состоянием во всех портах принадлежавших Саудовской Аравии. Примечательно, но добиться своими действиями послабления карантинного режима для наиболее перспективного партнера СССР на Востоке – Ирана не удалось. Ст. 90 Конвенции, пусть и в смягченном виде, сохранила особый режим в портах Персидского залива [21].

Не менее значимой оказалась поддержка СССР по линии конфессиональных контактов. Во время проведения всемусульманского конгресса в Мекке (7 июня – 5 июля 1926 г.), созванного Ибн Саудом по поводу восстановления паломничества к святым местам, уфимский муфтий Фахретдинов был избран первым заместителем председателя

конгресса. Участие российских мусульман повысило значимость проводимого мероприятия и косвенно способствовало провалу съезда в Каире, созванного по указке Великобритании для избрания нового халифа [17, с. 672].

Очередным шагом по укреплению международного положения королевства Саудовской Аравии стало турне 1932 г. в СССР и ряд европейских стран – Голландию, Германию, Польшу. Политическую делегацию возглавлял премьер-министр, законный сын Ибн Сауда – принц Фейсал. С 28 мая по 7 июня делегацию тепло принимали в Москве и Ленинграде, предоставив возможность знакомства с отечественными предприятиями и культурными центрами обеих столиц. Проявленное внимание объяснялось стремлением Советского правительства подчеркнуть заинтересованность в дальнейшем укреплении хозяйственного и культурного благополучия королевства. Как отмечал в приветственной речи Председатель ЦИК СССР М.И. Калинин, народы Советской страны внимательно следят за развитием аравийского государства и за его политикой, «направленной на защиту независимого существования арабского народа» [22, с. 342].

Обозначившийся с начала 1926 г. внешнеполитический курс СССР на поддержку суверенитета молодого арабского королевства, вызвал недоумение в рядах прожженных европейских политиков. По мнению большинства, смена правящей династии в Аравии никак не влияла на политическую самостоятельность нового правительства. Такую точку зрения в беседе с Наркомом иностранных дел СССР Г.В. Чичериным высказал Ге-

неральный секретарь МИД Франции Ф. Бертело. Обмен мнениями состоялся в Париже 23 мая 1927 г. В ходе встречи Ф. Бертело заметил, что «Ибн Сауд совершенно в руках Англии». Г.В. Чичерин, по-видимому, более осведомленный о трениях, существующих между британским «Форин офис» и правящим домом, на замечание своего коллеги заметил, «что это неверно, ибо Англия имеет в Аравии пять одновременных политик и поддерживает Ибн Сауда, как и всех его соперников» [23, с. 229]. В таких условиях для СССР открывалась перспектива стать для аравийского королевства надежным якорем, партнером, способным оказать как материальную, так и политическую поддержку в борьбе за отстаивание национальных интересов.

Сближение позиций между двумя странами на международной арене позволили королевству Хиджаза-Неджада надеяться на установление взаимовыгодных отношений и в коммерческой сфере. Благодаря этому, арабская сторона получила доступ к рынку недорогого продовольствия, текстиля, керосина и строительных материалов. Традиционно Аравия ввозила продовольствие из Египта, Ирака. Однако бедственное положение на продовольственном рынке этих стран после Первой мировой войны не позволяло закупать продукцию в больших объемах. Так, в 1923 г. из Египта в Аравию было ввезено всего 655 т. чечевицы, 1080 т. пшеницы, значительная часть которой проследовала дальше в Сирию, на сумму 7023 и 9763 ф. ст. соответственно [24, л. 121]. Дефицит продовольственных товаров вынуждал туземные власти искать дополнительный источник.

Поставки крупных партий продовольствия удалось наладить к весне 1927 г. Так, на борту судна «Теодор Нетте» в мае в Джидду было завезено 150 т. сахара и 80 т. муки [25, с. 52]. Осенью того же года рейсом парохода «Томь» ввезли 100 т. сахара и 86 т. муки [26, с. 20]. Всего за 1927 г. Советским государством было поставлено в Хиджаз-Неджд 750 т. муки и 470 т. сахара, что составляло 25% емкости сахарного и 10% мучного спроса аравийского рынка. Впоследствии ассортимент был расширен за счет пиленого леса, спичек, металлических и фарфоровых изделий, тканей, парфюмерии и галантереи [27, с. 42, 44].

Коммерческие инициативы советской стороны нашли понимание в среде местного купечества. Так, в январе 1925 г. от влиятельного хиджазского купца М. Бахафзаллы в адрес генерального консульства СССР в Джидде поступило предложение организовать дистрибьютерскую сеть для торговли советским керосином в Красноморских портах, включая Порт-Судан, Массауа, Аден, Моху, Ходейду и Джибути. Кроме того, купец гарантировал сбыт керосина на Бахрейне и внутри Аравийского полуострова [25, с. 50]. Заключение первых успешных коммерческих сделок между СССР и королевством Ибн Сауда вызвали волну негативной реакции со стороны западноевропейской прессы. Акционерное общество «Руссотюрк», которое по поручению советского правительства осуществляло коммерческие сделки в Аравии, французские, итальянские и британские СМИ обвинили в попытках создать русско-арабский коммерческий трест, полномочия которого «не ограничиваются чисто финансовыми предприятиями» [27, с. 42]. Апо-

феозом антисоветской истерии стала статья в британской «Дейли Телеграф», автор которой увидел в существовании представительства СССР в Джидде «чрезвычайно опасный фактор в связи с близостью с Суданом и легкостью сообщений с народами Восточной Африки и Аравийского полуострова» [28, л. 26].

Однако несмотря на нападки со стороны западной прессы, выгоды от торговли с СССР толкали местных коммерсантов к расширению деловых отношений. Так, в первом квартале 1927–1928 расчетного года аравийские купцы вышли на операционную площадку Московской товарной биржи. И хотя фирма была всего одна, она закупила российского текстиля на 156 тыс. руб. [29, л. 98, 101]. По оценкам экспертов МТБ, в ноябре – декабре 1927 г. сделки с королевством Хиджаз-Неджд достигли 17 – 18 млн. руб. [30, л. 160 об.]. Для арабских потребителей российская сторона выступала как поставщик и производитель доступных товаров. Предложить в качестве экспорта собственную продукцию Аравия не могла. Традиционно главной статьей ее внешней торговли были верблюды. Торговлей верблюдами занималась специальная корпорация, члены которой назывались акайли и причисляли себя к потомкам прославленного древнего племени банухикаль [31, с. 21-22]. Еще одной важной отраслью торговли была торговля лошадьми, вывозившимися громадными партиями в Индию, Египет, Турцию и Европу. Среди ремесленных изделий выделялись расшитые плащи из Аль-Хасы, дешевые металлические изделия, мраморные кофейники и ступки из Аль-Джауф, четки, украшения, серебряная и жестяная посуда

из Мекки. Ни один из этих товаров не подходил для российского рынка.

Тем не менее, с развитием товарообменных операций через Джижду для СССР открывались перспективы сбыта своей продукции на внутриаравийских рынках, а также в сопредельных регионах. Так, на состоявшемся 26 августа 1927 г. в Ближневосточной секции Российской Восточной торговой палаты (РВТП) совещании внешнеторговых организаций, был заслушан доклад начальника второй товарной экспедиции в Хиджаз-Неджд Н.М. Белкина. В нем подчеркивалось, что наличие нормальных дипломатических отношений обеспечивает юридическую основу для торговли между двумя странами. Тогда же было принято решение об установлении регулярных рейсов между Одессой и портами Красного моря, включая Джижду.

Важно отметить, что торговые отношения с СССР значительно облегчили финансовое состояние арабской страны и оживили коммерческую деятельность местного купечества. Валютные поступления от товарообменных операций с СССР пришлись на начальный период мирового экономического кризиса, в результате которого практически иссяк основной источник доходов королевской казны – паломничество. Традиционные доходы, приносимые сборами с паломников с 1928 г. стали стремительно сокращаться. Если в 1929 г. хадж совершили примерно 100 тыс. человек, то в 1930 г. Мекку и Медину посетило примерно 80 тыс. К 1931 г. эта цифра сократилась еще вдвое и составила приблизительно 40 тыс. паломников [32, р. 66]. Резкое падение денежных поступлений в казну,

за счет которой традиционно «кормились» шейхи подконтрольных племен, порождало социальную напряженность в саудовском обществе и могло привести к восстанию наиболее непокорных племен Хиджаза.

Попытки королевского правительства изыскать дополнительные средства у западных партнеров успеха не принесли. Почти два года ушло у британских властей на обсуждение размеров и условий кредита Ибн Сауду, а когда транш был совершен, то стал инструментом иностранного капитала для концессионных и иных захватов национальных богатств Аравии. В частности, к началу 1931 г. саудовский долг британцам превысил 100 тыс. ф. ст., что дало в руки лондонского правительства серьезные рычаги воздействия на экономическую политику туземных властей. В результате внешнего давления министр экономики королевства Хиджаз и Неджд А. Сулейман был вынужден принять решение о девальвации риала, повысив содержание в нем никеля. В результате данных действий к концу 1931 г. саудовский риал обесценился [33, р. 26].

Напротив, операции с СССР были организованы по льготной для аравийцев схеме. Так, по соглашению 1931 г. финансового департамента королевства с Всесоюзным внешнеторговым объединением «Востгосторг», поставки керосина из СССР на местные рынки предполагалось осуществлять с постепенным погашением долга в течение года [34, с. 300-301, 635]. Политика льгот и преференций была логичным продолжением государственной концепции взаимоотношений советского государства с восточными странами, озвученной еще в 1917 г. Не стоит обольщаться на пред-

мет излишней благотворительности правительства СССР или чрезмерного желания видеть государства Востока суверенными во всех областях их деятельности. Большевицкое правительство было не менее меркантильно и прагматично, чем его «западные» оппоненты. Вся «левая» популистская шелуха слетела с НКВД и коммерческих структур СССР буквально в течение нескольких месяцев после начала практической работы на восточных рынках. Из опыта работы в Иране и Турции был сделан ряд выводов. Во-первых, о концептуальном изменении подхода в организации системы взаимоотношений с восточными партнерами, то есть об отказе от капитуляционного наследия Российской империи. Комментируя данный выбор, Комиссия Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции по обследованию торговли с Ближним Востоком отмечала: «Не владея этими позициями фактически, нецелесообразно было удерживать их формально, юридически противореча из-за этого в корне нашей основной политической линии по отношению к народам Востока» [35, л. 23-24]. Во-вторых, о необходимости материально стимулировать самый активный класс восточного общества – купечество. Именно оно наиболее заинтересовано в национальной независимости и ведении дел «цивилизованными» (на основе равноправных отношений – *Н.О.*) методами. На практике это вылилось в предложения советской продукции (сахар, керосин, мука и пр.) на арабских рынках по мировым ценам. (Обычно цены были в 2 раза выше даже по сравнению с египетскими.) Задача, поставленная НКВД перед «Ближневостгосторгом», сводилась к воз-

можности «местному купечеству прилично заработать на наших товарах» [36, л. 20]. Удовлетворяя коммерческие потребности туземного купечества, СССР решал свои геополитические задачи, включая установление контактов с соседним Йеменом, Эфиопией и Эритреей. Конечно, советские действия объективно влияли на укрепление суверенитета Саудовской Аравии, но говорить о безвозмездной помощи СССР не приходится.

Таким образом, дипломатическая и политическая поддержка СССР, включая существенную материальную помощь, полученную от товарообменных операций, позволила Ибн Сауду стабилизировать ситуацию в стране после гражданского раскола и на более прочных основах вести диалог с западными странами. В условиях обструкции политических и экономических начинаний СССР на международной арене, советскому правительству пришлось прибегнуть к гибким формам взаимодействия с восточными странами, как в политических, так и экономических делах. Тот факт, что решение задачи укрепления позиций СССР в арабском мире совпало с коренными интересами арабского народа, направленными на завоевание суверенитета, не отрицает наличие у Советского правительства собственных геополитических целей в регионе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Востока. В 6 т. (отв. ред. Р. Г. Ланда). Т. V. Восток в новейшее время (1914–1945 гг.) [Текст]. – М.: Восточная литература, 2006. – 717 с.
2. *Bowen, W.* The history of Saudi Arabia [Text] / W. Bowen. – L.: Greenwood Press, 2008. – 158 p.

3. *Васильев, А.М.* Личность в истории Аравии [Текст] / А.М. Васильев // Азия и Африка сегодня. – 2012. – № 12. – С. 49-63.
4. Новейшая история Йемена (1917–1982 гг.). – М.: Наука, 1984. – 231 с.
5. *Longrigg, S.* Oil in the Middle East [Text] / S. Longrigg. – Oxford University Press, 1954. – 401 p.
6. *Kent, M.* Oil and Empire: British Policy and Mesopotamian Oil, 1900–1920 [Text] / M. Kent. – L.: Macmillan, 1976. – 274 p.
7. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 413. – Оп. 2. – Д. 297.
8. *Чикаидзе, Ц.М.* К истории проблемы арабского единства [Текст] / Ц.М. Чикаидзе // Новая и новейшая история. – 2013. – № 3. – С. 202-209.
9. Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). – Ф. 04. – Д. 50663. – П. 110.
10. АВПРФ. – Ф. 04. – Оп.18. – П. 110. – Д. 50663.
11. Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). – Т. VI. – М.: Политиздат, 1962. – 671 с.
12. *Мгои, Ш.Х.* Курдский национальный вопрос в Ираке в новейшее время [Текст] / Ш.Х. Мгои. – М.: Наука, 1991. – 328 с.
13. *Амин, Саид.* Восстания арабов в XX в. [Текст] / Саид Амин. – М.: Прогресс, 1964. – 348 с.
14. *Федченко, А.Ф.* Ирак в борьбе за независимость (1917–1968) [Текст] / А.Ф. Федченко. – М.: Наука, 1970. – 315 с.
15. РГАЭ. – Ф. 413. – Оп. 7. – Д. 170.
16. РГАЭ. – Ф. 8317. – Оп. 1. – Д. 40.
17. ДВП СССР. – Т. IX. – М.: Политиздат, 1964. – 783 с.
18. *Клименко, Е.П.* Международное сотрудничество в борьбе с эпидемиями (середина XIX – начало XX в. [Текст] / Е.П. Клименко // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки». – 2014. – Т. 27 (66). – № 3. – С. 50-58.
19. *Никонов, О.А.* Гуманитарная практика в восточной политике Российской империи о второй половине XIX в. [Текст] / О.А. Никонов // Преподаватель XXI век. – 2010. – № 2. – С. 276-284.
20. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). – Ф. 194. – Оп. 3. – Д. 376.
21. Большая медицинская энциклопедия [Текст] // Конвенции [Электронный ресурс]. – URL: http://big_medicine.academic.ru/5200/КОНВЕНЦИИ (дата обращения: 01.02.2017).
22. ДВП СССР. – Т. XV. – М.: Политиздат, 1969. – 867 с.
23. ДВП СССР. – Т. X. – М.: Политиздат, 1965. – 687 с.
24. РГАЭ. – Ф. 413. – Оп. 3. – Д. 1551.
25. *Макеев, Д.А.* Внешнеторговые связи СССР со странами Арабского Востока в 1922–1939 гг. [Текст] / Д.А. Макеев. – М.: Издательство МГПИ им. В.И. Ленина, 1983. – 115 с.
26. Торговля России с Востоком. – 1927. – № 5-6.
27. *Родригес, А.М.* У истоков внешнеторговых связей СССР со странами Аравийского полуострова (1920 – 1930-е гг.) [Текст] / А.М. Родригес // Вестник Российского университета дружбы народов. – Сер. Всеобщая история. – 2011. – № 4. – С. 40-53.
28. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 391. – Оп. 2. – Д. 93.
29. РГАЭ. – Ф. 3429. – Оп. 13. – Д. 2108.
30. РГАЭ. – Ф. 7590. – Оп. 3. – Д. 182.
31. *Родригес, А.М.* Аравийские монархии в XX в.: Политика, экономика, социальная структура [Текст] / А.М. Родригес. – Нью-Йорк – Онтарио: Мелен – Пресс, 2000. – 408 с.
32. *Knauershare, R.* The Saudi Arabian Economy [Text] / R. Knauershare. – N.Y., 1975. – 253 p.
33. *Bligh, A.* From Prince to King: Royal Succession in the House of Saud in the Twentieth Century [Text] / A. Bligh. – N.Y.: N.Y. Univ. press, 1984. – 140 p.
34. ДВП СССР. – Т. XVIII. – М.: Политиздат, 1973. – 718 с.
35. РГАЭ. – Ф. 635. – Оп. 3. – Д. 44.
36. АВПРФ. – Ф. 88. – Оп. 1. – П. 1. – Д. 1.

REFERENCES

1. *Arhiv vneshnei politiki Rossijskoj imperii (AVPRI)*, F. 194, Op. 3, D. 376. (in Russian)
2. *Arhiv vneshnei politiki Rossijskoj Federatsii (AVPRF)*, F. 04, D. 50663, P. 110. (in Russian)

3. *Arhiv vneshnei politiki Rossijskoj Federatsii (AVPRF)*, F. 04, Op. 18, P. 110, D. 50663. (in Russian)
4. *Arhiv vneshnei politiki Rossijskoj Federatsii (AVPRF)*, F. 88, Op. 1, P. 1, D. 1. (in Russian)
5. Bligh A., *From Prince to King: Royal Succession in the House of Saud in the Twentieth Century*, New York, 1984, 140 p.
6. *Bolshaja medicinskaja enciklopedija*, available at: http://big_medicine.academic.ru/5200/КОНВЕНЦИИ (accessed: 01.02.2017). (in Russian)
7. Bowen W., *The history of Saudi Arabia*, London, Greenwood Press, 2008, 158 p.
8. Chikaidze С.М., К истории проблемы арабского единства, *Новая и новейшая история*, 2013, No. 3, pp. 202-209. (in Russian)
9. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR (DVP SSSR)*, Vol. VI, Moscow, Politizdat, 1962, 671 p. (in Russian)
10. *DVP SSSR*, Vol. IX, Moscow, Politizdat, 1964, 783 p. (in Russian)
11. *DVP SSSR*, Vol. X, Moscow, Politizdat, 1965, 687 p. (in Russian)
12. *DVP SSSR*, Vol. XV, Moscow, Politizdat, 1969, 867 p. (in Russian)
13. *DVP SSSR*, Vol. XVIII, Moscow, Politizdat, 1973, 718 p. (in Russian)
14. Fedchenko A.F., *Irak v borbe za nezavisimost (1917–1968)*, Moscow, Nauka, 1970, 315 p. (in Russian)
15. *Gosudarstvennij arhiv Rossijskoj Federatsii (GARF)*, F. 391, Op. 2, D.93. (in Russian)
16. *Istoria Vostoka*, ed. R.G. Landa, Vol. 5, Vostok v novejshee vremia (1914–1945 gg.), Moscow, Vostochnaj literatura, 2006, 717 p. (in Russian)
17. Kent M., *Oil and Empire: British Policy and Mesopotamian Oil, 1900–1920*, London, Macmillan, 1976, 274 p.
18. Klimenko E.P. “Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v borbe s epidemijami (seredina XIX – nachalo XX veka)”, in: *Uchenie zapiski Tavricheskogo nazionalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo*, Seria “Uridicheskie nauki”, Vol. 27 (66), No. 3, pp. 50-58. (in Russian)
19. Knauershare R., *The Saudi Arabian Economy*, New York, 1975, 253 p.
20. Longrigg S., *Oil in the Middle East*, London, Oxford University Press, 1954, 401 p.
21. Makeev D.A., *Vneshnetorgovye svjazi SSSR so stranami Arabskogo Vostoka v 1922–1939 gg.*, Moscow, MPGI im. V.I. Lenina, 1983, 115 p. (in Russian)
22. Mgoi Sh.X., *Kurdskiy nazionalniy vopros v Irake v novijshee vremia*, Moscow, 1991, 328 p. (in Russian)
23. Nikonov O.A., Gumanitarnaja praktika v vostochnoi politike Rossijskoj imperii vo vtoroi polovine XIX v., *Prepodavatel XXI vek*, 2010, No. 2, pp. 276-284. (in Russian)
24. *Novejshaia istoria Iemena (1917–1982 gg.)*, Moscow, Nauka, 1984, 232 p. (in Russian)
25. *Rossijskij Gosudarstvennij arhiv ekonomiki (RGAE)*, F. 413, Op. 2, D. 297. (in Russian)
26. *RGAE*, F. 413, Op. 3, D. 1551. (in Russian)
27. *RGAE*, F. 413, Op. 7, D. 170. (in Russian)
28. *RGAE*, F. 635, Op. 3, D. 44. (in Russian)
29. *RGAE*, F. 3429, Op. 13, D. 2108. (in Russian)
30. *RGAE*, F. 7590, Op. 3, D. 182. (in Russian)
31. *RGAE*, F. 8317, Op. 1, D. 40. (in Russian)
32. Rodrigues A.M., *Aravijskie monarhii v XX v.: Politika, ekonomika, sotcialnaja struktura*, New York, Mellen Press, 2000, 408 p. (in Russian)
33. Rodrigues A.M. U istokov vneshnetorgovih sviazey SSSR so stranami Aravijskogo poluostrova (1920 – 1930-e gg.), *Vestnik Rossijskogo universiteta družbi narodov*, Ser. Vseobschaj istoria, 2011, No. 4, pp. 40-52. (in Russian)
34. Said Amin, *Vosstania arabov v XX v.*, Moscow, Progress, 1964, 348 p. (in Russian)
35. *Torgovlia Rossii s Vostokom*, 1927, No. 5-6. (in Russian)
36. Vasiliev A.M., Lichnost v istorii Aravii, *Azia i Afrika segodnia*, 2012, No. 12, pp. 49-63. (in Russian)

Никонов Олег Александрович, доктор исторических наук, профессор, кафедра новой и новейшей истории, Московский педагогический государственный университет, Nikonov100@mail.ru

Nikonov O.A. ScD in History, Professor, Modern and Contemporary History Department, Moscow State University of Education, Nikonov100@mail.ru

УДК 371.32
ББК 74.03

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ РУССКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ В МЕТОДИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ

С.Н. Абдуллаева

Аннотация. В учебной и научно-методической литературе последних лет системно-типологический аспект фонологических систем русского и узбекского языков находит свое освещение крайне редко. Автор статьи ставит перед собой задачу систематизировать и обобщить существующую в науке теоретическую базу по сравнительно-сопоставительному изучению фонологических систем русского и узбекского языков. Перспективной целью такого обобщения должна стать разработка новой педагогической технологии, рассчитанной на преодоление фонетической (и графической) интерференции при обучении учащихся узбекских групп русскому языку. В статье произведена систематизация контрастивных характеристик соотносительных и несоотносительных гласных и согласных фонем русского и узбекского языков и утверждается необходимость пересмотра существующих концепций преподавания фонетики и орфоэпии при изучении русского языка учащимися узбекских групп.

Ключевые слова: сравнительно-сопоставительный анализ русского и узбекского языков, фонологическая система, контрастивные характеристики гласных фонем, контрастивные характеристики согласных фонем, фонетическая интерференция, графическая интерференция.

317

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PHONOLOGICAL SYSTEM OF RUSSIAN AND UZBEK LANGUAGES FOR METHODOLOGICAL PURPOSES

S.N. Abdullayeva

Abstract. The system and typological aspect of phonologic systems of Russian and Uzbek languages has been extremely seldom highlighted in educational and scientific and methodical literature of the last years. The author of the article aims to systematize and generalize the existing theory base on comparative-contrastive study of phonological systems of Russian and Uzbek languages. Perspective purpose of such a generalization must be the de-

velopment of new educational technology designed to overcome the phonetic (and graphic) interference while teaching Uzbek student Russian language. The article classifies contrastive characteristics of correlative and non-correlative vowels and consonants of the Russian and Uzbek languages and affirms the need for revision of existing concepts of teaching phonetics and orthoepy when studying Russian by pupils of the Uzbek groups.

Keywords: *comparative and contrastive analysis of Russian and Uzbek languages, phonological system, contrastive characteristics of vowel phonemes, contrastive characteristics of consonants, phonetic interference, graphic interference.*

Для успешного овладения нормами русского литературного языка учащимися узбекских групп академических лицеев необходимо учитывать существующие сходства и различия в фонетических системах узбекского и русского языков. При этом наибольшее внимание следует уделить функциональному аспекту фонетики, то есть сопоставительному анализу фонологических систем русского и узбекского языков. Актуальность этой проблемы для методики обучения русскому языку носителей узбекского языка обусловлена целым рядом факторов, причем не только наличием в обоих языках тех или иных несходных элементов. Так, В.А. Виноградов отмечал: «Языки различаются на фонологическом уровне именно различным набором существенных для них фонологических категорий. В двух языках какие-то звуки артикуляционно могут весьма походить друг на друга, но их положение в системе при этом будет различно, то есть они будут входить в разные фонологические категории. Отсюда возникает трудность освоения “похожих” звуков, которая связана не столько с правильным артикуляционным воспроизведе-

нием, сколько с осознанием существенных отличий этих звуков как представителей определенных фонем от других звуков, представляющих другие фонемы» [1, с. 22-23]. Из этого следует, что в ходе подготовки различного рода методических разработок учебных занятий, посвященных вопросам русской фонетики и орфографии в группах с узбекским языком обучения необходимо уделять внимание системно-типологическим характеристикам русских сегментных и суперсегментных фонетических единиц даже в тех случаях, когда они демонстрируют известное сходство с аналогичными единицами узбекского языка.

Следует подчеркнуть, что в последние десятилетия сравнительно-сопоставительному анализу русского и узбекского языков уделяется довольно много внимания (хотя и заметно меньше, чем в научной парадигме 1960–1990-х гг.). Кроме того, наблюдается последовательный переход от собственно сравнительно-сопоставительных исследований к системно-типологическим, что отмечается некоторыми авторами. Так, О.А. Живцова отмечает: «Системно-типологические исследования разно-

структурных языков являются непосредственным продолжением сравнительно-сопоставительных исследований и преследуют научно-теоретические цели – сравнение отдельных микросистем разноструктурных языков с целью выявления их структурных, системных общностей и различий. Структурно-типологические исследования, нашедшие широкое распространение при интерпретации структурных особенностей, в основном западно- и восточно-европейских языков, получили большое развитие в сопоставлении структуры узбекского и западноевропейских (прежде всего – английского и, отчасти, немецкого) языков [2, с. 151-152]. Действительно, на данный момент в науке Узбекистана накоплен значительный опыт рассмотрения различных ярусов системы узбекского языка (в том числе фонетического уровня) в сопоставлении с английским, русским, немецким и другими языками.

Так, в работе А.М. Бегматовой производится сравнительно-типологический анализ причастий русского и узбекского языков [3]. В трудах М.Б. Файзуллаева раскрыты сравнительно-типологические особенности лексико-семантических групп глаголов психического состояния в русском и узбекском языках [4]. В диссертации М.И. Гадоевой рассмотрена типологическая категория неопределенности и способы ее выражения в разносистемных языках (на материале английского и узбекского языков) [5].

В трудах М.А. Салиевой определены основные методы и принципы сравнительно-типологического исследования фонологической структу-

ры слова в английском и узбекском языках с целью определения сходств и различий в применении этими языками фонематических и просодических средств [6].

Работа К.О. Сапаровой посвящена сопоставительно-типологическому исследованию фоностилистики русского и узбекского языков. По мнению автора, «сопоставительно-типологическое изучение структурно-языковых, лингвостилистических, лингвокогнитивных и лингвокультурологических свойств фоностилистических средств на материале разносистемных языков позволяет в расширенном научно-исследовательском ракурсе раскрыть проблемы звучащего текста и его отдельных стилистических единиц с учетом ментальных репрезентаций языковых и внеязыковых структур знаний» [7, с. 4].

Тем не менее, работ, посвященных собственно проблеме сопоставительного анализа фонологических систем русского и узбекского языков, в последние годы не создавалось. Вероятно, причина этого кроется в достаточной изученности вопроса.

Важнейшим и основополагающим исследованием является работа Е.Д. Поливанова [8], которая состоит из введения и двух частей, причем вся первая часть «Учение о звуковом составе (фонетика) русского языка» полностью посвящена сопоставлению фонологических систем двух языков [8, с. 19-47]. Исследователь чрезвычайно полно описывает важнейшие просодические особенности и функциональные характеристики ударения в русском и узбекском языках. Отмечается, в частности, стремление узбекского ударения на конец слова (при возможности постановки

русского ударения на последний, предпоследний, третий, четвертый, пятый и даже шестой и седьмой слоги с конца слова) [8, с. 21-22]. Важным следствием этих различий является то, что узбекское ударение «не только определяет единство слова (то есть позволяет сосчитать количество слов в воспринимаемой фразе), но и позволяет провести границы между словами, так как отмечает собой последний слог каждого слова», а русское ударение «способствует дифференциации слов (и грамматических форм)» [8, с. 47]. Исчерпывающим является представленное описание сходств и различий в структуре слогов: «В отличие от узбекского языка, в котором состав слога (из согласных звуков и гласного) допускает сравнительно мало разнообразия, русские слоги могут иметь весьма различный количественный и качественный состав. Именно: узбекский слог не может иметь больше одного согласного в своем начале – перед гласным, и не более двух согласных на конце слога; русский же язык допускает большое разнообразие слогового состава, то есть самые различные по своей структуре типы слогов (часть которых, следовательно, оказывается неприемлемой для узбекского языка)» [8, с. 22-23].

Однако большую часть сделанного анализа занимает сопоставление согласных и гласных русского и узбекского языков, причем нередко сопровождаемое замечаниями методического характера. Иначе говоря, перед нами не только академическое описание сходств и различий двух фонологических систем, но и фактически первая разработка по методике преподавания русского языка но-

сителям узбекского языка, причем с учетом целого ряда диалектных особенностей последнего. В этом смысле роль и значение Е.Д. Поливанова трудно переоценить.

Другой, чрезвычайно полный, по мнению автора статьи, сопоставительный анализ фонологических систем русского и узбекского языков представлен в труде И.А. Киссена [9]. В работе, помимо детального описания и сопоставления системы гласных [9, с. 5-14] и согласных [9, с. 15-22] звуков русского и узбекского языков, рассматриваются особенности сочетаний звуков (стечение согласных в начале и в конце слова, сочетания согласных с гласными, двойные согласные и др.) [9, с. 23-37]. Кроме того, автор уделяет существенное внимание ряду важнейших позиционных изменений звуков в русском и узбекском языках [9, с. 38-45].

В ряду первых учебных пособий, содержащих сопоставление фонологических систем русского и узбекского языков, в первую очередь, можно отметить учебное пособие по русской грамматике (на русском и узбекском языках) В.В. Решетова [10].

В.В. Решетов, последовательно различая понятия «фонема» и «звук речи», дает общую характеристику структуры русского слога и важнейших особенностей ударения [10, с. 4-5], классификацию и характеристику произношения гласных [10, с. 5-8], а также классификацию и особенности функционирования согласных звуков русского языка [10, с. 9-15]. Примечательно также то, что в разделе «Фонетика» автор касается некоторых вопросов орфографии, а именно особенностей употребления букв Я, Е, Ё, Ю [10, с. 9], правописа-

ния гласных после шипящих и Ц [10, с. 15-16], особенностей употребления твердого и мягкого знаков [10, с. 16]. Большинство предлагаемых В.В. Решетовым классификаций и характеристик отличаются сжатостью и одновременно полнотой, что делает их привлекательными с точки зрения методики преподавания.

Не менее значимой для дальнейшего становления традиции описания сравнительных характеристик фонетики русского и узбекского языков стало учебное пособие для студентов филологических факультетов О. Азизова [11]. В разделе «Фонетика» последовательно и достаточно полно освещаются основные черты сходства и различия русского языка в составе и основных дифференциальных признаках гласных (§§ 2–15) и согласных звуков речи (§§ 16–30), а также особенностей и функций ударения (§31) [11, с. 5-17].

Книга А.В. Миртова [12], в отличие от описываемых выше работ, адресована не столько исследователям и учащимся, сколько преподавателям. Это позволяет автору не только изложить важнейшие типологические различия между двумя фонетическими системами, но и включить в текст весьма ценные методические указания, нацеленные на преодоление межъязыковой интерференции. Так, в книге имеется раздел «Постановка правильного произношения», в котором, среди прочего, представлены параграфы «Профилактические меры», «Исправления речевых ошибок», «Освобождение от акцента» [11, с. 216-219]. В качестве иллюстрации приведем следующее высказывание проф. А.В. Миртова: «Иногда учителя неродного языка, во из-

бежание дурного влияния на произношение со стороны традиционной орфографии, заменяют ее на первых порах транскрипцией, т.е. записью, максимально приближенной к живому произношению. Обычен этот прием в учебниках французского и особенно английского языков. При преподавании русского языка узбекам (с которыми у нас нет особо больших расхождений) пользоваться транскрипцией не должно вовсе» [11, с. 216-217]. Заметим, что при некоторой одиозности формулировки данное положение сохраняет известную актуальность, ибо транскрипцию как прием обучения русскому произношению учащихся узбекских групп (классов) на практике никто не применяет.

В целом же автор также достаточно последовательно акцентирует внимание на ключевых особенностях таких русских звуков как [ы], [ц], [ф], [в], [ж], [г], [к], характеризующих их как отличные от «аналогов» в узбекской фонетике [11, с. 220-224]. Важным в работе является также то, что ученый рассматривает фонетические последствия удвоения русских согласных, а также процессы вокализации групп согласных и выпадения согласного [11, с. 224-227]. Значительное внимание автором уделено ударению в русском языке (этому вопросу посвящено 20 параграфов в книге) [11, с. 227-247]. Заметим, что более полного описания русского ударения применительно к нуждам методики преподавания данного вопроса в узбекской аудитории в литературе не встречается.

В учебной и научно-методической литературе последних лет системно-типологический аспект фоно-

логических систем русского и узбекского языков находит свое освещение крайне редко. Причем это касается как учебников и учебных пособий по русскому языку для групп с узбекским языком обучения, так и учебной литературы по узбекскому языку для русскоязычных групп. Так, в наиболее широко используемом в средних специальных учебных заведениях нашей страны учебном пособии, составленном З.Р. Джураевой [13], раздел «Фонетика» отсутствует как таковой. Не представлен он также и в более раннем издании того же автора [14].

Как показывает анализ, сходная ситуация наблюдается и в учебной литературе для высшей школы. Так, соответствующие разделы («Фонетика», «Орфоэпия») не представлены в целом ряде учебных пособий, находящихся широкое применение в реальном учебном процессе, а именно [15; 16; 17; 18]. Некоторое исключение составляет работа Х. Раббанакулова [19], в которой даны краткие определения понятий «фонетика» и «звук речи».

Следует отметить, что несколько более широко вопрос соотношения фонетических систем двух языков освещают авторы современной учебной литературы по узбекскому языку для групп с русским языком обучения. Так, в учебном пособии [20] содержатся указания на некоторые из имеющихся различий, например: «В узбекском языке имеется ряд специфических звуков (H, Q, O', G'). Нет звуков Ё, Щ, Ц» [20, с. 5]. Учебным пособием также предусмотрен анализ звуковых значений узбекского алфавита (латиницы) [20, с. 7] и раскрыты структура узбекских сло-

гов [20, с. 12] и специфика узбекского ударения [20, с. 14].

В чрезвычайно интересной и полезной, по мнению данной автора статьи, работе Г.Х. Бакиевой [21] представлен наиболее приемлемый и близкий к реальности процесс преподавания подход. В труде, имеющем модульную структуру, раскрытию специфики узбекского алфавита, звуков узбекской речи, особенностей слога и ударения отводится отдельный модуль (вводный), который по своему объему и содержанию вполне соответствует степени сложности преподаваемого вопроса [21, с. 14-25].

Тем не менее, очевидна недостаточность большинства существующих решений столь важного вопроса, как неудовлетворительное знание звукового строя изучаемого языка в его соотношении с фонетической базой и фонологической системой родного языка – что в конечном итоге негативно сказывается на культуре устной и письменной речи. Это обстоятельство обязывает исследователей к дальнейшему поиску адекватных решений данной методической проблемы.

В связи с этим автор данной статьи ставит перед собой задачу систематизировать и обобщить существующую в науке теоретическую базу по сравнительно-сопоставительному изучению фонологических систем русского и узбекского языков. Перспективной целью такого обобщения должна стать разработка новой педагогической технологии, рассчитанной на преодоление фонетической (и графической) интерференции при обучении учащихся узбекских групп русскому языку.

Итак, рассмотрим гласные и согласные фонемы в обоих языках. В русском языке шесть гласных фонем, а именно |а|, |о|, |у|, |и|, |э|, |ы|. В узбекском языке также шесть гласных фонем, но их состав несколько иной, а именно: |а|, |о|, |у|, |э|, |и|, |ў|. Следует подчеркнуть, что различие систем вокализма в сравниваемых языках не ограничивается наличием/отсутствием фонем |ў|, |ы|, поскольку даже условно совпадающие фонемы |а|, |о|, |у|, |и|, |э| реализуются неодинаково. Эти контрасты обусловлены различным действием закона редукции гласных, неодинаковой в обоих языках структурой слога и различиями в функциях и просодической природе ударения.

В русском языке имеется 32 основных согласных фонемы: |б|, |б'|, |в|, |в'|, |г|, |г'|, |д|, |д'|, |з|, |з'|, |к|, |к'|, |л|, |л'|, |м|, |м'|, |н|, |н'|, |п|, |п'|, |р|, |р'|, |с|, |с'|, |т|, |т'|, |ф|, |ф'|, |х|, |х'|, |ц|, |ч|, |ш|, |ш'|, |ж|.

В узбекском языке представлено 24 основных согласных фонем, а именно: |б|, |в|, |г|, |д|, |ж|, |з|, |к|, |л|, |м|, |н|, |п|, |р|, |с|, |т|, |ф|, |х|, |ц|, |ч|, |ш|, |к|, |х|, |г|, |нг|, |ж|.

Как видим, между рядами согласных фонем в русском и узбекском имеются сходства и различия, причем и те и другие могут быть определены только при последовательном контрастивном описании их основных артикуляционных характеристик (в сильной позиции) и основных позиционных вариантов.

С целью более конкретного и системного представления всех важнейших сходств и различий между фо-

нологическими системами русского и узбекского языков автором данной статьи составлены:

1. Таблица контрастивных характеристик гласных фонем русского и узбекского языков (см. табл. 1).

2. Таблица контрастивных характеристик соотносительных согласных фонем русского и узбекского языков (см. табл. 2).

3. Таблица характеристик согласных фонем узбекского языка, несоотносительных с русской фонологической системой (см. табл. 3).

4. Таблица характеристик согласных фонем русского языка, несоотносительных с узбекской фонологической системой (см. табл. 4).

Исходя из данных таблиц и всего изложенного выше, мы утверждаем необходимость пересмотра существующих концепций преподавания русской фонетики и орфоэпии при изучении русского языка учащимися узбекских групп, включая изменение действующих учебников и учебных пособий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виноградов, В.А.* Консонантизм и вокализм русского языка (практическая фонология) [Текст] / В.А. Виноградов. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – 83 с.
2. *Живцова, О.А.* Сопоставительно-типологический аспект исследования категории отрицания (на примере английского и узбекского языков) [Текст] / О.А. Живцова // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 23 (62). – № 3. – Симферополь, 2010. – С. 150-156.
3. *Бегматова, А.М.* Сравнительно-типологический анализ причастий русского и узбекского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / А.М. Бегматова. – Ташкент, 1999 – 31 с.

Таблица 1

Контрастивные характеристики гласных фонем русского и узбекского языков

№	Фонемы русского языка			Фонемы узбекского языка				
	Фонема	Используемые графемы	Основные артикуляционные характеристики в сильной позиции	Фонема	Используемые графемы	Основные артикуляционные характеристики в сильной позиции		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	a	А, Я	нелабializedанный, среднего ряда нижнего подъема	1) [a] – в позиции под ударением [как], [м'аг']; 2) [Λ] – в первом пред ударном слоге после твердых согласных и в абсолютном начале слова [жΛра], [Λпг'т'экь]; 3) [и'] – в первом предударном слоге после мягкого согласного [п'и'так]; 4) [ь] – во всех заударных и некоторых предударных (кроме первого предударного и начала слова) после твердых согласных [атльс] - (атлас); 5) [ь] – во всех заударных и некоторых предударных (кроме первого предударного) после мягких согласных кл'а'ч'ьм'и) - (клячами)	a	А, Я (А)	нелабializedанный, переднего (переднего) ряда, нижнего подъема	1) [a] – в положении после глубокозаднеязычных [к], [Ғ], [х] ғарб, канд, хат; 2) [ä] – в положении после и перед [к] и [Ғ], а также в соседстве с иными согласными: гап, ака, керак, мана, жаранг.
2	o	О, Ё	лабIALIZEDанный, заднего ряда, среднего подъема,	1) [o] – в позиции под ударением [ос'], [сол'], [јолкь]; 2) [Λ] – в первом предударном слоге после твердых согласных и в абсолютном начале слова [дΛбрө], [Λкно'];	o	О, Ё (О)	лабIALIZEDанный (в меньшей степени, чем русское), заднего ряда,	1) [o] - встречается чаще всего в начале и середине слов, а в финальной позиции в исконно узбекских словах почти не употребляется: [олим], [бош], [м'этро] (олим, бош, метро);

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
				3) [и ³] - после мягкого согласного в первом предударном слоге [м'и ³ д ³ ок], [т'и ³ мн ³ о]; 4) [ь] – во всех заударных и некоторых предударных слогах (кроме первого предударного и начала слова) после твердых согласных [м'ьл'л ³ к ³] (<i>молоко</i>); 5) [ь] – во всех заударных и некоторых предударных (кроме первого предударного) после мягких согласных м'ьд'л ³ н ³ о ³ с (<i>медонос</i>)			нижнего подъема	2) [ä] – в некоторых заимствованиях из европейских языков на месте первой предударной фонемы [o] [п'р'а ³ г'р'а ³ м:ä] (программа) 3) [и] – в некоторых заимствованиях из европейских языков в заударной позиции: [дир'э ³ кт'ир], [т'р'а ³ кт'ир] (директор, трактор).
3	[y]	У,Ю	лабиализованный, заднего ряда, верхнего подъема	1) [y] – в позиции под ударением [т'ут], [б'р'у ³ к'ь] (<i>тут, брюки</i>); 2) [y] (редуцированный) во всех безударных позициях [ур ³ ок], [с'ула], [м ³ о ³ у] (<i>урок, сюда, мою</i>)	[y]	У,Ю (У)	краткий лабиализованный, заднего ряда, верхнего подъема	1) [y] – в ударном и безударном положении [т'ур], [ува ³]; 2) [Ø] – в беглой речи фонема [y] в согласных может редуцироваться до нуля: [т'ш'а ³ сизми] (тушасизми?)
4	[э]	Э, Е	нелабиализованный, переднего ряда, среднего подъема	1) [э] – под ударением [э ³ р'] (<i>эра</i>) в положении между двумя мягкими как напряженный [э́] - [jэ́л'] (<i>ель</i>); 2) [э ³] в первом предударном слоге после твердых согласных и в абсолютном начале слова [ш'ь ³ ст ³ о́], [ы ³ т'аш] (<i>шестой, этаж</i>); 3) [и ³] – после мягкого согласного в первом предударном слоге [т'и ³ с ³ ок], [м'и ³ л ³ ок] (<i>лесок, мелок</i>); 4) [ь] – в заударных слогах после мягких согласных [с'и ³ н'ьм] - (<i>синем</i>)	[э]	Э, Е (Е)	нелабиализованный, полузакрываемый, переднего ряда, среднего подъема	[э] – во всех позициях, в ударном и безударном положении, по долготе и «продвинуто» вперед» приближаясь к русскому напряженному [э́] между мягкими согласными под ударением: [кэ́т], [бэ́лч], [jэ́мок], ср. русск. [пéт']

1	2	3	4	5	6	7	8	9
5	и	И	нелабиализованный, переднего ряда, верхнего подъема.	1) и – в позиции под ударением после мягких согласных [г'ир], [с'иль], [м'ил'ь] (<i>мир, сила, милья</i>); 2) [ь] – в позиции под ударением после твердых согласных [ц'ирк], [ш'ль] (<i>цирк, шло</i>); 3) [и'] – в первом предударном слоге после мягких согласных и в абсолютном начале слова [п'и'л'ит'], [и'р'йск'] (<i>тильть, ириска</i>); 4) [ь] – во всех заударных и некоторых предударных слогах (кроме первого предударного и начала слова) после мягких согласных [ш'р'ок'ь], [т'ьш'г'нь] (<i>широкый, тишина</i>); 5) [ь] – в некоторых предударных слогах (кроме первого предударного и начала слова) после твердых согласных [ш'рок'в'атъ]] (<i>широковатый</i>)	и	И (И)	краткий, нелабиализованный, переднего ряда, верхнего подъема.	1) и ≈ [и'] – в абсолютном начале слова как более передний, приближаясь к русскому звуку [и'] [идора] (<i>идора</i>); 2) и ≈ [ь], в соседстве с глубокозаднеязычными согласными [к], [ґ], [х], приближаясь к русскому звуку [ь], но более кратко: [кырк], [оґыс], [охыр] (<i>кырк, оґыз, охыр</i>); 3) и ≈ [ь] – в открытом слоге на конце слова, приближаясь к русскому [ь]: [озадь] (ёзادي); 4) и – в конце некоторых прилагательных арабского происхождения с основой на <i>-ий</i> [махали] (<i>махаллий</i>); 5) О – в беглой речи фонема и в положениях между двумя глухими согласными может редуцироваться до нуля: [пшади] (<i>пшади</i>)
6	ы	Ы, И	нелабиализованный, верхнего подъема, смешанного ряда.	1) [ы] – в позиции под ударением: [тын], [рыбь] (<i>тын, рыба</i>); 2) [ы'] – в первом предударном слоге [жы'рок], [мы'шл'эн'ь] (<i>жирок, мышление</i>); 3) [ь] – во всех предударных (кроме первого) и во всех заударных слогах после твердых согласных [доб'рь] (<i>добрый</i>) <i>Примечание:</i> фонема ы не реализуется в абсолютном начале слова и после мягких согласных	-	-	-	-
7	-	-	-	й	Й (О')	лабиализованный, верхнего подъема, смешанного ряда	[й] – во всех позициях, в ударном и безударном положении, по характеру артикуляции находясь между русскими [о] и [у] в сильных позициях: [йн], [йг'арак] <i>Примечание:</i> фонема й реализуется по преимуществу в первом слоге	

Таблица 2

Контрастные характеристики соотносительных согласных фонем русского и узбекского языков

№	Фонемы русского языка			Фонемы узбекского языка			
	Фонема	Используемые графемы	Основные артикуляционные характеристики в сильной позиции	Фонема	Используемые графемы	Основные артикуляционные характеристики в сильной позиции	
			5	6	7	8	9
1	[б], [б']	Б	Основные артикуляционные характеристики в сильной позиции (варианты) 1) [б], [б'] – перед гласными и звонкими согласными [бук], [брат], [б'лик]; перед мягкими твердый [б] смягчается: [Ак'т'аб'р'] (<i>октябрь</i>); 2) [п], [п'] – перед глухими и в конце слова: [ропк'ь], [лоп], [грат'] (<i>робкий, лоб, грабь</i>)	[б]	Б (В)	Губно-губной, смычный (взрывной), звонкий	1) [б] – в положении перед гласными и звонкими согласными [бор], [маблаг] (бор, маблаг); 2) [п] – в положении перед глухими и в конце слова: [муптало], [ки'топ] (<i>мубтало, китоб</i>)
2	[в], [в']	В	Основные артикуляционные характеристики в сильной позиции (варианты) 1) [в], [в'] – перед гласными и звонкими согласными [вор], [врак]; перед мягкими твердый [в] смягчается: [став'н'ь] (<i>стани</i>); 2) [ф], [ф'] – перед глухими и в конце слова: [трафкь], [лоф], [ГЛтоф'с'ь], [стаф'] (<i>травка, лов, готовься, ставь</i>)	[в]	В (V)	Губно-губной, щелевой, звонкий, парный по твердости / мягкости	[в] – в любом положении: [вазир], [давлаг], [палов] (<i>вазир, давлаг, палов</i>) По своей артикуляции отличается от русского [в], приближаясь к [у] неслоговому (как в заимствованиях типа <i>ваучер, лауреат</i>)
3	[г], [г']	Г	Основные артикуляционные характеристики в сильной позиции (варианты) 1) [г], [г'] – перед гласными и звонкими согласными [гот], [глас] (<i>год, глас</i>); перед мягкими твердый [г] смягчается: [Аг'н'и] (<i>огни</i>); 2) [к], [к'] – перед глухими: [р'и'нктон], [плд'в'эрк'с'ь], [<i>рингтон, подвергся</i>] 3) [к] на конце слова [рок], [врак] (<i>рог, враг</i>). [к] на конце слов не встречается	[г]	Г (G)	Заднеязычный, смычный, звонкий, парный по твердости / мягкости	1) [г] – в положении перед гласными и сонорными согласными [р], [л], [м], [н] (в составе заимствований) [гип], [глобус] (гап, глобус); перед другими звонкими согласными не встречается; по характеру артикуляции приближается к русскому [г']; 2) [к] – на конце слова (исключая дифтонгическое сочетание <i>-не</i>): [ба'рк], [так] (<i>барг, так</i>); перед глухими согласными не встречается

1	2	3	4	5	6	7	8	9
4	[д], [д']	Д	Переднеязыч- ный, смыч- ный, звонкий, парный по твердости / мягкости	1) [д], [д'] – перед гласными и звонкими согласными [дом], [драк], [д'и'г'а], [д'] акън] (<i>дом, драка, дитя, дыкан, перед</i> мягкими [д] смягчается: [п'а'д'н'аг'] (<i>одни</i>); 2) [т], [т'] – перед глухими: [п'р'и'г'став'аг'], [п'л'т'с'э'т'], (<i>представить, подсесть</i>); 3) [Ø] – нулевой звук в буквосочетаниях – зщ-, рщ-, с'рщ- (<i>сердце</i>)	д (D)	Д (D)	Передне- язычный, смычный, звонкий	1) [д] – в положении перед гласными и звонкими согласными [д'авлаг], [дэв], [б'адном] (<i>давят, дев, бадном</i>); 2) [т] – на конце слова и перед глухими согласными: [обог], [изгот], [б'аг'т'ар] (<i>обод, иждод, бадтар</i>)
5	[ж]	Ж	Переднеязыч- ный, щелевой, звонкий, не- парный твер- дый	1) [ж] – перед гласными и звонкими согласными [ж'ызн'], [жоскъ], [каждъ]] (<i>жизнь, жёстко, каждыи</i>); 2) [ш], – перед глухими и на конце слов: [мушско]], [рош], (<i>мужской, розь</i>)	ж	Ж (J)	Передне- язычный, смычный, звонкий	[ж] (произносится как мягкий [ж']) – во всех положениях без оглушения [жабр], [ри'вож'лаиш], [ри'вож].
6	[з], [з']	З, С	Переднеязыч- ный, щелевой, звонкий, парный по твердости / мягкости	1) [з], [з'] – перед гласными и звонкими согласными [зоф], [знак], [з'аг'], [каз'н'], (<i>зов, знак, зять, казнь</i>); перед мягкими твердый [з] смягчается: [р'а'з'н'аг'] (<i>разнять</i>); 2) [с], [с'] – перед глухими: [р'л'с'еф], [р'э'с'к'б]], что на стыке приставки и корня отражается в орфографии, (<i>раслеа, резкий</i>); 3) [ш] – в положении пред звуком [ш]: [нишъ]] (низший); 4) [ж] и sporадически [ж'] (долгий и мягкий) – перед фонемой [ж]: [в'и'жжа], либо [в'и'ж'а]	з	З (Z)	Передне- язычный, щелевой, звонкий	1) [д] – в положении перед гласными и звонкими согласными [з'акан], [м'азмун] (<i>закан, мазмун</i>); 2) [с] – на конце слова и перед глухими согласными: [кус], [исчил], (<i>куз, исчил</i>) Перед гласными [е] и [и] твердый [з] может в некоторой степени смягчаться: [з'эри'кмок] (<i>эришкок</i>)
7	[к], [к']	К	Заднеязыч- ный, смыч- ный, глухой, парный по твердости / мягкости	1) [к], [к'] – перед гласными, сонорными и глухими согласными, а также [в] и [j]: [кот], [клас], [к'ит], [тыквы], [лук'ја н] (<i>кот, класс, кит, тыква, Лукьян</i>). В абсолютном конце слова мягкий [к'] не встречается. 2) [г], [г'] – перед звонкими в составе заимствований: [м'а'лдонк'л'г'с] (<i>мадональдс</i>) но не перед сонорными [р], [л], [м], [н] и [j] в русских слова [крас'т'], [к'р'ук], (<i>красть, крук</i>)	к	К (K)	Заднеязыч- ный, смыч- ный, глухой	[к] – в положении перед гласными и сонорными [р], [л], [н] (в составе заимствований) [к'луп], [к'ран], [кн опкъ] (<i>касаб, ками</i>); перед иными согласными (включая сонорный [м]) не встречается. По характеру артикуляции приближается к русскому [к']

Продолжение таблицы 2

8	[л], [л']	Л	Переднеязычный, смычно-проходной, сонорный, парный по твердости / мягкости	1) [л], [л'] – во всех положениях [л'оп], [л'олнь], [стол], [л'пья], [к'л'л'я], [г'ул'] (люб, полный, стол, лйна, колые, толь); перед мягкими твердый [л] смягчается: [м'л'г'ил'ш'ьк] (могильщик); 2) [Ø] – нулевой звук в буквосочетании – лнц – [сонць] (солнце)	[л]	Л (L)	Переднеязычный, смычно-проходной сонорный	1) [л] – во всех положениях [л'ап], [ш'ак'л'л'юк], [исчил], (лаб, шақилдоқ, изчил). По характеру артикуляции находится между русскими [л] и [л']
9	[м], [м']	М	Губно-губной, смычно-проходной сонорный, парный по твердости / мягкости	[м], [м'] – во всех положениях [м'ост], [к'омньт], [дом], [м'ась], [пом'н'ьг'] [оз'ьм'] (мост, комната, дом, мясо, поминить, озимь); перед мягкими согласными твердый [м] смягчается: [льм'н'ьк] (дымник)	[м]	М (M)	Губно-губной, смычно-проходной сонорный, носовой	[м] – во всех положениях [м'аня], [томдл'рмоқ], [болом], (мана, тандирмоқ, бодом). По характеру артикуляции не отличается от русского [м], хотя в положении перед [э] и [и] может несколько смягчаться: [м'эв'я], [м'и'я]
10	[н], [н']	Н	Губно-губной, смычно-проходной сонорный	1) [н], [н'] – во всех положениях [нос], [к'лнтракт], [стон], [н'ос], [бан'кь], [л'эн'] (нос, контракт, стон, нёс, банка, лень); перед мягкими твердый [н] смягчается: [бурун'ч'ьк] (бурунчик)	[н]	Н (N)	Губно-губной, смычно-проходной сонорный	[н] – во всех положениях [н'азорат], [к'андя], [би'л'ан], (назорат, қадай, билан) По характеру артикуляции не отличается от русского [н]; в положении перед [э] и [и] не смягчается
11	[п], [п']	П	Губно-губной, смычный, глухой, парный по твердости / мягкости	1) [п], [п'] – перед гласными, сонорными и глухими согласными [пост], [правль], [топкь], [сноп] (пост, правда, толка, снол); 2) [б], [б'] – перед глухими (по преимуществу в заимствованных): [к'р'ьбд'и'шын], (крепдешин)	[п]	П (P)	Губно-губной, смычный, глухой	1) [п] – в положении сонорными и глухими согласными [поча], [гупро к] [к'аноп] (поча, тупроқ, каноп). По характеру артикуляции не отличается от русского [п], хотя в положении перед [э] и [и] смягчается: [п'эш'аня], [п'и'р'юс] (пешана, пиэз)
12	[р], [р']	Р	Переднеязычный, дрожащий сонорный парный по твердости / мягкости	[р], [р'] – во всех положениях [роқ], [г'орн], [вор], [р'инк], [взмор'я], [з'эр'] (рог, горн, вор, ринг, взморье); перед мягкими твердый [р] смягчается: [пльск'лгор'я] (пльскогорье)	[р]	Р (R)	Переднеязычный, дрожащий сонорный	[р] – во всех положениях [равши], [к'урдик], [бастакор], (равши, к'урдик, бастакор). По характеру артикуляции не отличается от русского [р]

1	2	3	4	5	6	7	8	9
13	с , с'	З, С	Переднеязычный, щелевой, глухой, парный по твердости / мягкости	1) с , с' – перед гласными, сонорными и глухими согласными, а также [в] и [j]; [сам], [срок], [стаг], [сват], [с'эрь], [п'э с'н'ь], [с'т'ак], [с'в'и'ч'а], [с'эл] (<i>сам, срок, сват, сват, серый, песня, свеча, съел</i>); перед мягкими твердый [с] смягчается: [с'н'аг'], [р'ап'эч'] (<i>снять, распечь</i>); 2) [з], [з'] – перед звонкими: [сб'ли'т'], [с'б'и'т']; 3) [ш] – в положении пред звуком [ш]: [з'а'рош'ш'ь] (<i>заросший</i>)	с	С (S)	Переднеязычный, щелевой, глухой	1) с – перед гласными, глухими согласными, сонорными (в заимствованных) и на конце слов [с'а́бл], [ба́стако́р], [сма́на], [би́рпас] (<i>сабаб, бастакор, смана, бирпас</i>). Перед звонкими согласными невозможен. Перед гласными [с] и [и] твердый [с] может незначительно смягчаться: [с'экин] (<i>секин</i>)
14	т , т'	Т	Переднеязычный, смычный, глухой, парный по твердости / мягкости	1) [т], [т'] – перед гласными, глухими согласными, сонорными, а также [в] и [j]: [том], [грут], [твој], [т'эн'], [сог'н'ь], [в'эт'в'ь], [прут'ь], (<i>том, труд, твой, тень, сотня, ветви, прутья</i>); перед мягкими твердый [т] смягчается: [пл'а'т'н'э'з'] (<i>плотнее</i>); 2) [д], [д'] – перед остальными звонкими: [од'бл'ьск], [л'д'б'и'т'], (<i>отблеск, отбить</i>); 3) [Ø] – нулевой звук в буквосочетаниях – стн- , – рцн- [ко́снь], [с'эрь] (<i>костный, сердце</i>)	т	Т (T)	Переднеязычный, смычный, глухой	[т] – в положении перед гласными, глухими согласными, сонорными [ти́рик], [лу́тф], [а́гроф] (<i>тирик, лутф, агроф</i>); 2) [д] – в ряде случаев перед звонкими согласными: [та́дбик] (<i>табик</i>) По характеру артикуляции не отличается от русского [н]; в положении перед [э] и [и] не смягчается.
15	ф , ф'	В	Губно-зубной, щелевой, глухой, парный по твердости / мягкости	1) [ф], [ф'] – перед гласными, глухими согласными, сонорными, а также [j] и на конце слова: [фа́рь], [фра́к], [т'л'ф'а], [ф'л'то'гр'ф], [в'э'р'ф'] (<i>фара, фрак, тафья, фотограф, верфь</i>); перед мягкими твердый [ф] смягчается: [граф'т'ь] (<i>срафьте</i>); перед звонкими (кроме сонорных и [j]) фонемы [ф], [ф'] не располагаются	ф	Ф (F)	Губно-зубной, щелевой, глухой	[ф] – перед гласными, глухими согласными, сонорными (в заимствованиях), а также [j] и на конце слова: [фа́йс], [да́ф'ра́], [фра́нт], [а́гроф], [а́грофи́он], (<i>файз, дафтар, фронт, агроф, агроф-ён</i>); перед звонкими (кроме сонорных и [j]) [ф] не встречается. По артикуляции не отличается от русского [ф], но в живой речи может приближаться к звуку [п]: [про́нт] (<i>фронт</i>)

16	[x], [x']	Х	Заднеязыч- ный, щеле- вой, глухой, парный по твердости / мягкости	1) [x], [x'] – перед гласными, сонорными и глухими согласными, а также [в]: [xог], [xром], [п'йтхъ], [xвэг], [x'итр'ј], [x'р'ип], [ax't'i], [г'их'в'ьн], (xод, xром, ливта, xват, хитрый, xрип, ахти, Тихвин). Перед звонкими согласными, а также [ј] звуки [x], [x'] не встречаются. В абсолютном конце слова может располагаться только [x], но не мягкий [x']: [моx]	[x] (X)	Глубокозад- неязычный, смычный, глухой	[x] – перед гласными, сонорными (в заимствова-ниях), глухими и звонкими согласными, а также на конце слов: [х'а́бър], [х'ром], [г'ух'тамоқ], [п'орох], [п'орохда]. Перед [ј] и [в] звук [x] не представлен По характеру артикуляции приближается к узбекскому [F]
17	[ч']	Ч	Переднеязыч- ный, слитный (аффрикат), глухой, не- парный мяг- кий	1) [ч] – перед гласными, сонорными и глухими согласными, на конце слова, а также перед [в] и [ј]: [ч'эк], [л'ичн'ъ], [поч'тъ], [проч'ъ], [поч'въ], [ч'ја] (чек, личный, почта, прочь, почва, чья); 2) [ш] – в части случаев чтения буквосочетания – чн- , определенных в словарном порядке: [кАн'эшнъ], но [в'эч'нъ], (конечно, вечный)	[ч] (Ch)	Передне- язычный, слитный (аффрикат), глухой	[ч] – перед гласными, сонорными и глухими согласными и на конце слова: [чунки], [кечроқ], [јогоч] (чунки, кечроқ, ёгоч). Перед звонкими (кроме сонорных), включая [в] и [ј] не представлен.
18	[й'] [й']	Й, Е, Ё, Я, Ю	Среднеязыч- ный, щеле- вой, непар- ный звонкий, непарный мягкий	1) [й'] – без изменений в любом положении: [ј'от], [сај'ръ], [вАј'д'и], [вАј'д'у], [вАј'т'и], [свој'ј] (йод, сайра, войди, войду, войти, свой)	[й] Е, Ё, Я, Ю (Y)	Среднеязыч- ный, щеле- вой, звонкий	[й] – без изменений в любом положении: [јоғо́ч], [ди́'лдо́р], [а́йр йм], [а́йтмоқ], [а́йвон], [ма́жбури́] (дййдор, айрим, айтмоқ, айвон, мажбурий). По артикуляции является более напряженным, чем русский [j']
19	[ш]	Ш	Переднеязыч- ный, щеле- вой, глухой, непарный твердый	1) [ш] – перед гласными, сонорными и глухими согласными, на конце слова, а также перед [в] и [ј]: [шыр'], [душкъ], [гошнъ], [л'иш], [п'Адошвъ], [ш'у] (шир, душа, тошно, лишь, подошва, шью); 2) [ж] – перед звонкими (кроме указанных) на стыке слов [мыш-да-кошкъ] (мышь да кошка)	[ш] (Sh)	Передне- язычный, смычный, звонкий	[ш] (произносится как мягкий [ш']) – во всех положениях без озвончения [ш'афк'ат], [м'ашхур], [м'ашгул], [ри'вожл'аниш] (шавкат, машхур, машгул, ривожланиш)

Таблица 3
Характеристики согласных фонем узбекского языка, несоотносительных с русской фонологической системой

№	Фонема	Испол- тель- звеме- Графемы	Основные арти- куляционные ха- рактеристики в сильной позиции	Основные позиционные реализации (варианты)	Основные следствия фонетической интерференции в речи носителей узбекского языка
1	[x], X, (H)		Гортанный, шеле- вой, звонкий	[x] – во всех положениях без смягчения и озвончения: перед гласными, звонкими согласными, сонорными, глухими согласными и на конце слова: [xар], [ахвол], [ахрор], [кулохчи], [жарох] (<i>хар, ахвол, Ахрор, кулохчи, жарроҳ</i>). Звук [x] отличается от [x] и не может подвергаться смягчению	Носители русского языка по преимуществу не осознают дифференциальных признаков фонем [x] и [x], в связи с чем, они произносят (и пишут) [x] на месте [x], что нередко приводит к коммуникативным неудачам. Также в узбекской речи русскоязычных наблюдается смягчение [x] перед гласными переднего ряда: [x'илоль] (<i>Хилола</i>)
2	[k], K, (Q)		Глубокозадняя- зычный, смычный, глухой	[k] – во всех положениях без смягчения и озвончения: перед гласными, звонкими согласными, сонорными, глухими согласными и на конце слова: [кув], [гакдир], [окаш], [оксокол], [капкок] (<i>кув, тақдир, оқлаш, оқсоқол, қалпок</i>). Звук [k] отличается от [k] и не может подвергаться смягчению	Носители русского языка по преимуществу не осознают дифференциальных признаков фонем [k] и [k], в связи с чем, они произносят (и пишут) [k] на месте [k], что нередко приводит к коммуникативным неудачам. Также в узбекской речи русскоязычных наблюдается смягчение [k] перед гласными переднего ряда: [k'илич] (<i>килич</i>)
3	[f], F, (G')		Глубокозадняя- зычный, смычный, звонкий	[f] – во всех положениях без смягчения и оглушения: перед гласными, звонкими согласными, сонорными, глухими согласными и на конце слова: [фишт], [тоғда], [ўғли], [тоғ] (<i>ғишт, тоғда, ўғли, тоғ</i>). Звук [f] отличается от [f] и не может подвергаться смягчению и оглушению ю	Носители русского языка по преимуществу не осознают дифференциальных признаков фонем [f] и [f], в связи с чем, они произносят (и пишут) [f] на месте [f], что нередко приводит к коммуникативным неудачам. Также в узбекской речи русскоязычных наблюдается смягчение [f] перед гласными переднего ряда: [f'ишт] (<i>ғишт</i>)
4	[ng] Hг (Ng)		Заднеязычный, смычно-проход- ной, сонорный носовой	[ng] – как самостоятельная фонема реализуется только на конце слов: [боринг], [энг] (<i>боринг, энг</i>). Как звук может проявляться также и в середине слова (но не в начале) на месте соединения звука и со звуками [г], [f], [k]: [магазинга], [онгтоқ], [ангков] (<i>магазинга, ёнгоқ, анқов</i>)	Носители русского языка нередко совершают ошибки при чтении конечного буквосочетания –ng (-ng) как реализацию двух фонем, соглушением конечного [г] в [к]: [боринк], [энк].

Таблица 4
Характеристики согласных фонем русского языка, несоотносительных с узбекской фонологической системой

№	Фонема	Испол- зуются	Графемы	Основные артикуляционные характеристики в сильной позиции	Основные позиционные реализации (варианты)	Основные следствия фонетической интерференции в речи носителей узбекского языка
1	[ц]	Ц		Переднеязычный, слитный согласный (аффрикат), непарный глухой, непарный твердый	1) [ц] – во всех положениях без смягчения: перед гласными, сонорными, а также [в] и [j]), глухими согласными и на конце слова: [цар'], [с'п'и'чна с], [цв'эт], [с'п'и'цкурс], [Лт'эц] (<i>царь, спецназ, цвет, спецкурс, отец</i>); 2) дифтонг [дз] – перед звонкими (кроме указанных) на стыке слов [Лт'эдз-бы] (<i>отец бы</i>)	В исконно узбекских словах звука [ц] нет, однако он широко представлен в заимствованиях типа <i>циркунь, конституция, центр</i> . Однако даже при литературном произношении звук [ц] смягчается: [ц'и'ркул']. В обиходной разговорной речи [ц] заменяется на [с], реже [тс]: [си'ркул'], [тси'ркул'].
2	[ш']	Щ, сч, жч, зч, стч, здч, шч		Долгий, переднеязычный, щелевой, непарный глухой, непарный мягкий	[ш'] – перед гласными, звонкими согласными (включая сонорные) и на конце слова: [ш'укъ], [в'и'ш'док], [мош'нь], [л'эш'] (<i>шужа, вецдок, моцный, лец</i>) Перед звонкими (кроме сонорных) не представлен	В узбекской речи долгий мягкий [ш'] не представлен. При произнесении русских слов, включающих [ш'], носители узбекского языка заменяют его на узбекский мягкий [ш'], не сохраняя долготу: [ш'укъ], [в'и'ш'док], [мош'нь]

4. *Файзуллаев, М.Б.* Сравнительно-типологические особенности лексико-семантических групп глаголов психического состояния в русском и узбекском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / М.Б. Файзуллаев. – Ташкент, 1994. – 30 с.
5. *Гадоева, М.И.* Типологическая категория неопределенности и способы её выражения в разносистемных языках (на материале английского и узбекского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / М.И. Гадоева. – Ташкент, 1990. – 31 с.
6. *Салиева, М.А.* Сравнительно-типологический анализ фонологической структуры слова в английском и узбекском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / М.А. Салиева. – Ташкент, 2002. – 32 с.
7. *Сапарова, К.О.* Сопоставительно-типологическое исследование фоностилистики русского и узбекского языков (на материале фоновариантов слов): Автореф. ... д-ра филол. наук [Текст] / К.О. Сапарова. – Ташкент, 2009. – 50 с.
8. *Поливанов, Е.Д.* Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком [Текст] / Е.Д. Поливанов. – Ташкент: Госиздат, 1933. – 182 с.
9. *Киссен, И.А.* Краткий очерк фонетики русского языка в сопоставлении с фонетикой узбекского языка [Текст] / И.А. Киссен. – Ташкент: Учпедгиз, 1952. – 88 с.
10. *Решетов, В.В.* Рус тили грамматикаси: Рус тили грамматикасидан қискача қўлланма [Текст] / В.В. Решетов, Л.В. Решетова. – Ташкент: Ўзбекистон Ўрта ва олий мактаб нашриёти, 1960. – 160 с.
11. *Азизов, О.* Ўзбек ва рус тилларининг қиёсий грамматикаси [Текст] / О. Азизов, М. Мирзаев, А. Сафаев, А. Бўрибеков. – Ташкент: Ўқитувчи, 1965. – 140 с.
12. *Миртов, А.В.* Очерки по методике преподавания русского языка в узбекской школе [Текст] / А.В. Миртов. – Ташкент: Средняя и высшая школа, 1962. – 252 с.
13. *Джураева, З.Р.* Русский язык: Учебник для учащихся групп с узбекским языком обучения профессиональные колледжей [Текст] / З.Р. Джураева. – Ташкент.: Шарқ, 2010. – 368 с.
14. *Джураева З.Р.* Русский язык: Учебник для учащихся национальных групп академических лицеев [Текст] / З.Р. Джураева. – Ташкент: Шарқ, 2001. – 318 с.
15. *Бердиева, М.А.* Пособие по чтению и развитию речи (на материале текстов по криминалистике): Учебное пособие [Текст] / М.А. Бердиева, отв. ред. И.Р. Мирзаева. – Ташкент: ТГЮИ, 2011. – 75 с.
16. *Каипова, А.А.* Русский язык: Учебное пособие [Текст] / А.А. Каипова, К.М. Акбаров, М.С. Клычева. – Ташкент: IQTISODMOLLYA, 2008. – 174 с.
17. *Магзумова, З.А.* Практический курс русского языка. Учебное пособие [Текст] / З.А. Магзумова, С.Д. Турланова, Р.Г. Мушина. – Ташкент: ТГПУ им. Низами, 2012. – 80 с.
18. *Мирхабибова, М.С.* Русский язык (часть II). Учебное пособие [Текст] / М.С. Мирхабибова. – Т.: ТГПУ им. Низами, 2007. – 95 с.
19. *Раббанакулов, Х.* Практический курс русского языка [Текст] / Х. Раббанакулов. – Самарканд: Изд-во СамГУ имени А.Навои, 2009. – 185 с.
20. *Rasulov, R.* O'zbek tili. O'rta maxsus kasbhunar ta'limi muassasalarining ta'lim bohqa tillarida olib boriladigan guruxlari uchun o'quv qullanma [Text] / R. Rasulov, A. Mirazizov. – Tashkent: Fan va texnologiya, 2009. – 240 с.
21. *Бакиева, Г.Х.* Узбекский язык для стран СНГ. Учебник [Текст] / Г.Х. Бакиева, Б.Х. Караева, Е.Н. Коршунова, И.А. Краева, Д.М. Тешабаева, Г.М. Фролова. – М.: ИПК МГЛУ Рема, 2012. – 330 с.

REFERENCES

1. Azizov O., Mirzaev M., Safaev A., B'yribekov A., Uzbek va rus tillarining kijosij grammatikasi, Tashkent, Ukituvchi, 1965, 140 p.
2. Bakieva G.H., Karaeva B.H., Korshunova E.N., Kraeva I.A., Teshabaeva D.M., Frolova G.M., *Uzbekskij jazyk dlja stran SNG. Uchebnik*, Moscow, 2012, 330 p. (in Russian)
3. Begmatova A.M., *Sravnitelno-tipologicheskij analiz prichastij russkogo i uzbekskogo jazykov: Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*, Tashkent, 1999, 31 p. (in Russian)

4. Berdieva M.A., *Posobie po chteniju i razvitiyu rechi (na materiale tekstov po kriminalistike): Uchebnoe posobie*, ed. I.R. Mirzaeva, Tashkent, 2011, 75 p. (in Russian)
5. Dzhuraeva Z.R., *Russkij jazyk: Uchebnik dlja uchashhihsja grupp s uzbekskim jazykom obuchenija professionalnye kolledzhej*, Tashkent, Sharq, 2010, 368 p. (in Russian)
6. Dzhuraeva Z.R., *Russkij jazyk: Uchebnik dlja uchashhihsja nacionalnyh grupp akademicheskix liceev*, Tashkent, Shark, 2001, 318 p. (in Russian)
7. Fajzullaev M.B., *Sravnitelno-tipologicheskie osobennosti leksiko-semanticheskix grupp glagolov psicheskogo sostojanija v russkom i uzbekskom jazykah: Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*, Tashkent, 1994, 30 p. (in Russian)
8. Gadoeva M.I., *Tipologicheskaja kategorija neopredelennosti i sposoby ejo vyrazhenija v raznosistemnyh jazykah (na materiale anglijskogo i uzbekskogo jazykov): Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*, Tashkent, 1990, 31 p. (in Russian)
9. Kaipova A.A., K.M. Akbarova, M.S. Klycheva, *Russkij jazyk: Uchebnoe posobie*, Tashkent, IQTISOD-MOLIYA, 2008, 174 p. (in Russian)
10. Kissen I.A. *Kratkij ocherk fonetiki russkogo jazyka v sopostavlenii s fone-tikoj uzbekskogo jazyka*, Tashkent, Uchpedgiz, 1952, 88 p. (in Russian)
11. Magzumova Z.A., Turlanova S.D., Musina R.G., *Prakticheskij kurs russkogo jazyka. Uchebnoe posobie*, Tashkent, 2012, 80 p. (in Russian)
12. Mirhabibova M.S., *Russkij jazyk (Part II). Uchebnoe posobie*, Tashkent, 2007, 95 p. (in Russian)
13. Mirtov A.V., *Ocherki po metodike prepodavaniya russkogo jazyka v uzbekskoj shkole*, Tashkent, Srednjaja i vysshaja shkola, 1962, 252 p. (in Russian)
14. Polivanov E.D., *Russkaja grammatika v sopostavlenii s uzbekskim jazykom*, Tashkent, Gosizdat, 1933, 182 p. (in Russian)
15. Rabbanakulov H., *Prakticheskij kurs russkogo jazyka*, Samarkand, 2009, 185 p. (in Russian)
16. Rasulov R., Mirazizov A., *Ozbek tili. Orta maxsus kasb-hunar talimi muassasalarining talim bohqa tillarida olib boriladigan guruxlari uchun oquv qullanma*, Tashkent, Fan va texnologiya, 2009, 240 p.
17. Reshetov V.V., Reshetova L.V., *Rus tili grammatikasi: Rus tili grammatikasidan qisqacha qyllanma*, Tashkent, Uzbekiston Yrta va olij maktab nashrijoti, 1960, 160 p.
18. Salieva M.A., *Sravnitelno-tipologicheskij analiz fonologicheskox struktury slova v anglijskom i uzbekskom jazykah: Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*, Tashkent, 2002, 32 p. (in Russian)
19. Saparova K.O., *Sopostavitelno-tipologicheskoe issledovanie fonostilisti-ki russkogo i uzbekskogo jazykov (na materiale fonovariantov slov), Extended abstract of ScD dissertation (Philology)*, Tashkent., 2009, 50 p. (in Russian)
20. Vinogradov V.A., *Konsonantizm i vokalizm russkogo jazyka (prakticheskaja fonologija)*, Moscow, 1971, 83 p. (in Russian)
21. Zhivcova O.A., "Sopostavitelno-tipologicheskij aspekt issledovanija kategorii otricanija (na primere anglijskogo i uzbekskogo jazykov)", In: *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacionalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Serija "Filologija. Socialnye kommunikacii"*, Vol. 23 (62), No. 3, Simferopol, 2010, pp. 150-156. (in Russian)

Абдуллаева Саида Нуритдиновна, соискатель, кафедра современных педагогических технологий, Узбекский государственный университет мировых языков, г. Ташкент, Республика Узбекистан, drevo_gizni@ramler.ru

Abdullayeva S.N., Post-Graduate Student, Department of Modern Pedagogical Technologies, Uzbek State University of World Languages, Tashkent, Uzbekistan, drevo_gizni@ramler.ru

ФРАЗЕМА КАК КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ СПОСОБ СЕМИОТИЗАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Г.В. Беликова

Аннотация. *Статья представляет собой попытку экспликации механизмов взаимосвязи между элементами ментального лексикона и единицами фразеологического языка культуры, отражающейся в синхронном действии языкового и когнитивного значений данных языковых знаков. Избранные высокочастотные французские фразеологизмы рассматриваются с позиций когнитивно-дискурсивного подхода, в параметрах теории концептуальной метафоры и концептуальной интеграции как вербально объективированный результат ассоциативно-образного, аналогового осмысления фрагмента мира в процессе речемыслительной деятельности индивида и в условиях речевой коммуникации. Анализ всех измерений семиозиса исследуемой фразеологической единицы с применением методики лингвокогнитивной интерпретации позволил сделать ряд заключений, подтверждающих значение метафорической составляющей мышления языковой личности в процессе категоризации «новых», малопонятных явлений наблюдаемого мира; проиллюстрировать обусловленность функционально-прагматического потенциала исследуемой фразеологической единицы как элементами когнитивной топологии исходных доменов, так и особенностями коммуникативного контекста актуализации фразеологизма.*

Ключевые слова: *концептуальная метафора, когниция, концепт, инференция, транспозиция, фрейм, фразеологизм, языковое значение, когнитивное значение.*

PHRASEM AS A COGNITIVE AND DISCURSIVE MODE OF SEMIOTISATION OF ETHNOCULTURAL SPACE

G.V. Belikova

Abstract. *The article elaborates on the ways of interrelation between different elements of mental vocabulary and phraseological linguistic units of the culture, which finds its reflection in the synchronic action of linguistic and cognitive meanings of given linguistic signs. Chosen common French*

phraseological units are analyzed through the cognitive and discursive approach, using the parameters of the conceptual metaphor and conceptual integration theories as a verbally objectified result of the associative, figurative and analog interpretations of world fragments in the process of human verbal and mental activity, as well as in the situation of verbal communication. The analysis of all semiosis dimensions of the given phraseological unit with the application of the method of linguistic and cognitive interpretation allows to draw several conclusions which approve the meaning of the metaphorical part in the way of thinking of any linguistic identity in the process of categorization of “new”, abstruse world phenomena; to illustrate the dependence of the functional and pragmatic potential of the given phraseological unit from the elements of the cognitive topology of initial domains and from the peculiarities of the communicative context of actualization of the phraseological unit.

Keywords: *conceptual metaphor, cognition, concept, inference, transposition, frame, phraseological unit, linguistic meaning, cognitive meaning.*

Отечественное языкознание последнего десятилетия отмечено появлением целого ряда исследований, интегрирующих антропологический и когнитивный подходы в изучении национальных языков. Объектом подобных работ, является, как правило, когнитивное сознание этноса¹, объективированное посредством языковых средств. Особое место в системе таких языковых средств закономерно отводится фразеологическому языку этнокультуры: фразеологические единицы (ФЕ) отвечают требованиям сразу нескольких постулатов лингвокогнитивистики, так как данные языковые знаки репрезентируют постулаты о примате когнитивного, о нерелевантности лингвистического и экстралингвистического знания, о тенденции к эконо-

мии усилий, о неоднородности плана содержания и языкового выражения [1]. Особый статус фразеологической когнитологии, рассматривающей, в частности, механизмы синтаксической компрессии и их экспликацию в языке как отражение свертывания ментальных структур в процессе когниции, отстаивали Анна Вежицка и ее последователи, подчеркивая тем самым ведущую роль метафоры² в изучении центральной проблемы когнитивистики – категоризации и концептуализации наблюдаемого мира.

Многомерность значения фразеологизма обусловлена, как известно, его образно-экспрессивной «природой»: возникающий в результате смешения исходной (образ-прототип фраземы) и новой, осмысляемой (актуальный образ) картин предметного

¹ О разграничении понятий когнитивное / языковое / коммуникативное сознание см., напр.: [2, с. 44-51].

² Здесь и далее речь идет о концептуальной метафоре как продукте «когнитивно-семиологической деятельности» и как источнике «порождения словесных метафор и фразеологических единиц» [3, с. 178].

/ социального мира рационально-чувственный образ в основе внутренней формы фразеологизма предопределяет денотативно-сигнификативное значение идиомы, а также многокомпонентную структуру ее коннотативного значения. Переосмысление как эвристическая интерпретация фрагмента действительности («новой»), малопонятной референтной ситуации / действия / явления) и «выведенное» знание о нем является тем основным когнитивным механизмом, который «цементирует» внутреннюю форму фразеологизма, организующую его значение. Этот речемыслительный механизм, «осмысление сложного в терминах простого» [4, с. 159], в основании фразеологической мотивированности позволяет рассматривать полупредикативные и предикативные ФЕ в параметрах когнитивной теории метафоры.

В развитие данной когнитивно-дискурсивной парадигмы обратимся к когнитивно-семасиологическому анализу³ одного из самых употребительных фразеологизмов современного французского языка *un coup de Jarnac*. В целях выявления концептной информации и, следовательно, экспликации элементов национального когнитивного сознания избранная ФЕ рассматривается не столько как языковой тропеический знак – результат метафорического переноса между предметами мысли, – сколько объективированный в языке способ осмысления «положения дел» в мире. Следуя логике Дж. Джейнса – «абстрактные концепты формируются с помощью конкретных метафор» [6,

с. 16], – анализ данной идиомы в качестве языкового репрезентанта концептуальной метафоры позволяет оценить малоосознаваемое или подсознательное отношение носителей языка к тем или иным социокультурным феноменам. Подобная неосознанная оценка индивидом явления / ситуации наблюдаемого мира выражается, как правило, в специфике основания метафорического уподобления (актуализированной метафорической модели⁴ в том или ином коммуникативном контексте) и эмоционально-оценочной коннотации выражения.

Воспроизводимый высокочастотный фразеологизм *un coup de Jarnac* (букв. «удар Жарнака») может служить примером исторической метафоры, функционирующей в современном французском языке преимущественно в политическом дискурсе. Этот широкоупотребительный фразеологизм с опорным компонентом – прецедентным именем *Jarnac* употребляется в значениях: «неожиданный и ловкий (зачастую решающий) удар» (1) и «коварный удар, удар в спину, предательский удар / поступок, предательство» (2). Данный фразеологизм возникает в середине XVI века в результате метафорического переосмысления свободносинтаксического прототипа фраземы *coup de Jarnac* в условиях его речевой реализации и воспроизведения в определенном коммуникативном контексте. Фразеологизация значения выражения *coup de Jarnac* происходит в эпоху Генриха II, который, став королем Франции в 1547 г., раз-

³ О семантико-когнитивном подходе к изучению языка, см. подр.: [5].

⁴ О метафорических моделях, см., напр.: [4, с. 71; 7, с. 19].

решает дуэль, некогда запрещенную его отцом Франциском I⁵. После смерти отца Генрих II поручает драться на дуэли и защитить свою «честь» Франсуа де Вивонну господину де Ла Шатеньере. История свидетельствует, что во время дуэли между Ги де Шабо бароном де Жарнак и Франсуа де Вивонном преимущество было на стороне Франсуа де Вивонна, но маленький и сублильный барон сумел неожиданно броситься в ноги господину де Ла Шатеньере и нанести ему решивший поединок удар ниже левого колена. Этот неопасный, но ловкий и совершенно неожиданный удар де Жарнака, сваливший с ног статного силача Франсуа де Вивонна, был в рамках правил поединка и не угрожал жизни противника, но де Вивонн не смог пережить поражения, сорвал наложенные на рану повязки и вскоре скончался от потери крови.

Итак, в эпоху становления фразеологизма метафоризация буквального значения выражения *coup de Jarnac* становится возможной благодаря первоначальной метонимической антономасии имени собственного *Jarnac*, при которой элементы «сценария» этой исторической ситуации – характерные особенности атакующего выпада и удара шпагой Жарнака – ассоциативно переносятся на подобную ситуацию противостояния любых других противников. Поэтому заметим, если фразеологизм *coup de Jarnac* в параметрах

когнитивной теории метафоры может быть представлен как конфликтная метафора (метафорическая модель «конфликт / ссора»), то в своей риторической «специализации» данная ФЕ может выполнять роль как метонимической и (в ее следствии) метафорической антономасии, так и текстовой метафоры.

В основании метафоризации (в языковой объективации – фразеологизации значения выражения) происходит процесс метафорической проекции фреймовых структур слота «фехтование»⁶ из сферы-источника «дуэль / борьба» в сферу-мишень – аналоговая ситуация «физического противостояния (дуэль, поединок) двух противников, при которой один из них наносит неожиданный, но ловкий, решающий удар» (в прямом смысле слова). В данном случае можно говорить об однонаправленной метафорической транспозиции из сферы-источника в сферу-цель, при которой решающими для организации значения идиомы становятся метафорические инференции, сформированные на основании аналогии с уже имеющимися в жизненном опыте индивида представлениями / знаниями (в данном случае – «сценарий» реально произошедшего поединка). При этом ключевым смысловым элементом фрейма-источника, задающим метафорическую проекцию в сферу-цель и структурирующим ее интерпретацию, является концептуальное представление качественных свойств

⁵ Чтобы не предавать огласке неблагоприятный поступок старшего сына Генриха (любителя и мастера интриг), нанесшего серьезное оскорбление подданному королю, дворянину Ги де Шабо барону де Жарнак, Франциск I запретил проведение дуэлей.

⁶ Речь идет о боевом фехтовании как искусстве владения и применения в бою, дуэли и т.п. холодного оружия.

нанесенного де Жарнаком удара – «законный», в рамках правил, неожиданный, быстрый, ловкий, решающий (удар). Именно поэтому первоначально (вплоть до второй половины XVIII века) фразеологическое сочетание *coup de Jarnac* употребляется в значении «неожиданный, хорошо рассчитанный и решающий удар», имеет конкретно-образную мотивацию, опирающуюся на интегративный рационально-чувственный образ, вербально соотносимый с выражением *coup de Jarnac*. Имя собственное «де Жарнак» выполняет роль атрибутивного компонента фраземы, ограничивающего «поле» смысловых внутрифреймовых (во фреймовой структуре «дуэль / борьба») ассоциаций конкретными свойствами удара шпагой, нанесенного бароном де Жарнаком своему противнику Франсуа де Вивонну. Поскольку в результате метафорической транспозиции именно эти характерные черты решающего выпада де Жарнака мотивировали первоначальное значение фразеологизма, имя собственное де Жарнак, ставшее в дальнейшем именем нарицательным, можно рассматривать как опорный элемент фраземы. В связи с этим заметим, что и сегодня не только в современном французском, но и русском языках употребляется языковой аналитический номинат *coup de Jarnac* в своем буквальном, «профессиональном» значении:

Техника боевого фехтования [...] Специальные удары: Coup de Jarnac (Ку де Жарнак) – прием обездвиживания противника путем подрезания сухожильной части поджилок, в результате чего нога жертвы ментально складывается. Это тянущий удар задним лезвием клинка

в область поджилок, то есть позади колена [8].

Coup de Jarnac [...] dans son sens premier et descrime, il sagit dun coup à larrière du genou ou de la cuisse, rendu célèbre par Guy Chabot de Jarnac, qui le porte lors dun duel judiciaire en 1547 [9].

Как отмечалось выше, имя собственное *Jarnac* также активно функционирует в современном французском языке как имя нарицательное и может обозначать:

Настольную игру в слова (типа Скрабл):

On fait un Jarnac? Quand le joueur A ne voit plus quoi faire avec les lettres de son tapis, il passe, et cest au tour du joueur B de tirer 6 lettres. Mais, à cet instant, si le joueur A pouvait encore faire un affichage quil na pas trouvé et si le joueur B sen aperçoit, ce dernier a le droit de déclarer “JARNAC” et de semparer du mot quil a su découvrir afin de le mettre sur son propre tableau [10].

Arnaque. Vous connaissez le principe des anagrammes? Eh bien Jarnac en a fait un jeu. Lorsque vous faites mieux que votre adversaire pour trouver le mot le plus long, vous lui piquez son mot : la règle appelle ça “le coup de Jarnac”, en référence à la botte descrime qui signifiait un coup bas au genou. Pour ma part, jappelle ce jeu une arnaque: un coup bas aux bourses bien pleines ; car en plus dêtre nul, ce jeu est cher [10].

Небольшой кинжал, который прячут в складках одежды и используют в последний решающий момент совершенно неожиданно для своего визави:

Lessayiste Mathieu Lindon pose la question: “François Hollande a la double

nationalité. De gauche et de droite. Conservera-t-il les deux sans déchoir? Le coup de Jarnac, coup jugé au départ habile et dans les règles de l'honneur au combat, a vu sa formulation prendre depuis un sens odieux, jusqu'au mot de jarnac se disant d'un poignard caché et que lon sort au dernier moment. L'événement d'aujourd'hui ne viendra pas, chers lecteurs, c'est certain, corriger cette mauvaise réputation» [11].

В дальнейшем значение фразеологизма меняется и получает дополнительные отрицательные коннотации. В 1771 г. появляется словарь де Треву (*Dictionnaire de Trévoux*) ордена иезуитов, в котором удар де Жарнака (к слову сказать, барон де Жарнак был протестантом) был описан как предательский удар, а фразеологизм *coup de Jarnac* впервые получает пейоративное значение «неожиданный предательский удар / предательство». И хотя позже словари Larousse et Littré опровергают это значение⁷, оно закрепилось в современном французском языке. Сложно сказать, по каким причинам⁸ производное окказиональное, «иезуитское», значение фраземы становится узуальным, а затем и «присоединившимся» к первому, основным значением, но очевидным остается факт влияния определенных (как внеязыковых, так и дискурсивных) факто-

ров на реметафоризацию ФЕ *coup de Jarnac*.

«Новое» значение фраземы появляется в результате когнитивных процессов иной, отличной от первоначальной, концептуализации сферы-мишени – референтной ситуации / явления, доминантный признак которой метафорически ассоциируется не с изолированной техникой собственно удара шпагой а-ля Жарнак, а с типизированным представлением ситуации предательства, неожиданного вероломного поступка, имеющего решающее значение для жизни, карьеры, благосостояния и т.п. человека. Подобная категоризация «положения дел» (объективированная в «новом» фразеологическом значении) стала возможной, как представляется, в результате междоменного взаимодействия фреймовых структур сферы-источника (когнитивное значение (1) ФЕ *coup de Jarnac*)⁹ и сферы-цели – наблюдаемой / переживаемой ситуации действительности. Осмысление и характеристика «производного референта» [12] осуществляется посредством ассоциирования новой референтной ситуации с основной, отраженной в образном основании фраземы, и метафорическим переносом ее понятийного содержания на предмет мысли (факт дей-

⁷ Ср.: *Ce coup fut trouvé très habile et fournit une expression proverbiale, qui a pris un sens odieux; mais c'est un tort de l'usage, car le coup de Jarnac n'eut rien que de loyal, et le duel se passa dans toutes les règles de l'honneur. À la suite de cela, un jarnac s'est dit aussi pour un poignard.*

⁸ Возможно, религиозного характера (известно многолетнее противостояние иезуитов и протестантов, а барон де Шарак, как отмечалось, был протестантом). Вместе с тем, по некоторым источникам, удар де Жарнака, нанесенный Франсуа де Вивонну, был назван присутствующим на поединке королем “un coup *perfide*” – коварным, вероломным, предательским ударом.

⁹ О разграничении когнитивное / языковое значение см., подр.: [12, с. 307-312].

ствительности). При этом метафорические инференции, проецируемые из сферы-источника, формируются по принципу аналогии (вербальная объективация образного уподобления – ФЕ *coup de Jarnac*), а ментальное пространство сферы-мишени осмысливается по принципу локальной интерпретации, при которой сама сфера-мишень содержит в себе такие когнитивные и психологические элементы, которые опосредуют восприятие и интерпретацию¹⁰ индивидом явления / события наблюдаемого мира. Иными словами, когнитивная топология сферы-цели отчасти задает иную концептуальную трактовку, переакцентуацию смысловых элементов сферы-мишени. Вместе с тем, логично полагать, что при условии относительного сохранения лексемных свойств компонентов фразеологизма когнитивная структура фрейма-источника (вербализованная и «свернутая» во фраземе *coup de Jarnac*) «включала» не только образные, но и вербальные ассоциации, навеянные одним из узуальных производных, а затем основных значений¹¹ лексемы *coup* (“Mouvement offensif dans un jeu”; “Choc, atteinte grave à la fortune, à la santé de quelqu’un”). При этом «непосредственным референтом производного употребления» [12, с. 326] узуальной фраземы *coup de Jarnac* является «домысленное» из ее когнитивного значения, аналогичное ос-

новной референтной номинации качество действия: *неожидаемый – непредполагаемый – коварный – смертельный* (удар). Первичное (вторая половина XVIII века) частное употребление уже известного и воспроизводимого фразеологического сочетания *coup de Jarnac* в его «новом» метафорическом значении является, в определенном смысле, окказиональным когнитивным употреблением данного языкового знака в целях номинации и интенсификации именно этого качества означаемого предмета мысли и, как следствие, экспликации гипотетически прогнозируемого результата (смертельный исход, конец карьеры, тяжелый моральный удар и т.п.).

Заметим, что в современной французской речевой культуре окказиональных когнитивных употреблений (семантических дериватов с отличным от узуальных значением) данной ФЕ не выявлено, хотя определенные синтаксические трансформы с сохранением языкового значения ФЕ встречаются, преимущественно, в разговорно-обиходном регистре французского языка. Отсутствие окказиональных фразеологических дериватов данной фраземы в современном коммуникативном контексте можно, по-видимому, объяснить затемненной внутренней формой ФЕ, немотивированным значением и наличием в ее структуре прецедентного имени, ограничивающим

¹⁰ Важное значение приобретает система представлений человека о мире, языковая картина мира индивида, его фоновые знания, культурный опыт и особенности коммуникативного контекста.

¹¹ В задачи статьи не входит описание механизмов порождения производного окказионального и, в дальнейшем, узуального производного значения, ставшего одним из основных значений лексемы *coup*.

потенциальные возможности семантической трансформации фразеологизма. Некоторые редкие формальные модификации фраземы (расширение структуры в соответствии, как правило, с лексической и грамматической валентностью слова компонента *coup*) продиктованы, как покажем далее, прагматическими коммуникативными намерениями адресанта: логически и экспрессивно акцентировать центральное содержание текста, резюмированное / предвосхищенное идиомой, выразить некоторые смысловые оттенки, усиливающие эмоционально-оценочную негативную (ироничную / саркастичную / пренебрежительную и т.п.) коннотацию сообщения.

Итак, представленная концептуальная интеграция¹² фреймовых структур исходных доменов проявилась в формировании и закреплении нового (в конце XVIII века) денотативно-сигнификативного значения рассматриваемого фразеологизма – «предательство, коварство, непредвиденный и неожиданный вероломный удар / поступок», ставшего с течением времени одним из двух основных языковых значений данной ФЕ. Таким образом, в современном французском языке ФЕ *coup de Jarnac* может употребляться как в своем нейтральном фразеологическом значении «решительный, ловкий, но неожиданный удар / поступок», так и в пейоративном – «предательский, вероломный удар / поступок, предательство». В функционально-семиологическом аспекте данная ФЕ выполняет роль высокочастотного, вос-

производимого и хорошо известного языкового аналитического образного номината. Различная степень экспрессивности, а также дискурсивная «специализация» данной ФЕ – лаконичность номинации, выражение оценочности, интенсификация характеристики / свойства референта – зависят от прагматических целей адресанта, актуализированного значения (1 или 2) ФЕ и ее контекстного окружения.

Остановимся на некоторых примерах актуализации данного фразеологизма в современном французском публицистическом контексте.

François Hollande ne préparerait-il pas un coup de Jarnac?

Le chef de l'État en est persuadé: sa réélection en 2017 passe par un affrontement avec Nicolas Sarkozy. Face à l'incertitude de la primaire à droite, pourrait-il être tenté de forcer le destin? [...] François Hollande est convaincu que sa seule chance d'être éventuellement, et par miracle, réélu en 2017 s'appelle Nicolas Sarkozy. Il lui suffirait de devancer d'une courte tête au premier tour le président pour disputer le second contre Marine Le Pen et l'emporter finalement grâce au fameux "sursaut républicain" [13].

В данном контексте фразема *un coup de Jarnac* выполняет роль катафоры как элемента связности текста, а ее основное языковое значение (неожиданный и коварный «удар» Франсуа Олланда, который он собирается нанести соратнику-республиканцу Николя Саркози с тем, чтобы выиграть выборы у лидера «Национального фронта» Марин

¹² Подобная трактовка вписывается в парадигму теории концептуальной интеграции, см., напр.: [6, с. 16-32].

Ле Пен) создает семантическую и прагматическую пресуппозицию адресата, «направляя» тем самым его понимание текста в необходимое русло. Иными словами, идентификация адресатом референтной ситуации, объективированной в «свернутом» виде во ФЕ и «развернутой» в ниже следующем тексте, происходит на основе метафорического отождествления производной референтной ситуации с «базовой» – фреймовой структурой сферы-источника, интегрирующей знания о типизированной ситуации «коварного действия», хранящиеся в памяти носителей языка в форме объемного содержательного представления и соотношенных с языковым знаком *un coup de Jarnac*.

Выше отмечалось, что рассматриваемый фразеологизм обладает высокой воспроизводимостью в современном французском языке и хорошо известен носителям языка. Следующий пример показателен не только в этом смысле, но еще и тем, что дает представление о существующих механизмах корреляции между ментальным¹³ и вербальным лексиконом носителей языка. Автор ниже представленного текста, описывая референтную ситуацию, «разворачивает» событийную структуру фрейма сферы-мишени и словно приглашает адресата самому сделать (напраши-

вающийся) вывод, резюмируя содержание изложенного путем метафорического ассоциирования с уже известным референтным действием (фреймовая структура сферы-источника), содержание которого отражено в значении ФЕ *un coup de Jarnac*. При этом сам фразеологизм автором не цитируется, а лишь аллюзивно (в том числе посредством использования в контексте слов-компонентов фразеологизма) раскрывается его содержание:

Lon demanda un jour à François “Le Petit” (F. Holland), que ses amis surnommaient affectueusement “Fraise des Bois” ou “Capitaine de Pédalo”, doù il tenait cette merveilleuse vêtire de libéralisme capitaliste. Il répondit quelle lui venait du réalisme économique que lui inculqua sa chère E.N.A. Or, de mauvaises langues travestirent ses propos et répandirent quil avait dit quelle lui venait du réalisme politique que lui inspira son prédécesseur, François “Le Florentin” (F. Mitterrand [...])¹⁴. Ajoutant quil avait conclu que passer par lélectorat de gauche pour arriver à appliquer une politique de droite était souvent, politiquement, le chemin le plus court... Cest alors que François “Le Petit” lui porta le coup fatal: feignant de commémorer lillustre disparu avec le parti, il convoquait en réalité les mânes de ce dernier à venir constater

¹³ Несмотря на противоречивые мнения об уместности номинации «ментальный лексикон», мы все же используем данный термин в следующем значении: целостное многокомпонентное структурированное представление о том или ином референте, запечатленное в долговременной памяти носителя языка и соотношенное с определенным языковым знаком.

¹⁴ За политические ухищрения, а также способность тонко манипулировать как противниками, так и соратниками, Ф. Миттерана еще при жизни прозвали «флорентийцем», имея в виду искусство политической интриги великих уроженцев Флоренции – Никколо Макиавелли или Лоренцо Великолепного.

*leur propre décès et le lieu de leur en-
sevelissement vingt ans plus tôt! Le
parti ne vit pas le coup venir, mais la
lame du réel latteignit de revers et sec-
tionna dun coup le jarret des certi-
tudes! Les mânes du parti, décillés de
leur illusion de vivre encore, sévanoui-
rent et le parti disparut. Lon considé-
ra ce coup très habile et il donna lieu
à une expression proverbiale... [14].*

В следующих двух примерах (3, 4) рассматриваемый фразеологизм – симплочка подвергается синтаксической трансформации (расширение структуры) в целях экспрессивизации, усиления оценочности и интенсификации характеристики описываемой адресантом референтной ситуации. В функционально-прагматическом плане подобная частичная формальная трансформация свидетельствует об уверенности автора в том, что носители языка хорошо знают основное языковое значение данного фразеологизма (хотя могут и не представлять диахронического механизма формирования узуального значения ФЕ):

Un coup de Jarnac?

*Gilles Taillon¹⁵ sest transformé en
tonton flingueur, aujourdhui. De son
Outaouais chéri, il a lancé une roquette
dans le camp d'Éric Caire. Un camp de
réfugiés, devons-nous dire mainte-
nant. Pendant que son ancien compa-
gnon darmes était en train de défendre
son honneur, et soutenait quil navait
pas embelli son curriculum vitae, Gen-
tleman Taillon a émis un communiqué:
selon des "sources", Caire na pas bo-
toxé son cv, il a poché tous les cours
auxquels il était inscrit... Voilà un
chaudron brûlant à manipuler, au nez*

*des journalistes qui avaient reçu le fa-
meux texte pendant que Caire sadres-
saient à eux... Un coup de jarnac pa-
reil, en direct pour ainsi dire, javais
jamais vu ça [15].*

Du "Coup de Jarnac" permanent à lindépendance politique.

*Deux évènements récents relatifs
aux transports publics de passagers
viennent incarner la parfaite indépendance
en politique renforçant, par ailleurs, la
théorie du "coup de Jarnac" perma-
nent. En effet, de nature différente de
prime abord, "l'Habitation Transport"
dune part et le conflit de la CFTU
dautre part ont en commun une instru-
mentalisation de lopinion à des fins
politiciennes. [...] Les usagers qui su-
bissent un lourd tribut face à la faillite
des politiques de transports publics
méritent mieux que cette attitude tout à
fait insupportable que lon ne saurait
passer sous silence... à moins den être
complice ! Le coup de Jarnac perma-
nent! [16].*

В следующем примере (5) автор в целях экспрессивизации текста прибегает к литературному приему каламбуру, основанному на употреблении языкового аналитического образного номината *coup de Jarnac* одновременно в двух значениях: в собственно фразеологическом значении «ловкий и неожиданный удар» и в буквальном, номинативном значении свободносинтаксического словосочетания "*coup de Jarnac*" – «ход / выпад / удар из Жарнака». Подобная реактивация предикативных отношений в грамматическом центре фразеологизма становится возможной благодаря контекстной конкретизации элементов референтной си-

¹⁵ Депутат Национальной Ассамблеи Квебека, избранный в 2007 г.

туации¹⁶, «включающей» имеющиеся представления адресатов о реально существующем городе Jarnac. Вместе с тем, узнаваемость, широкая употребительность фразеологизма *coup de Jarnac*, а также его атрибутивная позиция в предложении, ориентирует восприятие адресата на установление основного качества описанного референтного действия – неожиданный, непредвиденный (результат), а также «прочувствование» ироничной коннотации текста. Таким образом, адресат находится в ситуации двойного декодирования заключительной фразы текста и, благодаря контекстовой интерпретации референтной ситуации, опираясь как на когнитивное значение лексемы *Jarnac* (идентификация объекта-города Жарнак), так и на языковое узуальное значение фраземы *coup de Jarnac*, «выстраивает» соответствующий авторскому замыслу объемный силлепсический¹⁷ смысл всего текста:

Racault victime... dun coup de Jarnac

Le hameau des Essarts à Saint-Ouen a désormais sa réputation. C'est là que lon rencontre les cyclistes les plus rapides du département, et même au-delà. [...] C'est d'ailleurs un homme "hors département", en loccurrence le Charentais de l'AC Jarnac, Aurélien Moulin, qui réalisait le meilleur chro-

no du jour, bouclant les 17 km en 2224, soit à une respectable moyenne horaire frôlant les 46 km/h. On attendait les ténors régionaux, et en particulier les hommes de Chalette, Ronan Racault, Joey Wastiaux ou Pierre Tondereau, lesquels nont finalement pas su répondre au coup de Jarnac assené par Moulin, lequel est un vrai spécialiste de lexercice [...] [17].

Автор следующего текста описывает ситуацию празднования 20-й годовщины со дня смерти бывшего президента Франции Франсуа Миттерана и с нескрываемым сарказмом оценивает намерения действующего президента Франции Франсуа Олланда (неоднократно заявлявшего о верности идеям своего предшественника Ф. Миттерана)¹⁸ быть переизбранным на президентских выборах 2017 г. Точно так же, как и в предыдущем примере, опираясь на двойное прочтение имени собственного / топонима *Jarnac* (родной город президента Франсуа Миттерана, где находится его могила), автор в аллюзивной форме намекает на двусмысленное политическое «искусство» Франсуа Миттерана, его умение манипулировать как соратниками, так и противниками, позволившее ему оставаться у власти 14 лет. В этом смысле значение выражения *coup de Jarnac* задается когнитивным употреблением его

¹⁶ Жарнак (Jarnac) — город и коммуна в Сентонже, на правом берегу реки Шаранта, в одноименном департаменте, между Ангулемом и Коньяком. Речь идет о Спортивной Ассоциации велосипедистов города Жарнак (Jarnac), член которой показал наилучшее время на определенном отрезке гонки «Тур де Франс» и вопреки всем ожиданиям победил фаворитов из других городов.

¹⁷ Имеется в виду эффект семантического силлепса: разновидности метафоры или сравнения, в которой одно и то же слово (в данном случае словосочетание) используется сразу в двух значениях – прямом и переносном (в данном случае – фразеологическом).

¹⁸ Франсуа Миттеран и Франсуа Олланд – два единственных президента-социалиста при V Республике.

компонентов – удар / поступок / выпад из Жарнака, при этом само свободносинтаксическое словосочетание может быть «восстановлено» благодаря контексту до полного словосочетания “*coup de François Mitterrand de Jarnac*”. Именно этот «сценарий» (а не только свойство-качество референта как объекта фразеологической номинации), хранящийся в памяти современных французов и вербализованный в «свернутом» виде в данном переменном словосочетании, является сферой-источником метафорической проекции в сферу-цель – президентская кампания Франсуа Олланда. Вместе с тем, знание контекста обуславливает и фразеологическое прочтение словосочетания *coup de Jarnac*, а именно «коварный, неожиданный, вероломный удар / поступок». Действительно, один из смысловых элементов фреймовой структуры сферы-источника – представление о сомнительных политических «технологиях» президента-социалиста Франсуа Миттерана¹⁹ – становится ключевой метафорической инференцией, определяющей понимание сферы-цели («наследник» Франсуа Олланд и его президентская кампания). Таким образом, метафорическая транспозиция задается уподоблением двух имен Франсуа Миттеран и Франсуа Олланд, а основание данной метафорической проекции объективировано языковым значением фразеологизма *coup de Jarnac*:

Vingt ans après.

Il semblerait bien que cette journée du 8 Janvier, sombre 20e anniversaire de la mort dun ancien Président, avec cette toujours grande affection / affliction que nous lui connaissons bien, celle de fréquenter lair grave les cimetières, François Hollande soit venu se recueillir sur la tombe de son lointain maître et prédécesseur pour simplement lui demander, secrètement et à mi-voix, si du maître spadassin il avait bien retenu la leçon: pour être réélu, porter le coup de Jarnac, plus quau socialisme, à la Gauche en général [...] Celui dont on commémore aujourd'hui la disparition aurait prononcé quelque temps avant l'échéance fatale lénigmatique formule: "Je crois aux forces de lesprit, je ne vous quitterai pas !" En écho, 20 ans plus tard, il nous a semblé entendre, malgré le crissement des semelles sur le sol gravillonné devant la tombe, le Président daujourd'hui murmurer: "Je crois aux forces de l'arnaque, je ne vous quitterai pas". Arnaque à Jarnac? Je ne vous quitterai pas ? A quoi pensait-il? A sa réélection [11].

В следующих примерах (7, 8) актуализация фразеологизма *coup de Jarnac* в политическом контексте направлена на создание семантической и прагматической пресуппозиции адресанта (пример 8), «предвосхищение» и выражение определенной (иронично-негативной) эмоционально-оценочной коннотации текста, повышение экспрессии текста, а расширение

347

¹⁹ Ф. Миттерана часто упрекали в том, что он ради того, чтобы остаться у власти, всеми возможными способами приспособлялся к изменившейся политической «окраски» правительства (когда победила оппозиция и Ф. Миттеран назначил на пост премьера лидера правого парламентского большинства Жака Ширака). До него президенты в подобных ситуациях уходили с поста. Также не пользовались популярностью и противоречивые экономические реформы Ф. Миттерана, нарушение обещаний и т.п.

ние структуры фраземы (7, 8) служит целям эмфатической конкретизации субъекта действия и интенсификации характеристики его действий.

Hollande: vers un nouveau remaniement?

Un petit dernier remaniement pour la route? Ce n'est pas invraisemblable [...] C'est une rude tâche car François Hollande a fait quasiment l'unanimité contre lui. Le président a même contre lui ceux qui... n'attendaient rien. Le coup de Jarnac du père François... Car il manque toujours de lâme, de l'espérance, de l'énergie. L'Élysée n'hésite d'ailleurs pas à le reconnaître d'une formule se voulant humoristique: "Cosse ça ne fait pas une batterie". Il faudra "autre chose", estime-t-on à l'Élysée,... Ah, les aveugles! Il y aura un autre remaniement. Ce sera le coup du père François, François Hollande. Son coup de Jarnac à lui. Un petit dernier remaniement surprise pour la route! [18].

Que penser du coup de Jarnac de Sarkozy concernant la TVA Fillon?

Non contents d'avoir été surpris les doigts dans la caisse, Borloo, Fillon et le reste du gouvernement se voient aujourd'hui accusés de manque de cohésion par Sarkozy sur le projet de TVA anti-sociale. C'est pourtant bien lui qui a désavoué ses ministres sous la pression du peuple. Il devait avoir peur d'une cohabitation, maintenant qu'il connaît le résultat du scrutin, il est rassuré de la majorité UMP à l'Assemblée et il vide sa frustration sur les "responsables".

Raison de plus pour rester mobilisés contre cette tentative de réduction injuste du pouvoir d'achat.

Lamnésie instantanée, nest-ce pas le secret de toute réussite avec l'art de placer des coups de Jarnac? [19].

Итак, подводя краткий итог, утверждаем, что анализ функционально-прагматической семиотики фразеологических единиц в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы является эффективным и перспективным средством описания способов осмысления (в диахронии) носителями языка / культуры явлений внеязыковой действительности и, соответственно, фиксации культурологически значимой информации (в синхронии), а также экспликации механизмов взаимосвязи между элементами ментального лексикона и единицами языка, отражающейся в синхронном действии их языкового и когнитивного значений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов, А.Н. Постулаты когнитивной семантики // Известия АН. Серия литературы и языка 57/1. – С. 36-45 [Электронный ресурс] / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – URL: <https://books.google.ru/> (дата обращения: 03.07.2016).
2. Стернин, И.А. С любовью к языку. – Москва-Воронеж, 2002. – С. 44-51 [Электронный ресурс] / И.А. Стернин. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/sternin-02a.htm> (дата обращения: 10.06.2016).
3. Алефиренко, Н.Ф. «Живое слово»: проблемы функциональной лексикологии. Монография [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта, 2009. – 341с.
4. Баранов, А.Н. Метафорические грани феномена коррупции. – С. 70-79 [Электронный ресурс] / А.Н. Баранов. – URL: essosman.hse.ru/data/2011/01/11/1214866967/Baranov.pdf (дата обращения: 04.07.2016).
5. Попова, З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография. – Воронеж: «Истоки», 2007. – 250 с. [Электронный ресурс] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – URL: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbran_nye_nauchnye_publicacii/Kognitivnaja_lingvistika/Sema

- ntiko_kognitivnyj_analiz_jazyka_2007.pdf (дата обращения: 18.06.2016).
6. Будаев, Э.В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. – Вып. 1. – Екатеринбург, 2007. – С. 16-32 [Электронный ресурс] / Э.В. Будаев. – URL: www.philology.ru/linguistics1/budaev-07.htm (дата обращения: 03.07.2016).
  7. Резанова, З.И. Метафора в лингвистическом тексте: типы функционирования [Текст] / З.И. Резанова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – Томск, 2007. – № 1. – С. 18-29.
  8. Техника боевого фехтования [Электронный ресурс]. – URL: <http://wap.dumaland.forum24.ru/?1-7-0-00000001-000-0-0> (дата обращения: 03.07.2016).
  9. Coup de Jarnac [Electronic resource]. – URL: https://wikimonde.com/article/Coup_de_Jarnac (дата обращения 03.07.2016).
  10. On fait un Jarnac ? [Electronic resource]. – URL: <https://www.trictrac.net/jeu-de-societe/jarnac> (дата обращения 04.07.2016).
  11. Lindon, M. Vingt ans après [Electronic resource] [Text] / M. Lindon. – URL: [https://blogs.Mediapart.fr/tatia/blog/100116/vingt-ans-apres10 JANV. 2016](https://blogs.Mediapart.fr/tatia/blog/100116/vingt-ans-apres10_JANV.2016) (дата обращения 04.07.2016).
  12. Кошелев, А.Д. Значение слова как генеративный комплекс [Текст] / А.Д. Кошелев // Смыслы, тексты и другие захватывающие истории: Сборник статей в честь 80-летия И.А. Мельчука. – М., 2012. – С. 301-329 [Электронный ресурс] / А.Д. Кошелев. – URL: www.ruslang.ru/doc/mel_chuk_festschrift2012/Koshelev.pdf (дата обращения: 21.07.2016).
  13. Du Limbert, P.-H. François Hollande ne préparerait-il pas un coup de Jarnac ? [Text] / P.-H. Du Limbert [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/politique/2016/03/11/31001-20160311ARTFIG00295-francois-hollande-ne-preparerait-il-pas-un-coup-de-jarnac.php> (дата обращения: 15.07.2016).
  14. De Burgo, F. Le Coup de Jarnacs [Text] / F. De Burgo [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vexilla-galliae.fr/actualites/divers/1734-le-coup-de-jarnac> (дата обращения: 15.07.2016).
  15. Yébert M. Un coup de Jarnac? [Электронный ресурс] / Yébert M. – URL: <http://www.journaldemontreal.com/2009/09/14/coup-de-jarnac> (дата обращения 11.07.2016).
  16. Boutrin L. Du “Coup de Jarnac” permanent à l'indécence politique [Электронный ресурс] / Boutrin L. – URL: <http://www.mont-raykreol.org/article/du-coup-de-jarnac-permanent-a-lindecence-politique> (дата обращения 15.07.2016).
  17. La Nouvelle République. Loir-et-Cher – Cyclisme – départementaux contre-la-montre [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lanouvellerepublique.fr/Loir-et-Cher/Sport/Cyclisme/Cyclisme/n/Contenus/Articles/2016/05/02/Racault-victime-d-un-coup-de-Jarnac-2703056> (дата обращения 16.07.2016).
  18. Domenach, N. Hollande: vers un nouveau remaniement? [Text] / N.Domenach [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.challenges.fr/politique/20160215.CHA5097/gouvernement-il-y-aura-un-nouveau-remaniement-le-coup-de-jarnac-de-hollande.html> (дата обращения: 15.07.2016).
  19. Que penser du coup de Jarnac de Sarkozy concernant la TVA Fillon? [Электронный ресурс]. – URL: <http://fr.news.yahoo.com/18062007/290/sarkozy-regretterait-que-la-tva-sociale-n-ait-pas-ete.html> (дата обращения: 10.07.2016).

REFERENCES

1. Alefirenko N.F., “*Zhivoe slovo*”: *problemy funkcionalnoj leksikologii*, Monografiya, Moscow, Flinta, 2009, 341 p. (in Russian)
2. Baranov A.N., Dobrovolskij D.O., Postulaty kognitivnoj semantiki, *Izvestija AN. Serija literatury i jazyka* 57/1, pp. 36-45, available at: <https://books.google.ru/books?id=G0wNzNK5SwcC&pg=PA36&lpg=PA36&dq=Baranov+A.N.,+Dobrovolskij+D.O.+Postulaty+kognitivnyj+semantiki,+in:+Izvestija+AN> (accessed: 03.07.2016). (in Russian)
3. Baranov A.N., Metaforicheskie grani fenomena korrupcii, pp. 70-79, available at: ecsocman.hse.ru/data/2011/01/11/1214866967/Baranov.pdf (accessed: 04.07.2016). (in Russian)
4. Budaev Je V., “Stanovlenie kognitivnoj teorii metafor”, in: *Lingvokulturologija*, Vol. 1, Ekaterinburg, 2007, pp. 16-32, available at: www.philology.ru/linguistics1/budaev-07.htm (accessed: 03.07.2016). (in Russian)

5. Boutrin L., *Du «Coup de Jarnac» permanent à l'indécence politique*, available at: <http://www.montraykreyol.org/article/du-coup-de-jarnac-permanent-a-lindecence-politique> (accessed: 15.07.2016).
6. *Coup de Jarnac*, available at: https://wikimonde.com/article/Coup_de_Jarnac (accessed: 03.07.2016).
7. De Burgo F., *Le Coup de Jarnac*, available at: <http://www.vexilla-galliae.fr/actualites/divers/1734-le-coup-de-jarnac> (accessed: 15.07.2016).
8. Domenach N., *Hollande: vers un nouveau remaniement?*, available at: <http://www.challenges.fr/politique/20160215.CHA5097/gouvernement-il-y-aura-un-nouveau-remaniement-le-coup-de-jarnac-de-hollande.html> (accessed: 15.07.2016).
9. Du Limbert P.-H., *François Hollande ne préparerait-il pas un coup de Jarnac?*, available at: <http://www.lefigaro.fr/vox/politique/2016/03/11/31001-20160311ARTFIG00295-francois-hollande-ne-preparerait-il-pas-un-coup-de-jarnac.php> (accessed: 15.07.2016).
10. Koshelev A.D., “Znachenie slova kak generativnyj kompleks”, in: *Smysly, teksty i drugie zahvatyvajushhie istorii: Sb. statej v chest 80-letija I.A. Melchuka*, Moscow, 2012, pp. 301-329, available at: www.ruslang.ru/doc/melchuk_festschrift2012/Koshelev.pdf (accessed: 21.07.2016).
11. Lindon M., *Vingt ans après*, available at: <https://blogs.Mediapart.fr/tatia/blog/100116/vingt-ans-apres10JANV.2016> (accessed: 04.07.2016).
12. *Loir-et-Cher – Cyclisme – départementaux contre-la-montre*, available at: <http://www.lanouvellerepublique.fr/Loir-et-Cher/Sport/Cyclisme/Cyclisme/n/Contenus/Articles/2016/05/02/Racault-victime-d-un-coup-de-Jarnac-2703056> (accessed: 16.07.2016).
13. *On fait un Jarnac*, available at: <https://www.trictrac.net/jeu-de-societe/jarnac> (accessed: 04.07.2016).
14. Popova Z.D., Sternin I.A., *Semantiko-kognitivnyj analiz jazyka*, Monografija, Voronezh, Istoki, 2007, 250 p., available at: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye publikacii/Kognitivnaja_lingvistika/Semantiko_kognitivnyj_analiz_jazyka_2007.pdf (accessed: 18.06.2016). (in Russian)
15. *Que penser du coup de Jarnac de Sarkozy concernant la TVA Fillon*, available at: <http://fr.news.yahoo.com/18062007/290/sarkozy-regretterait-que-la-tva-sociale-n-ait-pas-ete.html> (accessed: 10.07.2016).
16. Rezanova Z.I., Metafora v lingvisticheskom tekste: tipy funkcionirovanija, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija*, Tomsk, 2007, No. 1, pp. 18-29. (in Russian)
17. Sternin I.A., *S ljubovju k jazyku*, Moskva-Voronezh, 2002, pp. 44-51, available at: <http://www.philology.ru/linguistics1/sternin-02a.htm> (accessed: 10.06.2016). (in Russian)
18. *Tehnika boevogo fehtovanija*, available at: <http://wap.dumaland.forum24.ru/?1-7-0-00000001-000-0-0> (accessed: 03.07.2016).
19. Yébert M., *Un coup de Jarnac?*, available at: <http://www.journaldemontreal.com/2009/09/14/coup-de-jarnac> (accessed: 11.07.2016).

Беликова Галина Васильевна, кандидат культурологии, доцент, профессор, факультет иностранных языков, кафедра романских языков им. В.Г. Гака, Московский педагогический государственный университет, galatin@yandex.ru

Belikova G.V., PhD in Culturology, Associate Professor, Romanic Languages Department, Faculty of Foreign Languages, Moscow State University of Education, galatin@yandex.ru

УДК 81.2
ББК 80

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В «ОЧЕРКАХ АНТИЧНОГО СИМВОЛИЗМА И МИФОЛОГИИ» А.Ф. ЛОСЕВА

Е.Б. Демидова

Аннотация. В статье подробно рассматриваются особенности идеологии выдающегося русского мыслителя А.Ф. Лосева. На примере «Очерков античного символизма и мифологии» показано, что, не отступая от свойственного его работам строгого логически-дискурсивного метода, Лосев в то же время страстен и пристрастен. Для убедительного выражения своей позиции ученый использует имеющиеся в арсенале языка изобразительно-выразительные средства различных уровней: словообразовательного, лексического и синтаксического.

На словообразовательном уровне отметим постоянное подчеркивание связи мотивированного и мотивирующего слов, в одном контексте объединяются однокоренные и одноструктурные слова, актуализируется их словообразовательная структура. В области лексики стиль А.Ф. Лосева также поражает огромным количеством сравнений. Частотным изобразительно-выразительным средством в научно-популярном дискурсе ученого является метафора, используемая с целью популяризации выдвигаемых им положений. Обращает на себя внимание эмоциональный синтаксис (анафора, инверсия, параллелизм, риторический вопрос), которым виртуозно владеет автор «Очерков...».

Текст А.Ф. Лосева отличает не только единство принципов научного изложения, но и страстный пафос выражения мысли.

Ключевые слова: текст, автор, лингвистический анализ, изобразительно-выразительные средства, метафора.

351

EXPRESSIVE MEANS OF LANGUAGE AND SOME PECULIARITIES OF LOSEV'S STYLE IN HIS WORK "ESSAYS OF ANTIQUE SYMBOLISM AND MYTHOLOGY"

E.B. Demidova

Abstract. The article elaborates on Losev's artistic world represented by the symbiosis of different elements. The means and forms of the author's texts are various. His expression is determined also by his personality. In the

style, created by the author, one can see his unique artistic way, personality, original worldview and way of thinking.

The author of the study, dealing with the analysis of Losev's scientific texts, tries to demonstrate the specific features of using the word-building morphemes, metaphors and syntax in Losev's artistic technique. The author shows how the traditional methods and linguistic means of the words and sentences have become the original and distinctive features of Losev's artistic system. A.F. Losev conscientiously breaks the rules of traditional way of expression. This breaking of rules is seen in his works at all levels of language: the word formation, vocabulary and phraseology, and also in morphology and syntax. All the rich spectrum of using word-building morphemes is based on the same principle: repeating the affixes. The author also analyzes and defines the specifics of metaphors used to promote the proposed statement. Emotional syntax (anaphora, inversion, parallelism, rhetorical question) are noteworthy.

A.F. Losev's text distinguishes not only by the unity of the principles of scientific statement but also by passionate pathos of thought expression.

Keywords: *text, author, linguistic, analysis, expressive means, metaphor.*

Мировоззренческие основы менталитета А.Ф. Лосева сформировались в результате творческого синтеза и дальнейшего развития концептуальных платформ двух ученых – Платона и Вл. Соловьева [1; 2]. Платон дал направление всей жизни А.Ф. Лосева, то есть изучению мира идей, чистого ума, а Вл. Соловьев преподавал ему уроки цельного знания, которое стало основным методом в творческой деятельности этого выдающегося мыслителя. Платонизм, как синтез телесного и духовного, материи и духа, оказался органично включенным в философию цельного знания, основанную на учении Вл. Соловьева о всеединстве, которое А.Ф. Лосев считал «азбучной истиной, без которой не могут обойтись ни идеалисты, ни материалисты» [3, с. 208].

Вышедшие в 1930 г. «Очерки античного символизма и мифологии» –

предпоследняя книга знаменитого лосевского восьмикнижия 1920-х годов. Впервые книга была переиздана в 1993 году. Сам философ с горечью писал об условиях, в которых ему пришлось работать: «То, что я предлагаю русской публике в настоящем издании, – далеко не последние мои труды и довольно старые, чтобы не сказать устаревшие точки зрения. Мне не стоило бы даже и думать об этом, так как параллельно и одновременно со мною на Западе работали над Платоном такие большие люди, как Натан и Кассирер; не раньше меня по самой работе, но значительно раньше по опубликованию работ они построили такого Платона, которого строил и я, сидя в дикой стране и будучи в годы революции совершенно оторван от научной литературы Запада. Там шла живая и дружная работа по созданию нового Платона. У меня же в течение многих лет не на-

ходило почти ни одного достаточно осведомленного человека, с которым можно было бы посоветоваться или поделиться о своих изысканиях. Однако, хотя и с запозданием, я все же решаюсь опубликовать свои *“Platonische Studien”*, ибо иначе русскому научному работнику нужно было бы прямо сдать все свои позиции и уйти в научную отставку. Многие еще и мое положение считают завидным, — имея в виду то, что я получил сейчас возможность опубликовать работы, написанные десять лет назад. Что поделаешь! В русских условиях и это положение приходится считать редкостью» (здесь и далее подчеркивание наше — Е.Д.) [4, с. 288].

Мизерный тираж первого издания и, конечно, последовавшие после ареста А.Ф. Лосева в том же 1930-м г. резкие изменения в его жизненной и научной судьбе сделали эту книгу практически недоступной читателю. А между тем, она во многом ключевая: хорошо знакомые по поздним лосевским работам темы предстают здесь в новой для читателя тональности и в новом смысловом контексте. Нисколько не отступая от свойственного другим работам строгого логически-дискурсивного метода, в «Очерках...» Лосев не просто аксиологически более откровенен, он здесь **страстен и пристрастен**. Проникающая сила этой страстности такова, что благодаря ей вырисовывается неизменная в течение всей жизни лосевская позиция.

Для убедительного выражения своей позиции ученый использует имеющиеся в арсенале языка изобразительно-выразительные средства.

На словообразовательном уровне отметим постоянное подчеркивание

связи мотивированного и мотивирующего слов, в одном контексте объединяются однокоренные и одноструктурные слова, актуализируется их словообразовательная структура. Основным словообразовательным средством, к которому обращается автор, является повтор, а именно два его основных типа: **деривационный** (повтор однокоренных слов) и **аффиксальный** (концентрация в одном тексте слов, образованных по одной словообразовательной модели).

Повтор однокоренных слов организует стержень рассуждений, актуализирует и разворачивает сквозные темы и лейтмотивы, является важнейшим средством выделения ключевых слов: 1) *«Но мы хотели понять, по-ять, т.е. поймать жизнь. Мы ее и поймали в виде идей и заключили их в клетку нашей системы»; «Все рождается, становится. След., оно имеет начало. Без начала немислимо было бы и становление.* 2) *Начало, однако, тем и отличается от становления, что само оно уже не имеет для себя другого начала. След., оно есть начало для самого себя.* 3) *Быть началом для себя самого значит приводить самого себя в движение, быть самодвижущим.* 4) *Быть самодвижущим значит ни от чего не зависеть и не подвергаться разрушению, т.е. это значит быть бессмертным. Бессмертное самодвижущее начало и есть душа»* [4, с. 458]; *«Этим безличным, безличностным холодом зрительского наваждения и привидения означена и вся платоновская Идея»* [4, с. 684]. Деривационный повтор играет важную роль в оформлении архитектоники текста, являясь средством когезии текста и организации его внутренней структуры.

Аффиксы порой становятся у Лосева «поэтической составляющей» [2, с. 18] текста. Приставки оказываются самостоятельными *микрообразами*, занимая значительное место в образной системе произведения. Поэтическое мышление А.Ф. Лосева очень часто разворачивается через отталкивание, отграничение, отрицание, что находит свое выражение в использовании соответствующих префиксов: «*Если это не платоновская “пещера”, то во всяком смысле нечто не лучшее в смысле ясности и четкости. Все – нечетко, мутно, грязно, все стремится, страдает, действует, все слепо, бесцельно, безответственно*». Усиление значимости повторяющейся приставки включает ее в круг речевых средств, формирующих сквозные образы.

Значимость приставки или суффикса подчеркивается также употреблением антонимичных морфем в одном контексте: «*Чистые идеи диалектики – это те же живые существа, извлеченные из стихии свободного воздуха и посаженные в клетку систематического распределения. Они ждут не дождутся, когда можно будет им снова погрузиться в океан жизни*» [4, с. 550].

Для выражения многообразных оттенков значений А.Ф. Лосев создает сложные прилагательные: «...*красивый, тонкий, “психологический”, извилистый и увертливый, кровяно-воспаленный и в то же время юридически-точный и дисциплинарно-требовательный католицизм, прекрасный, как сам сатана, – всегда был к услугам этих несчастных растленных душ*» [4, с. 775]. Здесь производное слово является соединением одной или нескольких основ какой-либо

части речи с самостоятельным словом. Это самостоятельное слово – основной компонент в сложении, так как именно он оказывается носителем морфологических показателей.

Трагически напрягается лосевский голос в связи с темой воссоединения церквей, так как именно здесь сосредоточено ядро его представлений о специфике исторического и социального бытия. И во всех других областях жизни и мысли Лосев решительнее всего осуждал эклектизм. Нередко даже принципиально ошибочное, с его точки зрения, направление или явление культурной жизни, если оно сохраняло стилевое и интеллектуальное единство, оценивалось им выше, чем исходно верное, но неразборчиво эклектичное в своей обработке и развитии направление.

Производное слово становится отражением глубоко антиномичного мира философа. С одной стороны, служит точности, емкости и сжатости повествования, а с другой, является носителем доминантного и символического смыслов.

В области лексики стиль А.Ф. Лосева поражает огромным количеством **сравнений**. Пассажи ученого включают в себя моменты перехода от нейтрального изложения к экспрессивному. Многие страницы написаны в манере, напоминающей риторический жанр «славословий». В этом случае авторскую модальность выражает переход от нейтрального изложения к возвышенному: «*Она (идея) – как живое существо, могущее жить только в воде, которое, будучи извлечено на воздух, трепещет и бьется, желая поскорее достигнуть родной стихии. Она – как птица, пойманная и посаженная в*

тесную клетку. Бьется и трепещет существо, созданное для свободы, но заключенное в тюрьму, и ждет не дожидается времени, когда можно будет опять свободно летать по необозримому солнечному небосводу» [4, с. 550]; «Из этого видно, что платоновское учение об идеях благодаря своей диалогической форме приобретает характер неугомонного потока, каких-то юных сил жизни, бурлящих и кипящих и вечно стремящихся как-то проявиться и что-то создать» [4, с. 672]; «Ведь раз нашелся среди греков философ, который и самую вечность понимает как дитя играющее, то тем более легко представить себе таковым философом» [4, с. 673]. Для ввода сравнения в текст повествования автор использует не только союз «как», но и конструкции «будет казаться чем», «наподобие чего», «представляется как», «приобретает характер чего», «понимает как»: «А между тем, изучая древнюю философию и Платона в течение многих лет, я пришел к твердому выводу, что человек, не понимающий платоновского «Парменида» и не умеющий изложить его в нескольких простейших фразах, не может считаться изучившим греческую философию; последняя будет ему казаться какой-то розовой водицей, какими-то невинными рассуждениями о земле, огне и воздухе» [4, с. 514]; «Все государство как бы вращается в себе наподобие небесного свода» [там же, с. 655]; «Вся диалектика «Парменида» представляет в этом отношении как некий ровный и холодный свет, без теплоты и ласки, какую-то свирепую и жестокую логическую систему, какую-то прекрасную и мертвенную отточенность статуи» [там же, с. 661].

Частотным изобразительно-выразительным средством в научно-популярном дискурсе ученого является **метафора**, используемая с целью популяризации выдвигаемых им положений. «Разве не эквилибристика – балансировать на высоте чистого разума, стараясь как можно дальше отойти от краев пропасти?» [там же, с. 549]; «И выводы ее несколько не более странны, чем странно желание жить умом и в уме, в то время как стихия жизни свирепствует и злобствует против всякого ума и против всякого смысла» [там же, с. 549]; «Филеб» ... трактует эйдос как зацветающий и взбухающий новыми смысловыми и, след., диалектическими возможностями» [там же, с. 565]; «Идеальное государство, построенное Платоном, застыло в одной симметрической позе. Это – всецело мраморная статуя... Тут – навеки статическое и только внутри себя равномерно вращающееся статуарное бытие, самодовлеющее, вечное и беспорывное. Это – своеобразная группа Лаокоона. Это – скульптурно-отделанная и мраморно-холодная идея» [там же, с. 655]; «Его стиль оказывается не просто поэтическим, но в сфере этой поэзии он отличается еще сложнейшими уловками мысли, заманиванием в тенета логических ошибок, улавливанием мельчайших уклонений логического хода рассуждения, борьбой на больших высотах мыслительной утонченности» [там же, с. 672]; «Тут нет трепещущей волны исторического развития, нет интереса к прошлому и будущему, нет безвозвратности» [там же, с. 655]; «Стиль учения об идеях – прерывистый, непостоянный, клочковатый; это какая-

то лаборатория идей, мучительные роды учения об идеях, страстное искание и «охота» за идеями» [там же, с. 672]; *«Из учения об идеях выхватываются отдельные куски, и их пускают в трудноулавливаемый оборот кулачных бойцов мысли»* [там же, с. 550]; *«Как выше логика идей, так и сейчас их типология сводится к одному основному и принципиальному мифу. ... Это – блудный бес, вкрадывающийся незаметно в душу, тонко и дальновидно соблазняющий ее льстивыми обещаниями, увертливый, обворожующий»* [там же, с. 683]; *«Трагический миф, которым зацветает бытие у греков, ищет этого покоя и блаженства. Он и есть – этот героический покой и всезнающая мудрость над бездной Судьбы и Случая. Стать трагическим мифом – задача и человека»* [там же, с. 772].

Метафора – это слово или выражение, которое употребляется в переносном значении на основе сходства в каком-либо отношении двух предметов или явлений. В отличие от двучленного сравнения, в котором приводится и то, что сравнивается, и то, с чем сравнивается, – метафора содержит только второе, что создает емкость и образность сравнения. Метафора – одна из наиболее распространенных разновидностей тропов, так как сходство между предметами или явлениями может быть основано на самых разных чертах. Подобно сравнению, метафора может быть простой и развернутой, построенной на различных ассоциациях по сходству. Для стиля А.Ф. Лосева характерна именно развернутая метафора: *«Но не пора ли выпустить наших голубей на свободу? Ведь раньше это были для нас дикие птицы, при-*

носившие с собой дикий разгул и полную всякого произвола безответственность. Они ни о чем не хотели говорить, не могли и не умели раскрыть нам тайны воздушных пространств. Они были во власти случая и ветра. Не стали ли они за время пребывания у нас более сговорчивыми, более приветливыми? Не приучились ли они петь даже в клетке, повествуя о жизни, какая неведома нам, жителям земли? Да, они стали иными. Они стали ручными, они научились петь так, как певали раньше – на воздухе, в поле, в лесу. Они дали согласие рассказывать нам о тайнах воздуха и леса. Они будут посещать нас, как только мы их позовем. Они не будут биться в судорогах противоречия. Они будут противоречием не больше, чем сама жизнь. Они станут друзьями и вестниками. Они породят нас со стихиями, которые они когда-то насильственно покинули и к которым теперь возвращаются по нашему обоюдному с ними согласию» [там же, с. 551].

Метафора имеет множество разновидностей, переходных типов, сближающих ее с другими тропами. Обращают на себя внимание необыкновенно емкие и яркие метафорические **эпитеты**: *«Платоновское учение об идеях очень говорливое, чтобы не сказать болтливое, очень речистое и многословное»* [там же, с. 672].

Яркой характеристикой стиля ученого является и **антитеза** – оборот, в котором для усиления выразительности речи резко противопоставляются противоположные понятия. Часто антитеза строится на антонимах: *«Посмотрите на жизнь. Где вы тут найдете чистый ум, чистый*

смысл, идеальное сознание? В жизни все течет, меняется, замутняется, светлеет и вновь замутняется. Мысль вся пронизана случайными ощущениями и образами. Эйдосы вещей сплошь и рядом замутнены всякими внешними привнесениями. Если это не платоновская «тещера», то во всяком смысле нечто не лучшее в смысле ясности и четкости. Все – нечетко, мутно, грязно, все стремится, страдает, действует, все слепо, бесцельно, безответственно. Конечно, жизнь полна также и смысла, значения, ясности, света, цели. Но в общем бытие – неразличимая масса страстей и ума, радостей и страданий, света и мрака [там же, с. 548]; «Явно, что только очень большая логико-объективистическая страсть могла привести столь энтузиастически настроенного философа, как Платон, к такому холодному, как бы электрическому освещению разума» [там же, с. 661]; «Платоновское учение об идеях по своему стилю, по своей интонации – очень легкое, красивое, вечно играющее дитя, мудрое и наивное, как бы ни в чем не заинтересованное и всем владающее, но в то же время вечно ищущее и творящее» [там же, с. 673]; «Почему-то в одном месте он был удивительно как выше нас, а в другом почему-то удивительно как ниже нас. Вот и разберите!» [там же, с. 775].

Имеющие **разговорный** субстрат средства, создающие свое эмоциональное пространство, способствуют наиболее эффективной реализации приема амплификации, накопления: «Базаром отдаст от этого много-словия. Немало и бестолочи выведено в диалогах Платона» [там же,

с. 550]; «И каково же наше разочарование, когда мы видим, что Платон гонит в шею всех художников и поэтов из своего идеального государства вместе с проститутками, актерами, модистками, цирюльниками, поварами, торговцами лакомствами и пр.» [там же, с. 775].

Обращает на себя внимание эмоциональный синтаксис, которым виртуозно владеет автор «Очерков...». Синтаксические фигуры речи – определенное построение словосочетания, предложения или группы предложений, при котором стилистическое значение приобретает сама синтаксическая форма. К синтаксическим фигурам речи относятся анафора, инверсия, параллелизм, риторический вопрос.

Анафора, то есть повторение отдельных слов или оборотов в начале отрывков, из которых состоит высказывание: «Не будем же упрекать диалектику за философию противоречия. Такова вообще философия в своем существе, такова вообще и жизнь в своем существе» [там же, с. 550]; «Тут нет неповторимости, нет историчности. Тут нет биографии, нет идеалов, нет борьбы, нет исповеди. ... Тут нет трепещущей волны исторического развития, нет интереса к прошлому и будущему, нет безвозвратности и неповторимости, нет борьбы и победы» [там же, с. 655]; «Тут нет глубины, нет чувства. Тут нет любви, нет брака» [там же, с. 661].

Риторический вопрос – стилистическая фигура, состоящая в том, что вопрос ставится не с целью получить на него ответ, а только для того, чтобы привлечь внимание читателя или слушателя к тому или иному явлению, выразить отношение к тому или иному объекту, дать ему характе-

ристику, усилить выразительность речи. У Лосева данный стилистический прием часто соседствует с анафорой: «Но почерпнуть знание в самом себе не значит ли припоминать? И припоминать не то ли знание, которым он обладает теперь, которое приобрел когда-то или имел всегда? И не то ли это время, когда он не был человеком? Если же в то время, когда он был, но не был человеком, должны были находиться в нем истинные мнения, которые, будучи возбуждаемы посредством вопросов, становятся познаниями, то душа его не будет ли познавать в продолжении всего времени? ... А когда истина сущего всегда находится у нас в душе, то не бессмертна ли душа...?» [там же, с. 447]; «Не старый ли это знакомый? Не дух ли соблазна, прельщения, уловляющий всех красотой и телесными чарами?» [там же, с. 681]. «Что значит быть диалектиком? Быть диалектиком значит видеть всю полноту жизни как нечто целое. Быть диалектиком значит уметь вывести из этого целого каждый отдельный едва заметный его момент и уметь возвести его к этому целому. Быть диалектиком значит быть зрячим, быть зрячим не просто глазами, но и умом, быть чистым умом; «Но где и когда мы пользуемся в жизни чистым умом? Где и когда мы зрячи? Где и когда наша мысль есть чистое зеркало бытия и его сокровенный жизненный пульс? Этого почти никогда с нами не бывает в жизни, а мы вдруг захотели стать диалектиками. Разве может быть после этого удивительным то, что и выводы наши в такой необычной, в такой «нежизненной» сфере окажутся странными, необычными, головолом-

ными? Разве не головоломно самое стремление жить в уме и рассуждать умом? Разве не эквилибристика – балансировать на высоте чистого разума, стараясь как можно дальше отойти от краев пропасти?» [там же, с. 549].

Тот оттенок грусти, который всегда замечен в лосевских текстах, посвященных его многочисленным оправданиям необходимости сухой и абстрактной диалектики, вызван тем, что, по Лосеву, ревнители мистического опыта и чистой веры, которые гораздо ближе ему, чем ревнители изолированного чистого разума, не лучше последних понимают само основание своей веры. Внешняя раздвоенность русской философии между верой и знанием тем более задевала философа, что он считал их внутреннее единство исконной отличительной чертой православного богословия.

В непосредственной близости с риторическим вопросом, как правило, находятся и **восклицательные предложения**: «Как все это далеко от сентиментальностей или бранчливых нелепостей вроде обвинений в метафизике, дуализме и пр., которые еще до сих пор проповедуются с университетских кафедр, не говоря уже об улице и толпе!» [там же, с. 904].

Однородные члены значительно расширяют пространственную перспективу текста, участвуют в выражении синкретичного типа речи, совмещающего признаки статики и динамики: «Он – то скользящий, порхающий, едва уловимый, то предстоящий во всем своем истуканном величии, холодный, белый дьявол, какая-то активная пустота и марево, мраморное ничто. По видимо-

сти это – сила, мощь, красота, побеждающее величие, могучий ум и добродетель; по существу же – стоит только тщательно всмотреться в этот древний лик – какое-то просто наваждение, привидение, бред, мечтание и суета. Статуя всегда такова: спереди – жизнь, человек, душа, бог, а по существу это – камень, металл, деревяшка. И привидение, бесовщина всегда такова: спереди – сила, шум, всемогущество, всезнание и всеобладание, чарующая красота и обворожительная ласка, а по существу – бездушный прах, галлюцинация в результате душевного растления, проекция вовне нашей собственной слабости и слепоты» [там же, с. 683–684]; «Она мраморное и холодное ничто, прекрасная любовная галлюцинация, непорождающий фаллос, гипнотизирующая резкость очертаний блудливого тела, анти-социальный экстаз головной диалектики, бесовская «прелесть» и разгорячение, увертливый и похотливый оборотень» [там же, с. 684].

В связи с тем, что один и тот же член предложения может быть выражен разными частями речи, когда это допускается управляющим словом, однородные члены, как видно из примеров, иногда выражаются разными частями речи и разными их формами.

Разговорные синтаксические конструкции в тексте «Очерков...» способствуют созданию иллюзии непосредственного общения и диалогичности повествования: «Неестественно, искаженно пребывание в сфере отвлеченных идей и их диалектики, ибо жизнь – не идея и не только диалектика. Но ничего не поделаешь. Лучшие было бы, конечно,

не страдать и не умирать. Но что же делать! Раз человеку не суждено жить так, чтобы это было полнотой всяческого жизнеустремления, то – делать нечего» [там же, с. 550].

Заканчиваются «Очерки...» ироническим: «Поневоле задумаешься над тем, что такое платонизм. Не правда ли, товарищи, есть над чем задуматься?» [там же, с. 904]. **Ироническая** окраска данного текста понимается читающими за счет владения фоновыми знаниями (знанием ситуации, культурных реалий). В тексте используется подчеркнутое, **риторическое обращение**, основной целью которого является не называние адресата, а создание иронической экспрессии. В авторской иронии преломляется неповторимая художественная манера писателя, его индивидуальность, своеобразие мировоззрения, его идейно-образное мышление.

По Лосеву, трагична всякая философия, которая отказывается от откровения и претендует на роль вершителя судеб. Но сам Лосев менее всего может быть назван трагическим философом. Вопреки всему, его тексты всегда излучают светлую силу и спокойную уверенность в неоспоримости достигнутой истины, хотя он практически никогда не имел возможности свободно и открыто говорить о ней своему читателю.

Таким образом, учитывая роль образительно-выразительных средств в стиле А.Ф. Лосева, можно сделать вывод о неразрывной связи научного и образного мышления ученого. Тексты А.Ф. Лосева отличает **единство принципов научного изложения** (подчеркнутая объективность, точность, логичность, доказательность) и страстной личной убежденности и жесткой

полемичности, **страстный пафос выражения мысли**. Это обуславливает выбор соответствующих лингвистических единиц и риторических структур: гармоничное сочетание общенаучной, узкоспециальной (философской, религиозно-богословской, филологической и др.), нейтральной и экспрессивно окрашенной лексики, активное использование риторического арсенала тропов и фигур, введения разговорных языковых средств. Концептуальный мир ученого представлен индивидуализированной системой лингвистических средств, создающих экспрессивный образ предмета речи. Стилистическая полифония максимально рельефно представляет религиозные и общечеловеческие ценности философа, которые реализуются в текстовой ткани его трудов. Образность языка А.Ф. Лосева отражает неразрывное единство авторской индивидуальности филолога и философа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дружинина, В.В. Лингвориторические параметры идиостиля как выражение менталитета языковой личности ученого (А.Ф. Лосев). Монография [Текст] / В.В. Дружинина, А.А. Ворожбитова, 2-е изд., стер. – М.: Флинта, 2014. – 148 с.
2. Земская, Е.А. Словообразование и текст [Текст] / Е.А. Земская // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6. – С. 17-30.

3. Лосев, А.Ф. Аристотель. В поисках смысла [Текст] / А.Ф. Лосев, А.А. Тахо-Годи. – М.: Молодая гвардия, 2014. – 323 с.
4. Лосев, А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии [Текст] / А.Ф. Лосев, отв. ред. А.А. Тахо-Годи, сост. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханьков. – М.: Мысль, 1993. – 959 с.
5. Тахо-Годи, А.А. Алексей Федорович Лосев: Из творческого наследия: Современники о мыслителе [Текст] / А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкий. – М.: Русский мир, 2007. – 774 с.
6. Тахо-Годи, А.А. Лосев А.Ф. Личность и Абсолют [Текст] / А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкий. – М.: Мысль, 1999. – 719 с.

REFERENCES

1. Druzhinina V.V., Vorozhbitova A.A., *Lingvoritoricheskie parametry idiositlja kak vyrazhenie mentaliteta jazykovej lichnosti uchjonogo (A.F.Losev)*. Monografija, V.V. Druzhinina, 2nd., Moscow, Flinta, 2014, 148 p. (in Russian)
2. Losev A.F., *Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii*, ed. A.A. Taho-Godi, I.I. Mahankov, Moscow, Mysl, 1993, 959 p. (in Russian)
3. Losev A.F., Taho-Godi A.A., *Aristotel. V poiskah smysla*, Moscow, Molodaja gvardija, 2014, 323 p. (in Russian)
4. Taho-Godi A.A., Troickij V.P., *Aleksej Fjodorovich Losev: Iz tvorcheskogo nasledija; Sovremenniki o myslitele*, Moscow, Russkij mir, 2007, 774 p. (in Russian)
5. Taho-Godi A.A., Troickij V.P., *Losev A.F. Lichnost i Absoljut*, ed. A.A. Taho-Godi, Moscow, Mysl, 1999, 719 p. (in Russian)
6. Zemskaja E.A., *Slovoobrazovanie i tekst, Voprosi Jazikoznaniya*, 1990, No. 6, pp. 17-30. (in Russian)

Демидова Елена Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра теории и практики преподавания русского языка и русского языка как иностранного, Институт филологии и иностранных языков, Московский педагогический государственный университет, lena2707@yandex.ru

Demidova E.B., PhD in Philology, Associate Professor, Theory and Practice of Teaching Russian Language and Russian as a Foreign Language Department, Institute of Philology and Foreign Languages, Moscow State University of Education, lena2707@yandex.ru

УДК 811.111.373

ББК 81.432.1

ОЦЕНОЧНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ОБРАЗА «ЛОЖЬ» В ПАРЕМИЯХ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКА

А.И. Лызлов

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению паремических единиц английского и русского языков, к которым относятся пословицы и поговорки. В работе изучаются английские связные сочетания, в плане содержания которых присутствует концептуальный образ лжеца. Изучаемые пословицы и поговорки являются достаточно широко распространенными в паремическом наследии как английского, так и русского языка. Описываемые единицы характеризуются наличием оценочных значений. Целью данной статьи является изучение аксиологического потенциала концепта «ложь». Для достижения этой цели автор прибегает к использованию контрарного концепта «истина», образующего с концептом «ложь» бинарную аксиологическую оппозицию. Изучение интенционала исследуемого в статье концепта производится путем выделения минимальных, «атомарных» элементов смысла, способствующих систематизации наших знаний о концептах. Для достижения этой задачи в статье используется рабочий термин «когнитивно-оценочный признак».*

Ключевые слова: английские паремии, русские паремии, оценка, образ, признак, образ «лжеца».

361

AXIOLOGICAL FEATURES OF THE CONCEPTUAL IMAGE "LIE" IN ENGLISH AND RUSSIAN PROVERBIAL UNITS

A.I. Lyzlov

Abstract. *The article elaborates on the study of English and Russian proverbial units, which include proverbs and sayings. The article studies English set expressions which contain the conceptual image of a liar. The considered proverbial units are quite widely spread in the paremic thesaurus of both the English and the Russian languages. The described units reveal evaluative meanings. The purpose of the article is to study the axiological potential of the concept "lie". To achieve it the author uses the contrary concept "truth" which makes with the concept "lie" a binary axiological opposi-*

tion. The analysis of the intentional meaning of the concept is carried out by means of determining the minimal, "atomic" elements of sense contributing to the systematization of the knowledge about concepts. For that reason the term "cognitive evaluative feature" is used in the work.

Keywords: *English proverbial units, Russian proverbial units, evaluation, concept, feature, the image "liar".*

Философский энциклопедический словарь [1] определяет ложь как заявление, рассчитанное на обман, когда говорящий умалчивает или искажает то, что он знает о рассматриваемом положении вещей, либо когда он знает нечто другое, чем то, что он говорит. С точки зрения этики, ложь подлежит осуждению, если обман вызван стремлением нанести вред другому человеку или добиться для себя преимущества перед ним. Как бы это ни выглядело, позитивно ложь может быть оценена только из вежливости или из жалости. Философское определение лжи дает возможность отметить две вещи. Во-первых, ложь находится в неразрывной диалектической связи с истиной. Во-вторых, ложь рассматривается как элемент коммуникации, для которой необходимо как минимум наличие двух действующих лиц.

Как отмечал Гак [2. с. 90], пороки и добродетели имеют определенную структуру. Среди их компонентов автор выделяет, во-первых, субъекта, который является носителем качества, имеющего аксиологический потенциал; во-вторых, объект, лицо или лица, на которые направлены воздействия субъекта. Человек иной раз лжет непреднамеренно, не обладая необходимой истинной информацией или же в результате забывания. Данный вид лжи нас интересует в меньшей мере,

хотя и такой вид лжи получает негативную оценку. Человек может лгать из страха перед наказанием. Таким образом, избирается стратегия поведения, нацеленная на избежание неприятных последствий, которые наступают в результате предварительно совершенных действий, получающих негативную оценку. Описывая подобную стратегию в терминах логики, обнаруживаем, что субъект оказывает вербальное воздействие на объект для того, чтобы избежать прогнозируемой негативной ответной реакции объекта. Человек лжет намеренно для получения выгоды, вводя в заблуждение окружающих. В данном случае логический анализ ситуации подобного рода приводит к тому, что видим воздействие субъекта, при котором объект воздействия служит источником получения различного рода благ, чаще всего материальных.

Нужно подчеркнуть, что автор статьи рассматривает лжеца – человека, который производит высказывание, не являющееся истинными, и продукт его вербальной деятельности – ложь как феномены, находящиеся в неразрывной диалектической связи. В логике существует мнение, что высказывание в отрыве от субъекта речевой деятельности, его объекта, а также прагматических условий речепроизводства не имеет смысла. Исходя из этого, высказывание в одной ситуации будет

истинным, в другой – ложным. Субъект речевой деятельности – конкретный человек может быть признан лжецом (или же человеком, говорящим правду) только исходя из анализа его высказываний в конкретной речевой ситуации. Поэтому, говоря о лжеце, нельзя не говорить о его лжи, и наоборот. Невозможно понять одно, не поняв другого.

Целью данной работы является рассмотрение лжи и образа лжеца сквозь призму паремических единиц, которые закрепляют ключевые представления о явлениях окружающего мира в коллективной памяти народа. Предлагаемая статья имеет практическую ценность, которая заключается в том, что материалы, рассмотренные в ней, а также выводы и обобщения могут быть использованы в преподавании как английского языка русскоговорящим студентам, так и в преподавании русского языка как иностранного в англоязычной аудитории.

Понятие «образ» в лингвистике изучают многие авторы, однако Б. Спиноза был одним из первых, кто ввел этот термин в научный обиход [3, с. 41]. Он утверждает, что чем к большему числу вещей относится какой-либо образ или аффект, тем больше причин, которыми он может возбуждаться и поддерживаться, и которые душа по предположению, находясь под влиянием этого аффекта, созерцает вместе с ним. Под аффектами философ понимает наши чувства, эмоции, оценки. Таким образом, можно говорить о том, что языковые образы характеризуются возможностью выражать эмоционально-оценочные смыслы. Современные исследователи образа говорят о том, что образы присутствуют в семантике связ-

ных сочетаний, которые называются также идиомами. К их числу принадлежат фразеологизмы и паремии. Образ представляет собой основополагающий компонент семантики фразеологизма, поскольку он мотивирует реальное значение фразеологизма, «возбуждает» оценку и эмотивность значения фразеологизма, является носителем культурной коннотации связанных сочетаний [4, с. 22].

Изучение логики концептов, воспроизводимых во фразеологизмах, в том числе образных концептов, невозможно без изучения элементарных сущностей, единиц более низкого порядка, чем концепт, структурирующих его. Анна Вежбицкая называет их языковыми примитивами, универсальными основаниями человеческого мышления. Они принадлежат к числу единиц из общего набора понятий, лежащих в основе психологического единства человечества [5, с. 86]. Примитивы Вежбицкой имеют общеязыковой характер. Автор данной статьи же концентрируется на изучении аксиологического аспекта содержания паремических единиц английского языка, отражающих определенный концепт. В работе используется термин «когнитивно-оценочный признак», под которым понимаются элементарные смысловые единицы, позволяющие изучать содержания концептов. Когнитивно-оценочные признаки представляют собой элемент плана содержания оценочного высказывания, репрезентирующий знания аксиологического характера.

Изучая концептуальные образования, Э. Рош приходит к выводу о том, что в нашем сознании концепты являются вместилищем определенного набора характеристик. Э. Рош [7, с. 192]

рассматривала смысловые элементы, в основе которых лежит, прежде всего, наглядный, образный, компонент, который обретает свое место в сознании человека в результате его контактов с миром. Исследуя предметы реального мира и их ментальные отражения, Рош приходит к мысли о том, что концепты представляют собой типизированные представления о вещах. Чем больше конкретный отдельно взятый предмет реального мира воплощает в себе типичных характеристик, тем ближе он к образцу.

Для данного исследования идеи Э. Рош и А. Вежбицкой ценны тем, что изучая паремические выражения английского языка как носители концептов, автор настоящей статьи ставит задачу изучить составляющие фразеологических концептов, когнитивно-оценочных признаков. Развиваясь в рамках лингвокультуры, с течением веков концепты во фразеологизмах «обрастают» многочисленным набором признаков. Итак, данная работа посвящена анализу образного концепта «ложь» как вместилища разного рода оценочных признаков — элементов смысла, которые и составляют объем значения концепта. Рассматриваемые признаки описываются на основании изучения паремических единиц, объективирующих исследуемый образный концепт.

Правда как контрагент лжи.

Одной из наиболее ранних паремических единиц английского языка, зафиксированных в словарных источниках среднеанглийского периода, является высказывание четырнадцатого века **truth will out** (ODP). В ней говорится о том, что истина найдет свой путь. Аксиологический потенциал рассматриваемой единицы направлен на

порицание лжи. Паремическая единица **children and fools tell the truth** (ODP), как следует из анализа источников, является весьма ранним заимствованием из французского языка, что имело место, предположительно, в начале четырнадцатого века. Она указывает на социальные группы, которым, исходя из представлений наивной картины мира, не свойственно лгать. Дети не лгут вследствие своей наивности, ведь им говорят, что врать плохо. Глупцы же подобны детям. Их разум не столь изощрен, чтобы добиться выгоды посредством лжи.

Паремическая единица **truth is stranger than fiction** (ODP), которую некоторые исследователи приписывают перу Байрона, является, на самом деле, выражением, созданным древнегреческим оратором Демокритом. В английском языке паремия, в которой идет речь о том, что истина бывает более удивительной, чем вымысел, фиксируется в английском языке в семнадцатом веке. Истина может быть гораздо сложнее, чем любые изощренные выдумки глупца. Ложь в паремии **a lie stands on one leg, the truth on two** (WDP) сопоставляется с правдой. Рассматриваемая паремия воспроизводит антропоморфный образ, который описывает ситуацию, где ложь стоит на одной ноге, а правда на двух. Таким образом, в рассматриваемой фразе постулируется приоритет истины, стремление добиться победы правды над ложью. Устоявшийся антропоморфный образ, описывающий ложь, в котором фигурирует понятие «нога», был настолько удачным, что получил дальнейшее развитие. Он воплотился, к примеру, в такой фразе, как **a lie has no legs** (WDP), план содержания которой говорит о том, что у лжи нет

ног. Итак, данные высказывания подчеркивают основательность правды и ненадежность лжи, которая подвержена риску «упасть».

Многие люди цитируют английскую поговорку **truth is in wine** (ODP), не без иронии утверждая о том, что истина в вине. В состоянии опьянения человеку с трудом удается лгать. В древние времена возлияния совершались на празднованиях в честь языческих богов, которым, как тогда верили, было дано открывать людям некоторые истины. Известен и латинский вариант этого высказывания: **in vino veritas**, однако считается, что это высказывание имеет греческое происхождение, его предписывают мыслителю шестого века до н. э. Алкею. В Европе данную фразу популяризировал Эразм Роттердамский.

В русских поговорках также используется противопоставление концептов правды и лжи для выражения негативной оценки последней. Во многих русских поговорках ложь описывается как контрагент правды в ситуации, где задействуется соматизм «нога»: **ложь на одной ноге стоит, правда – на двух** (СТРПП). Может быть задействован и процесс передвижения – бега: **ложь резвая, а от правды ей не убежать** (СТРПП). Ложь как негативное понятие может описываться при помощи пейоративно воспринимаемых процессов разложения, гниения: **что лживо, то гнило** (СППРН). Как видно из приведенных выше поговорок, человеческие представления отдают предпочтение мелиоративному явлению – правде. Согласно дидактическим представлениям, отраженным в поговорках, ложь должна быть посрамлена.

Сила лжи.

Образ лжи может рассматриваться как антропоморфная или же биоморфная сущность. Рассмотрение абстрактных явлений путем их очеловечивания, придания им наглядно-образных черт характерно для представителей наивного мышления. Подобные представления о лжи отражены и в паремических единицах английского языка.

Рассматривая ложь, как контрагент правды, поговорки отмечают, что ложь является мощным оружием против правды. Лжи быстрее верят, чем правде, лживые слухи, дезинформация быстро распространяется, нанося огромный ущерб. Ведь только истина требует доказательств.

Противопоставление истины и лжи как антропоморфных сущностей характерно для ряда античных авторов. Во многих произведениях ложь предстает как некая личность, готовая причинить вред правде, вступить с нею в спор. Словарные источники преподносят нам фразу: **a lie is halfway around the world before the truth has got its boots** (ODP). Обратимся к плану содержания рассматриваемой паремической единицы. В ней говорится о том, что лживые вести могут распространяться быстрее лжи. Данная фраза приписывается римскому поэту первого века до нашей эры Вергилию, который упоминает ее в своей Энеиде. Эпоха возрождения может быть описана как период развития человечества, когда возникает интерес к достижениям античности, в том числе и к работам античных поэтов. Великий поэт английской культуры Шекспир обращается к трудам великих латинских поэтов. Он и популяризи-

рвал рассматриваемую паремическую единицу. Так, в своих исторических трагедиях можно встретить немало ссылок на древних авторов.

Одной из наиболее поздних паремических единиц по изучаемой тематике является высказывание, появившееся после Первой мировой войны: **truth is the first casualty of war** (ODP). Она появилась как реакция на Первую мировую войну и ее позднейшие трактовки политиками и военными на ее неоднозначные причины и результаты. В ней говорится о том, что истина является первой жертвой войны. Данная единица отражает важный когнитивно-оценочный признак: истина страдает от зла – войны. Современность сталкивается с понятием «информационные войны». Ложь уже рассматривается как мощное оружие, направленное на дезинформацию и подавление воли противника.

Идея о том, что ложь получает быстрое распространение, выражена в нескольких паремических единицах. Паремическая единица английского языка **lies have short wings** (WDP) повествует о том, что у лжи короткие крылья. В ней распространяемая ложь сопоставляется с быстрокрылой птицей. Данная единица характеризуется наличием синонима, в котором также присутствует биоморфный элемент: **lies have short legs** (WDP). В данной единице речь идет о том, что у лжи короткие ноги. Антропоморфный характер лжи явно прослеживается и в рамках английского паремического высказывания **a lie begets lie** (WDP), которое утверждает, что ложь порождает ложь.

Уклончивый ответ, полуправда ничем не отличается о лжи. Об этом

говорит английская паремическая единица: **half the truth is often the whole lie** (ODP). Здесь представлен важный признак лжи – ее нечеткий, размытый характер. Для того, чтобы скрыть неприглядную истину, нужно обратиться ко лжи: **the greater the truth the greater the libel** (ODP). Авторство данной фразы приписывается Роберту Бернсу. В рассматриваемом предложении используется стилистический прием повтора для усиления значения описываемой идеи, которая состоит в том, что требуется большая ложь, чтобы исказить основополагающую истину. Иной раз нелегко найти истину. Образно-бытовое мышление людей XVIII века указывает на это в паремии: **truth lies at the bottom of the well** (ODP). Трудности в стремлении обрести истину описываются в данной единице посредством пространственной образной ситуации, в которой речь идет о том, что истину так же трудно найти, как добраться до дна колодца. Лгать легко, найти правду – трудно.

В русском языке существует значительное количество антропоморфных образов лжи, раскрывающих негативное отношение человека к данному феномену. В русском языке, так же, как и в английском, ложь описывается в соматических терминах. Ряд паремий связывают ложь с образом ног или их основной функцией – ходьбой. Итак, русские люди говорят, что **ложь кривая** (СТРПП), **у лжи короткие ножки** (СТРПП), **ложь стоит на глиняных ногах** (СТРПП). Иногда в данной паремической ситуации задействуется зооморфный образ с семантикой негативной оценки: **ложь на тараканьих ножках ходит** (СТРПП). Ис-

тина рассматривается в русских единицах как норма. Ложь – это искажение истины, для ее описания используются ущербные, гротескные образы с налетом иронии.

Ложь может рассматриваться как динамическое, прогрессирующее явление аксиологического характера, как это имеет место в паремиях с глагольной семантикой движения: **маленькая ложь ведет за собой большую** (СТРПП). Как видно из примеров, в русском языке, так же, как и в английском, за ложью признается такой признак, как возможность воспроизводить себя.

Первоисточник лжи.

В паремиях английского языка, описывающих ложь, фигурирует образ дьявола, который ряд исследователей относят к прецедентным феноменам. Дьявол – отец лжи, смущающий человека, сбивающий его с пути истинного. В паремических единицах дьявол – неоднозначный, амбивалентный образ. Амбивалентность образа дьявола есть необходимое следствие этического дуализма. Возведя зло к универсальному принципу, культура старалась соединить объективно несовместимое: силу и бессилие, неукротимую энергию и внутреннюю ничтожность. Таким и получился дьявол. Его нельзя было изображать слишком могущественным, ибо тогда он стал бы равным богу и привлекал на свою сторону тех, кто поклонялся силе. Но нельзя было и преувеличивать и его тщедушность, ибо никто не стал бы воспринимать его всерьез [6, с.114]. Паремическая единица **tell the truth and shame the devil** (ODP) может рассматриваться как некое руководство к действию, поскольку только правдивые

речи, по мнению англичан эпохи Возрождения, могут посрамить дьявола. Данная идея является весьма привлекательной для англичан на протяжении всего новоанглийского периода. К примеру, одна из позднейших паремий двадцатого века **truth makes the devil blush** (ODP) представляет дьявола как некую антропоморфную сущность. В рассматриваемой паремической единице английского языка речь идет о том, что только истина может заставить покраснеть дьявола. Истина – это единственное оружие против лжи.

Компаративно-оценочная паремия **as false as Devil** (WDP) также указывает на дьявола как первоисточник лжи. Образ темных сил, вернее, метафизического темного мира – ада, используется как образная основа для создания паремической единицы: **as false as Hell** (WDP). В свою очередь, в паремии **as false as God is true** (WDP) задействуется полярный метафизический образ, образ Бога. Данные единицы характеризуют крайнюю степень проявления описываемого качества – лжи, поскольку теологические термины во времена средневековья рассматривались как стилистически окрашенные и использовались для выражения эмоциональной оценки.

Образ лжеца.

В английских паремиях формируется образ лжеца. Многовековое противостояние англичан и шотландцев совершенно не способствовало возникновению у двух наций положительных оценок своих соседей. Поэтому неудивительно, что к семнадцатому веку в сознании англичан складывается представление о шотландцах как о воплощении лжи, о чем свиде-

тельствует компаративная паремическая единица: **as false as Scot** (WDP). Позднейшая компаративно-оценочная единица **as false as fox** (WDP) использует биоморфный образ лисы для нормативно-оценочного описания хитрости и лжи.

В английском языке существуют паремии, описывающие опытных лжецов. О закоренелом лжеце англичане не без иронии говорят, что он никогда не позволит другим людям лгать в своем присутствии: **he will not let anybody lie by him** (WDP). Опытный лжец всегда распознает чужую ложь. Метонимия – весьма частотный прием, применяемый в рамках паремических единиц. Примером тому может служить единица: **a false tongue will hardly speak the truth** (WDP). Образ искусного лжеца реализуется в некоторых паремических единицах, в которых присутствуют зоонимические образы. Одной из наиболее ранних единиц, посвященных этой теме, является сравнительно-оценочная паремия, в которой задействован образ собаки: **to lie as fast as a dog** (WDP). В это же время словари фиксируют появление другой компаративной паремической единицы английского языка **to lie as fast as horse will trot** (WDP), которая говорит о том, что человек лжет так же быстро, как скачет лошадь. Несколько позже фиксируется паремический текст, в котором представлен образ собаки: **to lie as fast as a dog can lick a dish** (WDP). Данная паремическая единица английского языка имеет сильный эмоционально-оценочный заряд. Внутренняя форма рассматриваемой единицы отражает идею о том, что человек лжет так же быстро, как собака лижет блюдо. Итак, когнитивно-оце-

ночным признаком искусной лжи является умение лжеца быстро сочинять ложные высказывания.

В паремических единицах английского языка описываются не только искусные, но и неопытные, неумелые лжецы. Высказывание **you licked not your lips when you lied last** (WDP) описывает неумелого лжеца. В данном высказывании отмечаются психосоматические особенности поведения некоторых людей, которые говорят неправду. Рассматриваемая единица указывает на то, что некоторые люди облизывают губы, когда они лгут. Явная, очевидная ложь описывается как «громкая ложь» в паремической единице: **that is a lie and a loud one** (WDP). Откровенная ложь описывается при помощи эпитета, образная основа которого взята из сферы флористической тематики. Она зовется «салатной ложью» в паремическом высказывании английского языка: **his lies are latticed lies, and you may see through them** (WDP). Лист салата настолько тонок, что может пропускать солнечный свет, который символизирует истину. Эмоционально-оценочный компонент значения паремии **if a lie could have choked him, it would have done it** (WDP) очевиден. Она раскрывается при помощи глагольной метафоризации. Негативная оценка в рассматриваемой паремической единице настолько сильна, что англичане желают лгуну подавиться своей ложью. Сослагательное наклонение выражает здесь реальный взгляд, а вещи выражая модальность невозможности.

Апологией лжецов может служить паремическая единица **tell a man a lie and give him a reason**

for it (WDP), которая говорит о том, что человеку всегда свойственно искать оправдания своих поступков, в том числе весьма неблагоприятных. Даже если человек солгал, он будет пытаться пойти на сделку со своей совестью. Паремия **tell a lie and find out the truth** (WDP) может служить одновременно и оправданием лжецов и программой поведения. Для того, чтобы узнать правду, иногда приходится отступать от истины. Паремическое высказывание английского языка **ask no questions and you shall hear no lies** (ODP) предлагает программу поведения человека, если нет возможности или желания говорить правду. Иной раз не нужно задавать неудобных вопросов в случае, если не хочешь услышать неискренний ответ.

В русском языке можно найти множество примеров паремических единиц, описывающих лжеца. Ложь в ряде единиц описывается посредством указания на характерные для человека реакции организма, в случаях, когда человек говорит неправду. Так, в рассматриваемых сочетаниях используются телесные проявления, связанные с работой глаз, – **врет и глазом не моргнет** (СТРПП), горла – **врет и не кашляет** (СТРПП), кожных покровов – **врет и не краснеет** (СТРПП), движением тела – **что ни шагнет, соврет** (СТРПП). В данных единицах представлен образ раз искусного лжеца, который может подавить в себе или скрыть характерные признаки лжи.

Так же, как и в английском языке, русские паремии используют компаративные модели для пейоративной оценки лжеца. Для этого могут выбираться образы, связанные с

женским трудом, шитьем: **врет как бисер нижет** (СТРПП), **врет как шелком шьет** (СТРПП). Возможно, данные паремии появились в женском коллективе. Для русских паремий характерна фраза, связанная с суеверными представлениями о животных, лошадях: **врет как сивый мерин** (СТРПП). Более поздней компаративной единицей, используемой для порицания лжецов, является фраза: **врет как прогноз погоды** (СТРПП). Ведь прогноз погоды как повсеместное явление появляется в двадцатом веке.

Ложь может рассматриваться как социальная привычка: **кто привык лгать, тому трудно отстать** (СТРПП). Однако жертвы этого порока рассматриваются как люди недостойные, их общества сторонятся: **кто любит лгать, тому нельзя другом стать** (СТРПП). Ряд паремий описывает закоренелых лжецов. Для усиления эмоционального воздействия при использовании подобного рода паремических высказываний в речи могут применяться темпоральные элементы: **он правду говорит раз в год по обещанию** (СТРПП), **не ври все сразу, оставь на завтра** (СТРПП). Тот, для кого ложь стала привычным делом, если и говорит правду, то случайно, ненамеренно: **он разве невзначай правду скажет** (СТРПП). Как не без иронии замечают русские паремии, склонность ко лжи свойственна людям определенных занятий, вернее сказать, лицам, выступающим в определенной социальной ситуации. Так любят врать русские охотники – **охотник что ни скажет, все соврет** (СППРН), а также свахи – **супротив свахи никто не соврет** (СТРПП).

В русском языке рассматриваются крайние проявления лжи. Так, отъявленных лжецов обвиняют в отсутствии совести: **врет без зазрения совести** (СТРПП). При описании лжецов используется негативно воспринимаемый концепт смерти для усиления значения рассматриваемых единиц. Таковы единицы: **он семерых до смерти заврет** (СТРПП), **кто его переверет, тот трех дней не проживет** (СТРПП). Семантика их интересна еще тем, что в описываемых фразах используются цифры, которым придавалось мифическое значение, семь, три. Лживое поведение прописывается в них как некое состязание, попытка навязать свою волю. Элемент состязания, правд без семантики смерти находим во фразе: **так врет, что ни пешему, ни конному за ним ни угнаться** (СППРН).

В русских поговорках представлен не только образ лжеца, но и образ человека, являющегося объектом лживых речей, жертвой лжи. Соматическая семантика сочетается в ряде поговорок с семантикой разрушения, отторжения. Идея подобного рода выражается в рамках глагола в паремических высказываниях, где в качестве именного элемента-соматизма используются образ ушей: **от вранья уши вянут** (СТРПП). Также может использоваться противопоставленный телесному образу образ души: **от вранья с души прет** (СТРПП).

В результате исследования концептуального образа «ложь» мы приходим к выводу, что он является многоаспектным образованием. Он реализуется во многих паремических текстах, причем возникает он на протяжении всей истории английского

языка, что доказывает релевантный характер образа «ложь». Концептуальный образ «ложь» присутствует и в паремологии русского языка.

Рассматриваемый образ реализует различные когнитивно-оценочные признаки. Ложь в ряде паремических единиц, как английских, так и русских, рассматривается как аксиологический контрагент правды. Признавая этический приоритет за правдой, тем не менее, невозможно не учитывать силу лжи. Компаративная семантика лжи характерна и для паремий русского языка. Они дают нормативно-оценочную характеристику лжи.

Для ряда паремий, как русских, так и английских, свойственно описывать абстрактные сущности, используя образы, свойственные описанию человека, иными словами ложь рассматривается в ряде паремических текстов как антропоморфное явление. Паремии стремятся охарактеризовать лжеца, они высвечивают ряд типичных характеристик, свойственных людям, которые говорят неправду. Так, для русского языка особенным является возможность описывать ложь при помощи некоторых психо-соматических реакций. Ложь получает экспрессивно-оценочное описание, при использовании в некоторых поговорках концепта «смерть». Англичане же часто используют образ дьявола для описания лжеца.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Философский энциклопедический словарь [Текст] / Ред.-сост. Е.Ф. Губского. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 574 с.
2. Гак, В.Г. Актантная структура грехов и добродетелей [Текст] / В.Г. Гак // Логиче-

- ский анализ языка: Языки этики. / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, Т.Э. Янко, Н.К. Рябцева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 448 с.
3. Спиноза, Б. Богословско-политический трактат: пер. с лат. и голл. [Текст] / Б. Спиноза / Гл. ред. В.И. Галий. – Харьков: Фолио, 2001. – 652 с.
  4. Зимин, В.И. Основные роли образа в семантической структуре фразеологизма [Текст] / В.И. Зимин // Фразеологизм и слово в художественном, публицистическом и народно-разговорном дискурсах: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Под науч. ред. И.Ю. Третьяковой. – Кострома, 2016. – 281 с.
  5. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и базисные концепты [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 568 с.
  6. Скрипник, А.П. Моральное зло в истории этики и культуры [Текст] / А.П. Скрипник. – М.: Издательство политической литературы, 1992. – 321 с.
  7. Rosch, E. Cognitive Representations of Semantic Categories [Text] / E. Rosch // Journal of Experimental Psychology. – 1975. – Vol. 104. – №. 3. – Pp. 192-233.
  8. (ODP): Speakers, J. The Oxford dictionary of proverbs, 5th edition, Oxford University press, NY, 2008. – 388 p.
  9. (WDP): Apperson, G.L. The Wordsworth dictionary of proverbs, Hertford-London, Wordsworth editions Ltd., 2006. – 656 p.
  10. (СППРН): Даль, В.И. Сборник пословиц и поговорок русского народа: В 2 т. Т. 1 [Текст] / В.И. Даль. – М.: Художественная литература, 1989. – 350 с.
  11. (СТРПП): Зимин, В.И. Словарь тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений [Текст] / В.И. Зимин. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. – 736 с.

REFERENCES

1. *Filosofskij jenciklopedicheski slovar*, ed. E.F. Gubskogo, Moscow, INFRA-M, 2006, 574 p. (in Russian)
2. Gak V.G., “Aktantnaja struktura grehov i dobrodetelej”, in: *Logicheski analiz jazyka: Jazyki jetiki*, ed. N.D. Arutjunova, T.E. Janko, N.K. Rjabceva, Moscow, Jazyki russkoj kultury, 2000, 448 p. (in Russian)
3. Rosch E., Cognitive Representations of Semantic Categories, *Journal of Experimental Psychology*, 1975, Vol. 104, No. 3, pp. 192-233. (in Russian)
4. Skripnik A.P., *Moralnoe zlo v istorii jetiki i kultury*, Moscow, Izdatelstvo politicheskoi literatury, 1992, 321 p. (in Russian)
5. Spinoza B., *Bogoslovsko-politicheskij traktat*, trans., ed. V.I. Galij, Harkov, Folio, 2001, 652 p. (in Russian)
6. Vezhbickaja A., *Semanticheskie universalii i bazisnye koncepty*, Moscow, Jazyki slavjanskikh kultur, 2011, 568 p. (in Russian)
7. Zimin V.I., “Osnovnye roli obraza v semanticheskoi strukture frazeologizma”, in: *Frazeologizm i slovo v hudozhestvennom, publicisticheskom i narodno-razgovornom diskursah, Proceedings of the International Conference*, ed. I.Ju. Tretjakovoj, Kostroma, 2016, 281 p. (in Russian)
8. (ODP): Speakers J., *The Oxford dictionary of proverbs*, 5th edition, Oxford University press, New York, 2008, 388 p.
9. (SPPRN): Dal V.I., *Sbornik poslovic i pogovorok russkogo naroda*, V 2 vols., Vol. 1, Moscow, Hudozhestvennaja literatura, 1989, 350 p. (in Russian)
10. (STRPP): Zimin V.I., *Slovar tezaurus russkikh poslovic, pogovorok i metkih vyrazhenij*, Moscow, AST-PRESS KNIGA, 2012, 736 p. (in Russian)
11. (WDP): Apperson G.L., *The Wordsworth dictionary of proverbs*, Hertford-London, Wordsworth editions Ltd., 2006, 656 p.

Лызлов Алексей Игоревич, кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Смоленский государственный университет, aleksej-lyzlov@yandex.ru

Lyzlov A.I., PhD in Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Smolensk State University, aleksej-lyzlov@yandex.ru

УДК 811.161.1

ББК 81.2(Рус)

К ВОПРОСУ О РАЗНОЙ СТЕПЕНИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОИЗВОДНОСТИ ГЛАГОЛОВ С ПРИСТАВКОЙ ПРИ- В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Набати Шахрам

Аннотация. *Статья посвящена установлению разной степени словообразовательной производности глаголов с приставкой при- в русском языке. В качестве источника языкового материала привлекались все глаголы с формальным компонентом при- (всего 800 единиц) из толкового словаря русского языка под ред. А.П. Евгеньевой. Контекстуальный анализ проводился на основании аутентичных контекстов, полученных из информационно-справочной системы «Национальный корпус русского языка»¹. Проанализировав четыре типа глаголов с приставкой при-, отмечены четыре степени словообразовательной производности. У глаголов первого типа их значение зависит от суммы ярко выраженных лексических значений приставки и корневого глагола. Мотивировка значения, разумеется, в наибольшей степени принадлежит значению корневого глагола. Глаголы второго типа обладают семантикой, опирающейся на образное значение их основы, лексическая независимость которой несколько редуцируется в составе самого префиксального глагола. У глаголов второго типа нет выраженного лексико-грамматического единства с корневыми глаголами. В значении глаголов третьего типа наблюдается удаление от семантики корневого глагола настолько сильно, что их связь может быть установлена только этимологически. У глаголов четвертого типа общее их значение минимально зависит от значения корневого глагола.*

Ключевые слова: *приставка при-, приставочный глагол, словообразовательная производность, семантика, русский язык.*

372

¹ Здесь и в дальнейшем под названием Национальный корпус русского языка понимается электронный ресурс, размещенный по адресу www.ruscorpora.ru

DIFFERENT DEGREES OF WORD-FORMATION DERIVATIVENESS OF VERBS WITH THE PREFIX PRI- IN THE RUSSIAN LANGUAGE)

Nabati Shahram

Abstract. *The article focuses on the research of different degrees of derivation and corresponding types of verbs with the prefix pri- in the Russian language. The source of the language data (800 units) was the explanatory dictionary of the Russian language edited by A.P. Evgenyeva. The contextual analysis was carried out on the basis of authentic contexts derived from the information-reference system "Russian National Corpus". Having analyzed the four types of verbs with the prefix pri-, the author of the article outlines four major derivative classes. The verbs of the first type are completely motivated by the meanings of their derivational bases which are constituted by autonomous lexical units and the distinct meaning of the prefix thus revealing the highest degree of derivation. The second type of the verbs have their composite meaning linked to the figurative meaning of the word base and as such are characterized by a lower degree of derivation which is based on indirect semantic relationship of the derivational base and the derived word. The third type of the verbs demonstrates the change of the semantics of the basic root verb and is so radical that the relationship of the prefixal verb and its base can be established only etymologically and becomes purely formal. The meaning of the verbs of the fourth type depends minimally on general meaning of root verbs.*

Keywords: *prefix pri-, prefixal verb, derivation, semantics, Russian language.*

Введение

С развитием когнитивной лингвистики центр интересов которой сконцентрирован на природе и сущности языковых знаков, репрезентирующих результаты познавательной деятельности человека, вновь стали актуальными вопросы о структуре и семантике производных слов, составляющих значительную часть языкового лексикона. Когнитивные опоры в виде определенных структурных частей производящих или мотивирующих баз, представляющих собой следы операций, характеризующих формирование новых слов, являются значимыми для формирования и декодирования смысла дериватов. И значимым поэтому

остается вопрос о том, насколько сохраняет слово эти следы, а тем самым и свою производность и семантическую прозрачность, или же в ходе исторического развития эти следы полностью или частично исчезают, приводя к становлению в языковой системе простых, непроемных или морфемно членимых, но непроемных единиц. Тем самым вновь на первый план выдвигается установление производности и непроемности лексических единиц, «правильное определение их и взаимосвязи между ними» [1, с. 68], что, прежде всего, необходимо для отграничения производных слов от непроемных, находящихся за пределами словообразова-

тельной системы языка. Этому важнейшему вопросу при описании словообразовательной структуры слова и соответственно центральной проблеме теории словообразования отводится значительное место в специальной литературе. Обсуждению подлежат в первую очередь термин «словообразовательная производность» и соотносимые с ним термины «производное слово», «производная основа», «производящее слово» «производящая основа», «производность», «производный», «производящий», указанные в грамматиках 1970 [2, с. 37] и 1980 [3, с. 133] гг., которые, по мнению ряда авторов, более пригодны для обозначения соответствующих понятий в области диахронического словообразования. Для описания синхронных словообразовательных отношений используются термины «мотивация», «мотивированный», «мотивирующий» [4, с. 7; 5, с. 5]. Наряду с ними Н.А. Янко-Триницкая предлагает, соответственно, термины «выводимость», «выводимый», «базовый», использование которых, как она объясняет, «не только исключает любые диахронические ассоциации, но и позволяет легко разграничивать две стороны выводимости – морфологическую и семантическую» [6, с. 17-19].

Таким образом, проблема морфологической членимости и словообразовательной производности, казалось бы, решенная в результате активного обсуждения в научных кругах в теоретическом плане почти 50 лет назад, вновь обретает свою актуальность, особенно при преподавании русского языка как иностранного, ибо с определением статуса глагола с одним и тем же структурным элементом *при*-связаны разные пути их семантического декодирования. Важным этот

вопрос становится и при установлении соотношения структурных типов слов той или иной части речи в общей системе лексики языка. В предлагаемой ниже статье и делается попытка показать структурную неоднородность глаголов с элементом *при*- в русском языке и вытекающие из нее разные возможности семантической интерпретации данных глаголов.

При изучении словообразовательной структуры производных слов необходимо учитывать то обстоятельство, что все производные слова имеют связи со всеми другими однокоренными словами. Эти связи проявляются как в формальном (в совпадении корневых морфем), так и в семантическом (в сходстве лексического значения, которое определяется корнем) отношениях.

Таким образом, можно сказать, что совокупность формальных и семантических признаков соотносимых слов, то есть общность корневой морфемы и наличие семантической мотивации, определяет наличие отношений словообразовательной производности между словами.

Наличие теоретических решений проблемы словообразовательной производности не освобождает, однако, от многочисленных трудностей, с которыми сталкивается исследователь при рассмотрении конкретного языкового материала.

По мнению В.В. Лопатина, «при материально выраженной аффиксации аффикс обычно является внешним признаком словообразовательной мотивированности, указывает на направление производности и, следовательно, установление словообразовательных связей вытекает уже из наличия аффикса» [7, с. 82]. Однако не все производные слова, имеющие

связи с производящими словами, являются производными. Например, глаголы со связанными основами с приставкой *при-* (*прибавить*, *приветствовать*, *привыкнуть* и т.д.) не отвечают условиям словообразовательной производности и не относятся к приставочным глаголам.

Из предшествующих описаний приставочного словообразования в современном русском языке известно, что слова, содержащие в своей структуре элементы, формально идентичные префиксальным морфемам (типа *в-*, *от-*, *пере-* и др.) по своему морфологическому составу, семантическим характеристикам и соотносимости с соответствующими беспрефиксальными единицами, неоднородны и образуют определенные подгруппы или типы [8, с. 82].

Основная часть

Как следствие неоднородности глаголов с приставкой *при-*, неодинакова и словообразовательная природа глаголов, формально принадлежащих к одному структурному ряду. Обладая одним и тем же формальным показателем, они, тем не менее, образуют группы непроемных и производных слов, причем последние могут различаться степенью словообразовательной производности. Доказательству данного вывода и посвящено последующее описание морфологических, грамматических и семантических характеристик глаголов с приставкой *при-* в русском языке, формирующих в современном русском языке один из наиболее продуктивных словообразовательных типов [3, с. 387-388].

Как показывает проведенный анализ, по своим морфологическим особенностям глаголы с приставкой *при-* подразделяются на 4 группы.

Наиболее объемной по числу слов (95%) является **первая группа** глаголов, имеющих общие лексико-грамматические признаки с беспрефиксальными производящими глаголами. К ним относятся такие глаголы, как: *прибежать*, *приехать*, *привести*, *привезти* и т.д. Им свойственна прозрачная морфологическая структура. Глаголы этой группы производны и обладают ярко выраженным лексическим значением, мотивированным значениями корневых и префиксальных морфем, а также общими грамматическими признаками префиксальных и беспрефиксальных глаголов, такими как переходность-непереходность, образование видовых корреляций и др. Роль приставки *при-* в данном случае немаловажна в грамматическом смысле. Ее добавление к беспрефиксальным глаголам изменяет грамматический вид глагола и тем самым придает новое видовое значение производному (приставочному) глаголу. Возьмем для примера глагол *принести*. В современном русском языке этот глагол имеет значение: «Неся, доставить» [9]:

(1) *В 1977 г. дочь Бабаевых Гюльчохра, тогда еще школьница, принесла домой двухмесячного котенка, который оказался очень общительным и сообразительным* [А.П. Дубров, О.Л. Силаева, В.Д. Ильичев. Кот, говорящий по-азербайджански // Первое сентября, 2003].

В то же время главным значением беспрефиксального глагола *нести* является: «взяв в руки или нагрузив на себя, перемещать, доставлять куда-либо» [там же], что близко к значению префиксального глагола. Например:

(2) *Западные артисты не выкликли к цветам, а зрители несли их и несли, и Володя стоял, весь об-*

вешанный букетами [Сати Спивакова. Не все (2002)].

Близость прямых значений префиксального *принести* «неся, доставить» [там же] и бесприставочного глагола нести «взяв в руки или нагрузив на себя, перемещать, доставлять куда-либо» [там же] подтверждает их близость в лексико-семантическом плане. Это является также свидетельством того, что пространственное значение приставки *при-* (приближения к конечной цели) и значение производящей базы *нести* определенно присутствуют в составе префиксального глагола. Согласно сказанному, очевидно, что грамматические признаки глаголов *принести* и *нести* (вид и переходность) идентичны.

Характерной особенностью данных глаголов является то, что лексико-грамматическая общность префиксального и бесприставочного глаголов сохраняется при их использовании как в прямом, так и в переносном значениях. Приставка всегда делает семантику глагола уже. Именно по этой причине корневые глаголы шире выражают переносные значения в сравнении с префиксальными глаголами.

Второй тип глаголов представляет собой малочисленную группу глаголов с приставкой *при-* (2%). К ним относятся такие глаголы, как: *прибрать, признать, приметить, пришибить* и др.

Заметим, что между генетическим значением бесприставочного глагола и ведущим значением префиксального глагола существует очевидная связь. Однако семантика бес-

приставочного глагола отличается от актуального лексического значения² префиксального глагола. Грамматические функции префиксального и бесприставочного глагола не одинаковы. Лексическое значение префиксального глагола основывается на образном значении производящей бесприставочной базы, которое оказывает сильное влияние на изменение смысла (переоформление) префиксального глагола. В результате этого приставка *при-* теряет свои ярко выраженные пространственные и обстоятельственные признаки.

Рассмотрим в дополнение некоторые глаголы этой группы.

Глагол *приметить* – *примечать* в разговорной речи имеет значение «заметить, увидеть, обратить внимание на кого-, что-л.» [9]:

(3) *«Дубиум» там надписано — «сомнение». Вы вот тоже, приметил я, засомневались. А в войну в саду авиабомба жажнула, в имении стекла все повывлетали, деревья с корнем повыворачивало, а камешка как раскачивалась да сползала, так и посейчас продолжает* [Александр Крамер. О скитальцах и странниках // «Сибирские огни», 2013].

Глагол *метить* употребляется в следующих значениях: «Ставить отличительный знак, метку», «Целиться, стараться попасть» и др. [там же]: (ср. их значения в следующих контекстах:

(4) *В ходе исследований сусликов отлавливали специальными ловушками-живоловками, сделанными из металлической сетки, и метили электронным чипом* [Малютки, кричащие «басом» // «Наука и жизнь», 2008].

² Здесь и далее под актуальным значением понимается значение, обозначающее действие, которое происходит в данный момент и важное для настоящего времени.

Из сопоставления семантики префиксального глагола *приметить* и его производящей базы *метить* очевидна прямая генетическая близость между их значениями, а также то, что главные их значения заметно отличаются. В то же время образность значения бесприставочного глагола сохраняется в семантике префиксального глагола, и между приставочным и бесприставочным глаголами нет грамматической идентичности. Так, глагол *приметить*, имея в русском языке формы как совершенного вида, так и несовершенного вида, является переходным. Глагол *метить*, имея форму несовершенного вида, в значении «Ставить отличительный знак, метку» [9] является только переходным. Но в значении «целиться, стараться попасть» [там же] становится непереходным.

Глагол *пришибить* – *пришибать* имеет значение «Сбить ударом чего-либо тяжелого, придавить насмерть» [там же]:

(5) *Теперь он все время будет исправляться, пока смерть не пришибет его* [Андрей Дмитриев. Призрак театра (2002–2003) // Знамя, 2003].

Корневой глагол *шибать* – *шибануть* употребляется в таких значениях: «бросать, швырять», «С особой силой действовать на кого-л. (о запахе, вине, и т.п.)» [там же]:

(6) *Стрелять и пениться не будет, а шипеть, в нос и голову шибать – запросто* [Виктор Мясников. Водка (2000)].

Существующая связь значений префиксального глагола *пришибить* и его производящего глагола *шибать* очевидна, в то время как актуальные значения префиксального глагола и производящего глагола неодинаковы,

как не одинаковы и их грамматические признаки: *пришибить* – *пришибать* — переходной глагол, *шибать* может быть и переходным, и непереходным */шибать камнями/*.

Глагольная пара *прибрать* – *прибирать* имеет следующие значения: «Привести в порядок, убрать» (разг.), «Убрать, спрятать» (разг.) и др. [там же]:

(7) *Надо вытащить белье из машины, помыть посуду, прибрать комнату* [Михаил Гиголашвили. Экобаба и дикарь (1998–2007) // Заграничные записки, 2009].

Производящим для глагола *прибрать* является глагол *брать*. Его прямое значение: «Принимать в руки, схватывать руками (зубами, щипцами и т.п.)» [там же]:

(8) *Каждый вечер он брал ножницы, садился на берегу пруда и потихонечку постригал их* [Сергей Козлов. Как Ежик с Медвежонком спасли Волка // Мурзилка, 2003].

При этом глагол *брать* имеет множество переносных значений, в которых он широко употребителен в русском языке:

(9) *Зачалили, прогнали по желобу, загрузили чурками — и на кидало... И все равно сомнение берет. Перво-наперво, как солнышки-то со сволочанами делить будем?* [Евгений Лукин. Катали мы ваше солнце (1997)].

(10) *Живем в бараке дружно. Берем займы и долго не отдаем. Борька на первом этаже, Петька — через стенку* [Геннадий Башкуев. Маленькая война // Сибирские огни, 2013].

Сравнение семантики производящего и префиксального глаголов приводит к выводу о потускнении значения корневой и префиксальной мор-

фем в производном глаголе. При этом глаголы различаются и грамматическими признаками: *брать* – переходный глагол, *прибрать* – переходный и непереходный; *брать* – глагол несовершенного вида, *прибрать* – глагол совершенного вида. В этой группе должны быть префиксальные глаголы, унаследовавшие образное значение бесприставочного глагола (как в случае с глаголами *прибрать* и *брать*).

Глаголы с приставкой *при-*, формирующие вторую группу, таким образом, являются производными и прозрачными по своей морфологической структуре. Для них характерна мотивированность семантики префиксального глагола образным значением производящей основы; генетическая связь между значениями производных и производящих глаголов при различном их актуальном значении в русском языке; а также различия между префиксальным и бесприставочным глаголами по грамматическим признакам; сужение круга лексических значений приставочных слов.

Глаголы, которые можно причислить к **третьему типу**, также не многочисленны (2%). К ним относятся такие глаголы, как *прибыть*, *пригласить*, *причинить*, *приказать*, *приговорить*, *пристать*, *приникнуть* и др. Их особенностью является то, что в современном русском языке различаются не только значения префиксального и бесприставочного глаголов, но также не сохранилась и близость генетического значения производящего глагола и значения префиксального глагола. Это и есть их основное отличие от глаголов второго типа. Но у этих двух типов общим является следующее: глаголы с приставкой *при-* второго и третьего типов характеризуются

отличиями грамматических признаков по сравнению с производящими базами и потускнением семантики корневых и префиксальных морфем в составе префиксального глагола.

В.А. Богородицкий определяет данный тип глаголов, как префиксальные глаголы с прозрачным морфологическим составом, от которого в определенной степени удалено реальное значение. Иначе говоря, в глаголах данного типа, как пишет автор, «генетическое значение уступает место новому значению слова» [10, с. 193–194]. Ср. *прибыть* «прийти, приехать, приплыть, прилететь»; «увеличиться, прибавиться» [9] и др. и *быть* – «существовать»; «находиться, присутствовать где-либо» [там же] и др.

С точки зрения их семантической слитности, эти глаголы по своему значению приближаются к фразеологическим сращениям, в которых «целостное значение совершенно не соотносительно с отдельными значениями составляющих их слов» [1, с. 195]. Ср. *бить баклуши* – бездельничать, перемывать косточки – сплетничать и др.

В группу глаголов третьего типа входят, наряду с уже проанализированными примерами, и глаголы *пригласить*, *приговорить*, *пристать* и др.

Основным значением глагольной пары *пригласить* – *приглашать* в русском языке является «Попросить прийти, приехать, явиться куда-л., с какой-л. целью» [9]. Глагол *гласить* обозначает «содержать в себе какое-либо сообщение, утверждение, сообщать, говорить» [там же]. ср. примеры:

(11) *И вот так мы стоим и смотрим друг на друга, и она ждет – когда я уйду, потому что ей уже жалко, что она меня пригласила* [Андрей Геласимов. Жанна (2001)].

(12) *Как гласят древние тексты, здесь жили крестьяне, возделывавшие виноград и собиравшие финики* [Александр Волков. Пираты песчаного моря // Знание-сила, 2013].

Явственно, насколько генетическое значение производящей основы *гласить* удалилось от значения префиксального глагола *пригласить*. Нужно заметить, что этимологическая связь генетического значения образующей основы *гласить* все же прослеживается со значением ее префиксальной основы, но с точки зрения современного восприятия мы уже практически не ощущаем эту связь.

Что касается грамматических признаков корневого и приставочного глаголов, то они также неодинаковы: *гласить* – глагол несовершенного вида, может быть как непереходным, так и переходным; *пригласить* – глагол совершенного вида, но имеет так же форму несовершенного вида *приглашать*, переходный.

Актуальным значением глагола *приговорить* является «Вынести приговор, назначить какое-то наказание» [9]:

(13) *Однако приговорить к «смертной казни» (то бишь ликвидации) могут* [Надежда Баяндина. Хождения по мукам бронзового Ленина (2004) // Вечерний Екатеринбург, 2004.11.06].

Его производящая основа *говорить* в русском языке имеет значение «Пользоваться, владеть устной речью» [9].

Очевидно, что префиксальный глагол *приговорить* в своем актуальном значении «Вынести приговор, назначить какое-то наказание» генетически связан с производящей основой *говорить* со значением «Пользовать-

ся, владеть устной речью» [там же]. Однако современное значение префиксального глагола *приговорить* практически утратило свою связь со значением корневого глагола:

(14) *Однако сейчас уже необходимо говорить о трех поколениях потенциального биологического оружия* [А.С. Спиринов. Фундаментальная наука и проблемы экологической безопасности // Вестник РАН, 2004].

Префиксальный глагол *пристать* обладает актуальным значением «Прикрепиться, плотно прилекая к кому-либо, чему-либо, прилипнуть» [там же]:

(15) *Пережогинцы умудрились пристать к берегу и под огнем вытаскать свое золото с горевшего корабля* [Андрей Геласимов. Разгуляевка (2008)].

Однако в современном русском языке это его актуальное значение не является номинативным значением глагола *пристать* в полном смысле.

Прямое значение глагола *пристать*, являясь устаревшим и просторечным и выражается словами: «Остановиться, расположиться на время где-либо или у кого-либо» [там же]:

(16) *В Москве странницы пристали на постоялом дворе. Они попросились ночевать, и их пустили* [Л.Н. Толстой. Декабристы].

Можно сделать вывод, что прямое (номинативное) значение префиксального глагола *пристать* связано с понятием «остановиться» и имеет семантическую близость с его мотивирующей основой *стать*: «Ступив куда-либо на какое-либо место, остановиться на нем; расположиться где-то стоя» [там же]:

(17) *Но в открытом шкафу он заметил также пачку табаку... Он*

взял ее, повертел в руках, стал к ок-ну спиною и положил в карман [С.Н. Сергеев-Ценский. В грозу (1912)].

В актуальном значении приставочного глагола *пристать* «Прикрепиться, плотно прилегая к кому-либо, чему-либо» [там же], которое развилось как образное и ведет к омонимическому расщеплению данного глагола, уже нет близкой лексико-семантической связи между ним и корневым глаголом *стать*, а прямая и вовсе утрачена. Эта трансформация в семантике морфологических частей приставочного глагола *пристать* привела этот глагол к морфологическому опрощению.

Анализ глаголов третьей группы выявил, что основным семантическим признаком приставочных глаголов этого типа является замена значения генетического «реальным». Актуальное лексическое значение корневого глагола как бы стирается в составе приставочного глагола, а приставка, сохраняя свое лексическое значение, заметно изменяет смысл префиксального глагола, придавая ему иное значение. Такая трансформация семантики префиксального глагола делает связь между морфологическими частями более прочной. «Это явление семантического опрощения в структуре приставочного глагола, – указывает О.И. Рак, – которое необходимо предшествует и сопутствует опрощению морфологическому» [8, с.114]. Естественно, что в результате данных процессов значения префиксальных глаголов становятся трудно выводимыми из значений составляющих их единиц, а это порождает проблемы в распознавании их семантики, особенно изучающими русский язык как иностранный.

Принято считать, что примерно один процент глаголов с приставкой *при-* составляют глаголы со связанными приставками, которые можно отнести к **четвертому типу**. К ним относятся такие глаголы, как *прибавить*, *приветствовать*, *привыкнуть*, *прилучать*, *примыкать*, *принимать*, *присутствовать*, *присягать* и др.

Своей морфологической структурой эти глаголы напоминают в определенной степени фразеологические обороты, состоящие из слов со свободными и фразеологически связанными типами лексического значения. Если мы посмотрим на эти глаголы с точки зрения семантической слитности их морфологических частей, то отметим, что они продвинулись гораздо дальше в процессе морфологического опрощения, чем глаголы, прошедшие первую степень этого процесса.

Характерной особенностью этих приставочных глаголов является то, что их мотивирующая основа не употребляется в современном русском языке в свободном виде. «Это обстоятельство, – отмечает О.И. Рак, – вызвало следующую степень семантико-морфологического опрощения и придало новое качество основе – закрепило ее связанность, то есть приставочные образования этого типа обособились в словарном составе языка и семантически и морфологически» [8, с. 115].

Префикс у глаголов этого типа может меняться (*прибавить*, *убавить*, *разбавить*, *забавить*, *избавить*). При этом, как верно подчеркивает О.И. Рак, приставка сохраняет в этом случае семантическую самостоятельность, а корневая основа глагола, напротив, теряет ее. Поэтому значение префиксальных глаго-

лов этого типа, в сравнении с префиксальными глаголами третьего типа, мало зависит от значения корневой основы, так как глагольная мотивирующая основа не встречается как значимая языковая единица в свободном употреблении. Семантические значения глаголов четвертого типа совпадают со значениями фразеологических сращений, которые, как образно сформулировал В.В. Виноградов, похожи на «химическое соединение каких-то растворившихся и с точки зрения современного языка аморфных лексических частей» [11, с. 23]. Ср. *перемывать косточки*, *бить баклуши* и др.

Немотивированность данного типа глаголов, в которых ощущается формальный отрезок, совпадающий с приставкой *при-*, не позволяет рассматривать их как производные слова. Иными словами, это слова с нулевой словообразовательной производностью.

Производность префиксального глагола четвертого типа в современном русском языке можно установить посредством противопоставления «по префиксу другим корневым глаголам» [8, с. 116]. При его невозможности по причине отсутствия такой соотнесенности, префиксальная основа становится морфологически опрощенной, непроизводной (Ср.: *притвориться (о человеке)*).

Таким образом, характерной особенностью глаголов четвертой группы является то, что они в отличие от всех ранее описанных имеют связанную основу. Иными словами их корневая основа не существует в русском языке в свободном виде. Данная отличительная черта глаголов этого типа вызывает более прочное соединение морфологических частей

префиксального глагола, а также незначительную соотнесенность значения префиксального глагола со значением связанной основы. Она также трансформирует глаголы, которые не могут противопоставляться по приставке родственным образованиям, в морфологически опрощенные глаголы. Это объясняется тем, что в этих глаголах, как указывал В.А. Богородицкий, «значение корня в слове сливается со значением придаточных морфологических частей в одно цельное, нераздельное представление, возникает таким образом новый корень» [10, с. 120].

Заключение

Таким образом, можно прийти к выводу, что из-за семантической неоднородности глаголов с приставкой *при-* неодинакова и словообразовательная природа глаголов, формально принадлежащих к одному структурному ряду. Обладая одним и тем же формальным показателем, они, тем не менее, образуют группы непроизводных и производных слов, причем последние могут различаться степенью словообразовательной производности. Итак, становится очевидным, что структурный ряд с элементом *при-* в современном русском языке представляет собой континуум, члены которого характеризуются разной – от нуля до единицы – степенью словообразовательной производности, причем границы между отдельными группами трудно определимы и расплывчаты. Это позволяет говорить не только о типах морфологической членимости (см. Л. Блумфилд, Е.С. Кубрякова и др.), но и в степенях производности.

**СПИСОК ИСТОЧНИКОВ
И ЛИТЕРАТУРЫ**

1. Шанский, Н.М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии [Текст] / Н.М. Шанский. – М.: Учпедгиз, 1959. – 246 с.
2. Шведова, Н.Ю. Грамматика современного русского литературного языка [Текст] / Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
3. Шведова, Н.Ю. Русская грамматика: в 2 т. [Текст] / Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – 783 с.
4. Улуханов, И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания [Текст] / И.С. Улуханов. – М.: Наука, 1975. – 255 с.
5. Улуханов, И.С. Мотивация и производность (о возможностях синхронно-диахронического описания языка [Текст] / И.С. Улуханов // Вопросы языкознания. – 1992. – № 2. – С. 5-20.
6. Янко-Триницкая, Н.А. Членимость основы русского слова [Текст] / Н.А. Янко-Триницкая // Известия АН СССР. – 1968. – Т. 27. – Вып. 6. – С. 17-19.
7. Лопатин, В.В. Нулевая аффиксация в системе русского словообразования [Текст] / В.В. Лопатин // Вопросы языкознания. – 1966. – № 1. – С. 76-87.
8. Рак, О.И. Структурно-семантическая характеристика глаголов с приставкой в- [Текст] / О.И. Рак // Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы. – 1961. – № 14. – С. 106-117.
9. Евгеньевой, А.П. Словарь русского языка: в 4 т. [Текст] / А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984. – 4 т.
10. Богородицкий, В.А. Очерки по языковедению и русскому языку [Текст] / В.А. Богородицкий. – М.: Учпедгиз, 1939. – 224 с.

11. Виноградов, В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Учпедгиз, 1947. – 784 с.

REFERENCES

1. Bogorodickij V.A., *Oчерki po jazykovedeniju i russkomu jazyku*, Moscow, Uchpedgiz, 1939, 224 p. (in Russian)
2. Evgenevoj A.P., *Slovar russkogo jazyka: v 4 vols., vol. 4, 2nd.*, Moscow, Russkii jazik, 1981–1984. (in Russian)
3. Janko-Trinickaja N.A., *Chlenimost osnovy russkogo slova*, *Izvestija AN SSSR*, 1968, vol. 27, vyp. 6, pp. 17-19. (in Russian)
4. Lopatin V.V., *Nulevaja affiksacija v sisteme russkogo slovoobrazovanija*, *Voprosy jazykoznanija*, 1966, No. 1, pp. 76-87. (in Russian)
5. Rak O.I., *Strukturno-semanticheskaja harakteristika glagolov s pristavkoj v-*, *Vestnik Leningradskogo universiteta*, serija istorii, jazyka i literatury, 1961, No. 14, pp. 106-117. (in Russian)
6. Shanskij N.M., *Oчерki po russkomu slovoobrazovaniju i leksikologii*, Moscow, Uchpedgiz, 1959, 246 p. (in Russian)
7. Shvedova N.Ju., *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka*, Moscow, Nauka, 1970, 767 p. (in Russian)
8. Shvedova N.Ju., *Russkaja grammatika: v 2 vols.*, Moscow, Nauka, 1980, 783 p. (in Russian)
9. Uluhanov I.S., *Motivacija i proizvodnost (o vozmozhnostjakh sinhronno-diahronicheskogo opisanija jazyka)*, *Voprosy jazykoznanija*, 1992, No. 2, pp. 5-20. (in Russian)
10. Uluhanov I.S., *Slovoobrazovatel'naja semantika v russkom jazyke i principy ee opisanija*, Moscow, Nauka, 1975, 255 p. (in Russian)
11. Vinogradov V.V., *Russkij jazyk: grammaticheskoe uchenie o slove*, Moscow, Uchpedgiz, 1947, 784 p. (in Russian)

Набати Шахрам, кандидат филологических наук, ассистент профессора, преподаватель, кафедры русского языка, факультет гуманитарных наук, Гилянский университет, Исламская Республика Иран, shnabati@guilan.ac.ir

Nabati Shahram, PhD in Philology, Assistant Professor, Teacher, Russian Language Department, Faculty of Humanities, University of Guilan, Islamic Republic of Iran, shnabati@guilan.ac.ir

УДК 81-25
ББК 81.432.4

ДИАХРОНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ В ОСТРОВНЫХ НЕМЕЦКИХ ГОВОРАХ

Т.Н. Москвина

Аннотация. *Островные немецкие диалекты на Алтае развивались более двухсот лет в отрыве от языка-основы, в иноязычном окружении (русский язык) и в процессе длительного контакта друг с другом. Словарный состав образовавшихся смешанных немецких говоров претерпел множество изменений. Изучение семантических трансформаций различного рода позволяет проследить становление лингвокультурологического пространства, которое образует лексика конкретного говора, что определяет языковую картину мира носителей диалекта.*

Диалектный словарный состав включает в себя большое количество глаголов, относящихся к общенемецкому словарному фонду, которые проявляют полное или частичное сходство в значении и могут считаться фонетическими вариантами. Значительное количество диалектных глаголов обладают значительной семантической устойчивостью, что проявляется в сохранении старого, употребительного на момент переселения, значения. Однако глаголы подвержены варьированию в различных формах. Наблюдается значительное количество случаев изменения значения: явления семантической деривации, проявляющейся в виде синхронной полисемии, а также архаизация, сужение и расширение значения.

Изучение семантической вариативности необходимо не только в рамках определенного говора, но и в контексте языковых контактов (диалект-диалект, диалекты – русский язык, диалекты – литературный немецкий язык). Диахронический анализ семантики лексических единиц позволяет показать особое развитие островного диалекта в отрыве от диалекта-основы, а также проследить этапы его становления в сравнении с другими островными диалектами, современными немецкими диалектами.

Ключевые слова: *диалектология, островной немецкий говор, семантика, языковая вариативность, историческая семантика, семантика глаголов.*

383

DIACHRONIC ASPECTS OF SEMANTIC VERBAL VARIATION IN INSULAR GERMAN DIALECTS

T.N. Moskvina

Abstract. *German dialects in Altai have been evolving for more than 200 years in isolation from the proto-language surrounded by the foreign language (Russian) on the one hand, and during the process of a long-term contact and intermixture with each other, on the other hand. The vocabulary of the newly created mixed dialects has undergone a lot of changes. Studying various semantic transformations allows us to trace the formation of a linguocultural space, made up by the vocabulary of a certain dialect thus defining a dialectal landscape of the native German dialect speakers in Altai.*

Dialectal vocabulary corpus includes a big number of verbs belonging to the general German lexical base, which preserve full or partial similarity in meaning and are treated as dialectal formal (phonetic) variants of one and the same lexical unit. A considerable part of dialectal verbs possess semantic stability, preserving old, present at the time of migration, meanings. However, verbs are also susceptible to semantic variation in its different manifestations. At the same time there are numerous cases of the word meaning change, i.e. semantic derivation, manifested in the form of synchronous polysemy. Narrowing and extension of meaning are traditionally referred to such processes.

Study of semantic variation needs further research not only within the framework of certain dialects, but also within the context of language contrasts (dialect – dialect, dialects – Russian language, dialects – literary German language). Diachronic study of lexical units semantics makes it possible to show specific development of an insular dialect isolated from its proto-language, as well as trace the stages of its formation in comparison with other insular dialects or modern German dialects.

Keywords: *dialectology, insular German dialects, language variations, diachronic semantics, semantics of verbs.*

Понятие диалекта как формы, разновидности национального языка, употребляемого в качестве средства общения людьми, связанными, как правило, тесной территориальной или социальной общностью, включает в себя понятие говора как наименьшей территориальной разновидности языка, используемой в качестве средства общения

жителями одного или нескольких соседних населенных пунктов, не имеющих территориально выраженных языковых различий. В отношении немецких говоров, бытующих на территории бывшего СССР, принято понятие «островной говор». Для ареальной лингвистики в целом и в немецкой диалектологии в частности это уточнение носит принципиаль-

ный характер, поскольку, существуя и развиваясь более двухсот лет в иноязычном окружении, представляя собой языковой эксклав, то есть «языковой остров», немецкие диалекты в России представляют собой уникальное лингвистическое явление. Это – гетерогенные языковые образования, сформировавшиеся, с одной стороны, в отрыве от языка-основы и в иноязычном окружении (русский язык), с другой стороны, в процессе длительного контакта и смешения друг с другом. Лексика образовавшихся смешанных говоров претерпела множественные изменения. Изучение семантических трансформаций различного рода позволяет проследить становление лингвокультурологического пространства, которое образует лексика конкретного говора.

Особенности морфологии и семантики диалектной лексики на примере говоров Алтайского края были комплексно описаны в исследованиях проф. Л.И. Москалюк в разные годы [см.: 1; 2], в словаре диалектной лексики, составленном под руководством Г.Г. Едига [3], а также в исследованиях последних лет, проведенных Алтайской диалектологической школой при поддержке РГНФ и Министерства образования и науки. Одним из ключевых направлений современных исследований является описание лексико-семантической системы островных немецких говоров.

Объектом проведенного исследования являются глаголы верхненемецкого островного говора с пфальцской основой, имеющего многочисленные признаки других верхненемецких диалектов. Этот говор используется в речи жителей с. Шумановка Немецкого национального района Алтайского края, проживав-

ших ранее в ликвидированном в 1986 г. с. Константиновке. В качестве основы для проведения сопоставительного анализа в сфере семантической вариативности привлекаются языковые данные нижненемецких и средненемецких говоров с. Кусак, с. Подсосново и с. Гальбштадт Немецкого национального района. Первоначально исследование проводилось на базе эмотивной лексики различной частеречной принадлежности, позднее корпус примеров был дополнен примерами с лексическими единицами других тематических групп, что позволяет более объективно описать и охарактеризовать семантические процессы, протекавшие в данных говорах в течение всего периода их бытования в России.

Глаголы традиционно считаются относительно стабильной и устойчивой группой лексического состава языка, которые образуют не только смысловую, но и грамматический центр предложения. Однако изменения семантической структуры глагола встречаются гораздо чаще, чем модификации на уровне морфологии. Именно поэтому глаголы требуют тщательного описания именно с точки зрения исторической семантики. Сложность описания семантических процессов в диахронии заключается в необходимости учитывать также изменения на всех уровнях языка (фонетическом, морфологическом и синтаксическом), поскольку варьирование значения может вызвать изменения в лексической и грамматической сочетаемости лексических единиц, предопределяя перестройку языковой системы в определенной семантической области. Примеры таких изменений не являются единичными,

например, переход глаголов из класса переходных в непереходные, возвратных в невозвратные и наоборот, изменение валентности глаголов, эллиптические семантико-грамматические конструкции. Все эти процессы можно проследить и в островных немецких говорах, существующих на территории Алтайского края [см.: 4].

Следует учитывать и тот факт, что островные немецкие говоры имеют исключительно устную форму существования, что несколько затрудняет и ограничивает возможности фиксации всех возможных употреблений слова. Отсутствие в говоре определенного значения или даже слова, характерного для литературного немецкого языка, можно лишь с некоторой долей условности рассматривать как языковой факт. Это зависит от характера общения исследователя и респондента, темы и времени беседы, а также языковой компетенции самого носителя диалекта. Все эти случаи потребуют в дальнейшем дополнительной верификации и должны стать предметом специального исследования.

Универсальным законом существования и развития языков является их постоянное изменение, которое затрагивает все уровни языковой системы. В определенный период носители языка отмечают несколько иное употребление той или иной лексической единицы. Это подтверждает оправданность понимания значения в исторической семантике как «совокупности всех способов употребления какого-либо выражения или слова, т.е. его семантический потенциал» [5, с. 13]. Исследование всех случаев и контекстов употребления того или иного слова в различных

островных говорах позволяет сделать вывод о стабильности или изменчивости конкретной языковой единицы. Неоднократное использование лексем в ином значении в одном или нескольких говорах важно при определении, является ли подобное значение окказиональным или уже узуальным в данном языковом коллективе. Изучение спектра значений в синхронии и диахронии (при наличии подобных сведений) дает основу для сопоставления островного говора с другими диалектами немецкого языка, существующими в Германии сейчас и их более ранними вариантами с помощью исторических словарей. Частотное употребление свидетельствует о закреплённости слова в языковой системе, редкое или единичное употребление свидетельствует о незавершённости процесса закрепления слова или же о его окказиональном употреблении. Характер многих изменений возможно выявить только при сопоставлении современного значения с более ранними. «Соотношение языковой структуры и языкового развития играет здесь особо важную роль, поскольку синхронные отношения есть принципиально лишь промежуточные стадии в общественном развитии. Языковая динамика – это не частный случай, а элементарный базовый признак языка» [6, с. 123].

Изучение всех возможных контекстов употребления слова в диахроническом аспекте неразрывно связано с понятием семантической деривации, которое в широком смысле как семантическое словообразование включает в себя помимо аффиксального словообразования также различные способы изменения исходной семантики слова.

Неоднократное использование лексической единицы в несколько ином значении может привести к закреплению этого лексико-семантического варианта в данной языковой группе (говоре) и, как следствие, вызвать многозначность слова. В исторической семантике полисемия рассматривается как промежуточный этап изменения значения слова, то есть сначала развивается полисемия, с течением времени отдельные значения могут претерпеть модификации различного рода, при этом основное и более раннее значение может быть вытеснено более поздним вариантом. Подобное определение семантической деривации в диахроническом аспекте находим у И.М. Некипеловой: Семантическая деривация – это процесс появления у слова семантически производных значений, со-значений, семантических коннотаций, то есть процесс расширения семантического объема слова, приводящий к появлению семантического синкретизма, а потом и процесс распада семантического синкретизма, приводящий к появлению явления так называемой полисемии. Деривация имеет направления изменений, которые определяют основные типы самой деривации: метонимические и метафорические процессы изменений в семантической структуре слова [7, с. 36].

Появление дополнительного значения, которое существует наряду с исходным или более ранним, является наиболее частотным процессом семантического варьирования. Новое значение реализуется, как правило, в конкретной, единичной коммуникативной ситуации и получает со временем большее распространение в данном языковом коллективе. При описа-

нии семантики слова исследователь опирается на контекст; подтвердить факт языкового изменения в таком случае можно с помощью исторических и диалектных словарей, что позволяет определить типичность или окказиональность употребления слова в данном значении, а также определить источник происхождения этой лексемы (исходный диалект или язык-источник). Для сравнения объема значения лексических единиц использовались исторические словари Я. и В. Гримм [8], словари средневерхне-немецкого языка [9; 10], а также данные исследований Р. Поста по пфальцскому диалекту Германии [11].

В корпусе диалектной лексики наблюдается большое количество глаголов, относящихся к общенемецкому словарному фонду, которые при сохранении полной или частичной общности значения являются диалектными формальными (фонетическими) вариантами одной и той же лексической единицы. Например, *sich ärje* (*sich ärgern*), *strejte* (*streiten*), *turchkomme* (*durchkommen*), *sich kimmra* (*sich kümmern*) и др. Однако фонетические особенности не являются принципиальными для изучения семантической вариативности в данном случае. Немецкая диалектная лексическая система характеризуется достаточной устойчивостью и стабильностью, то есть в ней сохраняется достаточно большое количество исходной лексики, которая полностью совпадает с лексикой современного немецкого языка по объему значения и сфере употребления: *voa Wud zittre* (*von Wut zittern*), *lieuwe* (*lieben*), *sich schäme* (*sich schämen*), *kfalle* (*gefallen*), *spiera* (*spüren*), *lache* (*lachen*), *sage* (*sagen*) и др., например:

Ich hap mich vealiept vom erschte Kucke, pis iwer tie Ohre. – Ich habe mich vom ersten Blick verliebt, bis über die Ohren.

Das Kinn tut sich imma schäme, wann viele unbekante Leid sind. – Das Kind schämt sich immer, wenn viele unbekante Leute da sind.

Ich war gscholtpert am Fuss, und hap ich gleich kspiirt Schmerze im Fuss. – Ich bin gestolpert und habe gleich Schmerzen im Fuß gespürt/gefühlт.

Рассмотрим наиболее типичные случаи изменения значений слов, то есть семантической деривации, проявляющейся в виде синхронной полисемии. Традиционно к таким процессам относят сужение и расширение значения. Объем значения лексической единицы сужается, если к ее исходным семантическим признакам добавляются другие, которые ограничивают значение. Тенденция к сужению значения наблюдается у следующих лексем: *sich kimmra* (sich kümmern), *sich bemie* (sich bemühen), *leide* (leiden), *antue* (antun) и др. Глагол *sich bemie* (sich bemühen) наряду с основным значением “sich Mühe geben, um das Ziel zu erreichen” получил в диалекте сему “die Wirtschaft führen”. Таким образом, значение «заботы вообще» сужается до значения «домашние хлопоты».

Подобное развитие претерпела и лексема *sich kimmre* (sich kümmern). Глагол получил дополнительное значение “j-n, etwas angehen, sich einmischen”, при этом прежнее, более широкое значение в речи носителей говора частично сохраняется. Обычно контекст позволяет однозначно интерпретировать значение. *Tes kimmet dich goa net.* – Das geht dich gar nichts an.

Глагол *leide* (leiden) не употребляется в своем исходном значении “Not, Plage durchmachen; beeinträchtigt, benachteiligt sein” ([8]), хотя данное значение сохраняется в производном существительном *Vielleider* (страдалец). Сам же глагол *leide* употребляется преимущественно с отрицанием *net leide* в значении “j-n nicht ausstehen, nicht gern haben”:

Tie Leit, wo sich viel voakomme, leide ich net (tu ich net leide). – Die hochnäsigen Leute leide ich nicht.

Глагол *jage* (jagen) также является многозначным и имеет более широкий спектр значений, чем соответствующий глагол в современном немецком языке. Помимо значений “ein Wildtier verfolgen, um es zu fangen oder zu töten”, “schnell irgendwohin fahren oder rennen, j-n od. etwas vertreiben”, “j-m Angst machen” и их производных, в говоре этот глагол встречается в значении “streiten, einen Streit aufrichten” как и соответствующее существительное *Jacht* в значении “Streit, Skandal”, которое употребляется как в традиционном значении «охота», так и в приобретенном в говоре значении «спор, ссора».

Der hat en schlecha Charakte, mit ollen jacht er sich. – Er hat schlechten Charakter, er streitet sich mit allen.

Jestre wi de im Hüs neinjebrocke en muk 'ne Jacht. (с. Кусак) – Gestern ist er ins Haus eingebrochen und machte einen Streit.

Глагол *zutrawe* (zutrauen) претерпел семантическое изменение и приобрел значение «сочувствовать», которое не зафиксировано в исторических словарях. Данное значение можно считать производным от значения „eigentliches wort der humanität, in dem der mensch sich rein dem

ändern öffnet“ [8]. Данный глагол встречается в тех же контекстах что и *Mitleid have* и заимствование из русского языка *shaleje* (жалеть), которые образуют синонимический ряд. Приведем пример употребления глагола *zutrawe* в данном значении:

Das isch ehm krot zu zutrawe – Man kann mit ihm nur Mitleid haben.

Won mia all d Unglick hot, dann mache sich alle Kummer und mitleide. – Wenn jemand Unglück hat, dann machen sich alle Sorgen und haben Mitleid. (Podsosnowo)

E Kinn hat so herzlich geheelt, dass ehn alle bedauert hen. – Das Kind hat vom ganzen Herzen geweint, dass alle ihn bedauert haben.

Особый случай представляет собой глагол *vuzähle* в общем значении “sprechen”, который объединяет в себе значения обоих глаголов *sprechen* и *erzählen*. Возможно эта глагольная форма является специфической именно для говоров российских немцев, а варианты префикса *er-/ver-* можно объяснить их конкуренцией еще в древне- и средневерхненемецкой периоды, именно в этот период исследователями отмечается также конкуренция схожих по значению *verba dicendi*: *sagen, sprehhan, quedan, jehen, reden* [5, с. 125]. Таким образом, *vuzähle* является нейтральным в стилистическом плане глаголом с контаминированной семантикой двух глаголов говорения. Интересен случай употребления разных глаголов говорения в одной ситуации:

In sellen Dorf, dart warn Russ gewohnt mit uns, da hat d Frau schnell Teitsch glernt, so praktisch schnell mit uns vuzählt. – Im selben Dorf haben Russen mit uns gewohnt, da hat die Frau schnell Deutsch gelernt,

praktisch schnell hat sie mit und gesprochen.

(Und die Deutschen, die in Schumanowka wohnen, die Mennoniten...?)
Mit ihne han mia Teitsch vuzählt. Ich hab sie schwach verstanda. Sie han so kak-to wie Gollandskij ksprocha. – Mit ihnen haben wir Deutsch gesprochen. Ich habe sie schlecht verstanden. Sie haben so wie Holländisch gesprochen.

Нередко наблюдается и стилистическая дифференциация значений одной и той же лексической единицы в различных говорах, как, например, в глаголе *lauern*. В нижненемецких говорах глагол *lure* имеет нейтральное значение “warten”, а в верхненемецких глагол используется преимущественно в сходном с литературным языком значении “in feindlicher Absicht/ in einem Versteck auf j-n warten”:

Wea lura kaun, tjricht een Maun. – Wer warten kann, kriegt einen Mann.

Na, waut settst onn luascht nohm Wada? – Na, was sitzt du und wartest auf das Wetter? [12, с. 67].

Очень часто процессы семантического изменения сопровождаются изменениями грамматических характеристик соответствующих глаголов. Интерес представляет и выявленная в говоре лексема *sich oke* (angehen) в значении «заводиться от злости» и выступающая синонимом к *sich ärje* (*sich ärgern*). Данная лексическая единица подверглась не только семантической, но и грамматической трансформации. Словарь Я. и В. Гримм указывает на следующие значения глагола *angehen*, которые позволяют частично проследить развитие значения. Первоначально глагол *angehen* употреблялся преимущественно в качестве переходного: *etw. geht einen an* (*zorn, kumber*

gât mich an); позднее в качестве непереходного (*der Fisch geht an = der Fisch beißt an die Angel*) и в ряде устойчивых выражений в значении «схватить, захватить, поймать». В качестве возвратного данный глагол не зафиксирован. Так, в выражении “*das Holz geht an (beginnt zu brennen)*“ подразумевается причина – *Feuer*. [5]. Возможно, в говоре тоже произошла трансформация *Zorn geht mich an → geht mich an → gehe mich → sich angehen (sich oke)*.

Zu was sich oke? – Wozu sich aufregen? Wozu sich ärgern?

Глагол *sich steare* (*stören*) также перешел в говоре в разряд возвратных (*Lexher: stoeric – verwirrt, sich gestört fühlen* [10, с. 213]). Возможно, это произошло по аналогии с глаголом *sich schäme*, поскольку они могут выступать как абсолютные синонимы:

So ei Schant! Häscht tich voa tie Leit kschteat! – So eine Schande! Du hättest dich vor den Leuten geschämt!

Глаголы *sich schäme* и *sich steara* употребляются в говоре также в значении «стесняться», особенно если речь идет о детях.

Исследователи отмечают, что для диалектной лексики в целом характерна архаизация лексем или значений. По нашим наблюдениям, это справедливо для существительных и прилагательных, случаи архаизации семантики глаголов или глагольных форм в исследуемых говорах встречаются значительно реже. Тем не менее, данные примеры являются показательными.

Примером архаизации значения может служить сохранившийся глагол *schulda* в значении “*schuldig sein*” и его производное *sich schulda* (*sich selbst beschuldigen*). Данный

глагол зафиксирован еще в древневерхненемецкий период и был употребительным в средневерхненемецкий период [9; 10].

Комплексному преобразованию подвергся и глагол *antun*, имеющий в говоре и соответствующее существительное *Antue*. Данный глагол используется в исследуемом говоре в значении «печалиться, тосковать по чему-либо». Лексема *Antue* этимологически восходит к mhd. *ande, ant* “*Kränkung, die einem widerfährt, das dadurch verursachte schmerzliche Gefühl*”, а глагол имел первоначальное значение “*kränken, schmerzen*” [8]. В некоторых немецких диалектах эта лексема встречается в значении «любить, страстно желать чего-либо», а также в значении «указывать на что-либо, понимать что-либо» (*Es had mer Ant atue – Ich habe Ahnung gehabt*). В исходной форме этот глагол выступал только в качестве безличного с *Akk.* или *Dat.* или как переходный глагол (*mir tuot ande nach, einem ande tuon*). А в говоре он употребляется как личный глагол:

Ea tut sehr an. – Er ist traurig, sehnt sich nach etwas.

Другим примером архаизации значения может служить глагол *sich kränke* (*kränken*), который используется в говоре как возвратный глагол и в несвойственном ему в современном немецком языке значении “*sich aufregen, sich Sorgen machen*”, хотя это значение было зафиксировано в словаре Я. и В. Гримм:

Tie hat sich so um ihre Kinna kränkt. – Sie hat sich wegen ihrer Kinder Sorgen gemacht.

Ich woa so lang pei t Galja, und Mama hat sich schun okfanga zu krennga. – Ich war schon lange bei Galja,

und Mama hat angefangen, sich Sorgen zu machen.

Немалый интерес представляют и так называемые «семантические кальки». К примерам возможных семантических калек можно отнести выражения *uf tie Nerve spiele* (дословно: Nerven spielen), которое, по всей видимости, является калькой русского «играть на нервах», *Krokodilträne heele* (плакать крокодилыми слезами), а также фразу *tie Leidenschaft hot sich klekt* (дословно: die Leidenschaft hat sich gelegt), то есть «страсти улеглись». Семантические кальки из русского языка могут способствовать появлению семантических дериватов, которые возникли под влиянием семантики русских глаголов, являющихся неполными синонимами с немецкими. Так, глагол *iwerlege* (überlegen) выступает синонимом к также существующему в говоре глаголу *sich verlasse* в значении «положиться на кого-либо»:

Uf den kann man sich iwalege/valasse. – Auf ihn kann man sich verlassen.

В русском языке в данном контексте можно сказать «положиться/понадеяться на кого-либо». Глагол *sich verlassen* как в верхненемецких, так и в нижненемецких говорах значительно чаще употребляется в значении “hoffen”, имеется даже производное существительное *Verlassung* “Hoffnung”:

Die Valassung sterwt als letschte. – Die Hoffnung stirbt als letzte. – Надежда умирает последней.

Ich valasse mich. – Ich hoffe.

Ea kann sich net valasse. *Ehm pleipt nichts us.* – Er kann sich auf niemanden verlassen/ Er kann nicht hoffen. Ihm bleibt nichts aus.

Таким образом, диалектные глаголы обладают, с одной стороны, семантической стабильностью, сохраняя старые, исходные на момент переселения, значения. Этим объясняются случаи архаизации и неизменности значения в течение всего времени существования данных островных говоров. С другой стороны, глаголы также подвержены семантическому варьированию в различных его проявлениях. Изучение семантической вариативности требует еще дополнительного изучения не только в рамках отдельных говоров, но и также в контексте языковых контактов (говор – говор, говоры – русский язык, говоры – литературный немецкий язык). Диахронический анализ семантики лексических единиц позволяет показать особое развитие островного диалекта в отрыве от диалекта-основы, а также проследить этапы его становления в сравнении с другими островными диалектами, современными немецкими диалектами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Москалюк, Л.И.* Современное состояние островных немецких диалектов [Текст] / Л.И. Москалюк. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2002. – 292 с.
2. *Москалюк, Л.И.* Немецкие языковые острова в Алтайском крае [Текст] / Л.И. Москалюк // Вопросы языкознания. – 2014. – № 3. – С. 55-66.
3. *Валл, Х.И.* Из опыта работы по сбору словарного материала нижненемецких говоров. Ч. 1-4 [Текст] / Х.И. Валл, С.К. Вельд, Г.Г. Едиг // Вопросы структуры германских языков. – Омск, 1978–1981.
4. *Москвина, Т.Н.* Изучение диалектной лексики в русле исторической семантики [Текст] / Т.Н. Москвина // Филология и человек. – 2010. – № 3. – С. 58-66.
5. *Fritz, G.* Historische Semantik [Text] / G. Fritz. – Stuttgart, Weimar: Metzler, 1998. – 196 S.

6. *Knipf-Komlósi, E.* Wandel im Wortschatz der Minderheitensprache. Am Beispiel des Deutschen in Ungarn [Text] / E. Knipf-Komlósi – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2011. – 295 S.
7. *Некпелова, И.М.* К вопросу о разграничении понятий семантическая деривация и семантическое словообразование в диахроническом аспекте [Текст] / И.М. Некпелова // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 2. – С. 33-46.
8. *Deutsches Wörterbuch* [Text] / Grimm J. u. W. // 32 Bde. – Leipzig: Hirzel, 1854-1954. – 67744 Sp. [Electronic resource]. – URL: <http://www.dwb.uni-trier.de/index.html> (дата обращения: 15.07.2016).
9. *Benecke, G.F.* Mittelhochdeutsches Wörterbuch [Electronic resource] / G.F. Benecke, W. Müller, F. Zarncke. – URL: <http://woerterbuchnetz.de/> (дата обращения: 15.07.2016).
10. *Lexen, M.* Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch [Text] / M. Lexen. – Leipzig: S. Hirzel Verlag, 1959. – 410 S.
11. *Post, R.* Pfälzisch. Einführung in eine Sprachlandschaft [Text] /R. Post. – Landau/ Pfalz: Pfälzische Verlagsanstalt GmbH, 1992. – 400 S.
12. *Siemens, H.* Lexikon der plautdietschen Sprichwörter, Gedichte, Rätsel und Lieder [Text] / H. Siemens. – Bonn: Tweeback Verlag, 2007. – 267 S.
3. *Post R., Pfälzisch. Einführung in eine Sprachlandschaft*, Landau/ Pfalz, Pfälzische Verlagsanstalt GmbH, 1992, 400 S.
4. *Siemens H., Lexikon der plautdietschen Sprichwörter, Gedichte, Rätsel und Lieder*, Bonn, Tweeback Verlag, 2007, 267 S.
5. *Moskalyuk L.I., Nemetskie yazykovye ostrova v Altaiskom krae, Voprosy yazykoznanija*, 2014, No. 3, pp. 55-66. (in Russian)
6. *Vall Kh.I., Vedel S.K., Edig G.G., Iz opyta raboty po sboru slovarnogo materiala nizhenemetskikh govorov, Ch. 1-4, in: Voprosy struktury germanskikh yazykov*, Omsk, 1978–1981. (in Russian)
7. *Moskvina T.N., Izuchenie dialektnoi leksiki v rusle istoricheskoi semantiki, Filologiya i chelovek*, 2010, No. 3, pp. 58-66. (in Russian)
8. *Fritz G., Historische Semantik*, Stuttgart, Weimar, Metzler, 1998, 196 S.
9. *Knipf-Komlósi E., Wandel im Wortschatz der Minderheitensprache. Am Beispiel des Deutschen in Ungarn*, Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2011, 295 S.
10. *Nekipelova I.M., K voprosu o razgranichenii ponyatii semanticheskaya derivatsiya i semanticheskoe slovoobrazovanie v diakhronicheskom aspekte, Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, No. 2, pp. 33-46. (in Russian)
11. *Deutsches Wörterbuch*, Grimm J. u. W., 32 Bde, Leipzig: Hirzel, 1854-1954, 67744 Sp. [Electronic resource], available at: <http://www.dwb.uni-trier.de/index.html> (accessed: 15.07.2016).
12. *Benecke G.F., Müller W., Zarncke F., Mittelhochdeutsches Wörterbuch*, available at: <http://woerterbuchnetz.de/> (accessed: 15.07.2016).

REFERENCES

1. *Moskalyuk L.I., Sovremennoe sostoyanie ostrovnykh nemetskikh dialektov*, Barnaul, Izdvo BGPU, 2002, 292 p. (in Russian)
2. *Lexen M., Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch*, Leipzig, S. Hirzel Verlag, 1959, 410 S.

Москвина Татьяна Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, Алтайский государственный педагогический университет, moskvina@uni-altai.ru

Moskvina T.N., PhD in Philology, Associate Professor, German Language Department, Altay State Pedagogical University, moskvina@uni-altai.ru

УДК 811
ББК 81.432.1

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА В ЕВРОПЕ

Т.Д. Шабанова, Ю.В. Калугина

Аннотация. *Статья посвящена выявлению типичных образных схем, или моделей опыта, лежащих в основе смысловой структуры медиа-текста online формата, которые обладают метафорической природой и служат средством выражения оценочного отношения к ситуации миграционного кризиса в Европе в 2015–2016 гг. Выявлены типичные образные схемы в виде ориентационной когнитивной метафоры. Установлено, что отрицательная оценка кризисных явлений имеет сферой-источником лексику, связанную с водным потоком, а надежда на преодоление кризиса связана с употреблением лексики, прототипическое значение которой связано с идеей возрождения. Наиболее частотными и продуктивными метафорическими моделями являются ориентационные метафоры вертикального и горизонтального перемещения в пространстве в оппозиции ВЕРХ – НИЗ, ВНУТРИ – СНАРУЖИ.*

Ключевые слова: *миграционный кризис, когнитивная метафора, ориентационная метафора, вертикальные и горизонтальные перемещения в пространстве, пространственная оппозиция.*

COGNITIVE METAPHOR OF THE MIGRANT CRISIS IN EUROPE

393

T.D. Shabanova, Yu.V. Kalugina

Abstract. *The article focuses on the typical image-schemes or models of experience, underlying the semantic structure of the online media-text which have metaphorical nature and serve as a means of expression related to the assessment of the situation of the migrant crisis in Europe in 2015-2016. Typical image-schemes in the form of orientational cognitive metaphor are found out. It is established that the negative assessment of the crisis phenomena is expressed by the vocabulary related to water flow, and hope for overcoming the crisis is associated with the vocabulary related to the idea of rebirth in its prototypical meaning. The most frequent and productive metaphorical models are orientational metaphors of the vertical and horizontal spatial movement in oppositions TOP – BOTTOM, INSIDE – OUTSIDE.*

Keywords: *migrant crisis, cognitive metaphor, orientational metaphor, vertical and horizontal spatial movements, spatial opposition.*

Современные средства массовой информации (СМИ) наполнены статьями о миграционном кризисе в Европе в 2015–2016 гг. Эти статьи, представляющие собой реализацию публицистического функционального стиля, наполнены образными языковыми средствами, способствующими формированию определенной политической позиции читателя. К числу наиболее эффективных образных средств, безусловно, относится когнитивная метафора оценочного отношения, которая ярко представляет позицию автора статьи и выражает оценку к происходящим событиям.

Анализ особенностей мыслительных операций, служащих кодированию оценочных средств в статье, является ключом к пониманию функционирования текста как носителя замысла автора. Смысл текста формируется за счет отражения в нем реально существующих связей и закономерностей материального мира в тесной связи с бытием человека, то есть представляет всю совокупность его социальных, биологических, психических характеристик в деятельностном аспекте. Процесс осмысления нового знания, в данном случае оценочного отношения к ситуации миграционного кризиса в Европе в 2015–2016 гг., достигается путем подбора соответствующих образных языковых средств, главным образом метафоры.

Существуют определенные традиции в описании когнитивных метафор: детальное описание исходной понятийной области – сферы-источника, характеристика ментальной сферы-мишени, контрастивное описание метафорической модели, сопоставление оригинальных метафори-

ческих словоупотреблений и их переводов (А.Н. Баранов, Э.В. Будаев, Ю.В. Калугина, Ю.Н. Караулов, А.А. Каслова, Е.В. Колотнина, А.П. Чудинов, Т.В. Шмелева и др.) [1–7].

В данном исследовании применяется когнитивно-прагматический подход к исследованию текста, основной задачей которого представляется выявление типичных образных схем или моделей опыта, лежащих в основе смысловой структуры текста, обладающих метафорической природой и служащих средством выражения оценочного отношения к той или иной проблеме, содержащейся в тексте в качестве его смысла, с опорой на метаязык описания когнитивных метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона [6].

Материалом исследования послужили медиа-тексты *online* формата, взятые из ведущих периодических изданий, а также с экономических и новостных сайтов, в которых затронут миграционный кризис в Европе в 2015–2016 гг. Примеры собраны методом сплошной выборки и представляют собой случаи когнитивной метафоры. Методология настоящей работы представляет собой положения теории метафорического моделирования, разработанной как отечественными (Э.В. Будаев, А.А. Каслова, А.П. Чудинов и др.), так и зарубежными исследователями (L.J. Cameron, R. Maslen; V. Koller; G. Lakoff, M. Johnson; G.J. Steen и др.).

Объектом исследования являются случаи когнитивной метафоры, репрезентирующей миграционный кризис в Европе в 2015–2016 гг. Предметом исследования являются типы когнитивных метафор с семантикой оценочного отношения.

Европейский миграционный кризис возник в начале 2015 г. в связи с многократным увеличением потока беженцев и нелегальных мигрантов в Европейский союз (ЕС) из стран Северной Африки, Ближнего Востока и Южной Азии и неготовностью ЕС к их приему и распределению.

Термин «кризис» по отношению к беженцам и мигрантам впервые был использован в апреле 2015 г., когда в Средиземном море произошла серия морских катастроф.

Ставшее уже привычной реалией понятие кризиса находит богатое отражение в современном политическом и экономическом дискурсе. Разразившийся в 2008 г. экономический кризис вызвал метафорическую «бурю» (*storm*), на смену которой пришло метафорическое «наводнение» (*flood*), связанное с метафоризацией актуального в настоящее время понятия «миграционный кризис».

Освещая миграционный кризис в Европе, англоязычные средства массовой информации (СМИ) очень часто используют метафоры, связанные с водой, поскольку основные миграционные потоки из стран Ближнего Востока идут через морское пространство. В связи с этим в текстах, описывающих миграционный кризис, появляются такие фразы, как *“the ever swelling numbers”, “flooded by the rising tide of refugees”, “number of refugees flooding into Europe”, “the influx of migrants”, “the looming influx of immigrants”, “to absorb the migrant tide”, “stopping the boats’ of ‘illegal maritime arrivals”, “the next wave of refugees”,* где сферой-источником является различного рода природное явление (*influx, flood, wave, flow, tide, stream*). Ряд слов несет негатив-

ную семантику (*flood*). Другие слова характеризуют водное явление как сферу-источник. Сферой-мишенью является оценка происходящих миграционных процессов и явлений.

1) *Europe desperately needs to control **the wave of migrants** breaking over its borders (The Economist).*

2) *It has become clear over the past five months that Europe cannot gain control over the numbers or the nature of **the migrant stream** while border officials wave asylum-seekers through and bid them safe travel to northern Europe (The Economist).*

3) *The **flood of migrants** and refugees, the largest movement of people Europe has seen since 1945, has raised doubt about open-borders and provoked a dispute over sharing the burden (Financial Times).*

4) *The **influx of migrants** reinforces peoples sense that their identity is under threat (BBC).*

5) *In October 2015, European Union leaders agreed to pay Turkey US\$3.4 billion and allow visa-free EU travel for its citizens in return for Ankara doing its utmost **to stem the tide** of asylum seekers crossing its borders to reach Europe (Sputnik International).*

6) *Which is just as well, since migration experts doubt that more walls will stop **the flow of refugees** to Europe (The Guardian).*

Анализ примеров показал, что наиболее частотными метафорами, репрезентирующими миграционный кризис в Европе, являются ориентационные метафоры, в основе которых лежат пространственные оппозиции типа ВЕРХ – НИЗ, ВНУТРИ – СНАРУЖИ [2, с. 77]. Подобные словоупотребления либо содержат компоненты значения «перемещения / находже-

ния в пространстве» (*stream, wave, flood, influx, tide, flow*), либо актуализируют подобные семы за счет наречий и постфиксов, выражающих такие значения (*fall apart, pour into, tear apart*).

Рассмотрим примеры когнитивных ориентационных метафор, построенных по модели ВЕРХ – НИЗ.

7) *Now that Germany, the architect of the very type of policies that have helped spawn this fake crisis, is swamped by far too many migrants, they've done a historic about face on their migrant stance. (BBC)*. В данном примере концепт миграционного кризиса в европейской политике (сфера – мишень) раскрывается путем обращения к понятийной сфере «природные катаклизмы», связанной с природной стихией (сфера – источник). Глагол *swamp* в прототипическом значении подразумевает погружение под воду, то есть несет семантику НИЗ.

8) *Without agreeing concrete steps soon, its Prime Minister Miro Cerar said Europe "will start to fall apart". It's already splintering. (BBC)*. В данном примере миграционный кризис представлен в виде образа конкретного предмета, имеющего физические параметры – размер, вес. В прототипическом значении глаголы *fall apart* и *splinter* несут информацию распада, расщепления, разрушения. При разрушении естественной пространственной позицией является вертикальное движение вниз. Однако глагол *fall apart* предполагает не только движение вниз, но и некоторое горизонтальное расширение. В данном случае можно говорить о сложном вертикально-горизонтальном движении, то есть движении не в одном, а в двух направлениях.

9) *European Commission President Jean-Claude Juncker, who called the meeting, was hoping to rekindle a spirit of co-operation and trust that would allow countries to co-ordinate with each other – taking time to register new arrivals, and not simply waving them through to their next destination, or, as Slovenia has put it, "dumping" them on their border. (BBC)* Фраза *to rekindle a spirit* может рассматриваться как когнитивная метафора на том основании, что концепт «миграционный кризис» раскрывается путем обращения к понятийной сфере «человек». Европейские страны предстают как живое существо, способное испытывать чувства и эмоции. Естественно, что в кризисный момент настроение подавленное и чтобы улучшить состояние, необходимо принять меры, то есть *to rekindle a spirit* – вновь поднять дух, что в когнитивном сознании ассоциируется с состоянием ВЕРХ.

Надежда на преодоление кризиса, связанная с употреблением лексики, прототипическое значение которой связано со смыслами выздоровления, восстановления работоспособного состояния, возрождения раскрывается и в следующих примерах:

10) *It is critical that this knowledge base remain in the area in order to optimize chances of recovery once the conflict is resolved.*

11) *Unless Europe soon restores order, political pressure will force Mrs Merkel to clamp down unilaterally, starting a wave of border closures.*

Проанализированный материал наглядно демонстрирует, что отрицательная характеристика миграционного процесса достигается за счет употребления когнитивных метафор,

опирающихся на лексику, связанную с водным потоком сферы-источника. Отрицательная коннотация сферы-мишени достигается за счет ориентационной метафоры по модели ВЕРХ – НИЗ, при этом полностью отрицательная характеристика затрагивает либо движение вниз, либо положение низа.

Когнитивная метафора с семантикой ВЕРХ опирается на иную лексику сферы-источника, выражающую смысл движения вверх (*rekindle, recovery, restore*).

В ходе анализа фактического материала были выявлены и горизонтальные перемещения в пространстве. Такого рода номинации также имеют свою специфику. В первую очередь, следует отметить частотность глаголов типа *flood into, flow into*.

Рассмотрим примеры когнитивных ориентационных метафор в основе которых лежит оппозиция ВНУТРИ – СНАРУЖИ. Данная семантика в основном связана с глаголами, имеющими уточнение по пространственной ориентации в виде постфиксов и наречий. В примере 12) *Syrians and Afghans may make up the largest number of refugees **flooding into Europe** right now, but Africans from the Sahel are not far behind.* (*Time*) глагол *flood* имеет уточняющий постфикс *into*, указывающий на движение внутрь. Прототипическое значение глагола *flood* относится к движению водного потока. В контекстуальном значении семантика глагола *flood* содержит движение потока, но не водного, а людского. При этом как прототипическое, так и контекстуальное значение опирается на ориентационную метафору движения ВНУТРЬ.

В примере 13) *If they spread westward into Germany, France and Italy then the EU could **tear itself apart**.* (*The Economist*) Евросоюз (*the EU*) метафорически представлен как некое вместилище, принимающее иммигрантов, но возможности этого вместилища не безграничны. И если не ограничивать этот многочисленный и практически неконтролируемый поток, то оно может разорваться, разрушиться (*tear apart*). В данном случае пространственная позиция является горизонтальной, и ориентационная метафора несет семантику движения выхода наружу. В глаголе *tear apart* можно частично наблюдать семантику движения вниз, поэтому мы также можем говорить о вертикально-горизонтальном перемещении в пространстве.

Таким образом, при анализе способов языкового выражения оценочного отношения к миграционному кризису в Европе в 2015–2016 гг. выявлены типичные образные схемы в виде ориентационной когнитивной метафоры. Установлено, что отрицательная оценка кризисных явлений имеет сферой-источником лексику, связанную с водным потоком, а надежда на преодоление кризиса связана с употреблением лексики, прототипическое значение которой связано со смыслами порождения, возрождения и т.д. Кроме того, наиболее частотными и продуктивными сферами метафорической экспансии являются ориентационные метафоры вертикального и горизонтального перемещения в пространстве. В основе этих перемещений лежат пространственные оппозиции типа ВЕРХ – НИЗ, ВНУТРИ – СНАРУЖИ.

Когнитивная метафора со сферой-мишенью «оценка миграционного кризиса» располагает весьма богатым кон-

цептупальным потенциалом, притягивающим концепты из самых разных понятийных областей, которые изначально являются наиболее структурированными в представлении человека.

**СПИСОК ИСТОЧНИКОВ
И ЛИТЕРАТУРЫ**

1. Будаев, Э.В. Метафора в политической коммуникации [Текст] / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – М.: Флинта, 2008. – 248 с.
2. Калугина, Ю.В. Когнитивные ориентационные метафоры в экономических текстах (на материале англоязычной прессы) [Текст] / Ю.В. Калугина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 17 (271). Филология. Искусствоведение. – Вып. 66. – С. 76-79.
3. Каслова, А.А. «Кризисные» метафоры в английском экономическом дискурсе (на примере экономического кризиса на Кипре) [Текст] / А.А. Каслова // Перевод и сопоставительная лингвистика. – 2013. – № 9. – С. 61-64.
4. Cameron, L.J. Metaphor analysis: Research practice in applied linguistics, social sciences and the humanities [Text] / L.J. Cameron, R. Maslen. – London: Equinox, 2010.
5. Koller, V. Using a semantic annotation tool for the analysis of metaphor in discourse [Text] / V. Koller, A. Hardie, P. Rayson, E. Semino // *Metaphorik.de* 15, 2008. – Pp. 141-160.
6. Lakoff, G. *Metaphors We Live By* [Text] / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago, 1980.

7. Steen, G.J. The contemporary theory of metaphor – now new and improved [Text] / G.J. Steen // *Review of Cognitive Linguistics*. – 2011. – Vol. 9 (1). – Pp. 26-64.

REFERENCES

1. Budaev E.V., *Metafora v politicheskoi kommunikatsii*, Moscow, Flinta, 2008, 248 p. (in Russian)
2. Cameron L.J., Maslen R., *Metaphor analysis: Research practice in applied linguistics, social sciences and the humanities*, London, Equinox, 2010.
3. Kalugina Yu.V., Kognitivnye orientatsionnye metafory v ekonomicheskikh tekstakh (na materiale angloyazychnoi pressy), *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, No. 17 (271), *Filologiya. Issusstvovedenie*, Vyp. 66, pp. 76-79. (in Russian)
4. Kaslova A.A., “Krizisnye” metafory v angliiskom ekonomicheskom diskurse (na primere ekonomicheskogo krizisa na Kipre), *Perevod i sopostavitelnaya lingvistika*, 2013, No. 9, pp. 61-64. (in Russian)
5. Koller V., Hardie A., Rayson P., Semino E., Using a semantic annotation tool for the analysis of metaphor in discourse, *Metaphorik.de* 15, 2008, pp. 141-160.
6. Lakoff G., Johnson M., *Metaphors We Live By*, Chicago, University of Chicago, 1980.
7. Steen G.J., The contemporary theory of metaphor – now new and improved, *Review of Cognitive Linguistics*, 2011, Vol. 9 (1), pp. 26-64.

Шабанова Татьяна Дмитриевна, доктор филологических наук, профессор, кафедра межкультурной коммуникации и перевода, институт филологического образования и межкультурных коммуникаций, профессор, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, bertha@ufanet.ru

Shabanova T.D., ScD in Philology, Professor, Department of Intercultural Communication and Translation, Institute of Philological Education and Intercultural Communication, M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University, bertha@ufanet.ru

Калугина Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Башкирский государственный аграрный университет, yu.v.kalugina@gmail.com

Kalugina Yu.V., PhD in Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Bashkir State Agrarian University, yu.v.kalugina@gmail.com

УДК 81374.5
ББК 81.2 РУС

ПОЛЬСКАЯ ТОПОНИМИКА В РУССКИХ ТЕКСТАХ РАЗНЫХ ЛЕТ

В.М. Шетэля

Аннотация. В статье на многих примерах, взятых из русских текстов разных эпох, рассматриваются названия польских городов, которые в результате военных действий начала XIX века, а также Второй мировой войны, изменяли свои названия. Политические события в Европе находили отражение в сообщениях российской прессы, в которой польская, немецкая и польско-немецкая топонимика передавалась в кириллическом виде, что создавало ряды вариантов таких названий в русском языке. Материал на польскую топонимику русских текстов, прежде всего актуальный для конкретной эпохи газетный материал, показал, что при описании ономастических фактов важно учитывать не только самые факты употребления, но и экстралингвистические причины, по которым тот или другой топоним был употреблен.

Ключевые слова: историко-этимологический аспект, название местности, ономастический факт, термин, топонимика, топонимы, экстралингвистические причины.

THE POLISH TOPONYMY IN RUSSIAN TEXTS DURING DIFFERENT YEARS

399

V.M. Szetela

Abstract. The names of the Polish cities that changed their names as a result of military operations of the early XIXth century and the Second World War are reviewed in the article on many examples taken from the Russian texts of different eras. The political events in Europe were reflected in the Russian press reports in which the Polish, German, Polish-German toponymy was given in the cyrillic script that formed a variety of such names in the Russian language. The material on the Polish toponymy in Russian texts, news articles to begin with, showed that is especially relevant to take into consideration not only the facts themselves, but also the extratextual causes, owing to which one the other toponymy was used, while describing the onomastic facts.

Keywords: historical-etymological aspect, local name, onomastic fact, term, toponymy, extratextual causes.

Раскрывая тему «польской топонимики» как ономастической дисциплины, необходимо определить содержание и условность употребления этого термина применительно к городам, находящимся на территории Польши.

Прежде всего, термин «польская топонимика» употребляется для определения, **во-первых**, исконно польских названий местностей на территории современной Польши, какими они были в истории (напр.: Warszawa, Kraków, Poznań). **Во-вторых**, для определения иноязычных названий, заимствованных и адаптированных польской географией, таких, напр., как генетически литовское название Сувалки (Suwałki); а также некоторых городов Мазурии и регионов юго-восточной Польши, происхождение названий которых не всегда очевидно и раскрывается только путем длительного этимологического анализа. Имеется в виду название местностей украинского происхождения, а также некоторых местностей региона так называемых Червенских городов в Червонной Руси.

Если проанализировать этимологию ряда топонимов Силезии, Прикарпатья и Судет, то можно обнаружить там названия чешского, венгерского, румынского, германского происхождения. Однако названия, о которых говорилось выше, имеют отношение к историко-этимологической топонимике с уклоном в географический аспект.

В-третьих, не надо обладать глубокими познаниями определения происхождения некоторых топонимов Силезии (Верхней и Нижней) и польской Прибалтики (Pomorza – Поморья Западного, Центрального,

Восточного) – надо просто сопоставить тексты и карты этих регионов разных лет. Речь здесь идет уже о так называемых спорных территориях, когда в разные исторические эпохи под влиянием исторических событий города этих земель, оказавшись под юрисдикцией Польши, Германии или же Австро-Венгрии, меняли свои названия. Все эти изменения отражались в русских текстах разных лет.

Примечательно, что в разных томах известного «Энциклопедического справочника» Брокгауза и Эфрона карты одних и тех же территорий и городов имеют или польские, или немецкие названия в кириллическом написании, в зависимости от того, говорится в них о Германии или Польше. Ср.: топонимы VIII А тома Брокгауза [1], где речь идет о Германии, и топонимы XXIV тома Брокгауз [2], где речь идет, соответственно, о Польше.

По сути, здесь мы сталкиваемся с разными национальными вариантами названий одних и тех же местностей в русском написании. Имеются в виду, например, следующие польские топонимы: Gdańsk – нем. Danzig, кашуб. Gduńsk, отмеченный в латинских источниках, как: Gedanum, Dantiscum, а в русских: *Гданьск*, *Данциг*; польск. Szczecin – нем. Stettin; польск. Wrocław – нем. Breslau, силезско-нем. Bräsel, старое русское *Бреславль*; польск. Bydgoszcz – нем. Bromberg; польск. Toruń – нем. Thorn; польск. Koszalin – нем. Köslin, кашуб. Kòszalëno; польск. Słupsk – нем. Stolpen; польск. Kołobrzeg – нем. Kolberg; польск. Białogard – нем. Belgard; польск. Malbork – нем. Marienburg, кашуб. Malbòrg.

Эти названия городов, если речь только о польских в сравнении с не-

мецкими, а их не один десяток (кашубские, силезские, немецко-силезские названия десятилетиями обычно замалчивались), входили по очереди в употребление в зависимости от геополитической ситуации в этих землях. Топонимы приобретали польский (славянский) или германский вид в зависимости от того, как уже говорилось, к какому государству принадлежали эти территории с их городами – к Берлину или Кракову (Варшаве).

В случае, когда определялось место рождения или проживания исторической личности, то в тексте обычно указывался тот топоним, каким город обладал в годы значимого события. Напр.: «В Торне минувшего Сентября 20 го числа заложен памятник ... славному Астроному Копернику. Он родился в 1473 гг. в Торне и умер семидесяти лет от рождения. Дом, в коем сей великий человек родился, существует и поныне» [3, с. 1168]. Здесь, как видим, указано название *Торн*, а не *Торунь*.

Подобных проблем с польской топонимикой не было в XIX веке на землях Царства Польского (восточной части Польши), которые, как известно, по Венскому трактату 1812 г. подчинялись Санкт-Петербургу. На этих землях имелись в большинстве случаев города с исконно польской топонимикой, которую во многом, по родственности польского и русского языков, не всегда была необходимость заменять. Польские топонимы в польском (латинском) облици просто переходили на кириллицу, что, правда, иногда создавало другую трудность, а именно, возникали ряды русскоязычных вариантов названия одних и тех же городов.

Интересно, однако, отметить еще одну особенность российской журналистики в употреблении подобных спорных польско-немецких топонимов. Российские авторы, как уже было отмечено, заменяли топонимы под влиянием геополитических фактов. Например, освобождение этих городов от Германии в начале XIX века Наполеоном автоматически переименовало немецкий Thorn в польский Toruń (в русской печати *Торн* становился *Торунь*), немецкий Breslau становился польским Wrocław (в русской печати *Бреслау* становился *Вроцлавом*), Bromberg становился в Bydgoszcz (*Бромберг* становился *Быдбоцем*).

Процесс проходил и в обратном порядке, когда немецкая армия в сентябре 1939 г. стала оккупировать эти земли.

Российская журналистика начала XIX, а потом XX века реагировала на эти изменения. Авторы газетных донесений сразу вводили эти новые названия в русский обиход. Таким образом, в российских газетных статьях той поры употреблялись те или иные названия, соответствующие реальным событиям, происходящим на театре военных действий. При этом вновь могли появляться давно забытые топонимы.

Ввод Красной армии в Померанию, а затем закрепление польской Померании – Поморья (Pomorza) за Польшей в результате Ялтинских соглашений вернули на эти земли, а также на земли Мазурии и Силезии польскую топонимику. Столетиями она скрывалась в корнях немецких названий, или же сохранялась в речи местного населения (автохтонов). По этой причине после освобождения этих городов прибавилось ра-

боты польским ономастическим комиссиям, которые должны были или воскрешать или же иногда придумывать названия для вновь обретенных местностей.

«Утряска» в этом деле проводилась чуть ли не до 90-х гг. XX века. Иногда обнаруживалось, что опрометчиво признанное в свое время название не соответствует ни смыслу, ни нормам польского языка. Например, недоумение вызвало новое, но уже устоявшееся к этому времени название мазурской местности Пуру, образованное от раннего немецкого топонима Purren, который обозначал, в переводе на польский язык, «куклу», «dalka». Были предположения переименования Пуру в Spychów (Спыхов), что увековечивало бы подвиг борьбы с германской экспансией на этих землях, а в частности, трагического персонажа исторического романа Г. Сенкевича «Крестоносцы» Юранда из Спыхова (Jurand ze Spychowa). См. газету «Życie Warszawy» за 25 июля 1990 г.

В данный (после 1945 г.) период становления новой польской топонимики на так называемых *Западных землях* (Ziemie Zachodnie), под которыми понималась вновь приобретенная польская Прибалтика, Мазурия, а также Силезия, определенные права получали старые названия, которыми пользовались исконные жители этих земель. Здесь имеется в виду топонимика севера Польши, местная народная топонимика древних поморских славян (кашубов, коцевяков, словинцев), а также других прибалтийцев (мазуров, прусов, если потомки последних сохранились). А на юге страны – народов Карпат и Судет (ляхов, гуралей, лемков-бойков и др.), что проявилось в реальном употре-

блении в наше время двойственных и тройственных национальных и народных названий одних и тех же местностей.

Отметим, что с 2008 г. на придорожных знаках Польши, кроме польских и местных названий, появились также немецкие названия данных местностей, что отвечало, вероятно, требованиям Евросоюза или каким-то другим местным польско-немецким договорам. Многими это было расценено как акт политической агрессии в польскую топонимику.

В последнее время (новость от 5 августа 2016 г.) на Опольской земле немецкие названия убираются, поскольку немецкое меньшинство составляет здесь меньше 20 процентов от общей численности населения. В прошлое ушло немецкое название Radlau, осталось только польское Radłowie; вместо Friedrichswille осталось Kolonia Biskupia; вместо Bork – Borki; вместо Krzanowitz – Krzanowice; вместо Czarnowanz – Czarnowas; вместо Horst – Świerkle и др. Во всех этих случаях видна польская основа для образования немецких соответствий.

Все обозначенные выше процессы так или иначе, находили и находят отражение на страницах российской печати разных эпох.

Прежде чем представить реальные факты употребления в разное время польских топонимов российскими авторами, необходимо сказать и еще об одном значении термина «польская топонимика».

Термин *польская топонимика*, **в-четвертых**, охватывает и названия местностей, находящихся вне исторической и современной территории Польши.

Речь идет не только о топониме *Новогрудок* (Nowogródek), тесно связанном с именем Адама Мицкевича, форма которого явно указывает на польское происхождение, но и о польских названиях столиц, городов иностранных государств, напр.: современный российский *Калининград* имел всегда в Польше название Królewiec; а англ. New York, рус. Нью-Йорк – польск. Nowy Jork, затем: Mediolan (Милан), Monachium (Мюнхен), Rzym (Рим) и многие другие.

Действительно, как по-польски называть города иностранных государств? Считается, что следует их называть так, как они звучат на их родине. Но здесь имеются определенные традиции, сложившиеся в польском языке, засвидетельствованные в литературных источниках. И эти традиции довольно глубокие.

Таким образом, данный аспект также входит в тему данного исследования, но имеет отношение уже не столько к политической географии, сколько к номинативной стороне вопроса.

Как, однако, российские авторы употребляли «польские» топонимы?

По причине родственности польского и русского языков многие из польских топонимов воспринимались российским авторами именно как родственные образования, поэтому переводились, как уже было сказано, простым переводом на кириллицу. Тем более, когда речь шла о польском «двойнике» российского города, напр.: Ярославль – Jarosław: «Ярослав» [4, с. 758]; «В Ярославле в Галиции...» [5, с. 2].

Таковыми казались чисто польские топонимы, напр.: топоним *Длужец* – польск. Dłużec; *Едвабно* – польск. Jedwabno; *Сельново* – польск. Sielno-

wo; *Новоместо* – польск. Nowe Miasto; *Варшава* – польск. Warszawa; *Курник* – польск. Kurnik; *Янковицы* – польск. Jankowicy, которые переводились простым переводом в следующих текстах: «Пройдя селение Длужец уведомился (генерал Платов. – В.Ш.), что в деревне Едвабно находится неприятель» [6, с. 2]; «В то же время начальник приказал тревожить неприятеля в окопах его у Сельнова» [7, с. 626]; «Неприятель занял город Новоместо на Польских границах в 10 милях от Варшавы» [8, с. 515]; «Бежавшие в Курник наткнулись на главную колонну и были отчасти перебиты...» [9, с. 467], «враг напал у деревни Янковицы [4, с. 759] и другие.

Как видим, употребление польских топонимов происходило в связи с военными действиями, о которых информировалось в российских газетах. Обычно во всех из них, и в центральных, и в губернских, передавались одни и те же сообщения одних и тех же авторов.

Обнаружим некоторые неточности в тщательной передаче польского названия местности. Напр.: Ł передается как Л (Длужец), сочетания -ia- как Е (Новоместо), хотя более уместным было бы здесь Я.

Отметим случай полукалькированной передачи польского топонима Odrzykoń (по легенде, топоним созданный от случая, когда больной, ободранный конь вдруг ожил), см: «Одрзивол в Галиции» [там же, с. 758], где сочетание rz (русское Ж) передано, как РЗ с последующей гласной И, а вторая часть слова переведена с КОНЬ на ВОЛ.

Подобные явления передачи польского RZ (рус. Ж) через РЗ или

РЖ находим в названии *Trzesnii* – польск. Trześnia: «Главная квартира Князя Понятовского находится в Трзеснии неподалеку от Сендоми-ра...» [там же], а также в названии Држанзев – польск. Drzanzew: «укрепленные позиции при Држанзеве, Крюках и малых Белобрегах» [10, с. 3].

В случае со словом *Прцемысл* [4, с. 758] – польск. Przemyśl, автор согласную Z в польском слове, как видим, прочитал, как немецкое Ц.

Свою историю в русских текстах имеет написание польского исконного топонима Września (дословно: название месяца *сентябрь*), в котором RZ (Ж) передается буквой Ш, Ж или просто русским Р, а Ś – как твердое русское С или Ш. См. примеры: «Поместье Соколово и многие фольварки близ Врешена истреблены огнем» [11, с. 446], «Генерал Ведель вступил в Врешен...» [9, с. 467], «Вжесня» [12, с. 5].

Передача Ś как Ш видна в названии польского топонима Środa (дословно: день недели *среда*), см.: «предводитель главного корпуса инсургентов, Бржежанский, предложил положить оружие при Шроде» [9, с. 467].

Сложность доставала передача сочетания SZ (русское Ш), как, напр., в случае со словом *Расцин* – польск. Raszyn; в сочетании букв SZ автор также прочитал букву Z как немецкое Ц, вследствие чего в тексте появилось искаженное название польского города: «Неприятель весьма старался овладеть Расцином» [13, с. 643]. Ср. разное написание топонима Kalisz – *Калич* [14, с. 569] и *Калиш* [15, с. 587], что в большей мере зависело от автора газетного сообщения.

Данная особенность транслитерации польской буквы CZ наблюда-

ется в топониме *Величка*, *Виелицка* – польск. Wieliczka: «соляные копи в Величке» [16, с. 832], «Польский Генерал Розницки взял уже, как говорят, города Виелицку и Бохнию, где находятся славные соляные заводы» [17, с.912]; а также в употреблении названий варшавских регионов: *Церниаков* – польск. Czerniaków и *Лациенки* – польск. Łazienki: «Польский гусарский полк провожал Монарха от Церниакова, а отряд кирасиров от Лациенки до замка» [18, с. 656].

Чаще всего авторы оставляют характерное для польских слов –ów, которое передают через -УВ, или -ОВ, напр.: *Сіеchanów* – *Цеханов*: «от стороны Цеханова» [19, с. 5], *Цеханов* [20, с. 5]; *Петркув* [21, с. 5], *Пётркува* [там же]; «Хожув (Верхняя Силезия)» [22, с. 2], *Замбрув* [23, с. 5], *Острув Мазовецки* [24, с. 5], *Томашув Мазовецки* [25, с. 5], «местечко Бжозув» [26, с. 2], «Желехув – небольшой уездный город в стороне от Варшавского шоссе» [27, с. 3] и другие.

Проблема передачи на русский язык особенностей польского произношения этим не исчерпывается.

Топоним *Ostrołęka* дает возможность показать, как на письме реализуется, т.н. «малый юс», который здесь передается через сочетание –ЕН-, см.: *Ostrołęka* – рус. *Остроленка*: «река Нарев при Остроленке» [10, с.3], «Остроленка (Белостокское воеводство)» [28, с.5], «Остроленка представляла собой главное звено в цепи оборонительных сооружений вдоль реки Нарев» [29, с. 3]. Тексты разных лет (1807 г., 1939 г., 1944 г.), а также современные тексты сохраняют единую традицию написания этого польского топонима по-русски.

Если вернуться к топонимам, условно называемым *спорными*, то их облик определили история и время.

Яркими примерами таких городов конца XVIII века являются: *Кослин* и *Карлин* в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина [30]. Это современные, хорошо нам известные польские, с бывшим многовековым немецким прошлым, города: *Кошалин* (польск. Koszalin, нем. Köslin) и *Карлино* (польск. Karlıno, нем. Körlin). В несколько другой форме топоним *Кошалин-Кослин* представлен в «Настольном словаре» Толля 1864 г.: «Кашубы ... живут ... частью в окрестностях Кеслина (4080) и говорят польским наречием» [31, с. 432].

Обычно в списках городов, например 1808 г., немецко- и польскоязычные топонимы упоминаются в одном ряду без каких бы то ни было помет о государственной принадлежности городов.

Например, в соглашении о демаркационной линии, которое было заключено в Париже 8 сентября 1808 г. между *Державами Твердой Земли Европы* (союз России, Австрии, Пруссии и Франции) и *Державами Севера* (союз Англии и Швеции), отмечены города, названия которых говорят об их государственной принадлежности в данное время и о традициях их упоминания в документах.

Текст соглашения о разграничении влияний государств на территории, напечатанный в «Санкт-Петербургских ведомостях», являлся переводом с французского языка. Интерес в нем вызывала передача из французского источника на русский язык немецких и польских названий местностей. Переводчик должен был хорошо владеть французским и не-

мецким языками и знать топонимику данного региона.

См. фрагмент текста соглашения: «окружности крепости Штетина ... должны начинаться от правого берега Одера или Папенвассера и заключать в себе: Грос-Степениц, Калтенгоф, Маресдорф, Буддендорф, Буткенгаген, Гроссенгаген, Брукгаузен, Ферхланд, Нейфалкенберг, Белиц, Стеглин, Пакуленскую мельницу; по ту сторону Одера на левом берегу сея реки будут оная заключать в себя: Гаарц, ...Бальтин, ...; и выше к Померании: Горков, Клемпенев, Грингор...» [32, с. 18].

Польским в этом списке будут: *Стеглин* (возможно польск. Stegny), *Бальтин* (вероятно Bałtyn), *Горков* (вероятно Górków), *Клемпенев* (вероятно Klempienów) и другие. В дальнейшем в тексте отметим такие топонимы, как: *Вильниц* (возможно Wilnice), *Ростин* (возможно Rostyn), река *Варта* (безусловно Warta), *Плуниц* (вероятно Płunice), *Мерков* (вероятно Merków), *Цолов* (вероятно Czółów), *Клистов* (вероятно Klistowo); *Келче*, *Кельчел* (безусловно Kielce) и другие.

Лишь только в двух случаях наш компьютер не отметил ошибки – в написании реки *Одер* и города *Белиц* как славянских, ему известных и допустимых. Другое дело, что невозможно определить о каких городах здесь идет речь, невозможно также идентифицировать эти названия на карте этих регионов XIX века и на современной карте Польши. Тем более, что в польский период названия менялись, все время совершенствовалась их орфография.

Кроме того, эти названия редки на страницах российских текстов,

поскольку города под этими названиями не представляют собой великой значимости в масштабах региона и Европы. Это обычно провинциальные города, на которые обратили внимание в связи с военными действиями.

Из перечисленных только топоним *Штетин* (польск. Szczecin) неоднократно упоминается в русскоязычных текстах как важный, находящийся в 80 км. от Балтики, порт, промышленный и культурный центр на западе Польши, на границе с Германией. Штетин отмечен в «Географическом словаре» Ладвока конца XVIII века: «Стетин, или Штетин, Stetinum» [33, с. 474-475]. Существовало ряд вариантов написания на русском языке этого названия. См.: *Штетин*: «все офицеры Гогенлогова корпуса, которые у Принцлау или Пазевалька к сему корпусу хотя и принадлежали, но пришли в Штетин прежде, или во время заключения капитуляции у Пренцлау», «в крепостях Штетине, Кистрине, Шпандау и Магдебурге» [34, с. 359]; «В Гросс-Хафте, между Свинемюнде и Штетином» [35, с. 106]. Вариант *Стетин*: «Королевство Прусское в том положении, в каком оно находилось 1 января 1772 года, с крепостями Спандау, Стетином» [36, с. 842]; «существовавшее доселе запрещение на вход в гавани Грипсвальд, Валгаст, Анклам, Стетин, равномерно и на устья рек Пены и Одера...» [37, с. 1018];

«"Провиденция" из Стетина» [38, с. 661]. Вариант *Штеттин*: «Все эти процедуры происходят на плавании парохода из Свинемюнде в Штеттине, вверх по Одери» [39, с. 458], *Штеттин* [40, с. 5]. Вариант *Щетин*: «Приморские торговые города,

Щетин, Волин, Камень, Колобрег состояли каждый из укрепления, "города", окруженного предместьями» [41, с. 189]; от Одера до реки Персанты были города: Щетин, Узедом, Волин и Камин, – города славянские ... Пространство же от реки Персанты и до реки Лебы, где ныне находятся города Рюгенвальде и Штольпе, было занято кашубами...» [42, с. 294] и современный вариант *Щецин*, который наиболее полно соответствует польскому Szczecin.

Таким образом, отметим несколько вариантов написания Szczecin в русских текстах разных лет: *Штетин*, *Стетин*, *Штеттин*, *Щетин*, *Щецин*.

В данных текстах встречаются такие топонимы, как: *Волин* (Wolin), *Узедом* (Uznam), *Кистрин* (нем. Küstrin, польск. Kostrzyn, рус. Кюстрин, Кюстрин), *Свинемюнде* (Świnoujście), *Камен* (Kamień Pomorski), *Рюгенвальд* (Darłowo), *Штольпе* (Słupsk), которые возможно, как видим, идентифицировать и соотнести с современными топонимами на польской физической карте.

Топонимы *Пренцлау* (немецкий город Prenzlau в Бранденбургии), *Пазевалька* (нем. Pasewalk), *Шпандау* и *Спандау* (нем. Spandau), *Магдебург* (нем. Magdeburg – столица Саксонии, по-польски называемый Dziewin) являются чисто немецкими городами и названиями.

Острова и местности *Волин* (Wolin) и *Узедом* (Uznam) лежат в Поморской бухте у устья реки Свины (Świna), что дало возможность калькировать на польский язык немецкий топоним, лежащий у устья этой реки: Свинемюнде – Świnoujście. Эти местности также имеют свою русскую

литературу, в текстах которой названы по-разному, напр.: «По занятии Узедома, пошла сия эскадра в ... Анклам, для принятия от Генерал-Лейтенанта Барона Армфельта дальнейших приказаний в рассуждении Укерминде...» [43, с. 505]; «три дивизии канонерских лодок, первая в Свиномунде, другая в Воллине, а третья Степенице не могли еще отступить, по причине сильной бури»... «Шведские войска сдадут острова Узедома и Воллин Франц. гарнизоном» [44, с. 522]; «Все плывут в могучем строе К башням города Волына» [45, с. 155].

Равным по значению топониму *Щецин* является топоним *Гданьск* (Gdańsk), который отметился у российских авторов разными вариантами написания: *Гданск*, *Данциг*, *Данцинг*, *Гданьск*: «Гданск главный город» [46, с. 122]; «в окопах между крепостью Данцигом и рекою Вислою» [10, с. 5], «Одна колонна идет чрез Данциг, а прочие две, как говорят, чрез Позен и Силезию» [47, с. 1228]; «Площадь Данцига – 1.894 кв. километра, население – несколько более 400 тыс. человек» [48, с. 5]; «Данцинг упоминается в X ст. под имен *Gedanum*, *Dantiscum* (Gdansk)» [49, с. 794], «действия (1813 г. – В.Ш.) русского флота под Данцингом» [50, с. 227].

В известном словаре Мончинского также отмечены разные варианты написания польского *Гданьска*, см.: *Gdańsko*, *Dańsko* [51, s. 110].

Обычно в русских текстах указываются немецкое и польское названия, что видим уже у Ж.-Б. Ладвока. У него и у других авторов топонимы поясняют друг друга, см.: «Данциг, или Гданск, *Dantizcum*, великий и богатый и крепкий город ...» [46,

с. 225], «Город Данциг (Гданск)» [36, с. 842], «Гданск (Данциг)» [52, с. 32], «в Данциге (Гданьске)» [53, с. 307], «по реке Висле, через город Гданск (Данциг)» [54].

Топоним *Данциг*, а вернее, *Старый Данциг* отмечен на российской карте. Имеется в виду: «колония под именем *Старого Данцига* (в Елизаветградском уезде Херсонской губ.)» [52, с. 289], где проживали менониты-немцы – выходцы из Гданьска.

Много ярких примеров употребления топонимов данного региона Польши дает вместе с названием *Гданьск* топонимы *Гдыня* (Gdynia) и *Сопот* (Sopot).

«Польша построила на месте бывшего небольшого рыбацкого поселка, на берегу Балтийского моря, крупный военно-морской и торговый порт Гдыню» [48], «связь между Гдыней и Данцигом» [22, с. 2]. После того, как город был занят в сентябре 1939 г. немцами, он был переименован в Готенхафен, что и отражают современные русские тексты, напр.: «Готенхафен (Гдыня) 3 июня 1940 года» [53, с. 200].

Сопот – немецкий курорт на Балтике. Авторы отражают в текстах немецкое название города: «город Цоппот, имеющий около 30 тыс. жителей» [48, с. 5], как исторический факт: «в Цоппоте (ныне Сопот)» [56, с. 75].

Местность *Не1*, полуостров, коса, закрывающая Гданьскую (Данцигскую) бухту и города Гданьск, Сопот и Гдыню от открытого моря, имеет написание: *Гель* (*Гель*, *Геле*); *Хель* (*Хела*). Напр.: вариант *Гель*: «Данциг. Англичане покушались сделать высадку при мысе острова Гелы для вытеснения оттуда Польских войск... стреляли они ядрами и бомбами по

местечку Геле, в котором жили бедные рыбаки...» [57, с. 1173]; «город Гель», «полуостров Гель» [58, с. 315].

Вариант *Хель*: «Маяк Хела» [35, с. 102]; «над польским полуостровом Хела» [28, с. 5]; «полуостров Хель» [59].

Польское Н предполагает русское Г и тексты начала XIX века, как видим, следуют этому правилу.

Важным портом в череде портов польской центральной Прибалтики можно назвать *Kolobrzeg*: «Колберг, *Colobrega*, красивый и крепкий Германский город ...при устье реки Персант» [46, с. 598], отмеченный в разных русских источниках. См. употребление *Колберг*: «Прусский гарнизон в Колберге непрестанно беспокоит тамошние окрестности до самого Штетина» [60, с. 190]; «В Колберге, Штетине и Швинемюнде также захвачено множество Аглинских кораблей» [61, с. 97]. Варианты *Кольберг* и *Колобрег*: «Город Колобрег или по немецки Кольберг ... находится при устье реки Персант» [58, с. 297]; «Кольберг, город и крепость в Кёслинском округе прусской провинции Померании...» [31, с. 517] и современный вариант: *Колобжег* [62, с. 139].

В текстах отметим названия, которые в разную эпоху соответствовали польским или немецким названиям: *Колберг*, *Кольберг*, *Колобрег* и последнее, которое закрепилось: *Колобжег*.

Таким образом, на примере названии некоторых городов, находящихся на территории современной Польши, представлена проблема правописания этих названий в русском языке в разные исторические эпохи. Проблема – не только изменении названий, менявшихся в результате военных действий, а в том, что даже переход на кириллическую графику польских искон-

ных топонимов у разных авторов создавал варианты названий одних и тех же городов.

Польская топонимика русских текстов, а прежде всего актуальный для определенной эпохи газетный материал, показал, что при описании ономастических фактов важно учитывать не только конкретные факты употребления, но и экстралингвистические причины, по которым та или другая единица была употреблена.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Энциклопедический словарь [Текст] / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. – Санкт-Петербург, 1893. – Т. VIII А.
2. Энциклопедический словарь [Текст] / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. – Санкт-Петербург, 1898. – Т. XXIV. – 1904.
3. Санкт-Петербургские ведомости: газета [Текст]. – Санкт-Петербург, 1809. – № 93.
4. Санкт-Петербургские ведомости: газета [Текст]. – Санкт-Петербург, 1809. – № 58.
5. Саратовский Справочный Листок: газета [Текст]. – Саратов, 1869. – № 77.
6. Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям: газета [Текст]. – Санкт-Петербург, 1807. – № 45.
7. Санкт-Петербургские ведомости: газета [Текст]. – Санкт-Петербург, 1807. – № 50.
8. Санкт-Петербургские ведомости: газета [Текст]. – Санкт-Петербург, 1809. – № 40.
9. Московские ведомости: газета [Текст]. – Москва, 1848. – № 57.
10. Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям: газета [Текст]. – Санкт-Петербург, 1807. – № 42.
11. Московские ведомости: газета [Текст]. – Москва, 1848. – № 55.
12. Правда: газета [Текст]. – Москва, 1939. – № 246.
13. Санкт-Петербургские ведомости: газета [Текст]. – Санкт-Петербург, 1809. – № 48.
14. Санкт-Петербургские ведомости: газета [Текст]. – Санкт-Петербург, 1809. – № 42.
15. Санкт-Петербургские ведомости: газета [Текст]. – Санкт-Петербург, 1812. – № 38.

16. Санкт-Петербургские ведомости: газета [Текст]. – Санкт-Петербург, 1812. – № 54.
17. Санкт-Петербургские ведомости: газета [Текст]. – Санкт-Петербург, 1809. – № 71.
18. Санкт-Петербургские ведомости: газета [Текст]. – Санкт-Петербург, 1810. – № 46.
19. Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям: газета [Текст]. – Санкт-Петербург, 1807. – № 8.
20. Правда: газета [Текст]. – Москва, 1939. – № 247.
21. Правда: газета [Текст]. – Москва, 1939. – № 248.
22. Известия: газета [Текст]. – Москва, 1939. – № 186.
23. Правда: газета [Текст]. – Москва, 1939. – № 244.
24. Правда: газета [Текст]. – Москва, 1939. – № 250.
25. Правда: газета [Текст]. – Москва, 1939. – № 249.
26. Правда: газета [Текст]. – Москва, 1944. – № 187.
27. Правда: газета [Текст]. – Москва, 1944. – № 191.
28. Правда: газета [Текст]. – Москва, 1939. – № 238.
29. Правда: газета [Текст]. – Москва, 1944. – № 216.
30. *Карамзин, Н.М.* Письма русского путешественника. Повести [Текст] / Н.М. Карамзин. – Москва: Правда, 1980.
31. Настольный словарь по всем отраслям знания [Текст] / Под ред. Ф. Толля и В.Р. Зотова. – Санкт-Петербург, 1864. – Т. II.
32. Санкт-Петербургские ведомости: газета [Текст]. – Санкт-Петербург, 1809. – № 2.
33. *Ладвок, Ж.-Б.* Словарь географический [Текст] / Ж.-Б. Ладвок. – Санкт-Петербург, 1791. – Ч. IV.
34. Санкт-Петербургские ведомости: газета [Текст]. – Санкт-Петербург, 1807. – № 29.
35. Описание маяков, башен и других предостерегающих для мореплавателей знаков по берегам Швеции, Норвегии, Дании и Северной Германии [Текст]. – Санкт-Петербург, 1871.
36. Санкт-Петербургские ведомости: газета [Текст]. – Санкт-Петербург, 1807. – № 68.
37. Санкт-Петербургские ведомости: газета [Текст]. – Санкт-Петербург, 1807. – № 81.
38. Санкт-Петербургские ведомости: газета [Текст]. – Санкт-Петербург, 1814. – № 64.
39. Северная пчела: газета [Текст]. – Санкт-Петербург, 1853. – № 115.
40. Правда: газета [Текст]. – Москва, 1939. – № 115.
41. *Гильфердинг, А.* История балтийских славян [Текст] / А. Гильфердинг. – Москва, 1855. – Т. I, Ч. I.
42. *Карналович, Е.П.* Значение поляков в истории мореплавания [Текст] [Текст] / Е.П. Карналович // Морской сборник. – Санкт-Петербург, 1858. – №. 6.
43. Санкт-Петербургские ведомости: газета [Текст]. – Санкт-Петербург, 1807. – № 41.
44. Санкт-Петербургские ведомости: газета [Текст]. – Санкт-Петербург, 1807. – № 42.
45. *Толстой, А.К.* Боривой. Поморское сказание [Текст] / Толстой А.К. Стихотворения. – Свердловск, 1983. – С. 153-161.
46. *Ладвок, Ж.-Б.* Словарь географический [Текст] / Ж.-Б. Ладвок. – Санкт-Петербург, 1791.
47. Санкт-Петербургские ведомости: газета [Текст]. – Санкт-Петербург, 1807. – № 98.
48. Правда: газета [Текст]. – Москва, 1939. – № 100.
49. Настольный словарь по всем отраслям знания [Текст] / Под ред. Ф. Толля и В.Р.Зотова. – Санкт-Петербург, 1863 – Т. I.
50. *Рождественский, С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802–1902 [Текст] / С.В. Рождественский. – Санкт-Петербург, 1902.
51. *Kuraszkiewicz, Wł.* Wyrazy polskie w Słowniku łacińsko-polskim Jana Mączyńskiego (Lexicon Latino-Polonicum) [Text] / Wł. Kuraszkiewicz. – Wrocław ii., 1962.
52. *Писаревский, Г.* Из истории иностранной колонизации в России в XVIII веке [Текст] / Г. Писаревский. – Москва, 1909.
53. Живописная Россия: журнал [Текст]. – Москва, 1896. – Т. IV, Ч. 1.
54. Известия: газета [Текст]. – Москва, 1939. – № 219.
55. Дружба народов: журнал [Текст]. – Москва, 1992. – № 10.
56. Дружба народов: журнал [Текст]. – Москва, 1990. – № 1.

57. Санкт-Петербургские ведомости: газета [Текст]. – Санкт-Петербург, 1810. – № 83.
58. Морской сборник: журнал [Текст]. – Санкт-Петербург, 1858. – № 6.
59. Известия: газета [Текст]. – Москва, 1939. – № 223.
60. Санкт-Петербургские ведомости: газета [Текст]. – Санкт-Петербург, 1807. – № 16.
61. Санкт-Петербургские ведомости: газета [Текст]. – Санкт-Петербург, 1811. – № 8.
62. Дружба народов: журнал [Текст]. – Москва, 1995. – № 4.

REFERENCES

1. *Druzhba narodov: zhurnal*, Moscow, 1990, No. 1. (in Russian)
2. *Druzhba narodov: zhurnal*, Moscow, 1995, No. 10. (in Russian)
3. *Druzhba narodov: zhurnal*, Moscow, 1995, No. 4. (in Russian)
4. *Encyklopedycheskiy slovar*, Izdatel' F.-A. Brockhaus i I.A. Jefron, St. Petersburg, 1893, Vol. VIII A. (in Russian)
5. *Encyklopedycheskiy slovar*, Izdatel' F.A. Brockhaus i I.A. Jefron, St. Petersburg, 1898, Vol. XXIV. (in Russian)
6. Hilferding A., *Istoriya Baltyskikh Slavyan*, Moscow, 1855, Vol. I, No. 1. (in Russian)
7. *Izvestia: the newspaper*, Moscow, 1939, No. 223. (in Russian)
8. *Izvestiya: the newspaper*, Moscow, 1939, No. 186. (in Russian)
9. *Izvestiya: the newspaper*, Moscow, 1939, No. 186. (in Russian)
10. *Izvestiya: the newspaper*, Moscow, 1939, No. 219. (in Russian)
11. Karamzin N.M., *Pisma russkogo puteshestviennika. Povesi*, Moscow, Pravda, 1980. (in Russian)
12. Karnalovych J.R., *Znachene Polakov v istorii moreplavana, Morskoy Sbornik: the newspaper*, St. Petersburg, 1853, No. 6. (in Russian)
13. Kuraszkiewicz Wł., *Wyrazy polskie w Słowniku łacińsko-polskim Jana Mączynskiego (Lexicon Latino-Polonicum)*, Wrocław ii., 1962.
14. Ladvocat J.-B., *Slovar geograficheskyy*, St. Petersburg, 1791, Vol. IV. (in Russian)
15. Ladvocat J.-B., *Slovar geograficheskyy*, St. Petersburg, 1791, Vol. II. (in Russian)
16. *Morskoy Sbornik: the newspaper*, St. Petersburg, 1858, No. 6. (in Russian)
17. *Moskovskie vedomosti: the newspaper*, Moscow, 1848, No. 57. (in Russian)
18. *Nastolnyi slovar po vsem otraslam znania*, ed. F.Tolla i V.R. Zotova, St. Petersburg, 1864, Vol. I–II. (in Russian)
19. *Opisanie mayakov, bashen i drugih predsteregayushchyh dla moreplavateley znakov po beregam Shvedzyi, Norvegii, Danii i Severnoy Germanii*, St. Petersburg, 1871. (in Russian)
20. Pisarevsky G., *Iz istorii inostranny kolonizatsiy v Rossyi v XVIII v.*, Moscow, 1909. (in Russian)
21. *Pravda: the newspaper*, Moscow, 1939, No. 100. (in Russian)
22. *Pravda: the newspaper*, Moscow, 1939, No. 115. (in Russian)
23. *Pravda: the newspaper*, Moscow, 1939, No. 238. (in Russian)
24. *Pravda: the newspaper*, Moscow, 1939, No. 244. (in Russian)
25. *Pravda: the newspaper*, Moscow, 1939, No. 246. (in Russian)
26. *Pravda: the newspaper*, Moscow, 1939, No. 247. (in Russian)
27. *Pravda: the newspaper*, Moscow, 1939, No. 248. (in Russian)
28. *Pravda: the newspaper*, Moscow, 1939, No. 249. (in Russian)
29. *Pravda: the newspaper*, Moscow, 1939, No. 250. (in Russian)
30. *Pravda: the newspaper*, Moscow, 1944, No. 187. (in Russian)
31. *Pravda: the newspaper*, Moscow, 1944, No. 191. (in Russian)
32. *Pravda: the newspaper*, Moscow, 1944, No. 216. (in Russian)
33. *Prybavlene k Sankt-Petersburgskie vedomosti: the newspaper*, St. Petersburg, 1807, No. 45. (in Russian)
34. *Prybavlene k Sankt-Petersburgskie vedomosti: the newspaper*, St. Petersburg, 1807, No. 42. (in Russian)
35. *Prybavlene k Sankt-Petersburgskie vedomosti: the newspaper*, St. Petersburg, 1807, No. 8. (in Russian)
36. Rozhdestvenskiy S.V., *Istoriycheskiy obzor deyatelnosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya: 1802–1902*, St. Petersburg, 1902. (in Russian)

37. *Sankt-Petersburgskie vedomosti: the newspaper*, St. Petersburg, 1809, No. 93. (in Russian)
38. *Sankt-Petersburgskie vedomosti: the newspaper*, St. Petersburg, 1809, No. 58. (in Russian)
39. *Sankt-Petersburgskie vedomosti: the newspaper*, St. Petersburg, 1807, No. 50. (in Russian)
40. *Sankt-Petersburgskie vedomosti: the newspaper*, St. Petersburg, 1809, No. 40. (in Russian)
41. *Sankt-Petersburgskie vedomosti: the newspaper*, St. Petersburg, 1809, No. 48. (in Russian)
42. *Sankt-Petersburgskie vedomosti: the newspaper*, St. Petersburg, 1809, No. 42. (in Russian)
43. *Sankt-Petersburgskie vedomosti: the newspaper*, St. Petersburg, 1812, No. 38. (in Russian)
44. *Sankt-Petersburgskie vedomosti: the newspaper*, St. Petersburg, 1812, No. 54. (in Russian)
45. *Sankt-Petersburgskie vedomosti: the newspaper*, St. Petersburg, 1809, No. 71. (in Russian)
46. *Sankt-Petersburgskie vedomosti: the newspaper*, St. Petersburg, 1810, No. 46. (in Russian)
47. *Sankt-Petersburgskie vedomosti: the newspaper*, St. Petersburg, 1809, No. 2. (in Russian)
48. *Sankt-Petersburgskie vedomosti: the newspaper*, St. Petersburg, 1807, No. 29. (in Russian)
49. *Sankt-Petersburgskie vedomosti: the newspaper*, St. Petersburg, 1807, No. 68. (in Russian)
50. *Sankt-Petersburgskie vedomosti: the newspaper*, St. Petersburg, 1807, No. 81. (in Russian)
51. *Sankt-Petersburgskie vedomosti: the newspaper*, St. Petersburg, 1814, No. 64. (in Russian)
52. *Sankt-Petersburgskie vedomosti: the newspaper*, St. Petersburg, 1807, No. 41. (in Russian)
53. *Sankt-Petersburgskie vedomosti: the newspaper*, St. Petersburg, 1807, No. 42. (in Russian)
54. *Sankt-Petersburgskie vedomosti: the newspaper*, St. Petersburg, 1807, No. 98. (in Russian)
55. *Sankt-Petersburgskie vedomosti: the newspaper*, St. Petersburg, 1807, No. 68. (in Russian)
56. *Sankt-Petersburgskie vedomosti: the newspaper*, St. Petersburg, 1810, No. 83. (in Russian)
57. *Sankt-Petersburgskie vedomosti: the newspaper*, St. Petersburg, 1807, No. 16. (in Russian)
58. *Sankt-Petersburgskie vedomosti: the newspaper*, St. Petersburg, 1811, No. 8. (in Russian)
59. *Saratovskiy Spravochniy Listok: the newspaper*, Saratov, 1869, No. 77. (in Russian)
60. *Severnaya Pchela: the newspaper*, St. Petersburg, 1853, No. 115. (in Russian)
61. Tolstoy A.K., "Boryvoy. Pomorskoye skazane", in: Tolstoy A.K. *Stichotvoreniya*, Sverdlovsk, 1983, pp. 153-161. (in Russian)
62. *Zhyvopisnaya Rossya: zhurnal*, Moscow, 1896, Vol. IV, No. 1. (in Russian)

Шетэля Виктор Мечиславович, кандидат филологических наук, доцент, кафедра контрастивной лингвистики, Московский педагогический государственный университет, szetela@mail.ru

Szetela V.M., PhD in Philology, Associate Professor, Contrastive Linguistics Department, Moscow State University of Education, szetela@mail.ru

ТРАНСФОРМЫ ПОЛЯ ВЗАИМНОСТИ

В.К. Радзиховская

Аннотация. В статье на основании широкого понимания функционально-семантической категории взаимности, позволяющего выявлять процессы ее формирования и функционирования, рассматриваются механизмы взаимодействия ее периферии и центра через систему частей речи. Части речи, оформляя лексическое наполнение поля взаимных отношений, становятся трансформами функционально-семантической категории взаимности, удерживающими лексико-грамматическое единство ситуации взаимных отношений. Организуя речь путем ориентации на грамматику, части речи становятся структурообразующими элементами языковой системы.

Части речи выступают трансформами самоорганизующихся функционально-семантических категорий. Выявление трансформ функционально-семантических категорий как сложных систем важно для теории и практики результативного лингвистического анализа, потому что при этом понимается синергия языка (взаимодействие разнородных форм при выражении определенного значения). При собирании системы трансформ определенной функционально-семантической категории сложное мысле-рече-языковое образование (язык, речь, текст) рассматривается адекватно его природе. Лингвистика и совершенствуется в этом направлении, что можно видеть в самой истории лингвистических учений. Школьный разбор по частям речи, погружение в языковую культуру не должны останавливаться на квалификации формы, но освещаться светом понимания грамматической семантики.

Ключевые слова: функционально-семантическая категория, частеречное оформление взаимного значения, трансформы, предмет взаимных отношений.

TRANSFORMS OF THE FIELD OF RECIPROCITY

V.K. Radzikhovskaya

Abstract. On the basis of broad understanding of the functional and semantic category of reciprocity, allowing to identify the processes of its formation and functioning, the article deals with the mechanisms of interaction

between its periphery and center through the system of parts of speech. Parts of speech, making out lexical filling of the field of mutual relations, become the transforms of functional and semantic category of reciprocity keeping lexical and grammatical unity of the situation of mutual relations. Organizing a grammar-oriented speech, parts of speech become structure-forming elements of a language system.

Parts of speech act as transforms of self-organized functional and semantic categories. Identification of such categories as difficult systems is important for the theory and practice of productive linguistic analysis because herewith the synergy of language is understood (interaction of multilevel forms when expressing certain value). When collecting the system a transform of certain functional and semantic category, difficult language construction (language, speech, text) is considered adequately to its nature. Linguistics is developing in this direction and it is possible to see in the history of linguistic doctrines. Sentence analysis, immersion in language culture, shouldn't be limited only by qualification of a form, but be understood within the grammatical semantics as well.

Keywords: *functional and semantic category, part-of-speech making mutual values, transforms, the subject of mutual relations.*

Замечания¹ к лингвистической философии, коснувшиеся методологии лингвистики, в которой, как писал философ, невозможно поставить никаких философских вопросов [1, с. 251], понуждают продумывать

проблему чистоты лингвистического эксперимента. Философ не прав относительно беспомощности лингвистического эксперимента для решения философских вопросов, но только вооружась философским знанием,

413

¹ Э.Геллнер высказывал претензии лингвистам в бездоказательности их анализа при опоре на парадигму, несмотря на кажущуюся убедительность, при обращении для доказательства к языковой норме. Философ высказывал также претензии к лингвистическим исследованиям с опорой на теорию контрастных значений, упускающую тонкие движения значения, да и к самой необъятности языкового материала вследствие языкового полиморфизма. Однако, может быть, само нарушение языковой нормы случается по необходимости и дает возможность вскрыть секреты движения форм механизма мысле-рече-языковой деятельности. А. Максимов (телеведущий) в передаче о здоровье и продолжительности жизни человека, услышав, что есть животные организмы, лишённые механизма старения, стал настойчиво допытываться, от чего же эти существа умирают, но в ответ получал объяснение, отчего человек живет дольше. Заканчивая свою программу, он сказал: *Мы живем среди друг друга: старшие должны знать, что они нужны младшим, а младшие (дети не всегда это знают), что они нужны старшим* (ТВ, «Наблюдатель», 27.07.2015). В речи телеведущего грамматическое выражение *друг друга* лексикализовалось: *Мы живем среди людей* ('воздействуя друг на друга') – получило усиление взаимного значения, свою заряженность. Особенный смысл вследствие более грубой речевой погрешности возникает и в предложении: *Ее глаза смотрели с нежностью друг на друга* (юмористическая запись Е. Петросяна).

можно обращаться с вопросами к языку: «Кто от часу в нем (в русском языке. – В.Р.) углубляется, употребляя предводителем общее философское понятие о человеческом слове, тот увидит безмерно широкое поле или, лучше сказать, *едва пределы имеющее* море. Отважась в оное, сколько мог я измерить, сочинил малый сей и общий чертеж всея обширности – Российскую грамматику, главные только правила в себе содержащую», – представлял свой труд М.В. Ломоносов [2, с. 392]. Трудность вся в сложности объекта исследования: **язык** – есть результат функционально скоординированной по **преддицирующей позиции**, иерархически организованной по принципу достаточности, критериям **понятности**, деятельности человека, осуществляемой с познавательной-ориентирующей целью в процессе разумно-жизненного общения. Языковой код, обслуживающий эту деятельность – мыслерече-языковую деятельность, – фиксирует моменты координации ее направляющих и набирает свойств речемыслительного движения, становясь живым языком, *сложной саморегулирующейся системой*, способной реагировать на внешние воздействия, преодолевать кризисы развития, способной подстраиваться к меняющейся действительности, устанавливать референтные связи.

В онтогенезе это движение языковых форм представляется открыто: 5-летний мальчик в благодарность сказал с эмоциональным подъемом бабушке *Мистер-мама!* (Костя Ватолкин, 2010 г. рожд.) – чем не *grandmother* на русский манер; он же приятие какого-либо поручения выражает по форме: *Есть, сэр!* – ‘я

согласен, принято к выполнению’ – ответное действие в поле взаимных отношений. Современная детская речь складывается под влиянием конкретной языковой ситуации. Как не вспомнить здесь выводы И.А. Бодуэна де Куртене, заметившего, что языковое развитие, изменение происходит вследствие движения языковых форм в онтогенезе целого ряда поколений: «Толчки к существенным изменениям племенного языка даются главным образом в языке детей...» [3, т. I, с. 350]. Движение языковых форм замечает и старшее поколение: *В чем фишка, как теперь говорят*, – объясняет проблемы нестаряющегося организма академик В.П. Скулачев. В исследовании движений языковой материи ответ философу, отрицающему достоверность лингвистических поисков: замкнутые сами на себя, они, действительно, упрощают картину сложного мира, потому что сами интерпретации языковых форм навязывают свою оценочную систему. Трудность лингвистики в том, что интерпретация языковой действительности осуществляется на языке. «Язык не субстанция, а деятельность, один из типов человеческой деятельности, один из способов человеческого поведения, его элементы не могут, следовательно, быть статическими отдельностями...» [4, с. 212]. Открывается языковая система в анализе движения – во времени и пространстве: язык изучается в его функционировании, в истории развития, в сравнении и сопоставлении с другими языками – другими оценочными системами.

Решение проблемы достоверности языкового исследования в определении объекта исследования в соответ-

ствии с его предметом – темой исследования, в выборе соответствующего языкового материала. **Взаимное действие** – действие, скоординированное в пространстве и времени по значимой цели и способу осуществления, совершаемое парным в своей основе множеством субъектов, связанных объектной зависимостью.

Н.А. Янко-Триницкая в своей монографии «Возвратные глаголы в современном русском языке» [5], обследуя взаимные глаголы, фактически вошла в языковое поле взаимности. Рассматривая взаимные возвратные глаголы, исследователь охватывает вниманием возвратные и невозвратные взаимные глаголы, **полувзаимные** глаголы (*откликнуться, отозваться, отшутиться...* – вслед за исследованием А.В. Попова, Воронеж, 1881 г., скончавшегося 25-и лет, представившего на конкурс свое исследование субъектно-объектных связей глагола в более 8 языках [6]). Включение в поле взаимности полувзаимных глаголов уже при структурном подходе к языку открывает путь в систему выражения взаимных отношений – в ФСК взаимности – **конверсивам**, ставя вопрос о включении в поле взаимности глаголов, обозначающих инициацию ответного действия (*позвать, откликнуть, спросить, продавать*). Речь подтверждает правомерность такого понимания системности формирования в языке поля взаимности (особенно речь, столкнувшаяся с другой языковой системой, с иной кодификацией мысле-рече-языкового действия – она раскрывает языковые связи на глубоком семантическом уровне): **Ты мне только не отвечай** – я тебе один умный вещь скажу (аудиозаставка, предупрежда-

ющая интересную научную информацию – «Радио России», 2015 г.). – по этому антиципационному отклонению глагола речевого действия распознается конверсная связь глаголов ситуации общения, диалогической речи [‘послушай’, ‘помолчи’ – ‘я, как инициатор речи, могу вызвать твои размышления’: (я своей речью вызову вопрос – ты начнешь отвечать)]: *спросить – ответить, говорить – слушать* [‘не помешай сказать’ (*право говорить – это и право быть услышанным*). – ТВЦ, 2016)], как и в шутке М. Жванецкого непосредственно устанавливается конверсная связь глаголов диалогической речи: *Когда бы я ни заговорил, я ее перебиваю*).

Достаточно ли исследовать функционирование форм поля взаимности, исключив полувзаимные глаголы, ответные и иницирующие ответ, имена взаимного действия, да и лексику субъектно-объектного наполнения ситуации взаимных отношений? – *В свою деревню в ту же пору / Помещик новый прискакал / И столь же строгому разбору / В соседстве повод подавал.* (А. Пушкин) – по крайней мере, здесь три трансформы поля взаимности – разные возможности введения языковых форм в ситуацию – использованы поэтом для показа взаимных отношений: наименование полувзаимного действия, иницирующего поле взаимности (*подавать повод*), синтаксический дериват, называющий ответное действие (*строгому разбору*), наименование его субъектов собирательным существительным, фиксирующим пространство взаимных отношений (*в соседстве*).

Н.А. Янко-Триницкая рассмотрела использование непредикативных

форм возвратных взаимных глаголов: инфинитивных конструкций, причастных и деепричастных оборотов. Ею выделено взаимное местоимение («этого одного короткого слова *друг друга*» [7, с. 130] достаточно для выражения взаимности) и доказан его статус взаимного объекта, в отличие от более свободного выражения *один другого*.

Более того, за пределами глагола не забыты в работе Н.А. Янко-Триницкой субъектно-объектные представления взаимных отношений именем существительным: *Рыбак рыбака видит издалека; Подруга каждая тут толк подругу* – иначе, откуда взялось бы взаимное местоимение в русском языке.

Система, вышедшая на морфологический уровень из местоимения *себя*, сама себя раскрывает и собирает периферию. В польском *siebie* занимает большее место, легче квантуется в поле взаимности, то есть выделяется в потоке речи, сохраняя свойства целого, но, страдая теми же недостатками, что и в русском языке, провоцирует шутку: *Wywamy u siebie. – Tak on u siebie, ja u siebie* (Ср. в русск.: *Мы с тобою влюблены – ты в картошку я в блины*, – шутка на русском языке обязывает нас при исследовании поля взаимности не забывать о возможном объекте взаимных отношений – «предмете взаимного интереса»).

Функциональная грамматика, развивая теорию функционально-семантических категорий (ФСК) – подняла исследование поля взаимности на новый уровень. В Ленинградском отделении АН СССР – в школе, созданной А.В. Бондарко, ведущей и активно работающей в стране в на-

стоящее время [8], – в 1970-е гг. выполнены работы по реципроку А.А. Холодовичем [9, Реципрок: 161-172] и В.С. Храковским [10, К вопросу о соотношении активных, пассивных, рефлексивных и реципрокных конструкций: 5-36], что принципиально расширило зону обследования поля взаимности, так как «на достаточно глубинном семантическом уровне симметричные ситуации (*Иван дерется с Петром – Петр дерется с Иваном*) являются частным случаем конверсных (*Иван продал Петру дом – Петр купил у Ивана дом*) и партиципанты их по существу тождественны» [9, с. 163]. Центр получившей статус категории взаимности, вызревшей в поле залоговости, стал определяться канонической формой взаимного залога, имеющей варианты [11].

В новое время расширяется объект исследования ФСК взаимности: в 1991 г. в серийном издании «Проблемы функциональной грамматики» (ПФГ) в разделе *Залоговость* появилась «Типология взаимных конструкций», выполненная проф. В.П. Недялковым [12]. На многоязычном материале представлено более 10-и члестеречных позиций, выступивших в предикате – функциональном центре ФСК взаимности, – собственно, только эта позиция рассматривается исследователями как форма представления категории взаимности. Помимо традиционно выделяемых взаимных глаголов (таких как *целоваться, встречаться*), в этом исследовании показаны **взаимно-объектные** глаголы – каузаторы взаимных отношений: *подружить, поссорить* кого-н. с кем-н. и др. С помощью глаголов, каузирующих взаимность, уточняется функция возвратной формы обра-

зованных от них глаголов (*поссориться, познакомиться*), описанной Н.А. Янко-Триницкой как взаимные возвратные глаголы **исключенного** объекта (в отличие от глаголов включенного объекта, например, *целоваться, встречаться*, и переключенного объекта, например, *делиться, сложиться* («сложились, за водкой сбегали»)) [5, с. 190], – в них возвратная форма приобретает общевозвратное значение ‘сами’ – взаимное значение в них «спрятано» в производящей основе: *сами ссорятся, сами мирятся...* Кроме того, в типологии проф. В.П. Недеялкова представлены предикатные существительные (*спор Петра и Ивана, дружба Петра с Иваном*), актантные существительные (*сосед, соперник, брат*), прилагательные (*равный, похожий, разный*).

Не глагольное представление взаимных отношений относится к периферии ФСК взаимности, потому что, только попав в функциональный центр категории взаимности – в позицию сказуемого, именная форма сближается по функции с взаимным глаголом, реализует взаимное значение, обнаруживая тем самым свою принадлежность полю взаимности. Это и есть **трансформы ФСК взаимности – части речи, лексически связанные с центром ФСК взаимности, актуализирующие значение отношения объектной зависимости парного множества субъектов, способные свернуть информацию о взаимном значении в слово и развернуть в предложение: они дружат – у них дружба – они друзья; меж ними все рождало споры и к размышлению влекло**. В речи как выразительное средство лексическая периферия проявляется активнее,

она разнообразнее, более того, без периферии нет и центра, нет языковой структуры.

В слове предикативное взаимных отношений свернуто (*дружить*), но оно сохраняется и фиксируется лексикографией: *соперник* – «Человек, стремящийся победить другого при достижении чего-н., в борьбе с кем-н., добиться **того же**, чего добивается кто-н. другой» [13]. Лексикография подмечает здесь даже тот факт, что в поле взаимных отношений, помимо субъектно-объектных связей его участников необходимо появляется внешний объект как предмет заинтересованных взаимных действий или косвенно как причина и цель взаимных действий, кодируемый объектной, обстоятельственной позицией в языке и не всегда являющийся по ситуации в речи: *Знать клад нашли ребяташки и делят меж собой*. (Н.А. Некрасов); *Меж ними все рождало споры / И к размышлению влекло: / Племен минувших договоры, / Плоды наук добро и зло, / И предрассудки вековые, / И гроба тайны роковые, / Судьба и жизнь в свою чреду, / Все подвергалось их суду*. (А. Пушкин).

Онтогенез дает первоначальное движение человека в речевое поле взаимности доступными ему способами: первое слово *дай!* (но это еще не слово и не грамматическая форма – еще нет языка, подхваченное протослово не удерживается и дня) → *дат!* сменяет → *на!* – ‘дай’ → наконец появляется: *най!* (контаминация «дай» и «на») – формируется квант деятельности в поле взаимности, семантическое содержание которого позволяет далее ребенку (детскому уму) двигаться в окружающей его рече-

языковой стихии. А лингвист может заметить в этой ситуации органичное единство посессивности и взаимности, понять формирование категории взаимности на основе наличия интереса к предмету взаимного действия. С.Т. Аксаков справедливо заметил о раннем формировании чувства собственности («Детские годы Багрова внука»).

Для исследования ФСК взаимности оказывается далеко не безразличной работа К.П. Смолиной «Лексика имущественной сферы в русском языке XI–XVII вв.» [14], обращенная к истории наименований объекта владения. Н.А. Некрасов в художественной форме показал главный объект взаимного интереса: *Пределы / есть владениям / Господ, вельмож, царей земных, / А мудрого владение – / Весь вертоград Христов* (Н.А. Некрасов) – воистину «науки художествам путь указывают; художества происхождение наук ускоряют» (М.В. Ломоносов «Слово о пользе химии...»).

418

Лексика, закрепляющая наименование «предмета взаимного интереса», заполняющая объектную позицию в структуре поля взаимности, фиксируется как принадлежащая ситуации взаимных отношений толковым словарем [16], имеет свои словообразовательные особенности, может быть сгруппирована тематически по сфере применения, сформировать иерархию и иметь стилистические особенности употребления. В нашем эксперименте различаются:

а) наименования материальных предметов (объектов) *имущественного владения*; разновидностью в этой группе являются наименования предметов купли-продажи: наиболее

общими выразителями значения такого объекта, вышедшими в терминологический аппарат политэкономии, являются слова «*товар... (экон.)*» [13], *деньги* – фиксируют ситуацию взаимных отношений: *Когда мы говорим о деньгах, мы говорим об отношениях людей. Деньги связывают людей между собой жесткими отношениями, дают человеку ориентацию: в какую группу попадаю я. Мы все играем по этим правилам* (проф. МГУ Ольга Большова, ТВ, «Культурная революция», 17.12.2015); *Не деньги создают банк, а взаимные отношения* – рекламный плакат, Москва, 2006 г). Принадлежность этой лексики полю взаимности фиксируется лексикографически: *деньги* – «Металлические и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости при купле-продаже» [13] ‘инструмент **обмена**’; *товар* – ‘общее наименование предмета **обмена**’ [15]; «**2.** Вообще – то, что является предметом торговли», *наследство* – ‘имущество, остающееся после смерти владельца и переходящее в законном порядке к новому лицу’ ...*Позвольте нам своими счастья, хоть дальними – наследства не делить* (А. Грибоедов) [13] и др.; словарь наименований предметов имущественной ценности открыт;

б) наименования предметов *игры* (игровых фигур) как объекта взаимодействия игроков: названия игровых фигур любых игр, предназначенных для двух и более игроков, участвуют в формировании поля взаимности (*карты, фишки*);

● имена существительные этой, как и предыдущей группы, имеют словообразовательные особенности, свидетельствующие об их принадлежности ситуации взаимных отно-

шений в своей словообразовательной организации (*именье, наследство, взятка*;

- принадлежность лексики этих групп полю взаимности видится в их потребности иметь вторичные наименования [см. «Языковые явления в свете ФСК взаимности»], так называемые эмоционально-оценочные словообразовательные формы, сигнализирующие о «внутреннем» их пользовании, важном для контакта (*деньжата, деньжища; картишки, карточки: А отцу Алексею очень хотелось с тобой познакомиться. Он тебе понравится, ты увидишь. Он и в карточки не прочь поиграть, и даже... но это между нами... трубочку курит.* – И. Тургенев «Отцы и дети»);

- эта стилистическая особенность наименований объекта в поле взаимности отмечается как прагмалингвистическая дифференциация словаря – *emfaza – określenie zawierające dodatni ładunek uczuciowy; mówiącemu zależy na wprawieniu słuchacza w dobry nastrój*. Często przy pozornych zdrobnieniach, jak *kawka, herbatka, jajeczko* itp., powszechnych w języku kelnerów i sprzedających [17]; в сфере материальных отношений получает дополнительное наименование *взятка – благодарность* (З. Взятка (разг. эвф.)) [13], в ситуации игры получают варианты наименования игровые фигуры и сами игры и игровые действия: *скинуться в картишки*;

в) слово как носитель информации, как феномен культуры, *речь* – ‘предмет речи’, *язык* как инструмент общения, мысле-рече-языкового действия – взаимного действия высшего порядка – есть выразители перифе-

рии ФСК взаимности, как и само значение слова и воспринимаемая мелодия, и даже *квант* языковой действительности, по которому узнается песня (*Каждая клеточка его [Г. Свиридова – В.Р.] музыки есть концентрация мысли в естественном развитии.* – В. Минин), наконец, *мнение* – диалектика индивидуальной и общественной сущности этого явления продумана в русской литературе: *А как это ужасно, не иметь никакого мнения! Видишь, например, как стоит бутылка, или идет дождь, или едет мужик на телеге, но для чего эта бутылка, или дождь, или едет мужик на телеге, какой в них смысл, сказать не можешь, и даже за тысячу рублей не сказал бы* (А.П. Чехов). – «Мнение – не *имение*. / Потерять его не страшно» (сатира В. Маяковского) – общественное мнение – организуют мысле-рече-языковое действие как социальное явление: *И вот общественное мнение! / Пружина чести, наш кумир! / И вот на чем вертится мир!* (А. Пушкин).

Рассогласование функции предмета взаимных отношений может разрушительно сказаться на актуализации самих взаимных отношений: *Жена архитектора любила проговаривать со мной свою жизнь и свои сомнения. Общаться с ней было очень удобно. Она совершенно не интересовалась собеседником и говорила только о себе, поэтому беседа шла в форме монолога. Я в это время думал о себе – тоже в форме монолога. И если бы наши голоса – ее звучащий, а мой внутренний – наложить один на другой, то получился бы оперный дуэт, когда певцы стоят в разных углах сцены и, глядя*

в зал, каждый поет про свое (В. Токарева «Ехал Грека») – у каждого своя тема и предмет разговора. Более того, сам характер объекта взаимного действия не безразличен для формирования поля взаимности, по оценке объект взаимного интереса соответствует полю взаимности или препятствует его формированию: *Татьяна вслушаться желает / В беседы, в общий разговор; / Но всех в гостиной занимает / Такой бес-связный, пошлый вздор...* (А. Пушкин). Также и **язык** как предмет взаимных отношений в устах носителя языка и вступающего с ним в контакт только овладевающего этим языком получает свою волю: *Не все ли, русским языком / Владея слабо и с трудом, / Его так мило искажали, / И в их устах язык чужой / Не обратился ли в родной?* – замечает А. Пушкин движение языковых форм в процессе их реализации – тем самым обнаруживается, что **язык** есть предмет взаимного интереса.

Веские аргументы в пользу возможности обойтись без материального предмета взаимного интереса (например, отраженно литературный материал показывает такую мечту героя: *Вот девки, что вокруг меня вьются, смотрят на меня как на какого-то Хоттабыча: мои бабки, хаты, тачки; свобода моя – для них какое-то Лукоморье. Потому они на меня и вешаются. А меня за всем этим не видят.* (А. Иванов «Географ глобус пропил»)) не доказывают правомерность поля взаимности без объекта – при широком понимании, по-видимому, можно говорить о нулевом объекте – цели формирования ситуации взаимности, ведь предметом взаимного интереса может быть и идеальный пред-

мет: *Я для себя так определяю **свя-тость**: это когда ты никому не являешься залогом счастья и когда тебе никто не является залогом счастья, но чтобы ты любил людей и люди тебя любили тоже. Совершенная любовь, понимаешь? Совершенная любовь изгоняет страх. Библия.* – тот же герой, там же, 242. – сравним в поэзии В. Маяковского: *И ты, и я – мы оба нищи, / У меня это лучшее из всего, / что есть).*

Квантово-синергетический подход выявляет организацию поля взаимности и наименованиями объекта взаимных отношений, так что исследование ФСК взаимности недостаточно свести лишь к исследованию глагольной природы взаимного залога, необходимо обследование лексического наполнения субъектно-объектной позиции, как это видно в «Синтаксических исследованиях» А.В. Попова [6].

Слова, обозначающие «предмет взаимного интереса», являются как при переходных, так и непереходных глаголах, участвуют в функционировании ФСК взаимности и создании текстового поля взаимных отношений. Принадлежность их категории взаимности доказывается их системной организацией в речи и языке, целенаправленно формирующей ареал объектной лексики поля взаимности, в котором динамическая неоднородность лексической семантики ориентируется на наилучшее обеспечение познавательно-ориентирующей функции, на участие в формировании *терминосистемы* [18] наименований предметов действия в различных сферах деятельности людей, влияющей на ее эффективность и ценность.

Непереходность взаимного глагола не является непреодолимым препятствием для обозначения непосредственного отношения действия к объекту взаимного интереса – отношение выражается и без участия глагола взаимного действия с помощью соответствующего имени существительного. Объект мысли и речи, выступивший в функции «объекта взаимного интереса» обозначается предложно-падежной формой предложного падежа или винительного падежа с предлогом **про-**: **Про одно именье / Наследников сердитый хор / Заводит непристойный спор.** (А. Пушкин) – форма винительного падежа с предлогом **про (про именье)** выражает большую определенность пространственной ориентации объекта речи в поле взаимности, чем форма предложного падежа (**об именьи**; ср. В. Маяковский: **«про то, про это говорю»** – здесь более значим объект, плотнее поле взаимных отношений).

Онтологически существенным предметом, являющимся косвенно объектом взаимного интереса, служит **общий стол, еда, питье** (которого должно хватать всем). Слова, обозначающие косвенно реалии взаимных действий, формируют в тексте поле совместности и способствуют реализации значения взаимности. Они создают фоновую семантику ФСК взаимности и могут стать ключевыми в текстовом поле взаимности, выявить национальную специфику оформления взаимных отношений: **Все дочек прорчили своих / за полурусского соседа; / Взойдет ли он – тотчас беседа / заводит слово стороной / О скуке жизни холостой; / Зовут соседа к самовару, / А Дуня разливает чай, / Ей шепчут:**

«Дуня, примечай!» / Потом приносят и гитару, / И запищит она (бог мой!)... (А. Пушкин).

Трансформы поля взаимности – лексическая периферия исследуемой нами ФСК – по-разному выстраивает речевое поле взаимности.

Различается временное проявление взаимных отношений именами и глаголами (А. Пушкин взаимное движение пробуждающегося города показывает именами лиц, наиболее активных и широкого ракурса действий: *Встает купец, идет разносчик, на биржу тянется извозчик*, – а тишину ночного города подчеркивает наименованиями лиц, ограниченных в контактах, с соответствующим глаголом).

Имена лиц опускаются, если показывается самопроизвольность взаимных действий, тогда используются отглагольные синтаксические дериваты: *...Беседа заводит слово стороной... – ...как непринужденно они беседуют; схватка произошла в тот же день за вечерним чаем – они схватились; Они молчали оба, но именно в том, как они молчали, как сидели рядом, сказывалось доверчивое сближение, каждый из них как будто и не думал о своем соседе, а втайне радовался его близости (И. Тургенев)* – получается автономность взаимных отношений. Глагол обращает внимание на течение самого события – за пределами ситуации взаимности, когда речь идет о причине, цели, следствии события удобными оказываются именные наименования.

При отвлеченном значении именной номинации взаимных отношений дистанция между субъектами увеличивается, что накладывает на использование их стилистическое ограниче-

ние: *Зарецкий наш и честный мальчик вступили в важный договор* (А. Пушкин); *Душевно рад знакомству – проговорил Василий Иванович.* (И. Тургенев) – *рад познакомиться.*

Наконец, следует обратить внимание на трудности определения пространственной характеристики поля взаимности, представляемого существительным, вследствие отсутствия у последнего возвратного показателя глагола (ср. с ситуацией в польском языке).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Геллнер, Э. Слова и вещи [Текст] / Э. Геллнер. – М., ИИЛ, 1962. – 344 с.
2. Ломоносов, М.В. Полное собрание сочинений [Текст] / М.В. Ломоносов. – Т. 7. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
3. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Избранные труды по общему языкознанию [Текст] / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – Т. 1, 2. – М., 1963.
4. Дорошевский, В. Элементы лексикологии и семиотики [Текст] / В. Дорошевский. – М., 1973.
5. Янко-Триницкая, Н.А. Возвратные глаголы в современном русском языке [Текст] / Н.А. Янко-Триницкая. – М., 1968.
6. Попов, А.В. Синтаксические исследования. Именительный, звательный и винительный, в связи с историей развития заложных значений и безличных оборотов в санскрите, зенде, греческом, латинском, немецком, литовском, латышском и славянском наречиях [Текст] / А.В. Попов. – Воронеж, 1881. – 307 с.
7. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении [Текст] / А.М. Пешковский. – М., 1938.
8. Бондарко, А.В. Системные и коммуникативные аспекты анализа грамматических единств [Текст] / А.В. Бондарко // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. – СПб., 2000. – С. 9-35.
9. Холодович, А.А. Проблемы грамматической теории [Текст] / А.А. Холодович. – Л., 1979.

10. Храковский, В.С. Залоговые конструкции в разноструктурных языках [Текст] / В.С. Храковский. – Л., 1981.
11. Откупщикова, М.И. Статус взаимного залога [Текст] / М.И. Откупщикова / Недялков, В.П. Типология взаимных конструкций [Текст] / В.П. Недялков // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб., 1991. – С. 276-280.
12. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка [Текст] / Д.Н. Ушаков. – М., 1935–1940.
13. Смолина, К.П. Лексика имущественной сферы в русском языке XI–XVII вв. [Текст] / К.П. Смолина. – Москва, 1990.
14. Ожегов, С.И. Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов. – Москва, 1952.
15. Радзиховская, В.К. Лексикография поля взаимности в свете синергетики [Текст] / В.К. Радзиховская // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2009. – 2(24). – С. 128-135.
16. Dystynktywny słownik synonimów 2004. Alicja Nagórko, Marek Łazinski, Hanna Burkhardt Dystynktywny słownik synonimów. – Kraków, 2004.
17. Сергеевнина, В.М. Принципы системного анализа терминов [Текст] / В.М. Сергеевнина // Термин и слово.– Горький, 1978. – Вып. 1 (7). – С. 65-74.

REFERENCES

1. Bondarko A.V., “Sistemnyje I kommunikativnyje aspekty analiza grammaticheskikh edinstv”, in: *Problemy funkcionalnoj grammatiki. Kategorii morfologii I sintaksisa v vyskazyvanii*, St.Petersburg, 2000, pp. 9-35. (in Russian)
2. Daudouin de Kourtenau I.A., *Izbrannyje trudy po obshchemu yazykoznaniju*, Vol. 1-2, Moscow, 1963. (in Russian).
3. Doroshewski W., *Elementy leksikologii I semiotiki*, Moscow, 1973. (in Russian)
4. *Dystynktywny slovník sinonimov* Alicja Nagorko, Marek Lazinski, Hanna Burkhardt, Krakov, 2004.
5. Gellner E., *Slova I veshchi*, Moscow, 1962, 344 p.(in Russian)
6. Holodovich A.A., *Problemy grammaticheskoy teorii*, Leningrad, 1979. (in Russian)

7. Hrakovskij V.S., *Zalogovyje konstrukcii v raznostrukturnyh yazykah*, Leningrad, 1981. (in Russian)
8. Lomonosov M.V., *Polnoje sobranie sochinenij*, Vol. 7, Moscow, 1952. (in Russian)
9. Nedyalkov V.P., „Tipologia vyaimnyh konstrukcij”, in *Teoriya funkcionalnoj grammatiki. Personalnost. Zalogovost*, St. Petersburg, 1991, pp. 276-280. (in Russian)
10. Otkupshchikova M.I., „Status vzaimnogo zaloga”, in: *Problemy kategorii zaloga*, Leningrad, 1979. (in Russian)
11. Ozhegov S.I., *Slovar russkogo yazyka*, Moscow, 1952. (in Russian)
12. Peshkovskij A.M., *Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii*, Moscow, 1938. (in Russian)
13. Popov A.V., *Sintaksicheskiye issledovaniya. Imenitelnyj, zvatelnyj I vinitelnyj ,v svyazi s istoriej rayvitija zalozhnyh znachenij I bezlichnyh oborotov v sanskrite, zende, grecheskom, latinskom, nemeckom, litovskom I slavyanskom narechijah*, Voronezh, 1981. (in Russian)
14. Radzikhovskaya V.K., „Leksikografija polja vzaimnosti v svete sinergetiki”, in: *Problemy istorii, filologii, kultury*, № 2 (24), Moscow-Magnitogorsk-Novosibirsk, 2009, pp. 129-135. (in Russian)
15. Sergevnina V.M., „Principy sistemnogo analiza terminov”, in: *Termin I slovo*, Part. 1 (7), Gorkij, 1978, pp. 65-74. (in Russian)
16. Smolina K.P., *Leksika imushchestvennoj sfery v russkom yazyke XI–XVII vv.*, Moscow, 1990. (in Russian)
17. Ushakov D.N., *Tolkovyj slovar russkogo yazyka*, Moscow, 1935–1940. (in Russian).
18. Yanko-Trinickaya N.A., *Vozvratnyje glagoly v sovremennom russkom yazyke*, Moscow, 1968. (in Russian)

Радзиховская Вера Казимировна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка, Московский педагогический государственный университет, dozorowa.dasha@yandex.ru

Radzikhovskaya V.K., PhD in Philology, Associate Professor, Russian Language Department, Moscow State University of Education, dozorowa.dasha@yandex.ru

УДК 811.161.1 367.628

ББК 81.2Р

СЕМАНТИКА СМЫСЛОВЫХ ВАРИАНТОВ ПРОСЬБЫ

В.Е. Иосифова

Аннотация. *Просьба как речевой акт – один из самых активных участков поля побуждения, обладающий специфическим набором семантических признаков. В разговорной речи просьба появляется как побуждение что-то сделать или как побуждение не делать. В данной статье рассматриваются **упрашивание, уговаривание, мольба, заклинание** не как самостоятельные смысловые интерпретации предписывающего значения императива (наравне с **приказом и просьбой**), а как смысловые варианты **просьбы**, поскольку они характеризуются всеми указанными выше признаками **просьбы**. Они отличаются от речевого акта **просьбы**, прежде всего, степенью проявления желания говорящего, или большей силой желания, чем та сила, с которой выражается **просьба**, отождествляясь с ней по всем остальным параметрам.*

Ключевые слова: *семантика, речевой акт, побуждение, перформатив, упрашивание, уговаривание, мольба, заклинание, императив.*

424 VARIANTS OF REQUEST SEMANTICS

V.Ye. Iosifova

Abstract. *Request as a speech act is one of the most widely used form of motivation, which has a specific set of semantic features. Request appears in speech as an inducement to do or not to do something. In this article the author considers blandishment, coaxing, pleading, spell not as independent semantic interpretations of prescriptive imperative (along with the order and the request), but as semantic variants of the request, since they are characterized by all the above mentioned features of requests. They are different from the speech act of requesting especially by the expression of the speakers desire or by greater force of desire, all other parameters being the same.*

Keywords: *semantics, speech act, motivation, performative, blandishment, coaxing, pleading, spell, imperative mood.*

В современном русском языке количество вариантов семантического членения поля императивности велико, подвести его под точное определение сложно, потому что разные носители языка могут членить это поле по-разному исходя из своей языковой компетенции, склада характера. В грамматиках русского языка и в работах исследователей приводятся списки, включающие около тридцати частных интерпретаций императива, например, в работах Пешковского (1956) [1], Виноградова (1938) [2], Милых (1953) [3], Исаченко (1960) [4], Артемова (1966) [5], Косиловой (1962) [6], Мучник (1955) [7], Немешайловой (1961) [8] выявлено почти 30 семантических значений императивных конструкций, большинство из них совпало со значениями знаменательных каузативных глаголов.

По словам Н.И. Формановской, «побудительность – одно из ведущих целеполаганий говорящего, отражающее его волеизъявление, с одной стороны, а с другой – побуждение к действию адресата» [9, с. 306]. Внимание исследователей привлекает класс директивных актов. Это связано, прежде всего, со сложностью организации высказывания, множественностью побудительных интенций, представленных разными номинациями.

В русском языке наблюдаем активизацию средств коннотации императива. Новые формы экспрессивных побуждений появляются в публицистике, в рекламе, в СМИ. И сегодня императив по праву можно считать одним из самых продуктивных средств выражения субъективной оценки говорящего.

В одной из своих работ П.А. Лекант указывает на сложность явления коннотации и необходимость его изучения: «...коннотативные смыслы опираются на синтаксические, формальные показатели. Эта область синтаксиса представляет особый предмет исследования...» [10, с. 6].

Эта статья обобщает и расширяет уже проведенные в данном направлении исследования об особенностях языковых средств репрезентации речевых актов просьбы, мольбы, упрашивания, уговаривания, заклинания, которые, комбинируясь, употребляются для достижения перлокутивного эффекта.

Лексикографическое описание перечисленных выше номинаций говорит об их сходстве:

- просьба – это Обращение к кому-л., призывающее удовлетворить какие-л. нужды, желания [11, с. 1029];
- мольба – это Горячая, страстная просьба [там же, с. 554];
- заклинание – это Страстная мольба, просьба [там же, с. 326];
- упрашивание – это Усиленными просьбами убеждать, склонять к согласию на что-либо [там же, с. 1394];
- уговаривание – это Убеждая, склонить к чему-либо, заставить согласиться с кем-либо, с чем-либо [там же, с. 1370].

С одной стороны, речевые акты просьбы, мольбы, упрашивания, уговаривания, заклинания объединяет отсутствие у говорящего официального права распоряжаться поступками адресата, с другой стороны, их отличает способ влияния на слушателя. В речевом акте просьбы говорящий обычно сообщает адресату, чтобы тот произвел определенное действие; мольба, упрашивание, угова-

ривание, заклинание обращаются к эмоциям слушающего [9, с. 109]. Исследователь М.Я. Гловинской в трактовке глагола *просить* использует элемент «*X говорит, что он хочет, чтобы Y сделал P*», в трактовке *умолять* – элементы «*X говорит, что он хочет, чтобы Y сделал P*» и «*X говорит это так, чтобы Y представил себе важность P для X-а или сжалился над X-ом*» [12, с. 181, 190].

Одним из самых активных участников поля побуждения, обладающих специфическим набором семантических признаков, является просьба. В разговорной речи данный речевой акт появляется как побуждение что-то сделать или как побуждение что-то не делать.

Просьба включает в себя семантический комплекс «*у меня (говорящего) нет права побуждать, я (говорящий) знаю, что у тебя (адресата) есть право выбора: выполнять или не выполнять предписываемое действие*». В данном речевом акте желание говорящего каузировать действие адресата основано на внутреннем личном мотиве.

Лингвист Л.А. Бирюлин, анализируя русские императивные высказывания, выделяет для речевого акта просьбы такие коммуникативно-прагматические условия: 1) для **просьбы** характерна фактитивная каузация действия; 2) тот, кто **просит**, не может навязывать тому, кого просят, определенное поведение, а обращается за добровольным сотрудничеством; 3) стоящий выше в социальной иерархии может высказать просьбу, если то, что он просит выполнить стоящего ниже, не обусловлено соответствующей конвенцией. В такой ситуации он не может прибегнуть к своей власти;

однако, если это действие конвенционально, то просьба является демагогичной и должна восприниматься как приказ; 4) **просьба** может высказываться и в институциональной, и в межличностной социальной ситуации; 5) **просьба** допускает возможность отказа; 6) обращаясь с просьбой, говорящий стремится показать ее причины и мотивы, чтобы убедить адресата в том, что у него есть достаточные основания для **просьбы**; цель изложения мотивировки просьбы – возложить на слушающего обязательство выполнить, а не отвергнуть ее; 7) если **просьба** не будет выполнена адресатом, говорящий не имеет права применять к нему санкции; 8) при речевом акте **просьбы** исполнение каузируемого действия осуществляется в интересах говорящего; 9) в побудительном высказывании, которое выражает **просьбу**, могут употребляться показатели вежливости; 10) **упрашивание, уговаривание, мольба и заклинание** – смысловые варианты просьбы, отличающиеся от нее степенью проявления желания говорящего и чаще используемые в ситуации отказа (иногда предполагаемого) [13, с. 27].

Речевой акт **мольбы** обусловлен сверхимпульсивным поведением говорящего. Это своего рода ответное действие на побуждение говорящего исполнить определенное желание. Обращаясь с мольбой, говорящий просит пожалеть его, объясняет причину, по которой адресат не должен ему отказывать. В таких высказываниях говорящий часто использует обращения, типа «*миленькая/ий моя*», «*ангел ты мой*», «*люди добрые*», «*свет ты мой*» и под. Например: Мать – дочери: – *Умоляю тебя, ангел мой, из-*

винись перед мужем. Ты была неправа. Как же ты одна детей будешь поднимать. В текстах художественных произведений, **мольба** может сопровождаться словами автора: *взмолилась, воскликнула, вскричала, истерически крикнула/воскликнула*, например: – *Примите меры, доктор, умоляю, – истерически крикнула девица* (М. Булгаков. *Мастер и Маргарита*).

Н.И. Формановская считает, что реализация **мольбы** в высказывании является определенным показателем «субъективной жизненной важности для говорящего будущего действия адресата, независимо от объективной ценности такого действия» [9, с. 311-312]. Если просьба не выполняется адресатом, говорящий прибегает к упрощению, уговариванию. Здесь и актуализируется **мольба**: – *Мама, выслушай меня! – проговорила Надя. – Умоляю тебя, вдумайся и пойми! Ты только пойми, до какой степени мелка и унизительна наша жизнь* (А. Чехов. *Невеста*); – *Посмотри: он стареет не по дням, а по часам. Умоляю тебя, Андрюша, бога ради, ради своего покойного отца, ради моего покая, будь с ним ласков!* (А. Чехов. *Черный монах*); – *Останьтесь еще минуту, попросил я. – Умоляю вас* (А. Чехов. *Дом с мезонином*); – *Верьте, верьте мне, умоляю вас...* – *говорила она. Я могу теперь про себя сказать, что меня попутал нечистый* (А. Чехов. *Дама с собачкой*); – *И так как Вы теперь все знаете, маточка, то я и умоляю Вас слезно не любопытствовать более об этой материи* (Ф. Достоевский. *Бедные люди*); – *Говорите же, умоляю вас!* – *продолжает она, задыхаясь и*

дрожа всем телом (А. Чехов. *Скупчая история*).

Как видим, перформатив *умоляю* сочетается с инфинитивом, с формами повелительного наклонения. Позицию формы повелительного наклонения занимают глаголы различных семантических классов. Обратимся к приведенным выше примерам. В них представлены и глаголы конкретно-физического действия, и речемыслительного действия, и эмоционального действия. В речи чаще используются глаголы речемыслительного и эмоционального действия.

Когда *прошу* и *умоляю* выполняют функцию перформативов, между ними наблюдаются различия, которые заключаются в выражении степени интенсивности просьбы, степени важности ее выполнения для говорящего. Например: *Мать – сыну: – Сколько ж можно измываться над матерью? Прошу хоть раз мать пожалеть. – Я покорнейше прошу вас, сеньор кастелян, позаботиться хорошенько об этой лошади, потому что это лучшая верховая лошадь, какая когда-нибудь существовала на свете!* (М. Булгаков. *Дон Кихот*).

Очень часто, когда речь идет о незначительном деле, в простой бытовой ситуации *умоляю* в сочетании *я вас / тебя / умоляю* может быть гипертрофированным выражением заинтересованности говорящего в выполнении действия. Такие высказывания обычно употребляются женщинами, склонными к повышенно эмоциональной, иногда аффективной речи.

Например: Из разговора женщины: – *Я вас умоляю (произносится скороговоркой), попробуйте эту нас-*

тойку. Она обязательно вам поможет. Мать – сыну: – Я тебя умоляю, не ешь конфеты, сейчас будет хороший обед, через минутку (имеется в виду, что после конфет сын откажется от обеда, и труды хозяйки пропадут зря). Дочь – матери: – Не говори ничего бабушке. Она всегда была на его (мужа) стороне. Вряд ли она обрадуется. – Все равно узнает. Лучшие уж сразу сказать. – Может, мы еще сойдемся? <...> (Через некоторое время заходит бабушка, мать направляется к ней), дочь (шепотом): – Не говори ничего, умоляю тебя, мам. Пожилая женщина в больнице – врачу: – Она у меня одна. <...> На коленях готова просить, уж не знаю какому Богу молиться. Умоляю, спасите мою дочь.

Существительное *мольба* не выступает в роли предикативного центра побудительного высказывания, хотя и образовано от глагола умолять.

Обратимся к глаголу *умоляю* и существительному *просьба*. От глагола *умоляю* говорящим должно было быть произведено существительное *мольба* (*Умоляю Вас об этом. Это последняя мольба к Вам...*), но он использует в речи слово *просьба*, употребляя его в сочетании *большая просьба*, где имя прилагательное – показатель высшей степени проявления просьбы. Таким образом, можно сделать вывод, что существительное *мольба* не употребляется в конструкции, выражающей побуждение.

– Будьте прежним Дусей, любите меня немножко, – говорила Ариадна, склоняясь ко мне. – Ну, прошу вас, умоляю, будьте ласковы!.. Мой чистый, мой святой, мой милый, я

вас так люблю! (А. Чехов. Ариадна); – А поди теперь и тотчас же сядь подле матери. Умоляю тебя об этом. Это последняя, самая большая моя просьба к тебе, не отходи от нее все время (Ф. Достоевский. Преступление и наказание); – К чему ненужное красноречие? Любовь моя безгранична... Прошу, умоляю вас, – выговорил, наконец, Старцев, – будьте моей женой! (А. Чехов. Ионыч).

Жена – мужу: – Прошу тебя, не уходи сейчас, прошу не для себя, для ребенка! Наконец, я умоляю тебя!

Обращаясь с просьбой, говорящий может упрашивать, уговаривать, заклинять адресата: Внучка – бабушке (подавая книгу): – Ну еще раз почитай, ну бабуль, пожалуйста, ну почитай? – Э-эх! Посидите, останьтесь, – упрашивал Свидригайлов, – да велите себе принести хоть чаю. Ну, посидите, ну, я не буду болтать вздору, о себе то есть (Ф. Достоевский. Преступление и наказание).

Поскольку упрашивание, уговаривание, закливание характеризуются всеми указанными выше признаками просьбы, мы рассматриваем их (как и мольба) не как самостоятельные смысловые интерпретации предписывающего значения императива (наравне с приказом и просьбой), а как смысловые варианты просьбы. Эти речевые акты отличаются от просьбы большей силой желания говорящего, чем та сила, с которой выражается просьба, отождествляясь с ней по всем остальным параметрам. Например:

– Сделайте милость, я вас прошу, молю, заклинаю всем, что есть святого, что осталось еще любезным для вашего сердца, заклинаю

вас именем ваших детей, которые не могут жить без вас: *отвечайте мне, не мучьте меня мрачною неизвестностью.* (Н. Гоголь).

Убеждение отличается от просьбы имплицитным представлением интенсивности качества (рациональными аргументами), а уговаривание имеет имплицитное представление градуального квалифицированного значения [14, с. 15].

Кроме этого, данные речевые акты отличает от просьбы и то, что говорящий упрашивает, уговаривает, заклинает адресата в тех случаях, когда он или сталкивается с отказом адресата выполнить просьбу, высказанную ранее, или предполагает, что адресат возможно ответит отказом на его просьбу (это касается и мольбы). В таких ситуациях говорящий выражает просьбу с большей силой, или редуцирует свою просьбу, приводя обычно дополнительные аргументы, обосновывая ее, с целью убедить адресата в высокой степени своей заинтересованности в исполнении просьбы.

Что касается языковых средств реализации просьбы, мольбы, упрашивания, уговаривания, заклинания, то они тесно связаны с невербальными семиотическими элементами: речь говорящего может сопровождаться жестами (прижатие руки к левой стороне груди, вставание на колени, вознесение рук к небу) [15, с. 41, 55, 77]. Например: – *Николай Степаныч! – говорит она умоляюще, протягивая ко мне обе руки. – Дорогой мой, прошу вас... умоляю... Если вы не презираете моей дружбы и уважения к вам, то согласитесь на мою просьбу* (А. Чехов. Скучная история);

Наблюдения показывают, что просьба и ее смысловые варианты располагают большим количеством интенсификаторов, в которых можно выделить несколько групп:

- эксплицитное выражение силы просьбы: *очень прошу, убедительно прошу, прошу тебя, умоляю, ради бога, ради Христа, ради всего святого, Христом-богом прошу, у меня к тебе большая просьба, огромная просьба* / в последних двух случаях интенсификаторами будут определения /;

- апелляция к чувствам, к доброте собеседника: *окажите любезность, будьте любезны, сделай милость, будь добр, будь другом, будь умницей*;

- обещание благодарности: *буду очень /весьма, крайне, премного/ благодарен /признателен, обязан/; очень /крайне, весьма/ обяжите*;

- выражение положительных чувств собеседнику с целью расположить его к себе для выполнения своей просьбы: это обычно различные ласковые, нежные, почтительные обращения *дорогой, милый, голубчик, дружочек, мой ангел* и др.;

- собственно средства выражения вежливости, без которых просьба обычно бывает безуспешной: *пожалуйста, прошу вас, если вам не трудно, если это вас не затруднит, может быть, возможно* и др.

Данные интенсификаторы могут совмещать с функцией усиления значимости просьбы и другие функции, например, обращения, привлечения внимания, выражения вежливости. Часто наблюдаем в одном слове, в одной словоформе выражение двух или трех функций. Это характерно для ласковых эпитетов, отне-

сенных к вокативу или выполняющих его функцию выражениям *будьте добры, очень вас прошу, умоляю Вас, простите ради бога, прошу простите ради бога* и т.д.

– *Умоляю тебя, Андрюша, бога ради, ради своего покойного отца, ради моего покоя, будь с ним ласков!* (А. Чехов. Черный монах); – <...> *умоляю вас слезно, не любопытствовать более об этой матери, ибо сердце мое разрывается, и горько, тягостно* (Ф. Достоевский. Бедные люди).

В текстах художественных произведений авторы часто прибегают к характеристике речи персонажей, используя при этом сочетания, типа: *слезно молила; торопливо заговорил, умоляюще (за)шептала; вымолвил шепотом; растерянно забормотал(-а); зарыдал(-а); завопил(-а); воскликнула, с клокочушим в горле криком.*

Таким образом, семантика данных смысловых вариантов просьбы очень тесно связана с отказом (или с предполагаемым отказом) адресата выполнить ту или иную просьбу говорящего, который, не теряя последней надежды, призывает адресата к сотрудничеству.

Рассмотренные в данной статье речевые акты представляют собой определенный сценарий, за которым закрепляется определенный набор различных способов речевых действий. Они обладают границами, нечеткими в силу жанровой континуальности языка; основными и вариативными компонентами, которые сигнализируют о целях и интенциях коммуникантов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Пешковский, А.М.* Русский синтаксис в научном освещении [Текст] / А.М. Пешковский. – М.: Учпедгиз, 1956.
2. *Виноградов, В.В.* Современный русский язык. (Грамматическое учение о слове). Вып. 2 [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Учпедгиз, 1938.
3. *Милых, М.К.* Побудительные предложения в русском языке [Текст] / М.К. Милых // Ученые записки Харьковского университета. – 1953. – Т. 23. – Вып. 4.
4. *Исаченко, А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Ч. 2. [Текст] / А.В. Исаченко. – Братислава: AV, 1960.
5. *Артемов, В.А.* Коммуникативная, синтаксическая, логическая и модальная функция речевой интонации [Текст] / А.В. Артемов // Материалы коллоквиума по экспериментальной фонетике и психологии речи. – М., 1966.
6. *Косилова, М.Ф.* К вопросу о побудительных предложениях [Текст] / М.Ф. Косилова // Вестник Московского университета. Серия филология и журналистика. – 1962. – № 4.
7. *Мучник, И.П.* О значении форм повелительного наклонения в современном русском языке [Текст] / И.П. Мучник // Ученые записки Московского областного пединститута. – 1955. – Т. 32. – Вып. 5.
8. *Немешайлова, А.В.* Повелительное наклонение в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / А.В. Немешайлова. – Пенза, 1961.
9. *Формановская, Н.И.* Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика [Текст] / Н.И. Формановская. – М., 2007. – 480 с.
10. *Лекант, П.А.* О коннотативных смыслах высказывания [Текст] / П.А. Лекант // Грамматическое значение предложения и семантика высказывания: Межвуз. сб. науч. ст. – М: МОПИ им. Н.К. Крупской, 1987. – С. 3-5.
11. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., 2001. – 1536 с.

12. Гловинская, М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов [Текст] / М.Я. Гловинская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993. – С. 158-218.
13. Бирюлин, Л.А. Теоретические аспекты семантико-прагматического описания императивных высказываний в русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / Л.А. Бирюлин. – СПб., 1992.
14. Може Дехган Халили. Речевой жанр «просьба» в современной русской коммуникации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Може Дехган Халили. – М., 2015.
15. Акишина, А.А. Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь [Текст] / А.А. Акишина, Х. Кано, Т.Е. Акишина. – М., 1991. – 144 с.
6. Glovinckaja V.Ja., “Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов”, in: *Russkij jazyk v ego funkcionirovanii. Konnotativno-pragmaticeskij aspekt*, Moscow, 1993, pp. 158-218. (in Russian)
7. Isachenko A.V., *Grammaticeskij stroj russkogo jazyka v sopostavlenii so slovackim*, Part. 2. Bratislava, AV, 1960. (in Russian)
8. Kosilova M.F., K voprosu o pobuditelnyh predlozhenijah, *Vestnik Moskovskogo universiteta*, Serija filologija i zhurnalistika, 1962, No. 4. (in Russian)
9. Lekant P. A., “O konnotativnyh smyslax vyckazyvanija”, in: *Grammaticeskoje znachenije predlozhenija i semantika vyckazyvanija: mezhvuzovskii sbornik nauchnih ctatei*, Moscow, 1987, pp. 3-5. (in Russian)
10. Milyh M.K., “Pobuditelnye predlozhenija v russkom jazyke”, in: *Uchjonye zapiski Har'kovskogo universiteta*, 1953, Vol. 23, vyp. 4. (in Russian)

REFERENCES

1. Akichina A.A., Kano X., Akichina T.E., *Zhesty I mimika v russkoj rechi. Lingvostranovedeskij clovar*, Moscow, 1991, 144 p. (in Russian)
2. Artjomov V.A., “Kommunikativnaja, sintaksicheskaja, logicheskaja i modalnaja funkcija rechevoj intonacii”, in: *Materialy kollokviuma po jeksperimentalnoj fonetike i psihologii rechi*, Moscow, 1966, (in Russian)
3. Birjulin L.A., *Teoreticheskie aspekty semantiko-pragmaticeskogo opisanija imperativnyh vyskazyvanij v russkom jazyke*, Extended abstract of ScD dissertation (Pedagogy), St. Petersburg, 1992. (in Russian)
4. *Bolchoi tolkovyj clovar russkova jazyka*, ed. C.A. kuzyezhu, St. Petersburg, 2001, 1536 p. (in Russian)
5. Formanovckaja N.I., *Rechevoje vzaimodejstvie: kommunikacija I pragmatira*, Moscow, 2007, 480 p. (in Russian)
11. Mozhde Dexgan Xalili, *Rechevoj zhanr “prosba” v sovremennoj russkoj kommunikacii*, Extended abstract of PhD dissertation (Philology), Moscow, 2015. (in Russian)
12. Muchnik I.P., “O znachenii form povelitel'nogo naklonenija sovremennom russkom jazyke”, in: *Uchjonye zapisi Moskovskogo oblastnogo pedinstituta*, Moscow, 1955, Vol. 32, vyp.5. (in Russian)
13. Nemeshajlova A.V., *Povelitelnoe naklonenie v sovremennom russkom jazyke*, Extended abstract of PhD dissertation (Philology), Penza, 1961. (in Russian)
14. Peshkovskij A.M., *Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii*, Moscow, Uchpedgiz, 1956, (in Russian)
15. Vinogradov V.V., *Sovremennyj russkij jazyk. (Grammaticeskoe učenje o slove)*, vyp. 2, Moscow, Uchpedgiz, 1938, (in Russian)

Иосифова Вера Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, iosifova.vera@yandex.ru

Iosifova V.Ye., ScD in Philology, Professor, Department of Russian, Tsiolkovsky Kaluga State University, iosifova.vera@yandex.ru

УДК 81-25
ББК 81.2РУС

РЕЧЕВОЙ АКТ «ПОЖЕЛАНИЕ», ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В СИТУАЦИЯХ «ПРИВЕТСТВИЯ» И «ПРОЩАНИЯ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Митра Моради

Аннотация. В статье автор рассматривает употребление в речи речевого акта «пожелание» в ситуациях «приветствия» и «прощания», уточняет возможные формулы в указанных ситуациях. Материалом исследования является русский язык и примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Гипотеза заключается в том, что речевой акт «пожелание» обладает большой частотностью употребления в ситуациях прощания.

В образовании формул пожелания в русском языке широко используется перформативный глагол «Желаю!», а также императивные формы некоторых глаголов, в том числе «Не болей!», «Выздоровливай(-те)!» и т.п. При этом конструкции с перформативным глаголом «Желаю!» могут употребляться в постпозиции к речевым актам «поздравления» и «благодарности»: Поздравляю (Благодарю) и желаю Вам всего хорошего! Формулы пожелания без перформативного глагола «желаю» специфичны ситуациям прощания: Всего хорошего! Формулы пожелания в императивной форме характерны для обращения к больному коммуниканту и могут применяться в случаях пожелания здоровья собеседнику.

Ключевые слова: речевой акт «пожелание», русский язык, приветствие, прощание.

432

THE SPEECH ACT OF "WISHING" AND ITS PERFORMANCE IN THE SITUATIONS OF "GREETING" AND "FAREWELL" IN RUSSIAN LANGUAGE

Mitra Moradi

Abstract. The article aims to investigate the speech act of "wishing" performed in situations of "greeting" and "bidding farewell", determining possible formulas of the situation. The research materials are the Russian language and examples from the National Russian Corpus. The hypothesis of the study is that the speech act of "wishing" is highly frequent in the situations of farewell.

The performative verb «Желаю!» (I wish that) is very commonly used in the formulation of wishing in the Russian language. The imperative form of the verbs «Не болей!» (Be healthy!), «Выздоровливай (-me)!» (Get well!), etc. may also be used. Accordingly, structures comprising the performative verb «Желаю!» (I wish that) may be used subsequent to the speech acts of «congratulating» and «thanking»: Поздравляю (Благодарю) и желаю Вам всего хорошего! (Congratulations (Thank you), and I wish you all the best). Wishing formulas without the performative verb желаю (I wish) are specific to the situations of farewell: всего хорошего! (Good luck!). The imperative form of wishing formulas is used in relation to unhealthy addressees. These formulas may also be used to wish health for the addressees.

Keywords: Speech Act of Wishing, Russian Language, Greeting, Farewell.

Теме речевого акта «пожелание» посвящен ряд научных сопоставительных работ, в том числе статьи О.А. Ярцевой [1], И.В. Варфоломеевой, К.В. Кулеминой [2] и т.д. Взаимосвязь речевого акта пожелания с другими речевыми актами рассматривается в статье Ардалан Носрати [3]. В ней он перечисляет возможные значения, которые может приобрести речевой акт «пожелание» в русском языке: приветствие, прощание и благодарность [3, с. 51-52]. О.А. Ярцева связывает речевой акт «пожелание» с речевым актом «поздравления» [1, с. 119]. Л.М. Шатилова считает, что речевой акт «пожелание» в роли речевого акта «прощания» употребляется в трех основных значениях: «благополучие», «удача в дороге» и «удача на отдыхе» [4, с. 217]. Коннотативное значение пожелания при прощании, по словам Марьям Шафаги, выражается при надежде на (повторную, скорую) встречу, а также в ситуациях пожелания здоровья при прощании: *Будь здоров; Не кашляй* и т.д. [5, с. 128-130].

Культурные универсалии – это «наиболее распространенные в социокультурной практике культурные

формы (нормы, образцы, стереотипы сознания и поведения), отличающиеся сравнительным единообразием своих черт у самых различных народов ...» [6, с. 275]. Каждая обстановка общения и каждый речевой акт в любом конкретном социокультурном обществе требует той или иной формы культурных универсалий. В данной работе, анализируя примеры из русского языка, постараемся уточнить формулы пожелания в ситуациях приветствия и прощания.

Н.И. Формановская представляет нижеследующее определение речевому акту «пожелание»:

«1. Наименование этикетной ситуации, когда другому желают добра.

2. Сумма выражений – стереотипов общения, составляющих коммуникативно-семантическую группу единиц речевого этикета со значением пожелания.

3. Каждое из выражений, с помощью которых осуществляют действие (акт) пожелания» [7, с. 218].

Пожелание добра составляет такие этикетные ситуации в общении, которые относятся к обычаям и традициям общения со значением согла-

сия, кооперативности и образует правила повседневного общения. Пожелание относится к будущим успехам собеседника в жизни [там же].

На основе составляющих компонентов, употребляемых в формулах пожелания в ситуациях приветствия и пожелания, их можно разделить на следующие группы:

а) формулы пожелания с перформативными глаголами «Желаю!» и «Хочу!»: *Желаю (Хочу), чтобы Вы жили счастливо.*

б) формулы пожелания, в которых отсутствует перформативные глаголы «Желаю!» и «Хочу!» и которые образованы лишь с участием имени существительного в форме родительного падежа: *Удачи!*

в) императивная форма глаголов «прими(-те)», «разреши(-те)», «позволь(-те)» широко употребляется в образовании формул пожелания в своем чистом значении пожелания, независимо от ситуации приветствия и прощания: *Прими(-те) мои самые теплые пожелания; Разреши(-те) / Позвольте пожелать Вам счастья.*

Формулы пожелания с участием императивной формы ряда глаголов специфичны ситуациям пожелания здоровья больному коммуниканту. При этом формулы пожелания могут передавать значение «совета-пожелания», «просьбы-пожелания», «побуждения-пожелания»: *Выздоровливай(-те)!; Береги(-те) себя!; Не болей; Не горюй!; Не робей!* [7, с. 222]; *Будь(-те) во здравии всегда!* Формулы *Выздоровливай(-те)!; Береги(-те) себя и Будь(-те) во здравии всегда!* используются как в формальном общении, так и в официальной обстановке общения между коммуникантами. Формулы *Не болей; Не горюй!; Не ро-*

бей! специфичны только в формальном общении, в общении на «ты».

г) формулы пожелания с участием инфинитивной формы глагола: *Счастливо отдохнуть!; Набраться тебе сил!; Выиграть тебе!; Не простудиться бы тебе!; Выздороветь тебе поскорее* [7, с. 221]. Например: *В самом деле, не простудиться бы вам* (Гиппиус, НКРЯ).

Речевой акт пожелания, как правило, используется в постпозиции к речевым актам поздравления, благодарности и совета.

● Речевой акт «пожелание» в постпозиции к речевому акту «поздравление» необязателен, и его включение только придает речи экспрессивную тональность и показывает доброе отношение говорящего к своему ситуативному коммуниканту. Например: *Желаю вам всем счастливого Нового года, а тебе успеха в ученье и, главное, здоровья* (Вертинская, НКРЯ).

● Пожелания могут стоять в постпозиции к речевому акту «благодарность». При этом говорящий благодарит своего коммуниканта за нечто приобретенное. С этой точки зрения данный речевой акт можно отнести к реквестивам, где акт коммуниканта направлен на пользу говорящего [8, с. 310]. Например: *Спасибо вам, мужественный мужчина, за спасение моей чести. Желаю вам приятных праздников! Пока, Лизок, – говорит она Асе* (Лимонов, НКРЯ).

● Речевой акт «пожелание» может использоваться в постпозиции к речевому акту «совет». При этом пожелание, как правило, выступает в значении прощания. Например: *Мне кажется, что тебе, главным образом, не следует падать духом. Желаю успеха.* А. Фадеев (Гендлин, НКРЯ).

Учитывая контекст предложения, речевой акт пожелания может стать синонимом речевым актам приветствия и прощания. При этом образуемый речевой акт параллельно выражает два сопутствующих значения: а) пожелание и приветствие; б) пожелание и прощание. Ниже рассматриваем культурные универсалии формул пожелания в русском языке в ситуациях приветствия и прощания.

а) пожелание и приветствие:

Ярким примером употребления речевого акта «пожелания» в ситуации «приветствия» является формула «Здравия желаю!». Данная форма специфична в двух ситуациях: 1) пожелание здоровья больному коммуниканту; 2) приветствие ситуативному коммуниканту. Употребляя данное выражение, говорящий одновременно может вербализовать два речевых акта – «приветствия» и «прощания». Формула «Здравия желаю» – это военное приветствие, которое обычно говорит подчиненный своему начальнику или старшему по званию. Например:

Иванов увидел командира роты и громко произнес: Здравия желаю, товарищ капитан! (1)

Здравствуйте, Сергей Алексеевич! – Здравия желаю. – Сергей Алексеевич встал навстречу Коле (Железников, НКРЯ). (2)

Ночкин вытянулся, держа трубку у колена. – Здравия желаю, товарищ генерал. – Здравствуйте (Грекова, НКРЯ). (2)

Другой формулой пожелания в ситуациях приветствия могут стать пожелания доброго утра, доброго дня и доброго вечера. Пожелание доброго утра «часто применимо и непосредственно после сна, следовательно

но, в семейном кругу» [7, с. 172]. Данные пожелания употребляются в трех грамматических формах:

- в именительном падеже: *Доброе утро!; Добрый день!; Добрый вечер!*

- в родительном падеже при исключении перформативного глагола «Желаю!»: *Доброго утра!; Доброго дня!; Доброго вечера!*

- в творительном падеже при исключении перформативного глагола «Поздравляю!»: *С добрым утром!; С добрым днем!; С добрым вечером!*

б) пожелание и прощание:

- Формулы пожелания, которые содержат пожелания успеха адресату речи, широко употребляются в ситуациях прощания. Сюда относятся формулы *(Я) (Желаю) (Вам, тебе) успеха (успехов); (Я) (Желаю) (Вам, тебе) удачи; Желаю Вам (тебе) всех благ (всяческих благ, всяческого блага)!; Всех благ (всяческих благ, всяческого блага)!; Дай (пошли) Вам (тебе) Бог (Господь) всех благ (всяческих благ, всяческого блага)! [9, с. 44]. Например:*

- *Желаю вам успеха, – сказала я, освобождая свою руку из-под ее руки (Чуковская, НКРЯ).*

- *Не буду больше отнимать у вас время, да и письма писать не люблю, а это – исключение. Желаю вам дальнейших успехов (...)* («Техника-молодежи», НКРЯ).

- Выражение *(Желаю) (Вам, тебе) Ни пуха, ни пера!* – форма пожелания удачи в важной для человека жизненной ситуации (экзамен, заседание и т.п.) в обстановке прощания. Формула *Ни пуха, ни пера!* образована в отрицательной форме, чтобы «не сглазить, если пожелать прямо удачи» [9, с. 293]. Например: *Беги.*

Желаю удачи. – Ни пуха ни пера! (Крапивин, НКРЯ).

Пожелания добра ситуативному коммуниканту широко употребляются в ситуации прощания. Сюда относятся формулы: *Всего доброго!*; *Всего хорошего!*; *Всего наилучшего!* Например:

- *Ведь вопрос-то об их шкурах! Будьте здоровы, всего доброго! Он пошел в дом, с неожиданной легкостью неся свое могучее тело, (...)* (Шолохов, НКРЯ).

- *Простудился и – готов! – Ну, – всего доброго! – пожелал Самгин, направляясь к извозчику, но приостановился и вдруг тихонько спросил: (...)* (Горький, НКРЯ).

- *Прощайте, прощайте, дай бог вам счастья, чинов, крестов, всего доброго я хорошего, всякого добра и имущества!* (Гончаров, НКРЯ).

Если указанные формы употребляются при перформативном глаголе «Желаю» с перформативными координатами «я, ты, здесь, сейчас», то формула уже приобретает значение пожелания, и оно перестает быть специфичным для ситуаций прощания: *Желаю Вам (тебе) всего доброго!*; *Желаю Вам (тебе) всего хорошего!*; *Желаю Вам (тебе) всего наилучшего!* Например: *Желаю тебе, как всегда, всего самого наилучшего: приобрести много хороших друзей или пусть немного, но зато самых верных и преданных, таких как я (...), а также счастья, здоровья, благополучия, успехов во всех начинаниях, большой и взаимной любви и исполнения всех твоих желаний* (Письмо, НКРЯ).

Среди формул пожелания выделяется ряд выражений, употребляющих в значении прощания перед сном с собеседником. Сюда относятся формулы *Спокойной ночи!* и *Доброй*

ночи! Например: *Притом же я, кажется, вам все сказал, что хотел; вероятно, и вам хочется спать. Желаю вам доброй ночи. Рассказчик с лихорадочной быстротой отвернулся и зарыл голову в подушки* (Тургенев, НКРЯ).

Пожеланиям приятной поездки являются синонимом ситуациям прощания: *Счастливого пути!*; *Желаю (Вам, тебе) приятной поездки!* и *С Богом!*

Выражение «С Богом!» в разговорном языке – «форма благословения, напутственного прощального пожелания. Часто употребляется в сочетании с глаголами движения «ступай(-те)», «иди(-те)», «поезжай(-те)» и т.п.» [9, с. 59]. Например: *С богом, желаю приятной поездки! Потом вдруг выхватил часы, посмотрел на них и (...)* (Добровский, НКРЯ).

Как сказано выше, речевой акт «пожелание» в постпозиции к речевому акту «совет» может передавать значение ситуации прощания: *Берегите себя!*

В заключение отметим, что, сравнивая формулы пожелания в ситуациях приветствия и прощания, мы приходим к выводу, что пожелание обладает большей частотностью в ситуациях прощания, по сравнению с ситуациями приветствия. В ходе анализа формул пожелания обнаружены формулы «совет-пожелание», «просьба-пожелание», «по-буждение-пожелание». Все указанные типы пожелания специфичны в постпозиции к приветствию или в предпозиции перед прощанием.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ярцева, О.А. Средства реализации речевого акта «пожелание / поздравление»

- (психолингвистические исследования на материале русского, немецкого, испанского и итальянского языков) [Текст] / О.А. Ярцева // Воронежский государственный университет, серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 4. – С.119-124.
2. Варфоломеева, И.В. Некоторые особенности экспрессивных речевых актов поздравления и пожелания в английском, немецком и русском языках [Текст] / И.В. Варфоломеева, К.В. Кулемина // Альманах современной науки и образования. – 2013. – № 12 (79). – С. 46-49.
  3. Носрати, Ардалан. Место (роль) пожелания в системе речевых актов русского языка [Текст] / Ардалан Носрати. – Вестник БГУ. – Минск, 2013. – Сер. 4, № 2. – С. 49-52.
  4. Шатилова, Л.М. Речевые акты пожеланий при прощании в современных интернет-источниках (на материале немецкого и русского языков) // Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 5, ч. 2. – С. 207-211.
  5. Шафаги, Марьям. Прямое и косвенное выражение речевого акта «прощание» в русской культурной среде // Тегеран: Исследовательский журнал русского языка и литературы. – 2016 (1). – Vol. 7. – С. 119-139.
  6. Викулова, Л.Г. Основы теории коммуникации: практикум [Текст] / Л.Г. Викулова, А.И. Шарунова. – М.: АСТ: АСТ Москва: Восток-Запад, 2008. – 316 с.
  7. Формановская, Н.И. Речевой этикет в русском общении. Теория и практика [Текст] / Н.И. Формановская. – М.: ВК, 2009. – 334 с.
  8. Формановская, Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика [Текст] / Н.И. Формановская. – М.: ИКАР, 2007. – 480 с.
  9. Балакай, А.Г. Толковый словарь русского речевого этикета [Текст] / А.Г. Балакай. – М.: Астрель АСТ, Транзиткнига, 2004. – 681 с.
- REFERENCES**
1. Balakai A.G., *Tolkovii slovar russkogo rchievo-voetiketa*, Moscow, AstrelAST, Tranzitkniga, 2004, 681 p. (in Russian)
  2. Formanovskaia N.I., *Richivoi etiket v russkom obshenii. Teoria I praktika*, Moscow, VK, 2009, 334 p. (in Russian)
  3. Formanovskaia N.I., *Richivoie vzaimodeistvie: kommunikatsia I pragmatika*, Moscow, IKAR, 2007, 480 p. (in Russian)
  4. Iarseva O.A., *Sredstva realizatsii richivova akta pozhilanie / pozdravlenie (psikhologicheskie issledovania na material russkova, nemetskova, ispanskova I italianskova izikov)*, *Voronezhskii gosudarstvennii universitet, seria: lingvistika I mizhkulturaia kommunikatsia*, 2015, No. 4, pp. 119-124. (in Russian)
  5. Nosrati Ardalan, *Miesto (rol) pozhilania v sisteme richivikh aktov russkova izika*, Minsk, Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta, 2013, ser. 4, No. 2, pp. 49-52 (in Russian)
  6. Shafaghi Maryam, *Primoe I kosvennoie virazhenie richivova akta proshaniae v russkoi kulturnoi srede*, Teheran, *Issledovatel'skii zhurnal russkova izika I literature*, vol 7, No. 1016 (1), pp.119-139 (in Russian)
  7. Shatilova L.M., “Rechevye акты pozhelanii pri proshhanii v sovremennykh internetistochnikakh (na materiale nemeckogo i russkogo jazykov)”, In: *Voprosy teorii i praktiki*, Tambov, Gramota, No. 5, Part 2, pp. 207-211. (in Russian)
  8. Varfolomeeva I.V., Kulimina K.V., “Nekotorie osobinnosti expressivnykh richivikh aktov pozdravlenia I pozhilania v angliiskom, nimetskome I russkom izikakh”, in: *Almanakh sovremennoi nauki I obrazovania*, astrakhanskii gosudarstvennii tekhnicheskii universitet, 2013, No. 12 (79), pp. 46-49 (in Russian)
  9. Vikulova L.G., Sharunov A.I., *Osnovi tvorii kommunikatsii: praktikum*, Moscow, 2008, 316 p. (in Russian)

Моради Митра, студентка, университет им. Алламе Табатабаи, Тегеран, Иран, mitra.moradi@inbox.ru

Moradi Mitra, Student of Russian Language, Allameh Tabatabai University, Teheran, Iran, mitra.moradi@inbox.ru

УДК 811.11138

ББК 81.432.1-5

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ПРЕЗИДЕНТСКОЙ РИТОРИКЕ БАРАКА ОБАМЫ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ОРИЕНТАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

К.С. Смотряева

Аннотация. В статье анализируется функционирование прецедентных феноменов в президентской риторике Барака Обамы и их роль в формировании ориентационного пространства политического дискурса, представленного концептуальной оппозицией «свой – чужой». Материалом статьи послужили выступления, адресатом которых выступают представители «чужого» для политика лингвокультурного пространства, что обуславливает преобладание парольной функции прецедентных феноменов в риторической аргументации политика. В результате анализа автор приходит к выводу о том, что парольная функция прецедентных феноменов позволяет политику идентифицировать себя как «своего», дефокусировать оппозицию «свой – чужой» и интегрировать участников политической коммуникации, принадлежащих к различным лингвокультурным сообществам.

Ключевые слова: президентская риторика, концептуальная оппозиция «свой – чужой», прецедентный феномен, парольная функция, дефокусирование, интегративная функция, Барак Обама.

438

PRECEDENT PHENOMENA IN BARACK OBAMA'S PRESIDENTIAL RHETORIC AS A MEANS OF FORMING THE ORIENTATIONAL SPACE OF POLITICAL DISCOURSE

K.S. Smotryaeva

Abstract. The article analyzes the use of precedent phenomena in Obama's presidential rhetoric and its role in creating the orientation space of political discourse that is represented by "Us vs. Them" conceptual opposition. The analysis is based on Obama's speeches delivered to the representatives of "them", members of other than American linguistic and cultural community, and therefore causes prevalence of password function of the precedent phenomena in the rhetorical argument of the politician. As a result of the

analysis, it was discovered that identification function of precedent phenomena allows the politician to identify himself as belonging to “us”, to defocus “Us vs. Them” opposition and to integrate and unite the participants of political communication who belong to different linguistic and cultural communities.

Keywords: *presidential rhetoric, “Us vs. Them” conceptual opposition, precedent phenomenon, identification function, defocusing, integration function, Barack Obama.*

В результате становления антропоцентрической парадигмы современного лингвистического знания возникают новые направления исследований, объектом которых выступает языковая личность и те дискурсивные стратегии, которые она использует для того, чтобы повлиять на сознание адресата и в некоторой степени сформировать его. Статья американских ученых “The Rise of the Rhetorical Presidency” [1], появившаяся в 1981 г. в журнале “*Presidential Studies Quarterly*” способствовала возникновению нового междисциплинарного направления дискурсивных исследований в американской лингвистике – президентской риторики (*presidential rhetoric*), в рамках которой анализируются дискурсивные стратегии в президентских выступлениях. Отечественная лингвистика также уделяет немало внимания анализу лингвокультурных характеристик президентской риторики в целом [2] и изучению дискурса того или иного государственного лидера в частности.

Президентская риторика является видом политического дискурса, интенциональная база которого заключается в борьбе за власть. Формирование ориентационного пространства политического дискурса базируется на одной из концепту-

альных оппозиций «свой – чужой», в актуализации которой участвуют языковые средства всех уровней: лексического (оценочная лексика, метафоры, эвфемизмы, разговорная лексика), морфологического (местоимения (*we vs. they*)) и синтаксического (вопросительные предложения, цитация) [3]. Данная оппозиция, в числе прочего, находит свое выражение в функции дифференциации и интеграции групповых агентов политики [4]. Осуществление функции интеграции связано со стремлением политика идентифицировать себя как «своего» перед адресатом и объединиться с адресатом в единую группу. Реализация данной интенции напрямую связана с когнитивным механизмом дефокусирования, суть которого сводится к «выведению из фокуса внимания определенных свойств объектов или ситуаций» [5, с. 72], в результате чего возможная принадлежность политика к «чужой» группе подавляется, и дифференциация внутри группы дефокусируется. Данный механизм когнитивного конструирования мира осознается языковой личностью и служит средством имплицитного манипулирования сознанием адресата.

Идентификация политика как «своего» в лингвокультурном пространстве означает наличие общей

для политика и адресата когнитивной базы, структурированной совокупности знаний и представлений, которыми обладают все носители определенного национально-культурного менталитета [6]. Ядерными для атрибуции когнитивной базы являются прецедентные феномены (ПФ), которые «закреплены в сознании языковой личности и функционируют в дискурсе как культурный знак в соответствии с интенциями говорящего» [7, с. 16] и представлены прецедентными текстами (ПТ), прецедентными ситуациями (ПС), прецедентными высказываниями (ПВ) и прецедентными именами (ПИ) [6; 8].

Прецедентные феномены являются полифункциональными единицами. Вопрос о функциях ПФ в тексте и дискурсе решается по-разному и напрямую зависит от типа дискурса, в котором функционируют данные феномены. Исследователи политической коммуникации выделяют экспрессивную, оценочную, идеологическую и консолидирующую функции ПФ, в рекламном дискурсе особо акцентируется манипулятивная функция ПФ и их прагматическое воздействие на адресата, а при функционировании ПФ в разговорной речи выделяются их оценочная, характеризующая, коммуникативная и экспрессивная функции. В своей монографии «Прецедентные имена в массовой коммуникации» Е.А. Нахимова отмечает данную особенность функционирования ПФ в тексте и делает попытку выявить общее в различных классификациях, анализ которых позволяет ученому свести функции ПФ к следующим: функция оценки, моделирующая, прагматиче-

ская, эстетическая, парольная, людическая и эвфемистическая функции [9, с. 138-144]. Такая полифункциональность бесспорно означает высокий прагматический потенциал использования ПФ в дискурсе, и чаще всего все функции ПФ реализуются в комплексе, однако анализ контекста коммуникации может показать преобладание тех или иных функций. Из множества функций ПФ для нас особый интерес представляет парольная функция, выступающая важным риторическим компонентом аргументации политика: обращение к определенным ПФ активизирует уже имеющиеся у адресата когнитивные структуры, создавая общность этих структур у субъекта (политика) и объекта (аудитории) речевого воздействия, которая приводит к достижению желаемой коммуникативной цели. Президентский дискурс «имеет принципиально риторический характер» [2, с. 10] и интенции говорящего достигаются с помощью успешно подобранных способов риторического воздействия на адресата. Прагматика использования ПФ заключается в том, что ПФ – это, как правило, «текст, обладающий определенным культурным авторитетом и вызывающий к себе уважение (иногда поклонение) у носителей языка» [10, с. 100] и апеллирование к нему позволяет политику убедить адресата в своей точке зрения.

Парольная функция напрямую связана с концептуальной оппозицией «свой – чужой», с помощью которой разграничиваются агенты политической коммуникации. Наличие общих ПФ у политика и адресата означает принадлежность первого к общей с адресатом группе, поскольку ПФ кон-

солидируют социум и являются опознавательным сигналом принадлежности. Общий корпус ПФ отличает «своих» от «чужих» и обращение к этому корпусу служит «дальнейшей интеграции внутри группы», так как, анализируя уместность употребления ПФ, адресат «бессознательно усваивает границу между «своими» и «чужими»» [10, с. 108]. Парольная функция ПФ является доминантной в реализации интегративных отношений, позволяя выделить в политическом пространстве «своих» и дефокусируя оппозицию «свой – чужой».

Апеллирование к ПФ является весьма распространенным приемом риторической аргументации в политической коммуникации, и существует ряд работ, посвященных этой проблематике, однако в рамках данной статьи будут рассмотрены примеры того, каким образом использование ПФ в парольной функции позволяет политику добиться консолидирующего эффекта, нивелировав тем самым границы оппозиции «свой – чужой». В качестве материала исследования будут использованы речи американского президента Барака Обамы, критерием к отбору которых послужило следующее: адресат – представители отличного от американского лингвокультурного сообщества. Основной функцией данных речений является фатика интеграции, что позволяет отнести их к ритуальным жанрам [4].

Обратимся к конкретным примерам. Выступая перед народом Кубы в гаванском Гран Театро в марте 2016 года [11] Барак Обама говорит о том, что “*We can make this journey as friends, and as neighbors, and as family – together*”, тем самым четко обо-

значив основную интенцию своего выступления, которая заключается в сотрудничестве и объединении двух народов. Политик актуализирует оппозицию «свой – чужой», употребив местоимение *we* и объединив две группы в одну, постоянно акцентируя внимание адресата на том, как многое их связывает, и апеллируя в своей речи к концепту «КООПЕРАЦИЯ», усиливая свою аргументацию глаголом *to share*:

*Because in many ways, the United States and Cuba are like two brothers who've been estranged for many years, even as we **share** the same blood.*

*We **share** a national past-time...*

*Millions of our people **share** a common religion.*

*For all of our differences, the Cuban and American people **share** common values in their own lives.*

Словарь “Merriam-Webster” определяет значение глагола *to share* следующим образом: 1) to divide and distribute in shares; 2a) to partake of, use, experience, occupy, or enjoy with others; 2b) to have in common; 3) to grant or give a share in; 4) to tell (as thoughts, feelings, or experiences) to others [12]. В семантике глагола представлено значение «иметь что-то общее», «разделять опыт с другими». Наличие общей крови, прошлого, религии и ценностей акцентируется и фокусируется политиком и служит одним из аргументов президентской риторики.

Обычно политик использует в своей риторике те ПФ, которые характерны для его культурной среды (американской в случае у Обамы). Однако в случае данной речи политик апеллирует к кубинским ПФ, чтобы достичь необходимого ему

коммуникативного эффекта, заключающегося в конкретном случае в консолидации и интеграции участников политической коммуникации, представленных американским народом в лице Барака Обамы, с одной стороны, и кубинским народом, адресатом и объектом воздействия, с другой. Для достижения данного эффекта политик использует ПФ со сферой-источником «литература» и фразы на «чужом» для него, но «своём» для адресата языке:

“Cultivo una rosa blanca”. In his most famous poem, Jose Marti made this offering of friendship and peace to both his friend and his enemy. Today, as the President of the United States of America, I offer the Cuban people el saludo de paz.

В данном примере политик обращается к стихотворению кубинского поэта, революционера и, по мнению кубинцев, апостола кубинской свободы Хосе Марти «Забочусь я о розе белой», в котором автор, выращивая нежную белую розу, готов предложить ее и другу, и своему противнику. С одной стороны, апеллирование к ПТ здесь носит парольный характер (и далее в речи Обама вновь цитирует Марти, говоря “As *Marti* said, “*Liberty is the right of every man to be honest, to think and to speak without hypocrisy*”).) и позволяет устранить культурноэтнические барьеры, а с другой, использование этого ПТ воздействует на адресата и служит приемом аргументации. В числе прочего, использование ПТ здесь эстетически значимо и употребляется метафорически, следовательно, допустимо говорить и об эстетической функции. В настоящем примере, таким образом, наблюда-

ется актуализация одновременно нескольких функций ПФ с доминированием парольной функции, что отвечает общей стратегии и концепции выступления.

В этом же примере Обама апеллирует к ПФ со сферой-источником «религия», ведь *el saludo de paz* соответствует английскому *greeting of peace* или *kiss of peace*, что является взаимным приветствием ранних христиан. Здесь адресат откликается на «пароль» не только в силу своей религиозной принадлежности, но и в силу того, что политик намеренно использует испанский язык, становясь тем самым «своим» в испаноговорящем кубинском социуме. Употребление данной ПС активизирует у адресата глубинные структуры когнитивной базы, вызывая определенные ассоциации, поскольку это приветствие символизирует единство христиан в Иисусе Христе. Опять же прагматика использования данного ПФ обуславливается авторитетностью источника (Библия) и не только Обама, но и другие политические деятели используют и использовали данный прецедентный текст в целях воздействия на аудиторию, что отмечалось и самим Обамой в своей автобиографической книге “The Audacity of Hope”: *Frederick Douglass, Abraham Lincoln, William Jennings Bryan, Dorothy Day, Martin Luther King, Jr. – indeed, the majority of great reformers in American history – not only were motivated by faith but repeatedly used religious language to argue their causes* [13, с. 259].

Примечательным является и выбор языковой формы ПФ, что может сигнализировать о том, что в данном контексте ПФ обладает и эсте-

тической функцией. Автор намеренно использует испанский язык, чтобы максимально уменьшить дистанцию с адресатом и идентифицировать себя как «своего» в «чужом» лингвокультурном сообществе. Более того, использование испанского языка в настоящей речи довольно частотно и служит дополнительным способом риторического воздействия. Политик дублирует на испанском языке те фрагменты речи, которые являются ядерными и наиболее значимым в дискурсе:

Creo en el pueblo Cubano. I believe in the Cuban people.

it can help foster a greater sense of unity in the Americas – todos somos Americanos

Особенно ярким воздействующий эффект экспликации оппозиции «свой – чужой», переходящей в интеграцию, становится при контактном расположении двух ПФ:

Just as Marti wrote some of his most famous words in New York, Ernest Hemingway made a home in Cuba, and found inspiration in the waters of these shores.

Знаковый для американской литературы и культуры писатель Эрнест Хемингуэй, «свой» среди представителей американского лингвокультурного сообщества, некоторое время живет на Кубе и становится «своим» в изначально «чужой» для него группе, в то время как Хосе Марти, самый кубинский из кубинских писателей, считается «своим» у двух лингвокультурных сообществ (“the most Cuban of Cuban writers ... whom both sides [Miami, Havana] of a feuding family claim as their own”) [14]. Здесь оратор стремится к созданию общего «коммуникативного про-

странства» [7 с. 22] с адресатом, используя ядерные структуры национально-культурного фонда социума, его когнитивной базы, причем имя *Hemingway* является прецедентным для обеих культур, в то время как *Marti* является латиноамериканским ПФ, обращение к которому позволяет оратору вновь идентифицировать себя как «своего» перед аудиторией иноязычных реципиентов.

Еще один пример относится к Германии. Выступая в Ганновере на открытии ежегодной ярмарки, странной-партнером которой впервые стали США, в апреле 2016 [15], Барак Обама вновь обращается к парольной функции ПФ. Главной интенцией политика, как и в предыдущем выступлении, является интеграция и кооперация: “*the future that we are building together – not separately, but together*”, основой для которой является общность ценностей, взглядов и интересов, выраженная с помощью глагола *to share*:

because we share so much experience and so many of the same values. These are things that we share.

part of our shared vision of a world without nuclear weapons.

Политик использует концептуальную оппозицию «свой – чужой» для структурирования пространства политической речи. В самом начале своего выступления политик отмечает:

I truly believe you've shown us the leadership of steady hands – how do you call it? The Merkel-Raute.

В этом примере президент использует ПФ *Merkel-Raute*, английским соответствием которого является *Merkel Diamond*. Ромб Меркель – это фирменный жест Ангелы Меркель, сложенные пальцы рук, обра-

зующие названный западными СМИ *Triangle of Power*, являющийся символом власти и демократии. С одной стороны, Обама актуализирует оппозицию «свой – чужой», употребив местоимение *you*, тем самым, дифференцируя себя от немецкого лингвокультурного сообщества. С другой стороны, политик намеренно использует немецкий язык. ПФ, таким образом, функционирует как «универсальная единица интеракции, участвующая в процессе вербализации и понимания сообщения» [7, с. 43], чья языковая форма привлекает внимание адресата (эстетическая функция ПФ), позволяя политике проникнуть в когнитивную базу «чужой» культуры и создать общее коммуникативное с адресатом пространство (парольная функция ПФ). Такая риторическая аргументация дефокусирует оппозицию «свой – чужой» и фокусирует интеграцию.

Помимо ПФ, вербализующего компонент невербальной коммуникации (жест Меркель), политик в своем выступлении апеллирует к ПИ со сферой-источником «политика», входящим в лингвокультурное пространство Германии, отмечая:

As Adenauer said in those early days, “European unity was a dream of a few. It became a hope for [the] many. Today it is a necessity for all of us”.

Выбор ПИ неслучаен: канцлер ФРГ Конрад Аденауэр был чрезвычайно популярен в народе, под его руководством Германия становится достойным членом мирового сообщества и укрепляет свое положение на международной арене. Его стратегической задачей становится европейская интеграция (именно данный аспект иллюстрирует ПИ). Исполь-

зование ПИ здесь реализует парольную функцию и служит рычагом воздействия на сознание адресата. Более того, в годы правления Аденауэра Германия становится членом НАТО, на чей устав далее и ссылается Обама:

NATO's central mission is, and always will be, our solemn duty – our Article 5 commitment to our common defense

ПФ *Article 5*, пункт о коллективной самообороне, является универсальным и интегрирующим ПИ для всех стран-участниц НАТО. Обращение к нему позволяет политике дефокусировать концептуальную оппозицию «свой – чужой» и идентифицировать себя как «своего». Использование местоимения *our* в данном контексте служит той же цели.

Таким образом, апеллирование к ПФ представляется значимым приемом риторической аргументации в политическом дискурсе, позволяющим формировать его ориентационное пространство. ПФ выступают своего рода маркерами «своих» и «чужих», и их лингвокультурная специфичность осуществляет парольную функцию. Употребление ПФ, характерного для представителей иного от говорящего лингвокультурного сообщества, позволяет политике создать общее для коммуникантов коммуникативное пространство и идентифицировать себя как «своего» в «чужом» для него социуме. Дефокусирование концептуальной оппозиции «свой – чужой» акцентирует интеграцию: механизм когнитивного подавления позволяет интегрировать участников коммуникации и воздействовать на адресата.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ceaser, James W., Thurow, Glen E., Tulis, Jeffrey, Bessette, Joseph M.* The Rise of the Rhetorical Presidency // *Presidential Studies Quarterly*. – 1981. – Т. 11, № 2. – С. 158-171. [Электронный ресурс] / James W. Ceaser, Glen E. Thurow, Jeffrey Tulis and Joseph M. Bessette. – URL: <http://www.jstor.org/stable/27547683> (дата обращения: 08.09.2016).
2. *Спиридовский, О.В.* Лингвокультурные характеристики американской президентской риторики как вида политического дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / О.В. Спиридовский. – Воронеж, 2006. – 24 с.
3. *Алиева, Т.В.* Языковые средства реализации концептуальной оппозиции «свой — чужой» в британском политическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Т.В. Алиева. – М., 2013. – 28 с.
4. *Шейгал, Е.И.* Семиотика политического дискурса: Дис. ... д-ра филол. наук [Электронный ресурс] / Е.И. Шейгал. – М.: РГБ, 2005 (Из фондов Российской Государственной Библиотеки) – URL: <http://irbis.amursu.ru/DigitalLibrary/EBD/10.02.00/020004014.pdf> (дата обращения: 08.09.2016).
5. *Ирисханова, О.К.* Концептуальный анализ и процессы дефокусирования [Текст] // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. – М.; Калуга: Эйдос, 2007. – С. 69-80
6. *Красных, В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация [Текст] / В.В. Красных. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 350 с.
7. *Моисеенко, Л.В.* Лингвокогнитивные основы теории прецедентности: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / Л.В. Моисеенко. – М., 2015. – 52 с.
8. *Захаренко, И.В., Красных, В.В., Гудков, Д.Б., Багаева, Д.В.* Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов [Текст] // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. – М., 1997. – С. 82-103
9. *Нахимова, Е.А.* Прецедентные имена в массовой коммуникации [Текст] / Е.А. Нахимова; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»; Ин-т социального образования. – Екатеринбург, 2007. – 207 с.
10. *Слышкин, Г.Г.* Лингвокультурные концепты прецедентных текстов [Текст] / Г.Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 141 с.
11. Remarks by President Obama to the People of Cuba, March 22, 2016 [Электронный ресурс] / Barack Obama. – URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/03/22/remarks-president-obama-people-cuba> (дата обращения: 08.09.2016).
12. Электронный словарь Merriam-Webster [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/share> (дата обращения: 08.09.2016).
13. *Obama, Barack.* The Audacity of Hope: Thoughts on Reclaiming the American Dream [Текст] / Barack Obama. – New York: Vintage Books, A Division of Random House, Inc., 2008. – 448 p.
14. *Cave, Damian.* Cuban Poet José Martí: Everyones Revolutionary [Электронный ресурс] / The New York Times. – URL: <http://www.nytimes.com/interactive/projects/cp/international/obama-in-cuba/cuban-poet-jose-marti-everyones-revolutionary> (дата обращения: 08.09.2016).
15. Remarks by President Obama in Address to the People of Europe, April 25, 2016 [Электронный ресурс] / Barack Obama. – URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/04/25/remarks-president-obama-address-people-europe> (дата обращения: 08.09.2016).

REFERENCES

1. Alieva T.V., *Yazykovye sredstva realizatsii kontseptualnoi oppozitsii «svoi – chuzhoi» v britanskom politicheskom diskurse*, Extended abstract of PhD dissertation (Philology), Moscow, 2013, 28 p. (in Russian)
2. Cave Damian, *Cuban Poet José Martí: Everyones Revolutionary*, available at: <http://www.nytimes.com/interactive/projects/cp/international/obama-in-cuba/cuban-poet-jose-marti-everyones-revolutionary> (accessed: 08.09.2016).
3. Ceaser James W., Thurow Glen E., Tulis Jeffrey, Bessette Joseph M. The Rise of the Rhetorical Presidency, *Presidential Studies Quarterly*, 1981, Vol. 11, No. 2, pp. 158-171,

- available at <http://www.jstor.org/stable/27547683> (accessed: 08.09.2016).
4. Iriskhanova O.K., Kontseptualnyi analiz i protsessy defokusirovaniya In: *Kontseptualnyi analiz yazyka: sovremennye napravleniya issledovaniya*, Moscow, Kaluga, Eidos, 2007, pp. 69-80. (in Russian)
  5. Krasnykh V.V., *Virtualnaya realnost ili realnaya virtualnost? Chelovek. Soznanie. Kommunikatsiya*, Moscow, Dialog-MGU, 1998, 350 p. (in Russian)
  6. *Merriam-Webster Dictionary*, available at: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/share> (accessed: 08.09.2016).
  7. Moiseenko L.V., *Lingvokognitivnye osnovy teorii pretседentnosti, Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*, Moscow, 2015, 52 p. (in Russian)
  8. Nakhimova E.A., *Pretседentnye imena v massovoi kommunikatsii*, Yekaterinburg, 2007, 207 p. (in Russian)
  9. Obama Barack, *The Audacity of Hope: Thoughts on Reclaiming the American Dream*, New York, Vintage Books, A Division of Random House, Inc., 2008, 448 p.
  10. *Remarks by President Obama in Address to the People of Europe*, April 25, 2016, available at: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/04/25/remarks-president-obama-address-people-europe> (accessed: 08.09.2016).
  11. *Remarks by President Obama to the People of Cuba*, March 22, 2016, available at: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/03/22/remarks-president-obama-people-cuba> (accessed: 08.09.2016).
  12. Sheigal E.I., *Semiotika politicheskogo diskursa, PhD dissertation (Philology)*, Moscow, Russian State Library, 2005, Russian State Library collection, available at: <http://irbis.amur-su.ru/DigitalLibrary/EBD/10.02.00/020004014.pdf> (accessed: 08.09.2016). (in Russian)
  13. Slyshkin G.G., *Lingvokulturnye kontsepty pretседentnykh tekstov*, Moscow, Academia, 2000, 141 p. (in Russian)
  14. Spiridovskii O.V., *Lingvokulturnye kharakteristiki amerikanskoi prezidentskoi ritoriki kak vida politicheskogo diskursa, Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*, Voronezh, 2006, 24 p. (in Russian)
  15. Zakharenko I.V., Krasnykh V.V., Gudkov D.B., Bagaeva D.V., Pretседentnoe vyskazyvanie i pretседentnoe imya kak simvoly pretседentnykh fenomenov, *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya*, No. 1, Moscow, 1997, pp. 82-103. (in Russian)

Смотряева Ксения Сергеевна, соискатель, старший преподаватель, кафедра перевода и межкультурной коммуникации, Лингвистический институт, Алтайский государственный педагогический университет, karakozovaks@yandex.ru

Smotryaeva K.S., Post-Graduate Student, Senior Lecturer, Department of Translation and Intercultural Communication, Linguistic Institute, Altai State Pedagogical University, karakozovaks@yandex.ru

УДК 159.9:7.01/17.07.65

ББК 88.4

ЧУВСТВО СИММЕТРИИ КАК ЗНАКОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ЛИТЕРАТУРНЫХ ГЕРОЕВ РУССКИХ КЛАССИКОВ

П.С. Эргашев

Аннотация. В статье представлены примеры из произведений классиков русской литературы, где для описания психологического портрета героев авторы обращаются к особенностям их отношений к симметрии предметов и явлений окружающего мира. Цель статьи – указать на недостаточную научную изученность чувства симметрии как психического феномена при ее более глубоком отражении в художественном познании. На основе анализа описаний литературных героев делается вывод о том, что особое отношение героя к симметрии используется авторами как опорное базисное качество личности, на основе которого можно объяснить различные особенности его индивидуального поведения. Переживания литературных героев акцентированного чувства симметрии передается писателями через описание удивления или раздражения других героев такой психологической характеристикой.

Ключевые слова: чувство симметрии, психологический портрет, литературный герой, русская классическая литература, искусство и психология, художественное познание.

447

SENSE OF SYMMETRY AS A SIGNIFICANT ELEMENT OF PSYCHOLOGICAL PORTRAIT OF A LITERARY HERO OF RUSSIAN CLASSICS

P.S. Ergashev

Abstract. The article presents examples from the works of the classics of Russian literature, where to describe the characters' psychological portrait the authors refer to the characteristics of their relationship to the symmetry of objects and phenomena of the surrounding world. The purpose of this article is to point out the lack of scientific knowledge about the sense of symmetry as a mental phenomenon in its deeper reflection in the artistic knowledge. The conclusion is based on the analysis of descriptions of literary characters. The article outlines that special relationship of the character to symmetry is used as a reference baseline quality of the individual, on the basis of which various features of his

individual behavior can be explained. Experiences of literary characters of accented sense of symmetry are transmitted by writers through the description of surprise or irritation of other characters by such psychological characteristics.

Keywords: *sense of symmetry, a psychological portrait, a literary hero, Russian classic literature, art and psychology, artistic knowledge.*

Психологический портрет литературного героя: к постановке вопроса

Каждый писатель запоминается не только своим неповторимым стилем, но и своими героями с характерными для них психологическими портретами. В литературоведении существует два разных подхода к пониманию сущности портрета литературного персонажа. В узком понимании портрет состоит из описания внешнего облика, прежде всего лица, фигуры, одежды, манеры держаться и не включает в себя формы поведения героя [1, с. 275], тогда как в более широком понимании формы поведения литературного героя рассматриваются как важнейшая составляющая характера персонажа [2, с. 218].

По мнению автора данной статьи, для целостного описания психологических особенностей литературного героя важна информация и о внешних признаках, и о формах поведения в тех или иных ситуациях, поскольку в обоих случаях выявляется отношение героя к предметам и явлениям окружающего мира, что приводит к пониманию его психологии. Например, в исследовании Л.В. Сериковой по изучению портрета персонажа в прозе В.М. Шукшина выявлено, что в описаниях его героев довольно часто встречается портретирование волос. Согласно выводам ученой, отсутствие или обилие волос, как правило, свидетельствует о небогатом мире персонажа [3].

В исследовании Т.С. Комаровой доказывается, что «смеховой портрет» персонажей Ф.М. Достоевского является одной из разновидностей психологического портрета. Согласно заключению исследователя, смех героев Ф.М. Достоевского выступает знаком не столько веселости и удовольствия, сколько вселенского распада, неустроенности человека в мире, приобретает функцию самозащиты, агрессии, конфликтности [4]. В целом, смех героев Ф.М. Достоевского оценивается как некий проводник, помогающий «приоткрыть тайну» уникальных образов великого художника.

Одним словом, с помощью различных художественных приемов и средств языка писатели знакомят нас с внутренним миром героя. При этом, на наш взгляд, описанный портрет можно считать успешным, если он помогает понять логику и смысл поведения героев в тех или иных ситуациях. Психологический портрет героя делает более или менее понятным для читателя ход его рассуждений, стратегию действий и модальность эмоционального отношения.

Несомненно, в конструировании психологического портрета литературного героя у каждого автора есть свой подход – в романе «Тихий дон» М.А. Шолохов изображает внутренний мир героя через внешнее проявление или портретную деталь [5], в романах «Дворянское гнездо» и «Накануне» И.С. Тургенев индивидуаль-

ность героев выражает в характере восприятия ими природного мира [6].

Однако при всей неповторимости авторского стиля нельзя не констатировать, что все портреты строятся на основе таких знаковых характеристик, которые позволяют читателю делать заключения о широком наборе отдельных психологических качеств героя. Например, как было выше упомянуто, в творчестве Ф.М. Достоевского такой в некотором смысле фундаментальной характеристикой выступает то, как, когда и над чем (или кем) смеется герой произведения. Вполне вероятно, что другими авторами также используются некоторые базовые характеристики, которые многое объясняют в психологическом портрете их героев. Анализ психологических портретов некоторых героев классиков русской литературы подталкивает автора данной статьи к идее о том, что такой знаковой отличительной чертой в ряде случаев выступает так называемое чувство симметрии, проявляющееся в отношении к симметрии и ее нарушению в предметах и явлениях окружающего мира.

Чувство симметрии как психическое явление

Психология эмоций и чувств – отдельная большая область психологических исследований. Согласно несколько упрощенному, но очень доходчивому определению американского ученого, популяризатора науки Д.Г. Майерса, психология – это наука о том, как люди думают, чувствуют и действуют [7, с. 16]. Следуя этой логике, можно считать, что психология эмоций составляет треть всей современной психологии. Между тем, несмотря на то, что в психологической науке накоплен большой объем знаний о закономерностях и ме-

ханизмах эмоциональных переживаний человека, в специальной литературе нет отдельной и объемной информации по такому эмоциональному явлению как чувство симметрии. В словарях нет определения этого явления, в учебниках нет классификаций эмоциональных переживаний, включающих в себя это чувство, и естественно, отсутствуют монографические труды, раскрывающие различные психологические (индивидуальные, возрастные, гендерные, социально-психологические, профессиональные и др.) особенности этого феномена. Хотя известны примеры высказываний авторитетных ученых современности о том, что такое переживание, как чувство симметрии, характерно человеку с древнейших времен. Так, академик В.И. Вернадский в своем фундаментальном труде «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения» писал, что «чувство симметрии и реальное стремление его выразить в быту и в жизни существовало в человечестве с палеолита или даже с эолита, то есть с самых длительных периодов в доистории человечества» [8, с. 191]. Также в этом отношении очень интересными, и даже вызывающими для исследователей-психологов звучат вопросы, поставленные Л.Н. Толстым в «Отрочестве»: «То раз, стоя перед черной доской и рисуя на ней мелом разные фигуры, я вдруг был поражен мыслью: почему симметрия приятна для глаз? что такое симметрия? Это врожденное чувство, отвечал я сам себе. На чем же оно основано? Разве во всем в жизни симметрия?» [9, с. 56]. Кроме этого, известно, что в первоначальных набросках 22 главы «Отрочества» до первой редакции было следующее рассуждение Л.Н. Толстого: «...что въ душѣ челоѣвка есть влеченіе къ симметріи, что, по мое-

му мнѣнію, доказывало, что будетъ симметріи въ жизни, и что даже понятіе симметріи вытекаетъ изъ положенія души» [9, с. 286].

Здесь надо признать, что в психологических работах все же встречаются некоторые общие упоминания о чувстве симметрии. Так, А. Маслоу в фундаментальном труде «Мотивация и личность» рассматривает чувство симметрии как частное проявление одной из высших потребностей – эстетической потребности [10, с. 93]. Вместе с тем, А. Маслоу указывает на то, что такие потребности как потребность в порядке, симметрии, завершенности, законченности, системе, структуре могут носить не только когнитивный или эстетический, но и невротический характер [там же, с. 72]. Результаты диссертационного исследования А.Д. Исмаилова доказывают, что, во-первых, уже в самом начале обучения подавляющее большинство детей владеют простой формой чувства симметрии; во-вторых, специальные занятия могут детерминировать существенные сдвиги в развитии чувства симметрии [11].

Согласно диссертационным данным Т.М. Харламовой, изучавшей профессиональные способности учителя изобразительного искусства, наряду с педагогической культурой, художественной направленностью, пространственно-логическим мышлением, в качестве специфичной детерминанты успешности профессиональной деятельности молодого учителя выступает чувство симметрии [12].

Одним словом, в психологической науке есть некоторые упоминания о чувстве симметрии как своеобразном отношении человека к познаваемым предметам и явлениям. В то же время художники слова очень

давно начали использовать описания особенностей отношения своих героев к симметрии, ее нарушению в качестве особого знакового элемента их психологического портрета. Примеров последнему немало в русской классической литературе.

Характеристика отношения к симметрии в психологическом портрете литературного героя

Не просто писать иностранцу о национальном достоянии другого народа. Однако если оно давно признано мировым достоянием, отдавая должное народу, подарившему его миру, иностранный исследователь не может не испытывать научного интереса к нему. Например, нас привлекло то, что на примере психологических портретов литературных героев писателей золотого века русской литературы можно показать, насколько в опережающем положении находится художественная литература в описании чувства симметрии как психологического явления. Так, в одном эпизоде «Отрочества» Л.Н. Толстой через описание отношения к симметрии указывает на характерную особенность в поведении Володи: «Однажды, во время сильнейшего пыла его страсти к вещам, я подошел к его столу и разбил нечаянно пустой разноцветный флакончик. – Кто тебя просил трогать мои вещи? – сказал вошедший в комнату Володя, заметив расстройство, произведенное мною в симметрии разнообразных украшений его столика. – А где флакончик? непременно ты...» [9, с. 18]. Интересно отметить, что современные зарубежные исследователи чувства симметрии указывают на то, что позитивное отношение к симметричности положительно коррелирует с энтузиазмом и восторженно-

стью [13, с. 7]. Теперь опять обратимся к Л.Н. Толстому, который дает следующую характеристику Володе: «Он был пылок, откровенен и непостоянен в своих увлечениях. Увлекаясь самыми разнородными предметами, он предавался им всей душой» [9, с. 17]. Нетрудно заметить, насколько четко писатель уловил сущность личности с особым ценностным отношением к симметрии. Кроме того, заслуживает внимания, что Л.Н. Толстой, описавший в ранее упомянутом эпизоде два разных отношения к симметрии, подчеркивает эту независимую от возраста индивидуально-дифференциальную психологию словами повествующего: «Я был только годом и несколькими месяцами моложе Володи; мы росли, учились и играли всегда вместе. Между нами не делали различия старшего и младшего; но именно около того времени, о котором я говорю, я начал понимать, что Володя не товарищ мне по годам, наклонностям и способностям» [там же].

Глубокое понимание личности человека с особым положительным отношением к симметрии Л.Н. Толстой также показывает в психологическом портрете Татьяны Семеновны в «Семейном счастье». Модальность эмоционального отношения этого персонажа к симметрии очевидна: «Убранство и порядок дома велись Татьяною Семеновной по-старинному. Нельзя сказать, чтобы все было изящно и красиво; но от прислуги до мебели и кушаньев всего было много, все было опрятно, прочно, аккуратно и внушало уважение. В гостиной симметрично стояла мебель, висели портреты, и на полу расстилались домашние ковры и полосухи» [14, с. 106]. Такое проявление отношения к порядку естественно, поскольку, со слов Л.Н. Толстого, Татьяна Семе-

новна была чопорная, строгая хозяйка дома и старого века барыня [там же, с. 98]. Такая характеристика персонажа вполне укладывается в современную научную схему интеркорреляций акцентуированного отношения к симметрии с определенными личностными качествами. Так, согласно современным данным, между положительным отношением к асимметрии и консерватизмом обнаруживается высокая отрицательная корреляция, которая, кстати, у женщин существенно выше, чем у мужчин [13, с. 39].

В «Мертвых душах» Н.В. Гоголь обращает внимание на психологическую дифференциацию, основанную на разном отношении к симметрии: «Зодчий был педант и хотел симметрии, хозяин – удобства и, как видно, вследствие того заколотил на одной стороне все отвечающие окна и провертел на место их одно маленькое, вероятно понадобившиеся для темного чулана» [15, с. 91]. Интересно, что Н.В. Гоголь характеризует зодчего, стремившегося к симметрии, как очень педантичного человека. В то же время, как было ранее упомянуто, в научных исследованиях доказано, что положительное отношение к симметрии более характерно людям консервативного настроения [13, с. 7]. С другой стороны, в интерпретациях типов акцентуаций современные ученые утверждают, что педантичность характеризуется сопротивлением изменениям, плохой переключаемостью на что-либо новое, неуклонным соблюдением заведенного порядка [16, с. 536]. Думаем, что в перечисленных качествах нетрудно разглядеть основы психологического портрета личности с консервативными установками.

А.П. Чехов в «Скучной истории», описывая дизайн квартиры Кати, удо-

черенной главным героем профессором Николаем Степановичем, его словами говорит о том, что здесь «для ленивого тела – мягкие кушетки, мягкие табуретки, для ленивых ног – ковры, для ленивого зрения – линючие, тусклые или матовые цвета; для ленивой души – изобилие на стенах дешевых вееров и мелких картин, в которых оригинальность исполнения преобладает над содержанием, избыток столиков и полочек, уставленных совершенно ненужными и не имеющими цены вещами, бесформенные лоскутья вместо занавесей...», и «все это вместе с боязнью ярких цветов, симметрии и простора, помимо душевной лени, свидетельствует еще и об извращении естественного вкуса» [17, с. 273-274]. Следует отметить, что первые исследования взаимосвязи между отношением к симметрии и креативностью личности были проведены Ф. Бэрроном и Дж. Уэлшем в 50-х гг. XX века, и в них было доказано преобладание положительных установок к асимметрии среди людей с более высокими художественными способностями [18]. Поэтому можно только удивиться тому, как А.П. Чехов, не обладая такими научно доказанными данными, задолго до соответствующих исследований довольно точно связал в образе Кати сильную любовь к сценической деятельности, к художественному творчеству с боязнью симметрии. Возможно, все дело в самой личности писателя, у которого, согласно данным некоторых исследователей, до изощренности было развито чувство симметрии слов, мысли [19].

Таким образом, в художественном описании жизни и быта героев немало примеров обращения к особенностям их отношения к симметрии предметов и явлений. В этом отношении художе-

ственная литература явно опережает современную психологическую науку. Как здесь не вспомнить высказывание В.П. Зинченко на круглом столе «Психология XXI века: пророчества и прогнозы», организованном журналом «Вопросы психологии»: «Искусство на столетия опережает науку, особенно в познании человека. На его основании можно было бы написать учебник психологии XXI века, и последующих веков. Только мы плохо умеем читать искусство» [20, с. 30]. По мнению автора данной статьи, исследование чувства симметрии как элемента психологии героев классиков – еще одно наглядное подтверждение справедливости слов ученого.

В целом, представленный материал позволяет сделать следующее выводы:

1) в произведениях классиков нередко описания положительного (Татьяна Семеновна в «Семейном счастье» Л.Н. Толстого) или отрицательного (Катя в «Скучной истории» А.П. Чехова) отношения некоторых героев к симметрии и ее нарушению в окружающем мире;

2) художники слова, включая в характеристики некоторых героев описания их обостренного чувства симметрии, указывают на индивидуальную природу этого переживания через удивление или раздражение других героев этим качеством (как в случае описания удивления и непонимания младшего брата Володи в «Отрочестве» Л.Н. Толстого тем, насколько резко он отреагировал на нарушение некоторой симметрии в расстановке своих вещей);

3) склонность к острому переживанию степени симметричности предметов и явлений окружающего мира не-

редко используется авторами как качество личности, которое может объяснить различные особенности индивидуального поведения героя (например, замечания Николая Степановича в «Скучной истории» о положительном отношении Кати к асимметрии, помогает понять психологические аспекты ее художественно-эстетических склонностей и соответствующих поведенческих актов, вроде того как «...свои успехи и неудачи она не описывала, а воспевала», «...и при всем том масса грамматических ошибок, а знаков препинания почти совсем не было»).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аксенова, Е.* Портрет [Текст] / Е. Аксенова // Словарь литературоведческих терминов / Под ред. Л.И. Тимофеева, С.В. Тураева – М.: Просвещение, 1974. – С.275-276.
2. *Хализев, В.Е.* Теория литературы [Текст] / В.Е. Хализев: Учебник. – М.: Высшая школа, 2002. – 437 с.
3. *Серикова, Л.В.* Портрет персонажа в прозе В.М. Шукшина: Системное лексико-семантическое моделирование: Автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Л.В. Серикова – Барнаул, 2004. – 23 с.
4. *Комарова, Т.С.* Смеховой портрет как средство характеристики персонажа в творчестве Достоевского 1846–1859 гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Т.С. Комарова. – Магнитогорск, 2008. – 26 с.
5. *Жандарова, Т.А.* Функции портрета в романе М.А.Шолохова «Тихий Дон» [Текст] / Т.А. Жандарова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 4 (1). – С. 338-344.
6. *Гареева, Л.Н.* Субъектная организация произведений И.С.Тургенева как способ психологического изображения человека: Автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Л.Н. Гареева. – Ижевск, 2009. – 28 с.
7. *Майерс, Д.Г.* Психология [Текст] / Д. Майерс / Перевод с англ. И.А. Карпиков, В.А. Старовойтова; Худ. обл. М.В. Драко. – Мн.: ООО «Попурри», 2001. – 828 с.
8. *Вернадский, В.И.* Химическое строение биосферы Земли и ее окружения [Текст] / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 2001. – 376 с.
9. *Толстой, Л.Н.* Отрочество [Текст] / Л.Н.Толстой // Полное собрание сочинений в 90 томах / Под общей ред. В.Г. Чертова. – М.: РГБ, 2006. – Т. 2. – С. 3-75.
10. *Маслоу, А.* Мотивация и личность [Текст] / А. Маслоу, пер. с англ. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с.
11. *Исмаилов, А.Д.* Развитие образного мышления младших школьников на занятиях декоративно-прикладным искусством: Автореф. дис. ... канд. психол. наук [Текст] / А.Д. Исмаилов. – М., 1988. – 18 с.
12. *Харламова, Т.М.* Профессиональные способности учителя изобразительного искусства: Структура, детерминанты, индивидуальные особенности проявления: Автореф. дис. ... канд. психол. наук [Текст] / Т.М. Харламова. – Пермь, 2003. – 20 с.
13. *Gough, H.* Forty Years of Experience with the Barron Welsh Art Scale [Text] / H. Gough, P. Bradley // Unusual associates: A festschrift for Frank Barron / A. Montuori (Ed.). – NJ: Hampton Press, 1996. – Pp. 252-301.
14. *Толстой, Л.Н.* Семейное счастье [Текст] / Л.Н.Толстой // Полное собрание сочинений в 90 томах / Под общей ред. В.Г. Чертова. – М.: РГБ, 2006. – Т. 5. – С. 67-143.
15. *Гоголь, Н.В.* Мертвые души [Текст] / Н.В.Гоголь // Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаяева. – М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. – Т. 5. – С. 6-485.
16. *Ильин, Е.П.* Психология индивидуальных различий [Текст] / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2004. – 701 с.
17. *Чехов, А.П.* Скучная история (Из записок старого человека) [Текст] / А.П. Чехов // Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах / Под ред. Н.Ф. Бельчикова. – М.: Наука, 1985. – Т. 7. – С. 251-310.
18. *Barron, F.* Artistic perception as a possible factor in personality style: its measurement by a Figure Preference Test [Text] / F. Barron, G.S. Welsh // Journal of Psychology 1952. – № 33. – Pp. 199-203.
19. *Кванин, С.* О письмах Чехова [Текст] / С. Кванин // А.П. Чехов: pro et contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли

- конца XIX – нач. XX в.: Антология. – СПб.: РХГИ, 2002. – С. 906-922.
20. Зинченко, В.П. Психология XXI века: пророчества и прогнозы (материалы выступления участников круглого стола) [Текст] / В.П. Зинченко // Вопросы психологии. – 2000. – № 2. – С. 29-32.

REFERENCES

- Aksenova E., "Portret", in: *Slovar literaturovedcheskikh terminov*, Moscow, Prosveshchenie, 1974, pp.275-276. (in Russian)
- Barron F., Welsh G.S., Artistic perception as a possible factor in personality style: its measurement by a Figure Preference Test, *Journal of Psychology*, 1952, No. 33, pp.199-203.
- Chekhov A.P., "Skuchnaya istoriya (Iz zapisk starogo cheloveka)", in: *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 30 tomakh*, Moscow, Nauka, 1985, Vol.7, pp.251-310. (in Russian)
- Gareeva L.N., *Subektnaya organizatsiya proizvedenii I.S.Turgeneva kak sposob psikhologicheskogo izobrazheniya cheloveka*, Extended abstract of PhD dissertation (Philology), Izhevsk, 2009, 28 p. (in Russian)
- Gogol N.V., "Mertvye dushi", in: *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 17 tomakh*, Moscow, Izdatelstvo Moskovskoi Patriarkhii, 2009, Vol. 5, pp. 6-485. (in Russian)
- Gough H., Bradley P., "Forty Years of Experience with the Barron Welsh Art Scale", in: *Unusual associates: A festschrift for Frank Barron*, ed. A. Montuori, New York, Hampton Press, 1996, pp. 252-301.
- Ilin E.P., *Psikhologiya individual'nykh razlichii*, St. Petersburg, Piter, 2004, 701 p. (in Russian)
- Ismailov A.D., *Razvitie obraznogo myshleniya mladshikh shkol'nikov na zanyatiyakh dekorativno-prikladnym iskusstvom*, Extended abstract of PhD dissertation (Psychology), Moscow, 1988, 18 p. (in Russian)
- Khalizev V.E., *Teoriya literatury*, Moscow, Vysshaya shkola, 2002, 437 p. (in Russian)
- Kharlamova T.M., *Professionalnye sposobnosti uchitelya izobrazitel'nogo iskusstva: Struktura, determinanty, individualnye osobennosti proyavleniya*, Extended abstract of PhD dissertation (Psychology), Perm, 2003, 20 p. (in Russian)
- Komarova T.S., *Smekhovoi portret kak sredstvo kharakteristiki personazha v tvorchestve Dostoevskogo 1846 – 1859 gg.*, Extended abstract of PhD dissertation (Philology), Magnitogorsk, 2008, 26 p. (in Russian)
- Kvanin S., "O pismakh Chekhova", in: *A.P. Chekhov: pro et contra Tvorchestvo A.P. Chekhova v russkoi mysli kontsa XIX – nachala XX v.: Antologiya*, St.Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute, 2002, pp.906-922. (in Russian)
- Maslow A., *Motivatsiya i lichnost*, St. Petersburg, Piter, 2008, 352 p. (in Russian)
- Myers D.G., *Psikhologiya*, Minsk, Popurri, 2001, 828 p. (in Russian)
- Serikova L.V., *Portret personazha v proze V.M.Shukshina: Sistemnoe leksiko-semanticheskoe modelirovanie*. Extended abstract of PhD dissertation (Philology), Barnaul, 2004, 23 p. (in Russian)
- Tolstoi L.N., "Otrochestvo", in: *Polnoe sobranie sochinenii v 90 tomakh*, Moscow, Russian State Library, 2006, Vol. 2, pp. 3-75. (in Russian)
- Tolstoi L.N., "Semeinoe schaste", in: *Polnoe sobranie sochinenii v 90 tomakh*, Moscow, Russian State Library, 2006, Vol. 5, pp. 67-143. (in Russian)
- Vernadskii V.I., *Khimicheskoe stroenie biosfery Zemli i ee okruzheniya*, Moscow, Nauka, 2001, 376 p. (in Russian)
- Zhandarova T.A., Funktsii portreta v romane M.A.Sholokhova "Tikhii Don", *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2013, No. 4, pp. 33-35. (in Russian)
- Zinchenko V.P., Psikhologiya XXI veka: prorochestva i prognozy (materialy vystuplenii uchastnikov kruglogo stola), *Voprosy psikhologii*, 2000, No. 2, pp. 29-32. (in Russian)

Эргашев Пулат Собирович, кандидат психологических наук, доцент, кафедра общей психологии, факультет педагогики, психологии и дефектологии, Ташкентский государственный педагогический университет имени Низами, pulat-ergashev@rambler.ru

Ergashev P.S., PhD in Psychology, Associate Professor, General Psychology Department, Pedagogy, Psychology and Defectology Faculty, Nizami Tashkent State Pedagogical University, pulat-ergashev@rambler.ru

УДК 82-311
ББК 84(2=411.2)6

СЦЕНЫ «КАРНАВАЛА» В РОМАНЕ «МАСТЕР И МАРГАРИТА» КАК ИЛЛЮСТРАЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЙ М. БАХТИНА

Санаи Наргес

Аннотация. Михаил Бахтин является основоположником многих теоретических направлений в литературоведении XX века. Самые причудливые, но одновременно самые памятные события романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» являются событиями карнавала и могут рассматриваться так же, как «средневековый карнавал» в трудах Бахтина. М. Бахтин исследовал социальные функции карнавала в своей работе «Рабле и его мир» и выделял несколько особенностей карнавала, которые важны для интерпретации карнавала в романе Булгакова. Главная цель данной статьи заключается в исследовании основных функций и форм проявления «карнавализации» в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита».

Ключевые слова: карнавализация, карнавал, М. Булгаков, М. Бахтин.

SCENES OF "CARNIVAL" IN THE NOVEL "MASTER AND MARGARITA" AS AN ILLUSTRATION OF BAKHTIN'S THEORETICAL CONSTRUCTS

455

Sanaei Narges

Abstract. Mikhail Bakhtin is the founder of the many theoretical directions in literary criticism of the twentieth century. The most bizarre but simultaneously most memorable events of M. Bulgakov's novel "Master and Margarita" are carnival events and can be considered the same as "medieval carnival" in Bakhtin's writings. Mikhail Bakhtin explored social functions of carnival in "Rabelais and his world" and singled out a few features of the carnival that are important for the interpretation of carnival in Bulgakov's novel. The main purpose of this article is to study the basic functions and forms of manifestation of "carnivalization" in Mikhail Bulgakov's novel "Master and Margarita".

Keywords: carnivalization, carnival, Mikhail Bulgakov, Mikhail Bakhtin.

Карнавализации в литературе – одна из основополагающих идей М.М. Бахтина, рассматриваемых им в комплексе проблем, с помощью которых он изучал народную и смеховую культуру. Исследования, посвященные феномену карнавала, проводились и до Бахтина, однако ни одна из работ его предшественников в этой области не обладала той степенью глубины и точности, которую обнаруживаем в его текстах. Бахтин приступил к рассмотрению теории карнавализации в своей книге «Рабле и его мир», содержание которой включает его общие взгляды на искусство, язык, явления народной смеховой культуры, а также на вопросы, касающиеся феномена карнавала.

Карнавал и карнавализация как жанр в теории Бахтина выражается в гротескном реализме, однако эти понятия больше, чем категория жанра. Это социологические категории. Бахтин не разделяет жестко народную и официальную культуру – в карнавале они сосуществуют в единстве, как некоторое однородное сообщество, не разделенное жесткими рамками. В единстве и социальной однородности, снятии всех социальных иерархий Бахтин видит один из основных принципов карнавала.

Как замечает Бахтин в книге «Рабле и его мир», основным значением понятия «карнавал» было своего рода бегство от обычной (привычной) жизни. Карнавал не был только видом искусства, относящимся к театральным представлениям, но был реальной, правда, временной частью самой жизни, которая не только представлялась на сцене, но, образно выражаясь, проживалась в течение карнавала.

Понятие карнавала Бахтина можно применить для понимания романа Булгакова «Мастер и Маргарита». Действительно, самые причудливые и самые памятные события романа являются событиями карнавала и могут рассматриваться так же, как «средневековый карнавал» в трудах Бахтина. Карнавальная хаос освобождает рядовых граждан от цензуры советской власти, идеологической системы, и они входят в почти непристойное равенство: бюрократы жестоко наказаны, а обычные граждане некоторое время пользуются безудержной свободой. Они издеваются над своими руководителями и бросают вызов советским властям в лице различных чиновников.

В повествовании «Мастера и Маргариты» видим некоторые символы карнавала. К ним относятся, например, смерть, игра, маски, безумные поступки, а также такие карнавальные образы, как пир и представление, в котором слова группируются юмористически и произносятся «бессмысленные» тексты, составленные из проклятий, брани и клятв. Все упомянутое считается символами народной смеховой культуры.

Карнавализация просматривается в «Мастере и Маргарите» не только в разнообразных сценах романа, но и в целом в структуре повествования, содержании, в остроумном и шутливом языке. Так как во время карнавала между его участниками исчезают различия, друг рядом с другом могут находиться противоречивые персонажи. Повествование в «Мастере и Маргарите» составлено из трех отдельных частей: появление сатаны в Москве, Понтий Пилат и история любви Мастера и Маргариты. Несмотря на кажущуюся разъединенность этих трех частей Бул-

гаков помещает их рядом друг с другом и создает между ними логическую связность таким образом, что эти три части и три линии повествования в итоге встречаются и объединяются в виде своеобразного карнавала.

Стихия карнавала пронизывает весь роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Воланд и его свита устраивают сначала карнавализованное представление в Варьете, а затем сатанинский бал с элементами карнавала и дальше представление в магазине Торгсин.

Далее приступим к более подробному анализу карнавальных элементов в двух главных сценах романа, в которых явления, связанные с карнавальностью, просматриваются больше, чем где-либо еще.

Представление в театре варьете

Одной из ярких карнавальных сцен романа является эпизод «черной магии» в театре варьете. Представление в театре варьете, в сущности, не является чистым примером искусства театрального представления и больше имеет сходство с народным карнавалом, который находится на границе между искусством и жизнью. Другими словами, карнавал, который видим в сцене с театром варьете – это сама жизнь, которая предлагается в виде игры и представления; ее актеры не составляют ограниченную группу, напротив, это большое число людей из разных слоев общества, которые показывают свои тревоги и желания в этом свободном пространстве, лишенном цензуры.

В советском литературном контексте, карнавал в Мастере и Маргарита – черная магия в шоу театра Эстрады и другие фокусы, разрабо-

танные криминальной изобретательностью Коровьева и Бегемота – это попытка вытащить «нежелательные» частные «истины» о «советском народе» из-под идеологического «одеяла» на свет общественного внимания. Карнавал переливается в запретные для шуток зоны, где Советская идеология выступает против взглядов индивидуальных советских граждан, тем самым раскрывая официальное лицемерие, распатывая существующие властные отношения и привычный советский морализм, разоружая страх, которым охвачена жизнь простых советских граждан. Роман «Мастер и Маргарита» содержит много примеров переживаний персонажей по поводу своей собственной или чьей-то другой жизни. Иван Бездомный обвиняет своего коллегу поэта Рюхина в том, что он имеет «типично кулацкий менталитет». Бездомный и Берлиоз предполагают, что незнакомый иностранный профессор Воланд является шпионом. Эти и другие примеры свидетельствуют о пристальном внимании Булгакова к проблемам, касающимся мировоззрения человека в советской России. В 1920–1930-х гг. было необходимо иметь «советскую идентификацию», то есть принадлежать к пролетарскому классу и разделять принципы советской политики, что являлось источником беспоконья для многих людей.

Булгаков иронизирует не только над тем, что явно отвергает или критикует (например, театр варьете и МАССОЛИТ): вводя такого персонажа, как Сатана, в московские будни, он оценивает жизнь всего общества и высмеивает ее. В противовес полному правил «официальному» миру, господствовавшему в советском обществе, он

создает свой особый мир. Автор разрушает существующий порядок, и читатель обнаруживает в предложенном повествовании ту свободу, которая была запрещена для него самого и общества, в котором он жил. В «Театре варьете» отчетливо видим радость и свободу любой реакции на происходящее – свободу без ограничений, запретов и страха. Несомненно, что смех является тем необходимым условием, которое устраняет страх. Однако в сцене сеанса черной магии эта свобода имеет характер непостоянства, и страх исчезает только временно, хотя присутствующие в самом деле побеждают его при помощи карнавального смеха. Эти свобода и победа над страхом переходящи, и после них запугивание только продолжается. «Сильное чувство победы над страхом – один из основных элементов смеха в Средние века. Юмористические изображения проявляют себя в разных формах, а все, вызывающее страх, подвергается осмеянию» [1, с. 17].

Весь роман «Мастер и Маргарита», в сущности, является одним большим карнавалом и театральным представлением, которое, как это случается и в жизни, может показывать обман, разоблачение, смерть, плутовство или освобождение и утверждение жизни. В результате, карнавал есть сама жизнь или, как говорил Бахтин, «вторая жизнь людей».

В упомянутой сцене москвичи на время вступили на поле свободы, равенства и обилия, о которых мечтали. В действительности же все это – лишь желания общества, для которого их осуществимость возможна только в сцене карнавала театра варьете.

Бахтин также указывает: «Вопреки официальным празднествам, кар-

навал был своего рода победой переходящей свободы над общепринятой истиной и господствующим порядком, а также временным уничтожением всех иерархических связей, отличий, законов и запретов [1, с. 475].

Отрицание всех иерархических связей имело очень большую важность.

На самом деле с помощью карнавала Воланд и его свита бросают вызов советским властям в лице различных чиновников. Карнавальный хаос освобождает рядовых граждан от цензуры советской власти, и они входят в почти непристойное равенство: бюрократы жестоко наказаны, а на некоторое время обычные граждане пользуются безудержной свободой. Берлиоз, «литературный» бюрократ, лишается своей власти, подпадает под «чарь» Воланда и гибнет под трамваем. Бюрократы (чиновники) из театра варьете – Лиходеев, Римский и Варенуха – также лишаются своих постов и наказаны. Директор театра Лиходеев волшебным образом переносится в Ялту, одетый только в ночную рубашку. Римский и Варенуха напуганы до смерти сообщниками Воланда. Бегемот отрывает голову Джорджу Бенгальскому, Бегемот приходит в ярость от многократных попыток директора театра интерпретировать черную магию для зрителей во время злополучного шоу в Театре Варьете.

Несмотря на заявления, что Революция идеологически перевоспитывает обычных граждан, выступление Воланда раскрывает, что в Советском обществе ничего не изменилось: люди все так же охвачены жадностью, тщеславием и стремлением к обману. Несмотря на негативное открытие, которое читатель делает о москвичах, важность карнавала не должна быть не-

дооценена: карнавал и издевательский смех объединяют публику с помощью признания и принятия всех человеческих различий и слабостей. Официальная идеология стремится осуществить совершенно обратное: она уничтожает социальные связи между индивидами, запрещая учитывать многосторонность человеческого опыта и заставляя всех находиться в безопасных рамках Советской личности. В то время как карнавал предлагает альтернативное восприятие людей и их личности: грешных, естественных, боящихся говорить или действовать открыто, или даже не осознающих свое мнение об официальной системе и уставе. Этот непривлекательный образ советского человека является очень важным для понимания идеи романа. До карнавала в обществе существовало недоверие друг к другу. Присутствующие на представлении зрители даже не смеются над шутками Коровьева из-за своей боязни выглядеть «несоветскими» перед окружающими. Карнавал объединяет людей, создавая особое карнавальное общество: знающее о слабостях других, но умеющее доверять, и откровенно, по-человечески общаться, реагируя непосредственно (криками ужаса и смеха) на происходящее. Карнавальность выступления освобождает публику от идеологического «этикета», привычной робости и позволяет им включиться в общую вакханалию.

Карнавальное издевательство, чем-то напоминающее средневековые казни, играет здесь важную роль. В первую очередь, оно показывает всю важность «карнавального языка» как способа получения, использования и превышения власти. Бенгальский наказан за свои лживые слова и за то, что

кто-то из публики, не задумываясь, высказался о его дальнейшей судьбе – порекомендовал оторвать ему голову. Это трансформация метафоры («Голову ему оторвать!») в действие показывает, что Воланд и его сообщники, в отличие от Берлиоза и других москвичей, быстрее переходят от слов к делу. Во-вторых, карнавальность разворачивающегося издеательства делает людей ближе к друг другу.

Следует отметить, что страх – это одна из самых главных тем в «Мастере и Маргарите»: многие персонажи постоянно ощущают его в той или иной мере. В общем, кажется, что страх, живущий в москвичах, в «Мастере и Маргарите» ограничивает их возможность быть самими собой. Знаменательно, что Михаил Бахтин в книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» приписывает страху похожую всепроникающую функцию. «Страх – это высшее выражение ограниченности и глупой серьезности, которая может быть побеждена смехом». В контексте «Мастера и Маргариты» страх является побочным эффектом авторитарного давления в повседневной жизни москвичей. Булгаков раскрывает это идеологическое давление, демонстрируя убеждение Бенгальского в том, что выступление имеет образовательную ценность и полную пассивность публики. Несмотря на то, что Бенгальский врет, его смиренные зрители не позволяют себе смеяться; они отбрасывают страх и начинают смеяться свободно только после того, как Коровьев показывает им пример карнавального смеха, высмеивая Бенгальского и его «лживые» высказывания. В «Мастере и Маргарите» не

только обычные граждане, но и чиновники-бюрократы находятся в состоянии постоянного страха.

В подробном разборе Бахтиным «гротескного образа тела» написано следующее: «из самых старинных и самых употребительных смыслов понятия «гротеск» можно назвать смерть, тело и кровь в качестве семени, которое сажают в землю и возвращают для появления другой жизни. Это своего рода вид смерти, который делает мать-землю плодородной» [1, с. 327]. Бахтин в своей книге также указывает на идею погребения: материнская природа земли и погребение выступают символами возвращения к первоначалу и рождению заново. Карнавал стирает все границы, даже между жизнью и смертью. Мы отчетливо видим это в сцене сеанса черной магии: смерть Бенгальского и его незамедлительное воскрешение по просьбе людей.

«Дураки, безумцы, поэты, носящие маски и актеры карнавала обладают неприкосновенностью; в этих рамках люди не берут на себя ответственность за свои слова и поступки» [2, с. 275]. Поэтому поведение на карнавале и представление тоже, в своем роде, неприкосновенно, и в то же самое время, воспринимаемое обществом аллегорически, оно предоставляет ему возможность сбросить с себя бремя ответственности.

В сцене сеанса черной магии Бегемот, Коровьев и Воланд – персонажи, которые обладают статусом неприкосновенности. Когда Бенгальскому откручивают голову, это делается так, словно не считается преступлением, как будто на самом деле это не что иное, как шутка. Возможно, Булгаков ввел этот скандальный эпизод в пове-

ствование для того, чтобы показать, что театрализованное убийство не может обидеть какого-то определенного человека и вообще не может быть оскорбительным. В этом разыгранном представлении может скрываться послание: жизнь и смерть в руках правителей, и они по своему желанию могут отнимать или дарить ее.

«– Ты будешь в дальнейшем молоть всякую чушь? – грозно спросил Фагот у плачущей головы». «– Как прикажете, мессир? – спросил Фагот у замаскированного».

– Ну, что же, – задумчиво отозвался тот, – они – люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было... Человечество любит деньги, из чего бы те ни были сделаны, из кожи ли, из бумаги ли, из бронзы или из золота. Ну, легкомысленны... ну, что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их... – и громко приказал: – Наденьте голову» [3, с. 276-277].

Цепочка смертей, которая тянется за Воландом и его спутниками на всем протяжении повествования, есть «ироническое подражание» смерти. Булгаков с невероятным изяществом приступает к ироническому подражанию и критике цепочки политических смертей и ссылок времен Сталина и никогда не скрывает этот факт от своего прозорливого читателя. Используя возможности карнавала и игры-представления, он критически реконструирует действительность своего времени.

Изображения процессов жизни и смерти, показанные на примере тела человека, являются выразителями физического фокуса карнавального

взгляда. Читатель видит это в сцене смерти Берлиоза, голова которого была отделена от тела, а также в сцене сеанса черной магии, когда то же самое (однако, временно) произошло с Бенгальским. В сущности, повествование развивается с карнавальным бесстрашием и свободой. Фагот, или тот же Коровьев, начинает играть с черепом и, в конце концов, бросает его Бегемоту, который кладет его на место. В духе карнавальской свободы Фагот и Бегемот берут в руки голову Бенгальского и разговаривают с ней. В смерти во время карнавала элемент ужасного превращается в юмористический. Суть карнавала раскрывается в превращении пугающих элементов в элементы, вызывающие смех.

«...квартирный вопрос только испортил их... – и громко приказал: – Наденьте голову.

Кот, прицелившись поаккуратнее, нахлобучил голову на шею, и она точно села на свое место, как будто никуда и не отлучалась.

И главное, даже шрама на шее никакого не осталось» [3, с. 277].

Церемония Бала у Сатаны

Карнавал – это тот праздник, на котором народ надевает маски. И благодаря маске во время карнавала люди могут показать себя в другом облике, позволить иное поведение, и никто их не осуждает. Этот момент очень важен с точки зрения психологии. Маски дают людям больше свободы, так как люди друг друга не узнают, и происходит что-то, напоминающее игру. С помощью шутки они выражают свое отношение к тому, что они не любят и не могут изменить. Это отношение могло осуществиться только с помощью карнавала и маски.

Эпизод Великого Бала у сатаны можно считать развернутым карнавалом. Писатель обращается к балу как одной из форм массового гуляния. Множество приглашенных – это представители разных слоев общества. Примечательно, что именно участие всего народа, отсутствие сценической площадки, рампы, разделение на актеров и зрителей представляются Бахтину важнейшими критериями, характеризующими карнавал как народное гуляние. Во время карнавала можно жить только по его законам, то есть по законам карнавальской свободы. Но «бал», в отличие от карнавала, ушел намного дальше, так как на балу можно было снять маску или прийти без нее и, таким образом, видеть реальные лица людей, лица, с которых снята маска. Церемонию «Бала у сатаны» в романе Булгакова можно понимать по-разному. Возможно, смысл в том, что эти люди при жизни согрешили, и даже после смерти до конца они будут страдать. Во время «Бала у сатаны» каждый мертвец появляется в своем прижизненном грехе. Во время традиционного карнавала у всех – маски. Но во время «Бала у сатаны» все без масок. Таким же образом в жизни и в реальном мире каждый может не показывать свою реальную сущность, но в потустороннем мире все завесы сбрасываются, так как это происходит на «Балу у сатаны», на котором открываются и предстают перед нами тайны, как на сцене театра варьете. И таким образом все неожиданно оголяются, и завесы спадают. Эти люди наказываются, так как они достигли всего легким путем, без каких-либо стараний и усилий. Следовательно, функции бала и карнавала очень близки, и Булгаков

идею карнавала использует, чтобы показать сущность людей и представить их такими, какие они есть на самом деле. Также Булгаков изображает и действительность со всеми общественными, экономическими, культурными и психологическими проблемами и недостатками, так как в период карнавала люди свободны и не ставят себя ни в какие определенные рамки и ничем себя не ограничивают.

В обряде Бала у Сатаны идеология романтической любви слилась с идеологией обряда смерти и воскресения. Этот факт отсылает нас к идеологии обряда смерти второй половины XV века, который связывает любовь, радость и смерть и на изображениях помещает их друг рядом с другом.

Образы карнавала, пира и, более всего, исполнения музыки и танца в обряде танца сатаны, напоминают картины «Пляска смерти» Ганса Гольбейна и «Триумф смерти» Питера Брейгеля, показывают, что смерть, танец и музыка связаны друг с другом, и почти всегда смерть изображается в виде музыканта.

Поэтому, несомненно, Бал у Сатаны имеет связь с «пляской смерти» позднего Средневековья, которая считается карнавальным танцем. Бахтин уверен, что жизнь всегда побеждает смерть, хотя она и появляется из самого сердца смерти. Он указывал на глиняные скульптуры древности – скульптуры «пожилых беременных, изнемогающих от смеха... скульптура беременной смерти, смерти, которая рождает» [1, с. 26].

Карнавальный смех, являющийся центральным ядром теории Бахтина, рождает жизнь, и победа жизни над смертью всегда выражается с помощью смеха. В речи и смехе Маргариты есть

радость, дающая жизнь, сверхъестественным образом вмещающая в себя смерть и религию, изгоняющая страх и защищающая живительный органический круг бытия и представляющая собой квинтэссенцию карнавала.

Смех в карнавале имеет два оттенка: создающий радость и веселье и в то же время иронический и едкий. Этот смех одновременно отрицает и утверждает, хоронит и воскрешает [там же, с. 477].

В обряде танца сатаны заметен этот тип карнавального иронического подражания, когда одновременно с отрицанием происходит возрождение и обновление. Вероятно, можно сказать, что в этой сцене Булгаков отрицает и утверждает день страшного суда и заново создает воскресение со свойственными ему особенностями.

В недра идеи карнавала Бахтин помещает антагонизм жизни и смерти; или, точнее говоря, поиск всех упомянутых выше противоречий делает смерть частью обновления круговорота жизни и процесса ее становления, который он считает более устойчивым фактором, чем смерть.

Обряд танца сатаны, с точки зрения карнавальности, охватывает широкий и достаточно подробный круг понятий. Как упоминалось ранее, эта церемония представляет собой «перевернутый карнавал» при том, что мы видим здесь все карнавальные элементы. Это карнавал, который оканчивается смертью Мастера и Маргариты, несмотря на то, что он празднует физическое возрождение. Это церемония одновременно и пир, и отражение предстоящей смерти Мастера и Маргариты. В сущности, эти герои своей «смертельной любовью», проходя через карнавал, достигают смерти

и воскресения, а также утверждения совместной жизни с любимым.

Для воссоединения с Мастером Маргарита даже прибегает к защите магии и, в сущности, для того, чтобы соединиться со своей любовью, выбирает карнавальным способ решения. Если взглянуть на этот поступок с социальной точки зрения, подтверждается истина, согласно которой общество, доведенное в советское время до крайности, было вынуждено обращаться к магии и суевериям, чтобы вырваться из тисков строя. Как говорил Бахтин, карнавал есть форма культуры противостояния, переворачивания навязанных истин вверх ногами и освобождения от официальной господствующей идеологии.

На балу Сатаны, который считается одной из лучших карнавальных сцен повествования, все люди были равными. Начиная с императора Калигулы и других правителей, самоубийц и приговоренных к смерти и всех грешников – все были для Маргариты одинаковы, и между ними не должна была быть отмечена дискриминация, и необходимо было даже внешне проявить ко всем внимание. Так же, как во время карнавала, все обладают равными правами, и исчезает система иерархических связей, и все – и правитель, и безумец, и палач – оказываются на одном уровне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтин, М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса [Текст] / М.М. Бахтин. – М., 1964.

2. *Ноулс, Рональд.* Шекспир и карнавал после Бахтина [Текст] / Р. Ноулс. – Тегеран, 2013. (на перс. языке)
3. *Булгаков, М.М.* Мастер и Маргарита [Текст] / М.М. Булгаков. – Тегеран, 1982. (на перс. языке)
4. Введение в социологию литературы. Избранные статьи [Текст]. – Тегеран, 2000. (на перс. языке)
5. *Соколов, Б.В.* Булгаков. Энциклопедия. Серия: Русские писатели [Текст] / Б.В. Соколов. – М.: Алгоритм, 2003.
6. *Lesley, Milne.* Mikhail Bulgakov: a critical biography [Text] / Milne Lesley. – Cambridge university press, 1990.
7. *Yanina, Arnold.* Through the Lens of Carnival Identity, Community, and Fear in Mikhail Bulgakovs The Master and Margarita [Электронный ресурс] / Arnold Yanina. – URL: <http://www.masterandmargarita.eu> (дата обращения: 10.01.2017).

REFERENCES

1. Bahtin M.M., *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kultura srednevekovja i Renessans*, Moscow, 1964. (in Russian)
2. Bulgakov M.M., *Master i Margarita*, Tegerane, 1982.
3. Lesley Milne, *Mikhail Bulgakov: a critical biography*, Cambridge university press, 1990.
4. Noulis Ronald, *Shekspir i karnaval, posle Bahtina*, Tegerane, 2013.
5. Sokolov B.V., *Bulgakov. Jenciklopedija, Serija: Russkie pisateli*, Moscow, Algoritm, 2003. (in Russian)
6. *Vvedenie v sociologiju literatury, Izbrannye statja*, Tegerane, 2000.
7. Yanina Arnold, *Through the Lens of Carnival Identity, Community, and Fear in Mikhail Bulgakovs The Master and Margarita*, available at: <http://www.masterandmargarita.eu> (accessed: 10.01.2017)

Наргес Санаи, аспирантка, кафедра русской литературы, Московский педагогический государственный университет, nargessanaei@gmail.com

Narges Sanaei, Post-graduate Student, Russian Literature Department, Moscow State University of Education, nargessanaei@gmail.com

УДК 821.111 Пристли
ББК 83.3(4 Вел)6-44-8 Пристли Дж.Б.

ТЕАТРАЛЬНОСТЬ ПРОЗЫ ДРАМАТУРГА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЖ.Б. ПРИСТЛИ «ДЖЕННИ ВИЛЬЕРС: ПОВЕСТЬ О ТЕАТРЕ»)

Е.Н. Черноземова, Ю.В. Чернова

Аннотация. В статье произведено исследование способов авторского введения реплик персонажей в прозаический текст на примере произведения Дж.Б. Пристли «Дженни Вильерс: повесть о театре». Целью статьи является сравнительный анализ оригинала и перевода повести писателя с точки зрения функционирования реплик, имеющих сходство с ремарками и режиссерскими указаниями. Особый интерес представляют функции указаний на интонирование в речевых характеристиках героев. В данной статье рассматриваются два вопроса: особенности перевода и театральности прозы Дж.Б. Пристли, которые остаются малоизученными и актуальными на сегодняшний день. Анализируемые введения реплик и авторские указания организованы по принципу ремарок в драматургическом тексте, что позволяет говорить о связи драматургии и прозы Дж.Б. Пристли.

Ключевые слова: повествовательная проза драматурга, богатство интонаций, способы введения реплик персонажей в повествование.

464

THEATRICALITY OF THE PLAYWRIGHT'S PROSE (ON THE EXAMPLE OF J. B. PRIESTLEY'S WORK "JANNIE VILLIERS: THE STORY ABOUT THEATRE")

E.N. Chernozemova, Yu.V. Chernova

Abstract. The article analyzes the ways of author's introduction of characters' remarks to the prosaic text on the example of J.B. Priestley's work "Jannie Villiers: the story about theater". The aim of the article is a comparative analysis of the original and the translation in terms of the functioning of the remarks that resemble notes and director's instructions. Of particular interest are the functions listed in the intonation of speech characteristics of heroes. The article addresses two issues: features of the translation theatricality of J.B. Priestley's prose, which remain poorly understood and relevant today. Analyzed introduction of replicas and original instructions are organized on the basis of remarks in the dramatic text that allows to speak about the relationship of drama and J.B. Priestley's prose.

Keywords: *narrative prose of the playwright, richness of intonations, ways of introduction of characters' remarks to the narration.*

В 1948 г. Д.Б. Пристли переработал текст не поставленной на сцене пьесы в повествование «Дженни Вильерс: повесть о театре». В повествовании драматурга есть множество эпизодов, сходных с ремарками и режиссерскими замечаниями относительно обстановки, характерной для места действия, костюмов действующих лиц и их внешности, напоминающими режиссерско-авторские указания по гриму. Особый интерес представляет то, как драматург вводит в прозаическое повествование реплики персонажей.

Ввод реплик в повествование Д.Б. Пристли многообразен, далек от бесконечно повторяющихся «сказал» и «воскликнул». Многообразие возникает за счет многочисленных и тонких указаний на интонации, на состояния персонажей. Разочарование молодой актрисы мисс Сьюард, не заставшей автора пьес Чиверела, передается ее неровным дыханием: “Oh! cried the girl, looking round, he’s not here She was breathless and sounded disappointed” [1, p. 24]. («Ах!» – разочарованно вскричала девушка, оглядевшись по сторонам. – Его здесь нет. – Она с трудом переводила дыхание» [2]). Допущенная ею грубость получает оправдание в авторском замечании, связанным с горячностью юности: «Да плевать я хотела! – сказала девушка, и это была не грубость, а просто отчаяние в соединении с молодостью. – Дело в том, что я не “все”. Я актриса, и я должна видеть мистера Чиверела» [2]. (“I don’t know and I don’t care,” said the girl, not rude but merely young and desperate. The point is, I’m not everybody. I’m an actress –

and I must see Mr. Cheveril”) [1, p. 25]. Замечание о возгласе оказывается расцвеченным указанием на широко открытые огромные глаза: “Oh! cried the girl, staring with huge round eyes” [6; p.25] – или жадное юное изумление: “She stared about her now, for the first time, drinking in the room with the sudden greedy gaze of youth” [1, p. 28] («у нее перехватило дыхание от внезапного и жадного юного изумления») [2]. Эмоции, которые отражаются в репликах и поведении Энн Сьюард, с одной стороны, подчеркивают ее актерский талант, проявляющийся в жизни, а с другой, отражают доверчивость и открытость миру, связанную с возрастом. «Тут ужасно здорово! – прибавила она доверчиво и простодушно, как ребенком» [там же]. Именно с этим связана ее вера в привидений. Присутствие потусторонней силы и создание таинственной атмосферы в Зеленой комнате старого театра передается через возбуждение в голосе. «Мисс Фрэйзер, – продолжала она возбужденным шепотом, – а вам не хочется посидеть тут поздно вечером и покараулить?..» [там же]. Автор замечает, что это характерно для возраста героини. «Вот что значит двадцать три года!»

Персонажи повествования Д.Б. Пристли часто говорят возгласами. Им, как актерам, свойственна некоторая экзальтация, что отличает манеру общения не только юной актрисы, но и вполне зрелой Паулины, реплики которой зачастую так же несдержанны. Но и их автор оправдывает своими комментариями-пояснениями: “I wish you wouldn’t do that, cried Pauline,

robbed of her assumed calm” [1, p. 30]. («закричала Паулина, не в силах больше притворяться спокойной»; “Said Pauline, rather crossly” [Ibid, p. 31] («запальчиво возразила Паулина») [2].

Паулина, как Энн и Сьюард, является актрисой и актерствует не только на сцене, но и в жизни. Уже при первом появлении театре «Ройял» она говорит речь, выдерживая паузы для смеха и аплодисментов, отчего возникает ощущение наигранности в ее словах и поведении. «Да, вот и ее голос – здесь, в сумраке за дверью, он звучал нестерпимо фальшиво» [там же]. Весь прием в честь постановки пьесы представляет собой спектакль, в котором речь Паулины звучит органично. Попытку разрушить общее радостное настроение предпринимает режиссер Чиверил. Его появление в комнате поначалу отвечает законам этого приема. Фраза «Пока неплохо; а теперь сотрем с их лиц этот слегка остекленевший взгляд» никак не прокомментирована автором и по своей форме скорее напоминает реплику в сторону, после которой Мартин говорит то, что думает, а не то, что от него ожидает мэр и гости.

Особая подача реплик отмечается и у премьеры труппы XIX века Джулиана Напье: “Julian Napier was saying, in his haughty leading-gentleman style” [1, p. 56] («...произнес Джулиан Напье высокомерным премьерским тоном») [2]. Повторим, что особое внимание автор отводит внешности героев, особенно актерам труппы XIX века. Его указания при этом сопоставимы с ремарками драматурга в драматургическом тексте. Автор подчеркивает, что Напье не только на сцене, но и в жизни играл романтического героя. «...Это был статный, высокомерного вида молодой

человек с длинными черными волосами, законченный тип романтического героя сороковых годов. Он носил широкий темно-синий галстук, отлично сидевший голубой сюртук и светло-серые брюки со штрипками». Даже в комнату он вошел «размашистым шагом» человека, знающего себе цену, первого любовника. Известие о смерти Дженни Вильерс меняет жесты героя. В образе Гамлета «он бросился на стул возле гримировального столика, уронил голову на руки и зарыдал сухо и сдавленно» [там же]. Даже в момент проявления истинных чувств, жесты актера, сменяющиеся на неподвижность, больше соответствуют сцене из спектакля, чем жизни.

Наименьшее количество реплик, которые сопровождалась бы возгласами, принадлежит Дженни Вильерс. Она не склонна к экзальтации и чувствует фальшь, репетируя роль: «Она наклонила голову, содрогаясь, скрестила руки и закрыла ими лицо. В этот момент Дженни неожиданно хихикнула» [там же]. Поза и жесты миссис Ладлоу неестественны и неорганичны, вызывают смех и недоверия. Дженни – это настоящая актриса, которая не играет (равно притворяется), а проживает роль. Даже при первом появлении она отличается от остальных актрис труппы. «Она вплыла в комнату, излучая какой-то новый свет, – довольно высокая, стройная девушка в широком цветастом муслиновом платье с маленьким корсажем и – вместо бонетки, какие были на всех остальных женщинах, – в плоской соломенной шляпе с широкими изогнутыми полями, откровенными ее красивые локоны и овальное тонкое лицо» [2].

Ряд реплик, сопровождающихся обычным «воскликнул», или «вскри-

чал» (he cried), складываются в описание сцен, разыгрываемых актерами в театральном быту. В главе 5 комик трушпы Сэм Мун, знакомясь с Дженни и явно желая понравиться, с порога включается в игру и вовлекает в нее немолодого актера Джона Стоукса, который с готовностью подхватывает его затею. Реплика Муна “Ladies, your servant, he cried”, – сопровождается авторским описанием разыгрываемой комиком пантомимы: “and then went elaborately through the pantomime business of dismounting and handing the umbrella, as horse, to old John Stokes, who at once entered into the spirit of the performance. “Give me ‘orse a rub-down, fellow, an’ mouthful o’ hay”¹ [1, p. 54]. Следующую вслед за этим реплику Джона Стоукса переводчик сопровождает вводным «гаркнул», хотя в оригинале у Д.Б. Пристли стоит все то же “cried”, и переходит к последующему «проревел», обозначенному у Пристли как roared (прорычал):

“Ay, ay, sir”, cried Stokes, as groom. “Will your honour be staying here the night?”

“S’death!” roared the comic. “I am on urgent business for the Dook”.

“Sam Moon!” cried Mrs. Ludlow reproachfully² [1, p. 55].

Этот театральный дуэт повторяет свою слаженную работу вне сцены в главе 12, когда Дженни требуется поддержка после безмолвного исчезновения Напье. Актеры появляются в

ее комнате под руку в огромных касторовых шляпах. «Они заботливо и тревожно посмотрели на нее и ловко сняли шляпы с головы друг у друга». Теперь реплика «Ваш слуга, сударыня!» – произносится ими хором, что удваивает готовность вступить за нее:

“Your servant, madam!” they cried together.

Jenny smiled. “Be covered, gentlemen!” She was a young duchess in some antique play.

Sam Moon touched her cheek with his forefinger, and then put the tip of that forefinger to his tongue. “Too salty”.

“Tears, eh?” said Stokes, looking reproachfully at her.

Jenny shook her head. “Let’s talk about something else – at once”.

Moon nodded and winked. “Yea, John”, he said, in what must have been his stage voice, full of squeaks and grunts... [1, p. 113]

Далее Мун переводит разговор в гастрономический план, намекая на возможность совместного ужина в Дрюри Лейн. В цитируемом эпизоде обратим внимание на авторскую характеристику подачи гастрономической реплики: «сказал он, взвизгивая и похрюкивая (очевидно, таким голосом он говорил на сцене)» [2]. Разговор заканчивается тем, что бывалые актеры заявляют успешной Дженни, что ей только предстоит стать актрисой и произойдет это лет через пятнадцать: пока она обладает лишь прекрасными задатками.

¹ «Леди, ваш покорнейший слуга! – вскричал [курсив – Е.Ч.] он и тут же разыграл сложную пантомиму: изобразил, что спешивается, и бросил зонтик, как поводья, старому Джону Стоуксу, который сразу же включился в игру. – Почисти-ка моего коня, любезный, и дай ему овса» (пер. с англ. В. Ашкенази).

² «Слушаюсь, сэръ! – гаркнул [курсив – Е.Ч.] Джон Стоукс в роли грума. – Ваша честь заночует у нас?» – «Где там! – проревел [курсив – Е.Ч.] комик. – У меня неотложное дело к герцогу». – «Сэм Мун! – укоризненно воскликнула [курсив – Е.Ч.] миссис Ладлоу» (пер. с англ. В. Ашкенази).

Так они, видимо, стараются отвлечь ее от невеселых мыслей и переключить на профессиональные задачи. Все реплики этого диалога даются без авторских пояснений, кроме однажды возникшего «весело спросила Дженни», – которое нужно для того, чтобы подчеркнуть, что Дженни, если и не развеселилась на самом деле, то, по крайней мере, дала понять старым актерам, что их усилия не бесполезны.

Отметим, что некоторой слабостью, склонностью к театрализации – желанием порисоваться грешит и главный персонаж повествования, автор пьес Мартин Чиверил: “Cheveril grinned. More showing off, of course, and cheap for that; but he had to enjoy himself somehow, with that frozen wasteland waiting for him inside” [1, p. 17] («он не устоял перед искушением порисоваться. <...> Порисоваться еще? Нет, это дешево; но он должен был доставить себе какое-то удовольствие напоследок перед уходом в бескрайнюю холодную пустыню своего внутреннего мира» [2]).

Мартин пребывает в театр для постановки своей новой пьесы «Стеклянная дверь», само название которой метафорично. Ближе к финалу произведения, переосмысливая написанное под влиянием всего с ним случившегося, Мартин раскрывает суть своего произведения. Пристли при этом прописывает указания на то, как именно люди общаются за стеклянными дверями: “<...> All **mumbling** and making frantic gestures behind glass doors” [1, p. 187] («все **бормочут** и яростно жестикулируют за стеклянными дверьми» [2]). Режиссер в начале произведения сам выстраивает между собой и окружающим миром «стеклянную дверь», не желая прислушиваться к мнению

актеров своей труппы, многие из которых воспринимались им «в течение многих лет <как> коллеги и верные друзья, а теперь – непонимание, разобщенность: стеклянная стена» [там же]. Отторгается он и от знакомства с юной актрисой, не желая не только ее прослушать, но даже взглянуть: «Чудная девица; голос как будто неплохой; но он все же не собирался замечать ее существование» [там же]. Все увиденное изменило Чиверила, его отношение к людям, к Театру. «Все гораздо сложнее. Или, может быть, проще, – добавил он. – Влюблен в жизнь, пожалуй. Выбрался из бесплодной пустыни» [там же]. Мартин решает переписать финал пьесы: “I’ll fling some of those doors open for them. I’ll show at least one or two of them that communication may reach farther and understanding go deeper than – than many of us ever dreamt. I’ve got to take that risk” [1, p. 187] («Я распахну для них некоторые из этих дверей. Я открою хотя бы одному или двоим, что общение может возникнуть, а взаимопонимание стать глубже, чем... чем многие из нас осмеливаются мечтать. Я должен пойти на этот риск») [2]. Отвечая на вопрос Паулины, что заставило его принять такое решение, Мартин говорит очень медленно, не глядя на нее, об открывшемся ему способе общения столетней давности: “Communication and understanding outside our time, somewhere on the other side of things, where people aren’t so separate as they think – no, I can’t say any more, my dear” [1, p. 188]. («Общение и взаимопонимание вне нашего времени, где-то по ту сторону, где люди не так разъединены, как им представляется...») [2].

Проведенный анализ текста Д.Б. Пристли и его перевода на рус-

ский язык показывает, что переводчик обогащает возможности ввода реплик персонажей за счет большего числа синонимов, обозначающих речевые акты, имеющих в русском языке. Английский текст богат многочисленными указаниями на сопровождающие реплики оттенки интонаций, действия, психологические состояния персонажей – все то, что в театральной практике передается актерской игрой. Использование этих приемов позволяет автору показать актеров в обыденной жизни, быт творческих людей, которые и вне сцены остаются актерами. Настоящие актеры живут театром и, таким образом, Пристли развивает и реализует образ Шекспира о мире-театре, мире-сцене.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Priestley, J.B. Jenny Villiers [Text] / J.B. Priestley // Windmill press, Kingswood, Surrey, 1947.
2. Пристли, Дж. Б. Дженни Вильярс [Электронный ресурс] / Дж.Б. Пристли; пер. с англ. В.Ашкенази. – URL: <http://lib.ru/PRISTLI/2a-18.txt> (дата обращения 30.05.2016).
3. Legg, O.O. Театральность как тип художественного мировосприятия в английской литературе XIX – XX вв.: на примере романов У. Теккерея «Ярмарка тщеславия», О. Уайльда «Портрет Дориана Грея», С. Мозма «Театр»: Дис. ... канд. филол. наук [Текст] / О.О. Легг. – СПб., 2004.
4. Прозорова, Н.И. Театр в контексте евро-

пейской философии культуры [Текст] / Н.И. Прозоров. – Калуга, 2007.

5. Скоруход, Н.С. Проблемы театрального прочтения прозы: Дис. ... канд. искусствоведения [Текст] / Н.С. Скоруход. – М., 2008. – 205 с.
6. Спиридонов, Д.В. Драматическое действие в контексте нарративной типологии (к постановке проблемы) [Текст] / Д.В. Спиридонов // Дергачевские чтения – 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: Материалы X Всерос. науч. конф. Т. 3. – Екатеринбург, 2012. – С. 332-337.

REFERENCES

1. Legg O.O., *Teatralnost kak tip hudogestvennogo mirovospriyatiya v angliyskoy literature XIX – XX vv.: na primere romanov U. Tekkereya "Yarmarka tsheslaviya", O. Uaylda "Portret Doriانا Greya", S. Moema "Teatr"*, PhD dissertation (Philology), St. Petersburg, 2004, 170 p. (in Russian)
2. Priestley J.B., *Dgenни Vilyars*, per. s angl. V. Ashkenazi, available at: <http://lib.ru/PRISTLI/2a-18.txt> (accessed: 30.05.2016).
3. Priestley J.B., Jenny Villiers, *Windmill press*, Kingswood, Surrey, 1947.
4. Prozorova N.I., *Teatr v kontekste evropeyskoy filosofii kultury*, Kaluga, 2007. (in Russian)
5. Skorohod N.S., *Problemy teatralnogo prochteniya prozy*, PhD dissertation (Art), Moscow, 2008, 205 p. (in Russian)
6. Spiridonov D.V., *Dramaticheskoye deystviye v kontekste narrativnoy tipologii (k postanovke problemy)*, *Dergachevskiy chteniya – 2011. Proceedings of the Conference Russian literature: nacionalnoye razvitiye i regionalnyye oobennosti*, Vol. 3, Ekaterinburg, 2012, pp. 332-337. (in Russian)

Черноземова Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор, кафедра всемирной литературы, Московский педагогический государственный университет, Президент Российской ассоциации преподавателей английской литературы, chernozem888@yandex.ru

Chernozemova E.N., ScD in Philology, Professor, World Literature Department, Moscow State University of Education, President of Russian Teachers of English Literature Association, chernozem888@yandex.ru

Чернова Юлия Владимировна, аспирантка, кафедра всемирной литературы, Московский педагогический государственный университет, gulia77778@rambler.ru

Chernova Y.V., Post-Graduate Student, World Literature Department, Moscow State University of Education, gulia77778@rambler.ru

УДК 82.09
ББК 83.3(2 РОС=РУС)6

«О ЗЕМЛЕ ПОДУМАЮ, О НЕБЕ...»: ЗАКОН МЕТРА И СТИХИЯ ЧУВСТВА В ЛИРИКЕ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

О.А. Москвина

Аннотация. *Статья посвящена теме поэтической традиции. Цель – показать интонационное и тематическое развитие пятистопного хоря в стихах Николая Рубцова. Задача – установить смысловые связи текстов автора с лермонтовским стихотворением «Выхожу один я на дорогу...». Структура: вначале говорится о констатируемом в науке восприятии ритмических структур, неотрывно связанных с семантикой; указывается на прочные связи такого рода, даются примеры интерпретаций исходной формы. В основной части представлен анализ текстов Н. Рубцова, развивающего ритмическую интонацию источника. Отмечен диалог мотивов и тем, указаны приемы воплощения авторской идеи. В заключение содержится вывод о смысловой емкости пятистопного хоря в текстах Н. Рубцова, развитии главной темы творчества и мотивной близости М. Лермонтову.*

Ключевые слова: *ритмическая структура, стихотворный размер, поэтическая традиция, мотив, тема, лирический герой.*

470

“I’LL THINK ABOUT EARTH, ABOUT HEAVEN...”: RATIO OF POETIC RHYTHM AND SENSES IN THE LYRICS OF RUBTSOV

О.А. Moskvinа

Abstract. *The article concerns the poetic tradition. The goal is to show intonation and thematic development of the trochaic pentameter in Nikolai Rubtsov’s verses; to compare them with Lermontov’s text “I go out alone on the road...” Structure: First, we are talking about the perception of rhythmic structures in literary criticism and connections of rhythm and semantics; strong bonds of this kind are set out, examples of interpretations of the original form are given. The main part gives the analysis of N. Rubtsov’s texts who develops rhythmic intonation of the source. Dialogue of motifs and themes is marked, methods of realization of the author’s ideas are specified. A conclusion contains ideas of the semantic capacity of trochaic pentameter in N. Rubtsov’s texts, about his thematic and motivic proximity to M. Lermontov.*

Keywords: *rhythmic structure; verse size; poetic tradition; motif; theme; lyrical hero.*

Поэзия Николая Рубцова – явление, органично присущее русской классике, самому глубинному началу ее – в стремлении сказать свое слово о русской душе, русской истории, русской жизни. Его стихи интересны и в отношении ритмических традиций, в смысловом наполнении знакомых ритмических структур. Развитие стиховой интонации, диалог текстов на этом уровне всегда привлекает внимание, заставляет глубже исследовать поэтический стиль, определяет интертекстуальное изучение произведений авторов, иногда весьма разделенных временем. «Может показаться, – замечал Н.Н. Сидоренко, – что в отдельных стихах Н. Рубцова слух улавливает “есенинские” интонации. Возможно. Но это не подражание, а национальное сродство творчества...» [цит. по: 1, с. 28]. О звучащих в стихах «мотивах» (Ф. Тютчева, С. Есенина) говорит и В. В. Кожин, приводя в пример отрывок из стихотворения, где, по словам исследователя, «слышится есенинский дольник». Ученый видит в этом не подражание, а нечто другое: «Есенин как бы открыл ему (Рубцову) самый мир поэтического творчества». Указывается также на «прочные стилевые традиции классической русской поэзии от Пушкина и Лермонтова до Заболоцкого и Твардовского»: «Дело идет о широте и глубине той **поэтической традиции**, на которой выросло творчество Н. Рубцова, а не о некоем возврате в прошлое» [2, с. 47]. Е.В. Иванова в работе «Мне не найти зеленые цветы...» (Размышления о поэзии Н.М. Рубцова) пишет: «...все класси-

ческое наследие Н. Рубцов воспринимал через призму музыкальности. Друзья поэта вспоминали, что он часто пел песни на стихи М. Лермонтова, Ф. Тютчева, А. Блока. Особенно предпочитал тютчевское» [3, с. 12]. Видимо, речь идет о стихотворении Ф. Тютчева «Брат, столь лет сопутствующий мне...», которое, по словам В. Кожина, Н. Рубцов исполнял как песню. (Уточним: стихи написаны пятистопным хореем, но, в отличие от лермонтовского, использован один вид клаузулы – мужской.)

Та или иная ритмическая структура, восходящая к ранее написанному произведению, может восприниматься в дальнейшем использовании неотрывно от тематического комплекса. М. Гаспаров называл это «семантическим ореолом размера», подчеркивая, что «связь между формой и темой, не органическая, а историческая» [4, с. 253]. Такое наблюдение сделано ученым относительно трехстопного хорее (с чередованием женских и мужских окончаний): показано тематическое развитие «источника» – «Ночной песни странника» Гете, в подражание которой М. Лермонтов в 1840 г. написал «Горные вершины / Спят во тьме ночной...».

Подобное «узнавание» литературного источника может связываться, вероятно, и с другими структурами, в частности с пятистопным хореем с чередованием женских и мужских окончаний: целый ряд произведений разных авторов объединяется не только внешними признаками этого размера, но и воплощенной с его помощью

тематикой, восходящей к стихотворению М. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу». Это произведение уже сопоставлялось со стихотворениями: «Накануне годовщины 4 августа 1864 г.» Ф. Тютчева и «Осенняя воля» А. Блока (М. Гаспаров). Автор данной статьи применяет метод подобного исследования, рассмотрев некоторые стихотворения Н. Рубцова, развивающего «лермонтовскую» традицию и, конечно, традицию Есенина. Улавливая сходство **стиховых интонаций** в лирике Лермонтова, Есенина, Рубцова, чувствуем и другие «точки соприкосновения» – в поиске *главного пути*, в приверженности к *судьбе Отчизны*, в остроте и мучительности переживания *любви* к ней. В этом плане видится связь некоторых произведений и других поэтов, особенно тех, кого можно отнести к «почвенному» направлению русской лирики XX века (Владимира Соколова, Анатолия Жигулина, Алексея Прасолова), «сквозные темы которой – тема земли и России» [5, с. 27]. «Семантический ореол» лермонтовского метра своеобразно развивается в стихотворениях Ивана Бунина («Из окна») и Арсения Тарковского («В пятнах света, в путанице линий...»).

Поэты по-разному воплощали заданный стихотворением Лермонтова тематический комплекс (*судьбы, пути, поиска смысла, гармонии с миром, покоя*), отсылая читателя к первоисточнику с помощью узнаваемой интонации, цитат, мотивов. А. Блок начинает стихотворение «Осенняя воля» в сходной с лермонтовской стилистике («*Выхожу я в путь, открытый взорам...*»), развивая иной образный план, но постоянно соотносимый с классическим вариантом (Веч-

ные русские темы. Многие строки этого текста мог бы вполне произнести рубцовский герой). И. Бунин, обращаясь в стихотворении «Из окна» к той же ритмической структуре, снимает подчеркнутый субъектный акцент и «разворачивает» картину в пространственной перспективе: «*Ветви кедра – вышивки зеленым / Темным плюшем, свежим и густым...*». Один план сменяет другой, так возникает представление о *пути*. Но именно *представление*: сама дорога не изображена, она *возможна* для того, чей взгляд преодолел ограничение окна, устремлен вдаль, для того, кто воспринимает открывающиеся виды как *движение*.

Драматически напряженное эмоциональное размышление о человеческой судьбе дает импульс лирическому событию в стихотворении С. Есенина «Не жалею, не зову, не плачу...». Звучащий здесь *мотив ухода* позволяет соотнести данное произведение со стихотворением Н. Рубцова «Я умру в крещенские морозы...» (написано 5-ти стопным хореем, но приобретает несколько иное звучание, так как во всем тексте одинаковые стиховые окончания – женские клаузулы). Насколько широк диапазон использования Есениным ритма пятистопного хоря («Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...»; «Может поздно, может, слишком рано...»; «Ты меня не любишь, не жалеешь...»; «Тихий ветер. Вечер синехмурый...»), настолько тесной и органичной является связь этих поэтов – в главном тематическом выражении. Если начальной точкой в развитии семантики метра считать стихотворение «Выхожу один я на дорогу...», то следующая – по силе и яркости выра-

жения – это есенинские стихотворения: «Не жалею, не зову, не плачу...», «Спит ковыль. Равнина дорогая...» «До свиданья, друг мой, до свиданья...», а затем – новое, неповторимое воплощение главной темы творчества, осмысление своего поэтического пути – в лирике Рубцова.

В русской поэзии второй половины XX – начала XXI века можно указать произведения, по-своему воплощающие смысловое начало стихотворения, созданного М. Лермонтовым. По мнению автора данной статьи, тематически близки написанные пятистопным хореем стихотворения Владимира Соколова «Ничего, что вымокла дорога...» (1957), «Жизнь прошла. И как перед началом...» (1978), где явственен мотив дороги, определяющий стилевые доминанты текста: задумчивая созерцательность, звуковая и предметная детализация, «помогающие лирическому герою осознать ценность каждого мгновения бытия. У В. Соколова есть и другие тексты того же ритмического рисунка: «Боже мой, как хочется прочесть...», «Это просто вечер был такой...», «Все чернила вышли, вся бумага...», но в них замечаются отступления, как формальные, так и содержательные. Близок к рубцовской тематике (и способам ее воплощения) поэт Анатолий Жигулин, обратившийся к рассматриваемой ритмической структуре в стихотворениях «Родина» (1962) и «Покинутая деревня» (1980). Тема родины, мотивы дороги, ухода и возвращения, образ реки, пристальность и грусть в изображении родного пейзажа – все это воплощено в традиции Н. Рубцова. Стихотворение «Покинутая деревня» особенно выявляет близость мироо-

щущений поэтов: малая родина – это некая личная примета, это познанное место, родное, формирующее внутренний мир и укрепляющее человека настолько, что не дает ему затеряться в огромном пространстве. (Следует заметить, что в стихотворении «Родина» А. Жигулин несколько изменяет ритмическую структуру «первоисточника»: полустипия иногда становятся стихами (3 стопы + 2 стопы), клаузулы женские и дактилические, но это не мешает сохранению общей интонации и пафоса). Стихотворение А. Прасолова «Мирозданье сжато берегами...» (1963) находится как бы между лермонтовским и рубцовскими текстами рассматриваемого размера – по способу соединения масштабного, *космического* и *ближайшего* планов.

Арсений Тарковский, использующий тот же ритмический рисунок в стихотворении «В пятнах света, в путанице линий...», по-своему воплощает традицию, развиваемую начиная с Лермонтова. Перед нами – ищущее себя сознание, первоначальное освоение мира, поиск связей с ним. Поэтический цикл из пяти стихотворений, включенный Михаилом Тарковским в повесть «Тойота-креста» (2007) обнаруживает удивительную близость как лермонтовскому произведению – по ритму и духу: «Снова выезжаю на дорогу, / Все как прежде, дали и снега, / Снова ночь. И снова внемлют Богу / Океаны, горы и тайга» [6, с. 90], так и творчеству Рубцова, для которого судьба родины – основная тема.

Особый интерес представляют произведения Николая Рубцова, неоднократно обращавшегося к рассматриваемой ритмической структу-

ре. Поэтом создан ряд стихотворений, в разной степени проявляющих идейно-тематическую близость к стихотворению Лермонтова. Не всегда рубцовский пятистопный хорей *буквально* ориентируется на лермонтовский текст. Но задача автора данной статьи заключается в поиске именно связей, а не расхождений в восприятии устойчивого «семантического ореола размера».

Назовем хотя бы некоторые стихотворения указанного метрического типа, заметив, что у Н. Рубцова их все же немало: «Два пути», «Я устал от зимних помрачений...», «Другу», «Березы», «Эх, коня да удаль азиат...», «Ось», «Слез не лей...», «На вокзале», «Над рекой», «Почему мне так не повезло?», «Острова свои обогреваем...», «Поезд», «Долина юности», «Желание», «Улетели листья», «Элегия» («Стукнул по карману – не звенит...»), «Подорожники», «Я умру в крещенские морозы...». Хотя эти тексты объединены одним стихотворным размером, не везде клаузулы чередуются как у Лермонтова, и это сказывается на интонации. Не только формальный стиховой прием есть признак сходства: ощутима иная связь – неповторимое рубцовское тематическое единство, его вечная главная дума, определяющая цельность творчества. Размышляя так, соглашаемся с утверждением А. Ю. Кирова, рассматривающего всю поэзию Н. Рубцова как «лирический роман». Не случайным кажется, что и названные, и другие произведения поэта имеют порой несколько вариантов. Это говорит о постоянном возвращении автора к волнующим его темам, образам, настроениям, о формировании некоего цельного высказывания.

В написанном довольно рано, в 1950 году (с. Никольское Вологодской области), стихотворении «Два пути» уже заявлена основная творческая тема, предмет раздумий и поисков, и, возможно, ощущение собственного (особого) пути:

Два пути

Рассыпались
листья по дорогам.
От лесов угрюмый падал мрак...
Спите все до утреннего срока!
Почему выходите
на тракт?

Но мечтая, видимо, о чуде,
По нему, по тракту, под дождем
Все на пристань
двигаются люди
На телегах, в седлах и пешком.

А от тракта, в сторону далеко,
В лес уходит узкая тропа.
Хоть на ней бывает одиноко,
Но порой влечет меня туда...

Кто же знает,
может быть, навеки
Людный тракт окутается мглой,
Как туман окутывает реки...
Я уйду тропой.

В произведении не случайно «воспроизводится» лермонтовская ритмическая интонация. Своеобразный диалог начинается с первой строфы, особенно если прочесть ее «рядом» с классической: «*Рассыпались листья по дорогам. / От лесов угрюмых падал мрак... / Спите все до утреннего срока! / Почему выходите на тракт?*» Герой Н. Рубцова как бы продолжает размышления героя Лермонтова, только акцент делается на

том, почему он выходит на дорогу? Что его тревожит? Обозначается и другой важный план: герой *один* (как и лермонтовский). Есть *«людный тракт»*, а есть *«узкая тропка»*, на которой *«бывает одиноко»*. Но именно она и выбрана как необходимый, влекущий героя *главный* путь. Есть и еще одна «точка» соприкосновения текстов: *«туман»*, *«мгла»*, которыми *«окутывается тракт»* в стихотворении Н. Рубцова, восходят к строчке М. Лермонтова: *«Сквозь туман кремнистый путь блестит»*. Несомненно глубина понимания Н. Рубцовым, уже в раннем творчестве, сложности и драматизма *собственного* пути, выбора *своей* жизненной дороги. *Туман*, *мгла* обретают и другую семантику, помогая выразить не только неясность будущего (для героя), но и (именно рубцовская тема!) представление о движении истории: *«Кто же знает, может быть, навеки / Людный тракт окутается мглой, / Как туман окутывает реки...»*. Герой видит прошлое из другого времени. Образ *тумана* именно в этой функции (изображение временной дистанции) в дальнейшем творчестве будет соотнесен с *дымными веками* («Поэзия»: «Когда она за дымными веками...»), *дымкой* (тот же текст); образом «пыли веков, в которой становятся незримы проходящие по старой дороге *пилигримы* («Старая дорога»). В творчестве Рубцова ярко проявится характерная особенность – поэтически воссоздавать само движение времени. Так, в стихотворениях «Видения на холме», «Старая дорога» и других лирическим событием становится эмоциональное переживание (и как бы само «проживание») движущегося исторического времени.

Видится связь стихотворений «Два пути» и «До конца» (1965, вариант – «Заклинание»), хотя структура последнего отличается: чередуются двустопный хорей с трехстопным ямбом. Такое разделение на короткие стихи (а это, по мнению автора статьи, именно разделение пятистопной хорейческой строки) определяется глубокой внутренней эмоцией, размышлением (заклинанием), даже дыханием высказывающегося субъекта. Отсюда повторы, композиционное кольцо. Единство этих произведений обосновано цельностью творчества Николая Рубцова, идеей приверженности главной для него поэтической теме. Выбранный путь – это душевная чистота (в плане личной судьбы) и причастность судьбе родины (здесь личное органично и всецело соединяется с *поэтической дорогой* автора).

Может возникнуть вопрос: сознательно ли Н. Рубцов ориентировался на стихотворение М. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...»? Трудно ответить однозначно. Предположим, что содержание данного классического произведения связывалось у Рубцова с представлением об очень важных для человека размышлениях и переживаниях. Приведем суждение самого поэта из его статьи «Подснежники Ольги Фокиной» (газ. «Вологодский комсомолец» от 2 февраля 1966 г.). Цитируя стихотворение поэтессы, Рубцов замечает: «По внешней и внутренней организации это четверостишие сильно напоминает лермонтовское «ее степей холодное молчанье, ее лесов безбрежных колыханье». Все равно напоминает, хотя оно гораздо интимней по интонации. Это было бы плохо, если бы стих был просто сконструирован по лермонтовскому образ-

цу. Это хорошо потому, что стих не сконструирован, а искренне и трепетно передает такое подлинное состояние души, которое просто родственно лермонтовскому» [7, с. 48]. Возможно, эти слова могут быть отнесены и к самому Рубцову, чья поэзия органично развивается в русле классической национальной литературы, продолжает ее традиции и сама становится мощным неповторимым явлением.

В стихотворениях «Ось» и «Я умру в крещенские морозы...» наиболее заметна близость к стихотворению Лермонтова – в тематическом плане, даже несмотря на то, что последнее, чрезвычайно драматичное по духу, уже со второй строки начинает отличаться от лермонтовского ритмического рисунка (за счет использования только женских стиховых окончаний).

Ось

Как центростремительная сила,
Жизнь меня по всей земле носила!

За морями, полными задора,
Я душою был нетерпелив, -
После дива сельского простора
Я открыл немало разных див.

Нахлобучив «мичманку» на брови,
Шел в театр, в контору, на причал.
Полный свежей юношеской крови,
Вновь, куда хотел, туда и мчал...

Но моя родимая земля
Надо мной удерживает власть, -
Память возвращается, как птица,
В то гнездо, в котором родилась,

И вокруг любви непобедимой
К селам, к соснам, к ягодам Руси
Жизнь моя вращается незримо,
Как земля вокруг своей оси!..

***

Я умру в крещенские морозы.
Я умру, когда трещат березы.
А весною ужас будет полный:
На погост речные хлынут волны!
Из моей затопленной могилы
Гроб всплывет, забытый и унылый,
Разобьется с треском,
и в потемки
Уплывут ужасные обломки.
Сам не знаю, что это такое...
Я не верю вечности покоя!

В начале второго стихотворения акцентирован повтор, этим подчеркивается эмоциональное состояние лирического героя, убежденного в невозможности *иных* обстоятельств и *иных* условий, кроме тех, о которых он настойчиво говорит. «Лирическое событие» данного текста, в котором заключен известный ритмический код и, следовательно, угадывается тема лермонтовского произведения, в то же время антитетично классическому, где преобладает гармонизирующее начало. Разнонаправленность ощутима уже в зачинах: «*Выхожу...*» (Лермонтов) – «*Я умру...*» (Рубцов), хотя и в том, и в другом тексте развивается мотив ухода (смерти), представляется и то, что за ней.

Вторая строка стихотворения Лермонтова развивает тему дороги: «Сквозь туман кремнистый *путь блестит*». Поэт акцентирует последнее слово стиха (в этом и сказывается роль мужской клаузулы): *путь виден, обозначен*. Первый и второй стихи ритмически, интонационно и эмоционально различаются: плавное «*на дорогу*» переходит в более энергичное «*путь блестит*». У Рубцова, напротив, вторая строка ритмически повторяет первую, за исключением осла-

бления четвертой стопы; к тому же используется лексическое удвоение. Оба стиха совпадают по эмоциональному накалу, возникает напряженная интонация. Она мотивируется нарисованной воображением лирического героя страшной картиной. То, что он в подробностях представляет себе, совершенно исключает идею покоя, примирения. «*Я не верю вечности покоя!*» – так утверждающе, категорично завершается произведение.

Если лермонтовским героем не принимается «холодный сон могиль» и выражается желание не утратить чувства жизни, связи с ней, то герой Рубцова не предполагает даже этого «*я б хотел*» – настолько остро ощущается им драматизм собственной судьбы и мира. Это состояние близко самому автору, знакомо и другим героям его произведений. Так, в стихотворении «*Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...*» (здесь иной ритмический рисунок) слышны тревожные ноты: «*Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно / Во мгле над обрывом безвестные ивы мои!*»; «*Боюсь, что над нами не будет таинственной силы...*»; «*Никто меж полей не услышит глухое скаканье, / Никто не окликнет мелькнувшую легкую тень...*». К теме ухода Рубцов обращался и в других произведениях – в том же ключе непризнания покоя и смирения перед небытием. «*Тогда я горсткой пепла буду, / Но дух мой... вылетит в трубу!*» – так заканчивается стихотворение «*Кружусь ли я...*», находящееся в ритмико-интонационной и тематической перекличке со стихотворением Пушкина «*Брожу ли я вдоль улиц шумных...*». (Здесь видим обращение к иной метрической традиции: четырехстопного ямба).

Поэтический мир Николая Рубцова объемлен и глубок, лирические тексты часто переплетаются между собой многочисленными отсылками, соотнесенностью деталей; встречаются самоцитаты. Это позволяет видеть, как осторожно, обдуманно и художественно убедительно решались поэтом сложные жизненные вопросы, к которым он возвращался не один раз, доказывая невозможность однозначных мнений и подчеркивая необходимость постоянной душевной работы. Благодаря ритмической и лексической цитатам, читатель воспринимает стихотворение «*Я умру в крещенские морозы...*» на фоне написанного ранее, с использованием пятистопного хореев, произведения «*Березы*». Параллель в текстах, разделенных временем («*Березы*», 1960; «*Я умру, когда...*», 1970): «**Я люблю, когда шумят березы...**» и «**Я умру, когда трещат березы...**» – позволяет обозначить две важные вехи на жизненном пространстве. В строках – почти полное лексическое и полное ритмическое совпадение. И это при том, что лирическое сознание изменилось. Однако задумаемся: случайно ли поэту (а потом и читателю) «вспомнилась» именно та интонация? Может быть, этим снимается противоречие, стираются границы; жизнь и смерть осмысливаются автором в их неразрывности?

В «*Березах*» герой восприимчив ко всему, откликается на каждое движение окружающего мира. Несмотря на то, что воспоминания грустны, они его не тяготят («*Станет как-то радостно и больно...*»), не исчезает полнота ощущений («*Слушаю – и набегают слезы...*»). Примета родного пейзажа – береза, а также связанные с

ней живописные и звуковые образы («желтый листопад» – стихотворение «Березь»; «шум порывистых берез» – стихотворение «В минуты музыки») в лирике Рубцова определяют жизнеутверждающее начало, которое развивается в доминирующей творческой теме **любви к родине**. Как и во многих произведениях поэта, в стихотворении «Березь» личная для лирического героя тема преобразуется: *тема родины* становится смыслом лирического события, **личного** переживания. Такое содержание используемой Рубцовым ритмической структуры, ведущей свое начало от стихотворения «Выхожу один я на дорогу...», и есть развитие заложенной в этом тексте тематической традиции. Так Рубцов «отвечает» Лермонтову, подчеркивая, на **какую** именно дорогу выходит его лирический герой, с **чем** связана его судьба.

В самом названии еще одного стихотворения, включенного в «семантический ореол» рассматриваемого метра, – «Подорожники» – *тема дороги* актуализируется. Лирическим событием становится воспоминание-размышление героя, осмысляющего и свою дорогу, и историю родной земли (вновь объединение **личной** и **общей** тем): «Все прошли бродяги да острожники», «По следам давно усопших душ», «Всю пройду дороженьку до Устюга / Через город Тотьму и леса». Примененный здесь пятистопный хорей звучит иначе, чем в стихотворении Лермонтова: начало строки более энергичное (хорей не заменен пиррихием). В стиховом окончании тоже есть отличие: используется чередование дактилических и мужских клаузул, что сильнее подчеркивает смену ритма. Вся интонация

способствует выражению идеи движения («Топ да топ от кустика до кустика...»). Эмоциональное размышление совершается именно в процессе **движения по дороге**. Личный план в этом тексте также «перерастает» субъективное значение.

Мысль о судьбе родины и собственной причастности к ней лежит в основе поэтических образов, созданных Рубцовым, служит источником вдохновения для поэта, обогатившего ярким идейно-эмоциональным спектром традиционную метрическую формулу. Примером может служить удивительно проникновенное, также обращенное к теме родины стихотворение «Острова свои обогреем», в котором образ русской «деревушки» вырастает до символа. Поэтически преображаются и неброскость пейзажа, и незатейливость быта; силой великой любви к «*родимой окрестности*» преодолеваются «*темнота, забытость, неизвестность*» и осенняя «*стужа дорог*». По силе обобщения созданный здесь образ величественного бора, который «движется, как флот», сопоставим с известным образом «таинственного всадника», «неведомого отрока» (стихотворение иной ритмической структуры – «Я буду скакать по холмам...»), без которого невозможно представить художественный мир Николая Рубцова. Мотив дороги, столь важный в этом произведении, соединяет его со стихотворением Лермонтова, у которого дорога становится местом раздумья героя о вечном. Другими словами, лирическое переживание, становящееся событием, – это и есть именно *движение (путь)* к осознанию сущностного.

Острова свои обогреваем

Захлебнулось поле и болото
Дождевой водою – дождались!
Прозябаньем, бедностью, дремотой
Все объято – впадины и выс!

Ночь придет – родимая окрестность,
Словно в омут, канет в темноту!
Темнота, забытость, неизвестность
У ворот, как стража, на посту.

По воде, качаясь, по болотам
Бор скрипучий движется, как флот!
Как же мы, оставшие от флота,
Коротаем осень меж болот?

Острова свои обогреваем
И живем без лишнего добра,
Да всегда с огнем и урожаем,
С колыбельным пеньем до утра...

Не кричи так жалобно, кукушка,
Над водой, над стужей дорог!
Мать России целой – деревушка,
Может быть, вот этот уголок...

Здесь два смысловых акцента: первый – «острова» – в значении как отграниченности пространства, так и закреплённости, основательности, опоры (что говорит об исконности, древности «родимой окрестности»). Второй – «движущийся флот», рождающий представление о поступательном, мощном движении самой России. Но возникает и иное представление: движение *есть*, и его *нет*. (Вспоминаются слова из «Старой дороги»: «...И ничего на ней не происходит»). В самой освоенности, обжитости родного места, органичной причастности к нему, любви к нему и есть жизнь (осуществление *движения*, изображение *самой истории*). В этом смысле большое обобща-

ющее значение имеет метафора «острова свои обогреваем».

Основной темой творчества – темой родины – обусловлено развитие «семантического ореола размера» в стихотворениях «Слез не лей...», «Ось». В первом ярко выражена причастность миру родной природы, даже растворенность в нем: «*Есть пора – души моей отрада: / Зыбко все, но зелено уже. / Есть пора осеннего распада, / Это тоже родственно душе*». Мотивы *дороги* и *ухода* связывают этот текст с тематическим комплексом лермонтовского произведения. В стихотворении «Ось» угадываются аллюзии как на текст «Выхожу один я на дорогу», так и на еще одно произведение Лермонтова – «Родина» (где иной ритмический рисунок). Слова «...вокруг любви *непобедимой*» (у Рубцова) напоминают лермонтовские «*Не победит ее рассудок мой*». Так два русских поэта интересно взаимодействуют в творческом развитии темы родины.

Стихотворения «Выхожу один я на дорогу...» и «Ось» объединены не только ритмом, они перекликаются и в смысловом отношении. Мотив *дороги*, фиксируемый первой строкой лермонтовского текста, получает развитие в произведении Рубцова, как бы начинающего с *этой* позиции. Автор отделяет начальное двустопное от остальных строф-катренов, сосредоточивая внимание на динамике движения и масштабности пространства: «*Как центростремительная сила, / Жизнь меня по всей земле носила*». Далее реализуется метафора «*жизнь носила*» с помощью деталей уточняющего характера: «*Шел в театр, в контору, на причал...*». Такая конкретизация не противоречит задан-

ному «космическому» плану; герой воспринимает происходящее всеобъемлющим взглядом. Рубцов использует гиперболу фольклорного типа: «за морями», то есть неизвестно где, очень далеко; хотя, с учетом биографии поэта и развитием темы моря в его творчестве, эти слова могут восприниматься и не столь отвлеченно. Следует помнить и о символическом смысле пароходов, гудков пароходов, вокзалов, пристаней в произведениях Н. Рубцова – все к теме дороги.

С *небывальым* пространством соотнесен мир *родной* природы, *родного* места, и потому «диво сельского простора» расширяет представление о внешнем «большом» мире, который осваивается отчасти тоже в фольклорном, сказочном понимании: «Я открыл немало *разных див*». (Тема сказочности русского пейзажа очень интересно развивается у Рубцова и требует особого внимания).

Важную роль в стихотворении «Ось» играет мотив движения, направленность которого определена главной темой творчества: «*И вокруг любви непобедимой / К селам, к соснам, к ягодам Руси / Жизнь моя вращается незримо, / Как земля вокруг своей оси!*...». Эта идея очень важна для автора, доказательством чего служат связанные между собой стихотворения, которые можно считать вариантами в разработке темы. Представим тексты в хронологии: «Желание» (1958), «Долина юности» (1962), «Ось» (1965). Все стихотворения почти полностью отвечают рассматриваемой ритмической форме (отступление: в первом двустишии «Оси» рифмуются женские окончания). Произведения демонстрируют *сам процесс поиска главного* в *главной* теме рубцовско-

го творчества. Правда, в первом стихотворении герой более охвачен стремлением прожить наполненную бурными событиями жизнь: «*Я хочу, чтоб времени фарватер / не оставив где-то в стороне, / Жизнь промчалась, как торпедный катер / Мчит навстречу взмыленной волне!*». Синтаксическая сложность высказывания в данном фрагменте, возможно, соответствует желанию героя преодолеть обычное, скучное.

Стихотворение «Долина юности» (1960; в сб. «Волны и скалы» – с назв. «Долина детства». Вариант – «Желание», 1958), хотя отчасти тоже содержит некоторые приметы морской романтики («*Я родился с сердцем Магеллана...*», «*...от пирса юности...*»), определяет направленность движения в связи с контекстом *именно* Рубцова: «*...вокруг долины той родимой...*».

Вынесенное в заглавие понятие «Ось» соотнесено с образом «*родимой землицы*», которая, по утверждению героя, над ним «*удерживает власть*». Образ одновременно и объемён, и конкретен. Масштабность его обусловлена значительностью влияния на лирического героя, а конкретность проявляется в указанных бытовых деталях, приобретающих важный смысл. Динамичное начало текста передает стремительность произвольного перемещения («*куда хотел, туда и мчал*»), но постепенно обретается значимость движения, центр, или «ось» судьбы героя: «*Память возвращается, как птица, / В то гнездо, / В котором родилась*». Здесь уже властвует не чья-то внешняя воля, а утверждается инициатива *самого субъекта переживания*, его сознательный выбор. Эволюцию внутреннего состояния знаменуют совпадаю-

щие ритмически-интонационно, но расходящиеся по значению строки: «Жизнь меня по всей земле носила» (второй стих текста) и «Жизнь моя вращается незримо» (предпоследний стих текста). В обоих случаях акцентировано, с помощью ударения, начало, что придает энергию высказыванию, но является отступлением от текста-источника (Лермонтова).

Нельзя не указать на замечания к этому тексту, сделанные самим Н. Рубцовым в письме Северо-Западному книжному издательству (1964): «А стихотворение «Ось» как раз декларативное и вдобавок легковесное, так как оно лишено отчетливого настроения. И еще вдобавок оно не лишено какого-то гладкописного ритма» [7, с. 299]. Может быть, поэт, очень строго относящийся ко всему, что пишет, потому и создал несколько вариантов, что искал способ освободиться от прямолинейности высказывания (декларативности), хотел, чтобы выразилась мысль через чувство, переживание героя, а «гладкописный ритм» – это, возможно, ощущение повторяемости знакомой интонации?

Подчиняясь личной творческой задаче, Рубцов в ряде стихотворений отступает от рассматриваемой метрической формы, находя, тем не менее, способы взаимодействия с ее традиционной семантикой. Например, стихотворение «Улетели листья» написано пятистопным хореем, но расставленные не так, как в тексте Лермонтова, стиховые окончания и плавное начало большинства строк сильно меняют интонацию: не сразу узнается исходный ритмический мотив. Разумеется, дело не в одном только размере стиха, велика также роль лексики и синтаксических кон-

струкций, которые, в комплексе, могут значительно «увести» от «семантического ореола метра». Наша задача не сводится к доказательству прямой связи любого написанного пятистопным хореем стихотворения с известным лермонтовским текстом. Тем не менее, ощутима «переключка» произведений. Сознанием героя в стихотворении Рубцова фиксируется природная примета, и это становится началом размышления. Оно как бы скрыто; герой обращается к кому-то, даже с оттенком назидания, но будничное сразу же преодолевается, подчиняется значимому внутреннему движению, которое определяется цельностью мировосприятия: «Улетели листья с тополей – / Повторилась в мире неизбежность...».

Производя изменения в структуре пятистопного хорая, Рубцов добивается особого оттенка интонации. Примером может служить стихотворение «Почему мне так не повезло?», где мотив дороги – один из главных. Мужская клаузула (вместо женской, как у Лермонтова) в первой строчке подчеркивает слово «не повезло» и тем привносит разговорность. Появляется несколько ироническая интонация. Акцент переносится с внутреннего плана на внешний; причина неудач прямо формулируется повторяемым в начале каждой строфы (их пять) вопросом «Почему мне так не повезло?». Этот текст можно прочесть как шутку или даже пародию на «философствование». В контексте лирики Рубцова такой диалог с ритмической традицией вполне мотивирован типом лирического героя, часто скрывающего под бравадой, маской глубокие жизненные переживания (вспомним, например, стихотворение «Фиалки»).

Обращают на себя внимание и такие написанные пятистопным хореем стихотворения: «Поезд» и «На вокзале», где сами названия закрепляют тему дороги:

Поезд

Поезд мчался с грохотом и воем,
Поезд мчался с лягганьем и свистом,
И ему навстречу желтым роем
Понеслись огни в просторе мгlistом.
Поезд мчался с полным напряженьем
Мощных сил, уму непостижимых
Перед самым, может быть, крушеньем

Посреди миров несокрушимых.
Поезд мчался с прежним напряженьем
Где-то в самых дебрях мирозданья,
Перед самым. Может быть, крушеньем,
Посреди явлений без названья...
Вот он, глазом огненным сверкая,
Вылетает... Дай дорогу, пеший!
На разъезде где-то, у сарая,
Подхватил меня, понес, как леший!
Вместе с ним и я в просторе мгlistом
Уж не смею мыслить о покое, -
Мчусь куда-то с лягганьем и свистом,
Мчусь куда-то с грохотом и воем.
Мчусь куда-то с полным напряженьем
Я, как есть, загадка мирозданья.
Перед самым, может быть, крушеньем
Я кричу кому-то: «До свиданья!..»
Но довольно! Быстрое движенье
Все смелее в мире год от году,
И какое может быть крушенье,
Если столько в поезде народу?

На вокзале

Закатилось солнце за вагоны.
Вот еще один безвестный день,
Торопливый, радостный, зеленый,
Отошел в таинственную тень...

Кто-то странный (видимо, не веря,
Что поэт из бронзы, неживой)

Постоял у памятника в сквере,
Позвенел о бронзу головой.

Посмотрел на надпись с недоверьем
И ушел, насвистывая, прочь...
И опять родимую деревню
Вижу я: избушки и деревья,
Словно в омут, канувшие в ночь.

За старинный плеск ее паромный,
За ее пустынные стога
Я готов безропотно и скромно
Умереть от выстрела врага...

О вине подумаю, о хлебе,
О птенцах, собравшихся в полет,
О земле подумаю, о небе
И о том, что все это пройдет.

И о том подумаю, что все же
Нас кому-то будет очень жаль.
И опять, веселый и хороший,
Я умчусь в неведомую даль!..

В первом тексте поэт использует только женскую клаузулу, что, на первый взгляд, противоречит энергии, заключенной в корпусе стиха, начинающегося с ударения. Напряжение ритма в начале, монотонность окончаний, повторы (в том числе единоначатия), параллелизмы, нанизывание однородных членов, а также сплошной (без строф) текст, – эти приемы служат развитию темы стремительного движения: «Поезд мчался с грохотом и воем, / Поезд мчался с лягганьем и свистом, / И ему навстречу желтым роем / Понеслись огни в просторе мгlistом». Дорога в большей степени воплощает завораживающее быстротой и грозящее опасностью движение (это подчеркнуто лексикой: *мчался, мчусь, понеслись...*) Дорога *перестает* быть местом спокойных размышлений.

В стихотворении «На вокзале» в основном сохраняются структурные и тематические признаки традиционной формы. Поэт меняет вид только одной строфы (делает ее пятистишием на фоне катренов), может быть, потому, что возникающая в воспоминании картина требует остановки и перехода от внешнего изображения – к неспешному раздумью: «Посмотрел на надпись с недоверьем / И ушел, насвистывая, прочь... / И опять родимую деревню / **Вижу я: избушки и деревья,** / *Словно в омут, канувшие в ночь*». Предметный мир, сколь подробно бы он не был представлен, никогда не заслоняет в произведениях Рубцова того, что составляет сущность внутреннего, душевного движения. Потому так естественно соединяются строки: «О вине подумаю, о хлебе, / О птенцах, собравшихся в полет, / О земле подумаю, о небе / И о том, что все это пройдет». Стихотворение удивительно по цельности мировосприятия, выраженного в нем: ничто ничему не противоречит; всему – свое место и время. В осмыслении этого Н. Рубцов развивает пушкинскую традицию, перекликается и с Твардовским («*Всему свой ряд и лад, и срок...*»). Появляющийся в конце текста глагол «умчусь» не вносит, как в стихотворении «Поезд», темы стремительности совершающегося (или предстоящего) движения. Напротив, здесь обращение к созерцанию и размышлению. Композиционная и ритмическая симметрия – вот главный признак рассматриваемого стихотворения. Метрическая упорядоченность соответствует спокойному состоянию лирического героя, обуславливает «равновесие» его чувств, а также определяет «перекличку» открывающей и замыкающей

произведение строф. Начальные слова текста: «*Закатилось солнце за вагоны. / Вот еще один безвестный день, / Торопливый, радостный, зеленый, / Отошел в таинственную тень...*» – находятся в «согласии» с заключительными: «*И о том подумаю, что все же / **Нас кому-то будет очень жаль,** / И опять, веселый и хороший, / Я умчусь в неведомую даль!..*». Кажется, что по своей динамике и характеру изображаемого это стихотворение значительно отличается от исходного «Выхожу один я на дорогу», но тематическая близость текстов не вызывает сомнения. Герой стихотворения Рубцова тоже вышел на *дорогу* (вокзал – место, откуда начинается дорога, где сходятся пути). Здесь – начало размышлений героя, и именно здесь достигает кульминации лирическая рефлексия, связанная с развитием темы родины. Причастность ее судьбе, готовность «*умереть от выстрела врага*» «*за старинный блеск ее паромный, за ее пустынные стога*» – вот что определяет характер «семантического ореола метра» в лирике Рубцова. Автору данной статьи близка трактовка этого произведения А.Ю. Кировым, считающим, что стихотворение «На вокзале» «соответствует типу лирического сюжета, который условно можно назвать “интерпретацией библейского сюжета”». Исследователь указывает на библейские мифологемы («вино», «хлеб», «птенць»), на «ощущение присутствия лирического героя одновременно в трех измерениях», словесные приемы, «придающие стихотворению форму несобственно-прямого диалога: человек – вечность» [9, с. 65]. Несомненно одно: это произведение ни в какой мере не исчерпывается лежащими на поверхности признаками, не

сводится к зарисовке обычной житейской ситуации.

Наблюдения над интерпретациями пятистопного хоря, применяемого Н. Рубцовым, позволяют сделать вывод о содержательной емкости и тематической насыщенности стихотворений, написанных в контексте традиции М.Ю. Лермонтова. Тема родины объединяет и определяет направленность основных творческих мотивов. Эстетически воссозданное Н. Рубцовым слияние личной судьбы и судьбы Родины – это и есть, в его понимании, самая главная для русского художника поэтическая дорога.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зинченко, В. Как по Сухоне-реке ходили пароходики [Текст] / В. Зинченко // Рубцов Н.М. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1: Стихотворения. 1942–1967 / Сост., вступ. ст., примеч. В. Зинченко. – М.: ТЕРРА, 2000. – 352 с.
2. Кожин, В.В. Николай Рубцов. Заметки о жизни и творчестве поэта [Текст] / В.В. Кожин. – М.: «Советская Россия», 1976. – 88 с.
3. Иванова, Е.В. «Мне не найти зеленые цветы...» (Размышления о поэзии Н.М. Рубцова) [Текст] / Е.В. Иванова. – М.: Прометей, 1997. – 195 с.
4. Гаспаров, М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях [Текст] / М.Л. Гаспаров. – 3-е изд. – М., 2004. – 312 с.
5. Бараков, В.Н. «Почвенное» направление в русской поэзии II пол. XX века: Типология и эволюция: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / В.Н. Бараков. – М., 1998. – 32 с.
6. Тарковский, М.А. Тойота-креста. Книга прозы [Текст] / М.А. Тарковский. – Новосибирск, 2009. – 384 с.
7. Рубцов, Н.М. Собрание сочинений: В 3 т. [Текст] / Н.М. Рубцов. – Т. 1: Стихотворения. 1942–1967. – 352 с. Т. 2: Стихотворения. 1967–1971; Шуточные стихи и стихи для детей; Переводы. – 304 с. – М.: ТЕРРА, 2000.
8. Киров, А.Ю. Лирический роман в поэзии Н.М. Рубцова: Дис. ... канд. филол. наук [Текст] / А.Ю. Киров. – Вологда, 2004. – 209 с.

REFERENCES

1. Barakov V.N., "Pochvennoe" napravlenie v russoj poezii II polovina XX veka: Tipologija i jevoljucija: Extended abstract of PhD dissertation (Philology), Moscow, 1998, 32 p. (in Russian).
2. Gasparov M.L., *Russkij stih nachala XX veka v kommentarijah*, 3rd., Moscow, 2004, 312 p. (in Russian).
3. Ivanova E.V., "Mne ne najti zeljonye cvety..." (*Razmyshlenija o poezii N.M. Rubcova*), Moscow, Prometej, 1997, 195 p. (in Russian).
4. Kirov A.Ju., *Liricheskij roman v poezii N.M. Rubcova, PhD dissertation (Philology)*, Vologda, 2004, 209 p. (in Russian).
5. Kozhinov V.V., *Nikolaj Rubcov. Zametki o zhizni i tvorchestve pojeta*, Moscow, Sovetskaja Rossija, 1976, 88 p. (in Russian).
6. Rubcov N.M., *Sobranie sochinenij: V 3 vols., Vol. 1, Stihotvorenija. 1942–1967, Vol. 2, Stihotvorenija. 1967–1971, Shutochnye stihy i stihy dlja detej*, Perevody, Moscow, TERRA, 2000. (in Russian).
7. Tarkovskij M.A., *Tojota-kresta. Kniga prozy*, Novosibirsk, 2009, 384 p. (in Russian).
8. Zinchenko V., *Kak po Suhone-reke hodili parohodiki*, in: *Rubcov N.M. Sobranie sochinenij*, V 3 vols., Vol. 1, Stihotvorenija, 1942–1967, Moscow, TERRA, 2000, 352 p. (in Russian).

Москвина Ольга Александровна, кандидат филологических наук, профессор, кафедра русского языка, литературы и методики преподавания, Школа педагогики, Дальневосточный федеральный университет, olg.moskvina2011@yandex.ru

Moskvina O.A., PhD in Philology, Professor, Russian Language Department, Literature and Teaching Methods, School of Education, Far Eastern Federal University, olg.moskvina2011@yandex.ru

УДК 82-31
ББК 84(2=411.2)6

ПОВЕСТЬ К.И. ЧУКОВСКОГО «СОЛНЕЧНАЯ» В ЧИТАТЕЛЬСКОМ ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОКОВ

М.Р. Тазетдинова

Аннотация. *Стихи и сказки К.И. Чуковского по сей день остаются в числе самых востребованных в круге детского чтения, в то время как его прозаические произведения почти забыты. Однако при жизни автора его повести пользовались не меньшей популярностью. В статье прослежена история создания наименее изученной повести Чуковского, написанной им в период вынужденной смены творческого метода. Рассмотрена посвященная повести критика современников. Средствами историко-биографического метода выявлена связь повести с авторской биографией. Текст повести проанализирован с позиции рецептивной эстетики, в аспекте авторской интенции и читательского восприятия. В статье выдвинута гипотеза о совмещении эстетических норм в повести, позволяющая объяснить ее деактуализацию в последующем читательско-издательском процессе.*

Ключевые слова: *К.И. Чуковский, русская литература 1920–1930-х гг., детская литература, повесть, рецептивная эстетика, читательское восприятие, образ читателя.*

485

K. CHUKOVSKY'S STORY "SOLNECHNAYA" IN CONTEMPORARY READERS' PERCEPTION

M.R. Tazetdinova

Abstract. *Poems and fairy-tales written by K. Chukovsky still remain among the most popular children's books in Russia. However, his works of prose for children, being very popular in his own lifetime, are almost disregarded nowadays. The article is dedicated to the readers' perception of Chukovsky's little-known short novel "Solnechnaya", which was written in the period of enforced change in the author's method of work. The article traces the origins of the above mentioned short novel with the means of method of reader-response criticism. Means of historic and biographic method help to reveal connection of the story with the author's biography. The text of the story is analysed from the position of receptive aesthetics, in*

the aspect of author's intension and reader's perception. The article sets out the hypothesis of combination of aesthetic norms in the story, allowing to explain its de-actualization in the subsequent reader and publishing process.

Keywords: *K.I. Chukovsky, Russian literature of 1920–1930s, children's literature, short novel, receptive aesthetics, reader's perception, image of reader.*

Повесть «Солнечная», написанная К.И. Чуковским в 1932 г., в период вынужденной смены творческого направления, имела успех сразу после выхода в свет и некоторое время издавалась чаще, чем его сказки. Однако сейчас она оказалась вне круга активного детского чтения, несмотря на наличие переиздания¹.

С позиции рецептивной эстетики такая перемена в судьбе одного художественного произведения объясняется сменой «горизонта ожиданий»² читателей разных эпох. По Х.Р. Яуссу, читателям каждой эпохи, в целом, свойствен некий общий горизонт ожиданий, широта которого изменяется вместе со сменой ведущей эстетической нормы, и некогда популярное произведение со временем начинает восприниматься как устаревшее, само по себе оставаясь неизменным. «В том, какими средствами литературное произведение в конкретный исторический момент своего появления оправдывает, превосходит, обманывает или опровергает ожидания своей первой публикации, за-

ключается критерий для определения его эстетической ценности» [1, с. 62]. В свою очередь, автор, создавая произведение, неизбежно ориентируется на восприятие предполагаемого, воображаемого читателя. В свете этих идей правомерно поставить вопрос: какие факторы в создании «Солнечной» и ее поэтике повлияли на столь резкий подъем читательского внимания и его последующее продолжительное отсутствие?

Отметим, что с 1920-х гг. в отечественном литературоведении стали рассматривать воображаемого читателя как самостоятельную категорию, влияющую на содержание и стиль произведения. Ю.Н. Тынянов, А.И. Белецкий, Ю.И. Айхенвальд, М.М. Бахтин, обратившиеся к изучению взаимодействия человека с книгой, предвосхитили формирование современной рецептивной эстетики [2]. Однако еще в 1903 г. культуролог, библиограф и популяризатор науки Н.А. Рубакин (1862–1946) предложил рассматривать слово, фразу, книгу, литературу в целом как «ре-

¹ Серебряный герб. Солнечная: повести: [для среднего школьного возраста] / К.И. Чуковский; [ил. Н. Цейтлина, Т. Мавриной]. – М.: Эксмо, 2011. – 413, [1] с. Заметим также, что повесть не вошла в новейшее собрание сочинений: Собрание сочинений: в 15 т. / Корней Чуковский; [сост. и коммент. Е. Чуковская]. – М.: ТЕРРА-Кн. клуб, 2001–2009.

² Центральный в рецептивной эстетике термин «горизонт ожиданий» был предложен Х.Р. Яуссом для обозначения комплекса эстетических, социально-политических, психологических и прочих представлений, определяющих отношение автора к обществу, а также отношение читателя к произведению.

актив», средство воздействия на читателя. Он ввел в оборот термин «библиопсихология» и стал основоположником одноименной отрасли науки, изучающей психологию книжного дела по внешним проявлениям реакции читателей. Эмигрировав в 1907 г. в Швейцарию, Рубакин создал Международный институт библиопсихологии, где выступил с развернутой программой новой науки, суть которой – в изучении триады «читатель – книга – автор» в ее единстве и взаимодействии, при ведущей роли читательского восприятия [3, с. 144]. В тот же период Чуковский, чья критическая мысль, так или иначе, всегда была обусловлена вниманием к новейшим тенденциям в филологии, начинал постепенно разрабатывать собственную теорию. В статье «Матерям о детских журналах» (1911) он призывал писателей и воспитателей прислушиваться к ребенку, главному «заказчику» детской книги.

Рубакин высоко оценил многолетнюю работу Чуковского в области детской литературы и особенно его стихи для детей. В 1929 г., реагируя на острую борьбу вокруг детской книги, он прислал Чуковскому письмо на официальном бланке Швейцарского Международного института библиопсихологии, в котором писал: «Давно хотел я... выразить наше искреннее восхищение Вашими детскими книгами, в основе которых Вы положили принцип чисто библиопсихологический... Что писать – это вопрос общечеловеческий, но как писать, – это вопрос и психологии того, для кого книжка предназначается. Вот этот принцип Вы и стали проводить в детской литературе чуть ли не раньше всех других детских писа-

телей» (16 марта 1929 г.) [4, с. 409-410]. В свою очередь, Чуковский, который с детства привык, по собственным словам, «читать и читать» книги Рубакина, с восторгом воспринял его идеи: «Вы дали такую меткую формулировку того, что я давно уже чувствую – и для чего не нахожу никаких сколько-нибудь выразительных терминов... Нельзя писать книги без адреса; это то же, что письма без адреса: не дойдут» (23 апреля 1929 г.) [5, с. 162].

Данный эпизод из переписки пришелся на трудный период в жизни Чуковского, когда профессионально-творческие проблемы совпали с семейной бедой. Нападки на «чуковщину» все больше ужесточались и уже граничили с травлей [6, с. 56]. «Мои книги, по многим причинам, почти не находят себе издателей, – жалуется Чуковский Рубакину в декабре того же года, – и потому библиологическая психология мне только вредна: для меня дело не в том, чтобы дойти до читателя, а в том, чтобы дойти до издателя. А это, как Вам известно, совсем другая наука» [5, с. 178]. В том же месяце, в ходе разгоревшейся в печати борьбы «за действительно советскую детскую книгу», он опубликовал в «Литературной газете» заявление, в котором признал несвоевременность своих сказок, дал обещание изменить творческие планы и создать сборник под названием «Детская колхозия» [7].

Судя по дневникам, Чуковский начал собирать материал для сборника, однако «Детская колхозия» так и не была написана, а вместо нее в 1932 г. появилась повесть «Солнечная» — о детях-пациентах туберкулезного санатория. Повесть, отчасти

автобиографическая, связана с семейной трагедией. Зимой 1929 года тяжело заболела младшая дочь Мурочка (1920–1931). По совету Ю.Н. Тынянова, семья обратилась в противотуберкулезный санаторий им. А.А. Боброва в Алушке, который возглавлял известный врач П.В. Изергин (1870–1936). Чуковский с женой Марией Борисовной провели с дочерью в санатории с сентября 1930 г. до ее смерти в ноябре 1931 г. Санаторий и стал прообразом художественного мира «Солнечной»³.

«Солнечная» стала первым крупным прозаическим произведением К.И. Чуковского для детей. Сразу после первой публикации в журнале «Пионер» в 1932 г. она нашла поддержку у критиков, а впоследствии выдержала пять переизданий с 1933 по 1939 годы. Рецензенты отзывались о «Солнечной» в самых лестных выражениях. В бюллетени Критико-библиографического института «Детская и юношеская литература» отмечалось, что повесть стала «серьезным вкладом в советскую детскую литературу» [8]. Газета «За коммунистическое просвещение» – центральный

орган Наркомпроса – также обратила внимание на новую повесть: критик К. Моторный подчеркивал разницу между новой повестью и прежними вещами автора и утверждал, что в повести он выполнил последнюю из своих «Заповедей для детских поэтов»: «постепенно нарушать многие из вышеизложенных заповедей» [9]. Журнал «Детская литература» поддержал наркомпросовскую оценку: в обзорной статье «Сказки Чуковского» критик О. Селиванова отмечала, что «между урапатриотическим “Крокодилом” и “Солнечной” – дистанция огромного размера» [10]. В 1935 г. в «Правде» появилась рецензия видного публициста и общественного деятеля Д.И. Заславского «Детская книга для взрослых», ставшая решающей в этом ряду критических статей. Автор рецензии утверждал, что «среди детских книг Чуковского “Солнечная” занимает совсем особое место... книгу “Солнечная” читают и малыши, и подростки с одинаково захватывающим интересом», – и рекомендует книгу к прочтению взрослым, в первую очередь педагогам [11]. Отмечая недостатки

³ В современной прессе неоднократно высказывалось мнение, что Изергин был прототипом заглавного персонажа сказки «Доктор Айболит», хотя впервые этот персонаж появился раньше самой сказки, в переводе-пересказе повести Хью Лофтинга: Гью Лофтинг. Доктор Айболит. Для маленьких детей. Пересказал К. Чуковский. Государственное издательство, Ленинград, 1925 г. Чуковский сопроводил перевод посвящением: «милому доктору Конухесу, целителю моих чуковят», – имея в виду детского врача Г.Б. Конухеса, который помогал семье Чуковских в начале 1920-х годов. В «Солнечной» также фигурирует образ «добротного доктора» Барабана Барабаныча, прототипом которого и мог быть Изергин, но он играет в повести скорее эпизодическую роль. См. о прототипе доктора Айболита: Дремова Н. У Чуковского с Крымом были связаны горькие воспоминания // Первая крымская информационно-аналитическая газета. 12 апреля 2007. № 169 [Электронный ресурс]. – Интернет-портал: К.И. Чуковский, Л.К. Чуковская. – URL: <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Biblio/Dremova.htm>; Ларинский Н.Е. «И счастливая была...» [Интернет-портал: Портал учреждений здравоохранения Российской Федерации]. – URL: http://uzrf.ru/publications/publicistika/Nikolay_Larinskiy_i-schastlivaya-byala/

сказок и стихов Чуковского («недостаточно разнообразная тематика», «кукольность, слащавый привкус»), Заславский признает, что «это во всяком случае замечательный мастер детской литературы, недостаточно еще оцененный нашей критикой». Мнения всех критиков сошлись на том, что адресация повести выходит за пределы означенного в подзаголовке «среднего возраста», а также в том, что это – подлинно реалистическое произведение.

Действительно, форма, в которой написана «Солнечная», знаменует полную смену творческого направления. Прежде всего, повесть отличается реальной основой: многие персонажи и основные эпизоды восходят к дневниковым записям, в которых Чуковский фиксировал свои наблюдения за пациентами Бобровки. Однако повесть далека от документализма: в изображении и отборе событий автор во многом отступил от биографической правды, преобразовав и домыслив мир санатория.

В то же время повесть не противоречит творческим принципам Чуковского, выраженным в «Заповедях для детских поэтов». Автор начал писать повесть в первую очередь для дочери, поэтому в начале работы преобладала индивидуальная адресация: Мурочка была первым реальным читателем «Солнечной». Особым характером адресации больному ребенку может объясняться «фальшивый, приподнятый» тон, отмеченный самим автором на одном из этапов работы [12, с. 71]. Сюжет укладывается в схему, характерную для всех стихотворных сказок Чуковского: «неожиданная опасность – короткая борьба – победа маленького

героя – всеобщий праздник и прощение виновных» [13, с. 236; 14, с. 314]. В текст включены элементы, характерные для эпической поэзии Чуковского: движение сюжета за счет динамичной смены эпизодов, звуковая и ритмическая организации текста, стихотворные вставки, стилизованные под детское творчество, а также использование приема комического зооморфизма в описании персонажей. В подзаголовке повести заявлена адресация: «для среднего школьного возраста», то есть ее основные адресаты – ровесники Мурочки и главного героя, одиннадцатилетнего мальчика. Повествование ведется с позиции ребенка, но не от первого лица, а средствами несобственно-прямой речи, последовательно раскрывается точка зрения ребенка, воспринимающего события остраненно. Все эти приемы актуализируют имплицитного читателя-ребенка, а кроме того, позволяют автору сгладить тяжелую тему больничного детства.

Если Мурочка была первой читательницей и основным адресатом повести, то главным заказчиком выступал все же чиновник. Незадолго до первой публикации Чуковский вынес «Солнечную» на суд публики: 8 марта 1932 г. он читал повесть перед слушателями в Московском театре детской книги. Театр был создан при ОГИЗе по распоряжению председателя правления Госиздата и ОГИЗа А.Б. Халатова, бывшего на тот момент одной из самых влиятельных фигур в издательском мире. С 1927 по 1932 гг. он играл ключевую роль в создании системы политической цензуры, резко сократил выпуск художественной литературы и расширил выпуск учебных и аги-

тационно-пропагандистских изданий» [15, с. 174]. Театр, к названию которого позже присоединилось его имя, служил каналом реализации книжек агитационно-пропагандистского содержания и был своего рода «кукольным королевством Халатова» [там же, с. 176].

По-видимому, именно от Халатова исходило предложение об отречении от сказок, хотя Чуковский, повествуя на склоне лет в дневнике об этом эпизоде, упоминает заведующего отделом детской и юношеской литературы Госиздата РСФСР Д.М. Ханина [16, с. 535]. Во всяком случае, именно Халатов опубликовал заявление Чуковского в тексте своей статьи «К спорам о детской литературе» [7], и с тех пор явно покровительствовал Чуковскому. В то время, когда семья Чуковского бедствовала, жертвуя всем ради умиравшей дочери, только переговоры писателя с Халатовым о переиздании сказок давали надежду на материальные средства [5, с. 214, 218]. Госиздат держал Чуковского под контролем, ожидая обещанной книги о колхозах. Ситуацию прокомментировал в своем дневнике главный редактор журнала «Новый мир» В.П. Полонский: «Чуковский, когда его детские вещи оказались под запретом, решил иммунизировать себя от нападков... Он мне говорил, что заведующий в Ленгизе так-таки ему и заявил: “Когда будут обещанные колхозные вещи?” Но колхозных вещей он писать не может. Он ограничился лишь очерком “Бобровка на Саре” – о детском санатории туберкулезном в Крыму... Статья вышла. Но он и здесь рассчитал понапрасну. Ее недостаточно» [17, с. 138]. «Солнечная», которая сюжетно и идейно продолжа-

ла очерк, должна была послужить для автора подтверждением благонадежности, поэтому на втором этапе работы над повестью, уже после смерти Мурочки, ему приходилось ориентироваться не только и не столько на детскую аудиторию, сколько на аудиторию официальных лиц, в первую очередь – председателя Госиздата.

Для Чуковского читка в театре Халатова была в первую очередь возможностью представить «Солнечную» издателям. Аудитория состояла в основном из критиков, членов РАПП, Библиографического отдела, а также детей. Большая часть впечатлений Чуковского, подробно описанных в дневнике, посвящена реакции детей: «Главное, смутила меня ребячья аудитория: прямо против меня сидело человек 12 каких-то 13-летних ребят – зеленолицых – и угрюмо безмолвствовало. Когда я кончил читать... ребята ушли в другую комнату как присяжные – и их староста через несколько минут сказал от их лица: “вещь отличная, интересная, лица как живые, жаль, что нету ничего о Фезеу”». Реакции взрослых Чуковский уделил меньше внимания: «Другие тоже похвалили... Но вообще о моих прежних писаниях все осведомлены очень плохо... Словом, все вышло не так, как могло бы выйти» [16, с. 461]. Значит, представляя повесть на первый суд, Чуковский уже составил себе представление о том, «как могло бы выйти», и мрачные лица детей и сдержанные похвалы взрослых его разочаровали: от своего воображаемого читателя он ожидал совсем иной реакции.

Повествование в «Солнечной» ведется от третьего лица, но автор обращается непосредственно к читате-

лю дважды в сильных местах текста: в финале второй части и в финальной фразе всего произведения. Впервые авторское «я» возникает в переломный момент сюжета: «Если бы я выдумывал из головы эту повесть, я, может быть, сочинил бы, что Буба сразу, в течение нескольких дней, сделался из отъявленного хулигана комсомольцем. Но я пишу чистую правду и должен сказать, что еще много он доставил хлопот» [18, № 13-14, с. 10]. Авторский голос завершает повествование: «Пусть солнечные подольше поживут и поработают в нем [ФЗУ – М.Т.], и тогда я напишу новую книжку, где расскажу об их дальнейших приключениях» [18, № 15-16, с. 11]. Автор непосредственно обращается к читателю в одном случае, чтобы оправдать включение в сюжет конфликта и подчеркнуть реалистичность произведения («я пишу чистую правду»), в другом случае – чтобы настроить читателей на ожидание продолжения. Последнее обращение сразу восприняли первые слушатели-подростки, и по их реакции: «жаль, что нету ничего о Фезеу», – видно, что у них возникло закономерное желание читать дальше. Отметим, что и Заславский в заключение рецензии также не оставляет без внимания авторский намек на продолжение: «Не только дети, но и взрослые, прочитавшие “Солнечную”, будут ожидать этой новой книжки Чуковского» [11]. Однако ни в одной из авторских апелляций нет прямого обращения к адресату, не указан его возраст, что позволяет предположить двойную адресацию, в большей мере ориентированную все же на взрослых.

Реакция критики на появление повести в печати демонстрирует пол-

ное совпадение имплицитного читателя-взрослого с реальным читателем. Горизонт ожиданий читателя-критика в тот период был ограничен основными требованиями к детской книге, которые перечислены практически по пунктам в статье «Детская книга в реконструктивный период», написанной по следам заседания коллегии ГУСа и специальной Комиссии по детской книге [19].

Обязательными для всякого произведения были названы «эмоции бодрости», «элементы преодоления, борьбы», «радостное восприятие трудовых социальных процессов» [там же]. На этих элементах построен комический пафос «Солнечной». Мотив борьбы развит в ней тем более, что герои-дети в самом деле борются с болезнью, преодолевать которую им, в свою очередь, помогает стремление к общей «социалистической борьбе». Иначе говоря, навязанный заказом ведущий мотив писатель продублировал в плане собственно-авторского творчества. Одна из главных сюжетных линий повести – противостояние личности и коллектива, которое завершается благополучным включением личности в коллектив.

Главным критерием в статье «Детская книга в реконструктивный период» была названа «четкость социального подхода», и ему «Солнечная» также полностью соответствует. В прямой речи взрослых персонажей и в их назидательных диалогах с детьми акцентируется социальная направленность содержания повести. Неоднократно подчеркнуты темы труда и производства, включены современные реалии, изображены актуальные социальные типы (например, сын рабочего или беспри-

зорник): все эти маркеры адресованы имплицитному читателю-взрослому, и более конкретно – критику, цензору, издателю, которые подходили к повести с арсеналом официальных критериев.

Реализация ожиданий взрослых читателей-экспертов не только принесла успех Чуковскому, но и облегчила впоследствии реабилитацию его детских сказок. Вскоре после журнальной публикации «Солнечной» Чуковский с удивлением отмечал в дневнике: «Теперь наступила либеральная эра... Отношение ко мне в “Молодой гвардии” самое нежное: “Теперь-то мы будем вас издавать! Теперь-то дадим ваши книги ребятам!”» [16, с. 492]. В 1934 г.: «...действительно дана откуда-то свыше инструкция любить мои детские стихи» [там же, с. 541]. В 1935 г.: «Любопытно: после того как Заславский поместил в “Правде” фельетон о моей “Солнечной”, – Семашко⁴ вместо “многоуважаемый” стал писать мне “дорогой” – и сообщил, что сверх плана они печатают “Лимпопо” и “Котауси и Мауси»» [там же, с. 569]. Примечательно, что до тех пор, пока Чуковский учитывал исключительно эстетические ожидания детского читателя (в сказках), его произведения попадали под цензурный надзор. Сознательно скорректировав направление творчества с учетом ожиданий официальных экспертов, Чуковский справился с проблемой «как дойти до издателя». Смоделировав образ идеального читателя таким, как его хотели видеть критики, Чуковский создал повесть, соответствующую их

ожиданиям, и через них получил доступ к массовому читателю.

По предположению автора данной статьи, «Солнечная» – своего рода литературная манипуляция. Цель в данном случае – убедительно воздействовать на официальную критику при помощи средств, предоставленных самой критикой. Успех повести при ее появлении объясняется почти полным отсутствием эстетической дистанции между произведением и горизонтом ожидания читателей. Подобные произведения позволяют реконструировать горизонты ожидания, свойственные читателям определенной эпохи, в данном случае: периода, в который формировались принципы новой эстетической нормы, синтезирующей потребности публики и требования власти. Неактуальность «Солнечной» в современном детском чтении объясняется неактуальностью советской эстетической нормы в современной литературе. Однако элементы, несущие идеологическую и социальную нагрузку, адресованы в основном взрослому читателю, в то время как имплицитный читатель-ребенок может быть по-прежнему актуализирован реальным современным читателем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Яусс, Х.-Р. История литературы как провокация литературоведения [Текст] / Х.-Р. Яусс // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 12. – С. 34-84.
2. Чернец, Л.В. Читатель [Текст] / Л.В. Чернец // Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М.: Интелвак, 2001.

⁴ Н.А. Семашко (1874–1949) – нарком здравоохранения, член Президиума ВЦИК, председатель Деткомиссии.

3. Мосунова, Л.А. Исторические и теоретические предпосылки психологии чтения [Текст] / Л.А. Мосунова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2013. – № 4-1. – С. 142-146.
4. Н.А. Рубакин – К.И. Чуковскому [Текст] // Воспоминания о Корнее Чуковском. – М.: Никея, 2012. – С. 409-411.
5. Чуковский, К.И. Собрание сочинений: в 15 т. [Текст] / Корней Чуковский; сост. и коммент. Е. Чуковская. Т. 15. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. – 798 с.
6. Чуковская, Е.Ц. Борьба за сказку [Текст] / Е.Ц. Чуковская // Чуковская Е.Ц. «Чукоккала» и около. – М.: Русский Мир, 2014. – С. 56-59.
7. Халатов, А.Б. К спорам о детской литературе [Текст] / А.Б. Халатов // Литературная газета. Орган Федерации Объединения Советских писателей. – 1929. – № 37. 30 декабря. – С. 2.
8. Грин, С. Солнечная [Текст] / С. Грин, К. Чуковский // Детская и юношеская литература. – 1933. – № 4. – С. 4.
9. Моторный, К. Вклад в фонд детской литературы [Текст] / К. Моторный // За коммунистическое просвещение. Орган Наркомпроссов союзных республик и Центральные комитеты профсоюзов работников начальной и средней школы РСФСР. 1933. № 69 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Biblio/motorniy.htm> (дата обращения: 10.01.2017).
10. Селиванова, О. Сказки Корнея Чуковского [Текст] / О. Селиванова // Детская литература. Орган ЦК ВЛКСМ. – 1935. – № 3. – С. 19.
11. Заславский, Д.И. Детская книга для взрослых [Текст] / Д.И. Заславский // Правда. Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б). – 1935. – 25 апреля. – № 114. – С. 4.
12. Маслинская, С. Корней Чуковский (1882–1969) [Текст] / С. Маслинская // Детские чтения. «Кабинетный ученый». – 2012. – № 2. – С. 58-76.
13. Петровский, М. Книга о Корнее Чуковском [Текст] / М. Петровский. – М.: Советский писатель, 1966. – 416 с.
14. Hellman, Ben. Fairy Tales and True Stories. The History of Russian Literature for Children and Young People (1574–2010). – Leiden: Brill, 2013. – 588 с.
15. Арзамасцева, И.Н. «Чудовище, сбрей свою бороду»: Карабас Барабас в сказке А.Н. Толстого и в жизни [Текст] / И.Н. Арзамасцева // «Гуляй там, где все»: История советского детства: опыт и перспективы исследования: [Сб. ст. т. 4]. – М.: РГГУ, 2013. – С. 166-182.
16. Чуковский, К.И. Дневник. В 3 т. [Текст] / Корней Чуковский; сост., подгот. текста, коммент. Е. Чуковской, предисл. В. Каверина. – Т. 2. – М.: ПРОЗАиК, 2011. – 654 с.
17. Полонский, В.П. «Моя борьба на литературном фронте». Дневник. Май 1920 – январь 1932 [Текст] / В.П. Полонский; подг. текста, публ. и коммент. С.В. Шумихина // Новый Мир. – 2008. – № 3 [Электронный ресурс]. – URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2008/3/po12.html (дата обращения: 10.01.2017).
18. Чуковский, К.И. Солнечная [Текст] / К.И. Чуковский // Еж. – 1932. – №№ 7–16.
19. Болотин, С. Детская книга в реконструктивный период [Текст] / С. Болотин, В. Смирнова // Литературная газета. Орган Федерации Объединения Советских писателей. – 1929. – № 35. – С. 1.

REFERENCES

1. Arzamasceva I.N., “Chudovishhe, sbrej svoju borodu”: Karabas Barabas v skazke A.N. Tolstogo i v zhizni”, “Gul'aj tam, gde vse”: Istorija sovetskogo detstva: opyt i perspektivy issledovanija, Sbornik statei, Vol. 4, Moscow, 2013, pp. 166-182. (in Russian)
2. Bolotin S., Smirnova V., Detskaja kniga v rekonstruktivnyj period, Literaturnaja gazeta, Organ Federacii Obedinenija Sovetskikh pisatelej, 1929, No. 35, p. 1. (in Russian)
3. Chernec L.V., Chitatel, In: Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij, Moscow, Intelvak, 2001, p. 1205. (in Russian)
4. Chukovskaja E.C., Borba za skazku, In: Chukovskaja E.C. “Chukokkala” i okolo, Moscow, Izdatelstvo “Russkij Mir”, 2014, pp. 56-59. (in Russian)
5. Chukovskij K.I., Dnevnik, v 3 vols., sostavlenie, podgotovka teksta, kommentarii E. Chukovskoj, predislovie V. Kaverina, Vol. 2, Moscow, PROZAiK, 2011, 654 p. (in Russian)

6. Chukovskij K.I., *Sobranie sochinenij: v 15 vols.*, sostalenie i kommentarii E. Chukovskaja, Vol. 15, Moscow, TERRA–Knizhnyj klub, 2009, 798 p. (in Russian)
7. Chukovskij K.I., Solnechnaja, *Ezh*, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatelstvo, No. 7–16, 1932. (in Russian)
8. Grin S., Chukovskij K., Solnechnaja, *Detskaja i junosheskaja literature*, Moscow, Kritiko-bibliograficheskij institut, 1933, No. 4, p. 4. (in Russian)
9. Halatov A.B., K sporam o detskoj literature, *Literurnaja gazeta*, Organ Federacii Obedinenija Sovetskikh pisatelej, 1929, No. 37, 30 dekabnja g., p. 2. (in Russian)
10. Hellman Ben, *Fairy Tales and True Stories. The History of Russian Literature for Children and Young People (1574–2010)*, Leiden, Brill, 2013, 588 p.
11. Jauss H.-R., Istorija literatury kak provokacija literaturovedenija, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1995, No. 12, pp. 34-84. (in Russian)
12. Maslinskaja S., Kornej Chukovskij (1882–1969), *Detskie chtenija, Kabinetnyj uchenyj*, 2012, No. 2, pp. 58-76.
13. Mosunova L.A., Istoricheskie i teoreticheskie predposylki psihologii chtenija, *Vestnik Vjatsko-gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, No. 4–1, 2013, pp. 142-146. (in Russian)
14. Motornyj K., Vklad v fond detskoj literatury, *Za kommunisticheskoe prosveshhenie*, Organ Narkompressov sojuznyh respublik i Centralnyh komitetov profsojuzov rabotnikov nachalnoj i srednej shkoly RSFSR, 1933, No. 69, available at: <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Biblio/motornij.htm> (accessed: 10.01.2017). (in Russian)
15. N.A. Rubakin – K.I. Chukovskomu, In: *Vospominanija o Kornee Chukovskom*, Moscow, Nikeja, 2012, pp. 409-411. (in Russian)
16. Petrovskij M., *Kniga o Kornee Chukovskom*, Moscow, Sovetskij pisatel, 1966, 416 p. (in Russian)
17. Polonskij V.P., “Moja borba na literaturnom fronte”, *Dnevnik*, Maj 1920 – janvar 1932, Podgotovka teksta, publikacija i komentarii S.V. Shumihina, *Novyj Mir*, 2008, No. 3, available at: http://magazines.russ.ru/novyj_mi/2008/3/po12.html (accessed: 10.01.2017). (in Russian)
18. Selivanova O., Skazki Korneja Chukovskogo, *Detskaja literatura*, Organ CK VLKSM, 1935, No. 3, p. 19. (in Russian)
19. Zaslavskij D.I., Detskaja kniga dlja vzroslyh, *Pravda*, Organ Centralnogo Komiteta i MK VKP(b), 25 aprelja 1935, No. 114, p. 4. (in Russian)

УДК 82-311.4

ББК 84.4

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В РОМАНЕ УВЕ ТИММА «РУДИ-ПЯТАЧОК»

В.П. Боголюбова

Аннотация. В статье рассматриваются художественные средства создания комического эффекта в романе Уве Тимма «Руди-Пятачок». В нем в комической тональности описывается жизнь современной немецкой семьи на фоне социальных проблем Германии, в частности безработицы.

У. Тимм обладает оригинальной техникой создания комизма. В основе его романа лежит динамично развивающийся сюжет, двигателем которого является комический персонаж – поросенок Руди. Образ поросенка создан с помощью приема персонификации. Главная проблема – безработица отца – решается безконфликтно и воспринимается читателем эмоционально легко, так как его внимание «переключено» на Руди-Пятачка и связанные с ним комические ситуации.

Комические персонажи романа подразделяются на взрослых и детских. Персонажи взрослых являются отрицательными комическими персонажами, поведение которых вызывает «насмешливый смех» (В.Я. Пропп). Детские персонажи проявляют себя положительными комическими героями и вызывают «добрый смех» (В.Я. Пропп), сопровождающийся «чувством душевного тепла».

Для достижения комического эффекта писатель использует такие средства немецкого языка как: каламбур, комические имена, тропы (в основном сравнения), экспрессивную лексику (сложные прилагательные и существительные с первой основой в качестве усилителя признака), фразеологизмы, окказионализмы.

Ключевые слова: Уве Тимм, комический детский роман, комический сюжет, комические персонажи и ситуации, языковые средства создания комического эффекта.

495

ARTISTIC MEANS OF CREATING A COMIC EFFECT IN THE NOVEL
"RUDY, THE RACING PIG" BY UWE TIMM**V.P. Bogolyubova**

Abstract. *The article deals with the artistic means of creating a comic effect in the novel by Uwe Timm "Rudy, the Racing Pig". In a comic tone the author describes the life of a contemporary German family in the background of Germany's social problems, particularly unemployment. U. Timm has the original technique of creating the comic element.*

At the heart of his novel there is a dynamic plot, the force of which is a comic character – piglet Rudy. The image of the pig was created with the help of personalization.

The main problem – the unemployment of the father is solved without conflict, and perceived by the reader emotionally easy as his / her attention is «switched» to Rudy the Piglet and the comic situations, related with him.

The comic characters of the novel include adults and children. Adult characters are negative comic characters whose behavior causes «derisive laughter» (V. Ya. Propp). Children's characters manifest themselves as positive comic heroes and cause a «good laugh» (V. Ya. Propp), accompanied by «a sense of warmth».

To achieve a comic effect the author uses such means of the German language as puns, comical names, tropes (mainly comparison), expressive vocabulary (compound adjectives and nouns with the first stem as a sign amplifier), idioms, occasionalisms.

Keywords: *Uwe Timm, a children's comic novel, a comic plot, comic characters and situations, linguistic means of creating a comic effect.*

496

Уве Тимм (Timm Uwe, 30. 03.1940, Гамбург) является признанным классиком немецкой литературы. Он обратил на себя внимание, написав свой первый роман «Жаркое лето» (Heißer Sommer, 1974; рус. пер. 1978). В нем он дал «социальный портрет молодежного движения» [1, с. 143], проходившего в Германии в 1968 г. и оказавшего влияние на многие общественные процессы страны. Затем последовали романы «Моренга» (Morenga, 1978), «Бегство Кербеля» (Kerbels Flucht, 1980), «Человек на высоком велосипеде» (Der Mann auf dem

Hochrad, 1984), «Змеиное дерево» (Der Schlangenbaum, 1986), «Охотник за головами» (Der Kopfjäger. Bericht aus dem Innern des Landes, 1991), новелла «Открытие колбасы «карри»» (Die Entdeckung der Carrywurst, 1993; рус. пер. 2006), романы «Ночь чудес» (Johannisnacht, 1996; рус. пер. 2004), «Красный цвет» (Rot, 2001), «На примере брата» (Am Beispiel meines Bruders, 2003; рус. пер. 2013).

Своим детям У. Тимм посвятил книги "Die Zugmaus" (1981), "Die Piratenamsel" (1983), "Rennschwein Rudi Rüssel" (1989; рус. пер. «Руди-

Пятачок», 2013), “Der Schatz auf Pagensand” (1995).

Данная статья посвящена исследованию детской книги «Руди-Пятачок», являющейся лауреатом Немецкой премии по детской литературе. В России книга вышла в 2013 г. в издательстве «Самокат» при финансовой поддержке Немецкого культурного центра им. Гете (перевод с немецкого Ольги Мязотс). Она адресована детям младшего и среднего школьного возраста.

Роман У. Тимма «Руди-Пятачок» является *семейным романом*. В нем описываются жизнь и проблемы современной немецкой многодетной семьи в *комической тональности*. История семьи изображается «на фоне широкой картины современного общества, так что в судьбе семьи и ее отдельных членов отражаются крупные вопросы общественной современности», в частности, безработицы [2, с. 107].

В основе романа лежит *комический сюжет*. Во время прогулки в Лунбургские пустоши семья с тремя детьми оказывается на празднике в маленькой деревушке Херпель, где отмечается праздник местного значения и разыгрывается лотерея. Шестилетняя Цуппи, младшая из детей, выигрывает не какую-нибудь детскую игрушку, а живого поросенка: «Поросенок был розовый и чистенький, с толстым пяточком, малюсенькими глазками и большими висячими ушами» [3, с. 10]. Поросенка называли Руди-Пятачок. Девочка сильно привязывается к нему, заботится о нем и уделяет ему много внимания. Однако хозяин дома выселяет «странных» жильцов вместе с их не менее странным домашним животным.

Руди-Пятачок является *комическим персонажем*. Вокруг него разворачивается огромное количество *комических ситуаций*, которые нарастают как снежный ком и вызывают улыбку на лице читателя. Новый жилец то и дело устраивает «сюрпризы» для своих хозяев: съедает мазок крем для лица, пробегает грязными копытцами по папиным научным работам, обезоруживает вора, пытавшегося ограбить квартиру и т.д.

Руди выступает в романе не просто домашним животным. Он наделен качествами, которые обычно присущи людям: «Руди был чистюлей, «Он был очень доволен, ему нравилось мыться под теплым душем», «Руди сидел на крыльце, печально опустив уши», «Руди лежал на ковре и с наслаждением причмокивал шоколадом». Как мы видим, писатель использует *прием персонификации*, часто применяемый в детской литературе. Фигура поросенка персонифицирована. Он воспринимается как член семьи, даже отцом, не сразу полюбившего «скотину».

Комические ситуации связаны в романе также с малышкой Цуппи. Ее упрямство, негативизм, своеволие, капризность трактуются в романе комически. Особенный комический эффект вызывают ее *капризы*. Например, рождество Цуппи хочет непременно встретить с любимым поросенком, а его из-за требований хозяина дома отвезли на ферму. И как бы родители не сопротивлялись, им все равно приходится выполнить капризы «маленького тирана» и осуществить ее желание встретить рождество вместе с поросенком.

С точки зрения психологии дошкольника, Цуппи находится в кри-

зисном состоянии. Л.С. Выготский выделял возрастные кризисы, одним из которых является *кризис трех лет* [4, с. 368-375]. Основными его симптомами являются негативизм, упрямство, непослушание, своеволие и капризность, протест, обесценивание взрослого, деспотичное руководство родителями. Многие из перечисленных симптомов, как было сказано выше, присутствуют у маленькой Цуппи. Они художественно точно описаны в романе с помощью комических ситуаций и комических средств немецкого языка.

Кроме детских комических персонажей в романе есть *комические персонажи взрослых*. К ним относится колоритная фигура хозяина дома – господина Шустерберга, не позволившего семье жить в квартире вместе с поросенком. Увидев поросенка, господин Шустерберг прошипел: «Что, снова свинья? Вы, видно, решили устроить в моем саду свиноферму? Что у вас за страсть к свиньям? <...> Если вы без свиней жить не можете – воля ваша, но только не в моем доме! Вон отсюда немедленно! И тогда папа сказал: “Хорошо, господин Шустробег, раз так – мы съезжаем!”» [Ibid, p. 83]. Господин Шустерберг является *отрицательным комическим персонажем*. Его негативные свойства обрисованы в романе с помощью *каламбура*, вызывающего «насмешливый смех» [5, с. 15-17]. Как видно из приведенного примера, отец намеренно, в сатирических целях, использовал игру слов Шустерберг (нем. “Buselmeier”) – Шустробег (нем. Wuselmeier), придав фамилии хозяина дома комическое звучание (глагол *wuseln* означает «быстрое движение без цели»).

Однако в семье, приютившей поросенка, много проблем. Главная из них – безработица отца. Глава семьи – безработный дипломированный египтолог. И хотя его научные исследования не нашли признания в научном мире, он продолжает ими заниматься. Все попытки отца найти вакантное место в музее или каком-нибудь университете заканчиваются провалом. Старший сын, от лица которого ведется повествование, переживает за него и отмечает его нестабильное состояние: «Последнее время папа стал очень нервным и раздражительным. Это потому, что у него нет нормальной работы, а расшифровкой иероглифов на жизнь не заработаешь» [Ibid, p. 28].

Рассматривая в детском произведении социальные проблемы современного общества, в частности безработицу, писатель освещает ее в *комическом ключе*. Для этого он вводит в детскую книгу экзотического главного героя – поросенка Руди и «переключает» на него внимание читателя. Проблема безработицы отходит на второй план, и в центре событий оказывается Руди-Пятачок, заслоняющий проблемы взрослых и оберегающий детство детей. С появлением Руди удивительным образом меняется атмосфера в семье: он гармонизирует межличностные отношения, учит идти на уступки, объединяться для общего дела (купать и кормить поросенка, гулять с ним, строить для него дом, посещать на свиноферме, спасать от бойни и пр.). С психологической точки зрения Руди выполняет роль так называемого *фасилитатора*. В парадигме личностно-ориентированной педагогики фасилитатором (термин К. Роджерса) называют педа-

гога, который помогает ребенку в процессе развития, облегчает ему «трудную работу роста».

Руди-Пятачок коренным образом меняет жизнь семьи, как бы являясь ее *талисманом*. Хотя семью и выселяют вместе со «скотиной» из квартиры, родителям удается найти жилье в доме у стадиона, где папа устраивается работать в спортклуб сторожем и продолжает заниматься своими научными исследованиями. Все счастливы: у папы есть хоть какая-то работа, Руди может легально жить с семьей, дети общаются с любимым питомцем. Руди является *талисманом не только семьи, но и детства*. Он как бы восстанавливает идиллию детства, которая описывалась в немецкой детской литературе в 50–60 гг. XX века. Однако она предстает в романе У. Тимма в трансформированном виде – в виде «разрушения идиллии» детства (“*gebrochene Idyllik*”) [6, с. 40-43].

В романе «Руди-Пятачок» рассматривается не только безработица как социальная проблема Германии, но и *новая модель современной немецкой семьи*, в которой произошло *изменение социальных ролей супругов* [7, с. 94]. Семья, описанная в романе, сохраняет себя ценой переосмысления традиционных обязанностей. Поскольку глава семьи является безработным и не обеспечивает семью материально, ему приходится взять на себя некоторые обязанности жены: готовить обед, убирать квартиру, заниматься воспитанием детей и пр. Описывая феномен отцовства в современном обществе, У. Тимм обращает внимание читателя на трансформацию образа отца в семье, на стирание грани между отцом и матерью в выполнении их традиционных обязанностей.

Для воплощения своих идей У. Тимм использует *колические языковые средства*, так как область комизма, достигаемая с их помощью, очень богата и разнообразна. Выше мы упоминали каламбур и комические имена. Для детской литературы характерно также использование тропов, среди которых своей частотностью выделяются сравнения.

Приведем примеры развернутых сравнений, с помощью которых писатель создает образ поросенка Руди:

1. Скоро его визг превратился в непрерывный сигнал, словно свисток [Ibid, p. 33].

2. <...> Руди живо выскочил из машины и помчался по двору, словно ужаленный [Ibid, p. 51].

3. Оркестр сыграл туш, и он получил «Голубую ленту Эгерсдорфа», которую повязали ему на живот. <...> с этой широкой лентой он был похож на президента на официальном приеме [Ibid, p. 162,163].

Для стиля писателя характерно использование экспрессивной лексики, в состав которой входят лексические усилители в качестве словообразовательных элементов (*blitzschnell, zornrot, der Mordspaß, der Dickkopf, der Dickschädel*) и окказионализмов (*schweinesüchtig, die Supernase, das Luxusschwein, das Hieroglyphenschwein, das Wahnsinns-Rennschwein, das Kunst-Schwein*). Окказиональные образования созданы У. Тиммом по действующим словообразовательным моделям (большинство путем сложения основ). С их помощью писатель создает яркий образ поросенка Руди.

Определенного художественного эффекта писатель достигает с помощью фразеологизмов. Употребляя фразеологизм “Schwein haben”, что

означает «везение, удачу», писатель как бы убеждает читателя, что немецкой семье сильно повезло в их сложной жизненной ситуации. Если бы не поросенок Руди, посланный семье судьбой, неизвестно, как бы взрослые и дети преодолели навалившиеся на них неприятности: безработицу отца, проблемы матери в школе, взросление Цуппи.

Роман У. Тимма содержит *познавательную информацию* о современной Германии, например о традициях и обычаях в канун Рождества.

В романе описывается жизнь в деревне, работа фермеров в своих хозяйствах и на современных свинофермах, менталитет фермеров в свободное время (проведение свиных бегов), любовь немцев к футболу и многое другое. Тот, кто любит свиней, получит исчерпывающую информацию об этих удивительных животных, их природе и повадках, разведении спортивных поросят. Можно не сомневаться, что прочитав эту книгу, кто-нибудь из детей, захочет иметь поросенка в качестве домашнего животного, так как поросенок приносит счастье в дом и делает детство счастливым.

Подведем итоги.

Немецкие литературоведы (Х. Дауберт, К. Ганзель, А. Вайнманн) справедливо считают роман Уве Тимма «Руди-Пятачок» *комическим детским романом*. Проведя небольшое исследование, мы убедились, что У. Тимм обладает оригинальной техникой создания комизма. В основе его романа лежит динамично развивающийся *комический сюжет*, постоянно удерживающий внимание читателя.

Главным героем романа является *комический персонаж* – поросенок

Руди, с которым связано огромное количество *комических ситуаций*. Образ поросенка создан с помощью приема *персонализации*. Руди-Пятачок коренным образом меняет жизнь семьи и становится ее талисманом. Главная проблема – безработица отца – решается бесконфликтно и воспринимается читателем эмоционально легко, так как его внимание «переклещено» на комический, соответствующий детскому восприятию персонаж. Таким образом, рассматривая в детском произведении «взрослые проблемы» – социальные проблемы общества, писатель выбирает адекватную детскому восприятию комическую тональность, настроенную на «добрый смех» (В.Я. Пропп) и комические средства ее звучания.

Комические персонажи, представленные в романе, подразделяются на взрослых и детских. Взрослые персонажи (господин Шустерберг, работник таможни, владелец Черного беса – господин Нис) являются отрицательными комическими персонажами. Ситуации, в которых они оказываются, вызывают «насмешливый смех» (В.Я. Пропп). Детские персонажи (к ним относится малышка Цуппи) являются положительными комическими героями и вызывают «добрый смех», сопровождающийся «чувством душевного тепла».

Малышке Цуппи уделено в романе особое внимание. Чувствуется, что У. Тимм с большой симпатией относится к этому персонажу. Писатель вникает в психологию девочки и создает ее *психологический портрет*. Цуппи преодолевает, по нашему мнению, кризис трех лет. Он проявляется во многих симптомах, но, прежде всего, в упрямстве. Обладая вы-

сокими требованиями к окружающим, она постоянно спорит со всеми, высказывая временами абсурдные желания (например, взять поросенка в отпуск в Италию). При этом у девочки нет требований к себе, не сформирована произвольность, то есть способность управлять своими действиями. Цуппи не трудный ребенок, просто она находится в кризисе, который несколько затянулся для ее возраста.

У. Тимм является непревзойденным мастером создания комического эффекта. Для этого он использует такие средства немецкого языка как: каламбур, комические имена, тропы (в основном сравнения), экспрессивную лексику (в ее состав входят лексические усилители в качестве словообразовательных элементов), фразеологизмы, окказионализмы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Седельник, В.Д.* Уве Тимм – становление классика [Текст] / В.Д. Седельник // Филология. Искусствознание. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 2 (3).
2. *Томашевский, Б.В.* Поэтика (Краткий курс) [Текст] / Б.В. Томашевский. – М., 1996.
3. *Тимм, Уве.* Руди-Пятачок [Текст] / Уве Тимм; пер. с нем. Ольги Мязотс, ил. Акселя Шеффлера. – М.: Самокат, 2013.
4. *Выготский, Л.С.* Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 4. Детская психология [Текст] / Л.С. Выготский, под ред. Д.Б. Элькониной. – М.: Педагогика, 1984.
5. *Пропп, В.Я.* Проблемы комизма и смеха [Текст] / В.Я. Пропп. – М.: Искусство, 1976.
6. *Ewers, H.-H.* Themen-, Formen- und Funktionswandel der westdeutschen Kinderliteratur seit Ende der 1960er, Anfang der 1970er Jahre [Text] / H.-H. Ewers // *Literaturanspruch und Unterhaltungsansicht. Studien zur Entwicklung der Kinder- und Jugendliteratur im späten 20. und frühen 21. Jahrhundert.* – Frankfurt/M.: Peter Lang, 2013.
7. *Daubert, H.* Moderne Kinderromane [Text] / H. Daubert // *Kinder- und Jugendliteratur der Gegenwart. Ein Handbuch/hrsg. von Günter Lange.* – 2., korrigierte und ergänzte Auflage. – Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren 2012.

REFERENCES

1. Daubert H., *Moderne Kinderromane*, in: *Kinder- und Jugendliteratur der Gegenwart*, Ein Handbuch/hrsg. von Günter Lange, 2, korrigierte und ergänzte Auflage, Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren, 2012.
2. Ewers H.-H., „Themen-, Formen- und Funktionswandel der westdeutschen Kinderliteratur seit Ende der 1960er und Anfang der 1970er Jahre“, in: *Literaturanspruch und Unterhaltungsansicht. Studien zur Entwicklung der Kinder- und Jugendliteratur im späten 20. und frühen 21. Jahrhundert*, Frankfurt-Main, Peter Lang, 2013.
3. Propp V.Ya., *Problemy komizma i smekha*, Moscow, Iskusstvo, 1976. (in Russian)
4. Sedelnik V.D., Uve Timm – становление классика, *Filologiya. Iskusstvoznanie. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2014, No. 2 (3). (in Russian)
5. Timm Uve, *Rudi-Pyatachok*, trans. Olgi Myaets, il. Akselya Shefflera, Moscow, Samokat, 2013. (in Russian)
6. Tomashevskii B.V., *Poetika (Kratkii kurs)*, Moscow, 1996. (in Russian)
7. Vygotskii L.S., *Sobranie sochinenii: V 6 vols., Vol. 4, Detskaya psikhologiya*, ed. D.B. Elkonina, Moscow, Pedagogika, 1984. (in Russian)

Боголюбова Виктория Петровна, кандидат филологических наук, профессор, кафедра иностранных языков, Российский государственный гуманитарный университет, stscherba@mail.ru

Bogolyubova V.P., PhD in Philology, Professor, Department of Foreign Languages, Russian State University for the Humanities, stscherba@mail.ru

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2=411.2)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКИХ И ИРАНСКИХ ПОЭТОВ И ПОЭТЕСС В АСПЕКТЕ ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ

Махдия Тари

Аннотация. *Внимание мирового искусства и науки к гендерным проблемам, укрепление российско-иранских культурных контактов, а также давние традиции иранистики в России обуславливают актуальность данной статьи. При этом важно отметить недостаточную исследованность вопросов сопоставления особенностей гендерных аспектов в русском и иранском литературоведении. Сравнительный анализ литературных произведений и авторов как носителей разных культур позволяет выявить их сходства и отличия, как в культурном, так и в гендерном аспектах. Новизна исследования заключается в том, что на данный момент исследования русской и иранской поэзии в гендерном аспекте отсутствуют. Цель данной статьи состоит в сопоставлении творчества русских и иранских поэтов с точки зрения гендерной специфики. Анализ проводится на основе произведений А. Блока, А. Ахматовой, П. Эсетами, М. Бахара.*

Ключевые слова: *русская литература, иранская литература, поэзия, гендерные особенности в литературе, женская поэзия.*

502

COMPARATIVE ANALYSIS OF WORKS OF RUSSIAN AND IRANIAN POETS AND POETESSES IN THE ASPECT OF GENDER FEATURES

Mahdie Tari

Abstract. *The attention of the world of art and science to gender issues, the strengthening of the Russian-Iranian cultural contacts and also a long tradition of Iranian Studies in Russia determine the relevance of this article. It is important to note the lack of research into the issues of matching the features of gender aspects in the Russian and Iranian literature. Comparative analysis of literary works and authors of different cultures permit obviously determine their similarities and differences in the culture and gender aspect. The novelty of the research is that nowadays Russian and Iranian poetry in the gender aspect is not studied. Therefore, the article presents the comparative analysis of Russian and Iranian poetry in aspect of gender*

features. Briefly studied are sex-role stereotypes in literature, works of such poets as Blok, Akhmatova, Etesami, Bahar are considered.

Keywords: *Russian literature, Iranian literature, Poetry, gender features in the literature, women's poetry.*

Биологическое различие между женщинами и мужчинами на социокультурном уровне представляется как «мужественность» и «женственность». С одной стороны, мужественные и женские образы определяются принятыми в обществе поло-ролевыми стереотипами, с другой стороны – мотивами поведения. «Мужественность» и «женственность» являются половыми символами двух миров и представляют собой обособленные душевные сферы, раскрываясь в рамках различий «мужских» и «женских» характеров, типов сознания.

По утверждению Н.Ю. Малковой, мужчины и женщины обладают разными установками на мировидение: «мужественность» может быть представлена в качестве опосредованного, то есть «объектного», а «женственность» в качестве непосредственного – «субъектного». Под «объектностью» исследователь понимает ориентирование на внешний, деятельностный контекст, «субъектность» же считает ориентированием на внутренний, идеальный контекст отношений [1, с. 10].

Гендерные особенности текстов предстают в качестве теоретических конструктов, поскольку «мужское» и «женское» и фактические фигуры авторов не одинаковы. Отсюда следует, что поэтические тексты могут определяться в качестве «мужских» или «женских» вне зависимости от фактического пола автора.

Для более глубокого понимания обратим свое внимание на различия женской и мужской поэзий в русской и иранской литературе, которые отражают особые чувства: патриотизм, вера и др.

Рассмотрим русскую женскую поэзию, представленную, например, произведениями Анны Ахматовой, и отличия ее поэзии от поэзии ее современников – мужчин, среди которых Александр Блок. В стихах этих двух поэтов прослеживается очевидная творческая близость А. Блока и А. Ахматовой: это проявляется в сходстве тем, образов и поэтики. Так, поэт Борис Садовский в рецензии на книгу А. Ахматовой «Четки» подчеркивает мотивы, которые роднят поэзию Ахматовой и трагическую лирику А. Блока, утверждая, что А. Ахматова, безусловно, является талантливым поэтом, именно поэтом, а не поэтессой, и в ее поэзии ощущается нечто родственное нежной радости и острой тоске Блока, что «в поэзии Ахматовой острая башня блоковских высот, как игла пронзает одинокое нежное сердце» [2, с. 545].

Сила влияния творчества А. Блока на поэзию А. Ахматовой подчеркивает сама поэтесса в дарственной надписи на сборнике «Четки», который был поднесен поэту:

От тебя приходила ко мне тревога
И уменье писать стихи.

В результате сравнения их стихов можно заметить, что Ахматова

копирует манеру письма у Блока. Блок для нее учитель, идеал.

Проанализируем разные темы и мотивы их творчества:

1) Тема Родины, патриотизма и судьбы народа является одной из традиционных тем русской поэзии. Образ Родины для Блока многогранен. Россия – это таинственная, колдовская земля:

Русь, опоясана реками
И дебрями окружена,
С болотами и журавлями,
И с мутным взором колдуна...
[3, с. 173]

Облик России для Блока – дорога, дали, просторы, ветры, пути. Поэт считает свою судьбу и жизнь кровно связанными с судьбой и жизнью его Родины. В следующих строках особенно ярко выражается «мужественность» патриотической лирики А. Блока в обращении к родной стране, как к женщине:

Русь моя,
Жизнь моя,
Вместе ль нам маяться...
[3, с. 312]

В то же время в сроках А. Ахматовой видим «мужское» обращение к Родине:

Оставь свой край
глухой и грешный...

В стихах Анны Ахматовой проявляется истинное величие любви к человеку и родному миру. Важно, что эти интонации связаны с драматическими этапами национальной жизни и собственной судьбы поэтессы.

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: Иди, сюда,

Оставь свой край глухой и грешный,

Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покорю
Боль поражений и обид.
Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух
[2, с. 79].

Ведущая тема в лирике Ахматовой в годы великой Отечественной войны – тема Родины. В феврале 1942 г. она пишет стихотворение «Мужество», где судьбу родной земли, Родины связывает с судьбой родного языка, родной речи.

Но мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово [4, с. 209].

Для Ахматовой испытывать любовь к Родине непросто, ей довелось принять немалые муки в собственной стране.

Поэт и поэтесса живут в трагическую эпоху российской истории. Страна испытывала много трудностей, и для поэтов патриотическая тема стала одной из главнейших. Однако А. Блок умер в 1921 г., в то время как А. Ахматова переносит все горе своей страны в контексте собственной трагедии – репрессии, потеря близких людей, блокада. Оттого тема Родины в поэзии А. Блока получает менее трагичное и драматичное решение, чем в творчестве А. Ахматовой.

2) Рассматривая способы эстетического воплощения темы любви, обнаруживаем различия поэтической концепции поэтов. Александр Блок – первый лирик своего времени. Ран-

ний Блок обладает юной душой, его лирическому герою свойственны озабоченность, томление, предчувствие, восторг и душевная чистота.

Лирика первых книг Ахматовой – по преимуществу любовная. Неподдельная искренность, предельная откровенность в сочетании со строгой гармонией, лаконичной емкостью поэтического языка любовных стихотворений Ахматовой позволили ее современникам называть ее русской Сафо.

Любовь для Блока – это таинство проникновения в сущность мира и мироздания. Ахматова, в сравнении с Блоком, не описывает романтически преувеличенные чувства. Она пишет о простом человеческом счастье и о разлуке, измене, одиночестве и отчаянии. Именно в произведениях, посвященных теме любви, наиболее ярко раскрываются «мужественность» А. Блока и «женственность» А. Ахматовой.

Таким образом, гендерные различия можно проследить в творчестве А. Блока и А. Ахматовой по теме Родины и патриотизма и по теме любви.

Различия женской и мужской поэзии в иранской литературе рассмотрим на материале произведений Парвин Этесами и Мохаммада Тоги Бахара.

Парвин Этесами родилась в 1907 г. в городе Тебриз (Иран). Она начала сочинять стихи совсем в раннем возрасте – в 7 лет. Абд аль Хосейн Заринкуб (один из наиболее известных специалистов по иранской литературе) пишет о поэтессе: «Парвин – женщина с мужским характером, прекрасно разбирающаяся в поэзии и суфийской философии».

Если проводить сравнение поэзии Парвин с творчеством поэтов-мужчин той же эпохи, то наилучшим выбором представляется Мохаммед Таги Бахар (родился в 1886 г.) – иранский поэт, литературовед, общественный деятель, получивший титул «Малек ош шоара» (Царь поэтов).

Бахар красив с точки зрения слога и построения, в своей красоте он сложен и ровен, из особенностей его поэзии можно выделить такие, как придание новых значений словам, применение новых метафор, сравнений и ярких описаний при сохранении точного состава стихотворений. Поэзия Бахара отражает слог и строй поэтов прошлого, однако в смысловом значении и декламации он является новатором, чей ясный взор затронул политические и социальные вопросы. Он ограничивал себя стремлением к новому и иногда писал стихи в виде современных четверостиший. В своей поэзии он затрагивает такие темы, как политика, революция, общество, критику, а также волнующую литературу и любовную лирику. При этом можно выделить следующую тематическую градацию:

1) Восхваление Пророка и имамов. Многие произведения Бахара посвящены этому, а в поэзии Парвин подобная религиозная лирика отсутствует.

2) Наставления и поучения падишахам и мыслителям того времени. Бахар уделял особое внимание системе под названием «зеркало выражения», Парвин поступала так же, с той лишь разницей, что она предпочитала критиковать или поучать в виде аллегорий и рассказов.

3) Политическая и революционная поэзия. Еще одна важная тема

произведений Бахара, но не Парвин, чьи 20 лет поэтического творчества пришлись на 20 лет правления Резы шаха, в течение которых попиралось право на свободу слова. Со своей стороны женщины не особенно желали обращаться к проблемам политики, а с другой стороны, социальная атмосфера в Иране не благоприятствовала выдающимся способностям такой молодой девушки, как Парвин, получившей традиционное воспитание.

4) Любовная лирика. В стихотворениях Бахара любовная лирика представлена преимущественно в виде газалей. Среди произведений Парвин есть всего несколько газалей. По словам Бахара, «поскольку Парвин не любила сочинять газали, то ответом на те пять-шесть газалей должны были быть короткие касьды».

В своих произведениях Парвин рассказывает о материнской любви и нежности своей души от лица птиц, бедных матерей и людей, находящихся в трудном положении. Она уделяет особое внимание материнским обязанностям и ответственности. Время от времени Парвин обращается за милостью к Богу и сочиняет мужские стихотворения, посвященные Божьей милости, знакомя читателей с духовными истинами, чтобы потом вновь вернуться к размышлениям о материнских обязанностях, снова стать матерью, переживающей и раздумывающей о сохранении счастливой и доброй семьи. Парвин в своем творчестве обращалась к теме любви всего несколько раз, но не к той любви, образцом которой являются Лейли и Маджнун. Поэтесса подразумевает божественную любовь, выходящую за границы материального. По этой

же причине в ее поэзии невозможно увидеть образ желаемого мужчины.

کتاب عشق را جز یک ورق نیست
در آن هم ، نکته ای جز نام حق نیست

Книга любви,

ничего кроме одной страницы
В которой ничего,

кроме имени Истины.

Место, которое Парвин отводит женщине, она описывает в своих стихах и ставит его намного выше того места, которое модернисты-защитники могли предложить иранским женщинам. Женщина в поэзии Парвин, как и она сама, – существо святое, праведное, мудрое, поучающее детей. Она считает права мужчин и женщин равными, в то время как большинство поэтов-мужчин не считают их таковыми.

Принимая во внимание исследование трансформации женской поэзии в литературе России и Ирана, а также осуществив краткий сравнительный анализ работ некоторых женщин-поэтов с поэтами-мужчинами одного периода, приходим к выводу о том, что женщины в определенный период проявили себя на литературной арене как успешные поэты, не побоявшись позиционировать себя в качестве женщины-поэта и укрепив свое место на поэтической арене. Это представляется крайне важным, поскольку лирика мужчин-поэтов изначально рассматривалась поэтессами в качестве образца, которому нужно было следовать. Поэтессы, как в России, так и в Иране, создавая свои произведения, опирались не только на темы, которые зачастую принято называть женскими, или любовной лирикой. Они не обходили стороной социальные и общественно-политиче-

ские события, превращая их в поэтические сочинения. Описание Родины в период революции, войны, рассказ о смерти близких и восхваление эпических героев также занимают особое место в поэзии женщин.

Стоит напомнить, что на международную арену в этот период приходили значимые общественно-политические перемены. Знакомство иранских поэтесс с актуальными поэтическими веяниями Европы, волна феминизма и развитие направления женской поэзии, безусловно, оказало влияние на их работы. В Иране из-за царившего в тот период патриархата и дискриминации у женщин не было возможности проявить себя; возможно, именно по этой причине женщины-поэты тех времен использовали мужские имена для представления своих стихов. В России женщины начали писать стихи во многом под влиянием поэтов-мужчин. Однако с течением времени произошли перемены – женщины освободились от этих рамок зависимости и начали писать стихи, опираясь на свои мысли и чувства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малкова, Н.Ю. Философско-антропологические основания репрезентации мужского и женского в поэтическом тексте (на материале поэзии XX в.) [Текст] / Н.Ю. Малкова. Владивосток. 2006.
2. Ахматова, А.А. Стихотворение, поэмы [Текст] / А.А. Ахматова. – М.: АСТ, 2000.
3. Блок, А.А. Стихотворение, поэмы [Текст] / А.А. Блок. – М.: Дрофа, 2006.
4. Ахматова А.А. Стихотворение, поэмы [Текст] / А.А. Ахматова. – М.: Дрофа, 2007.
5. Ахмади, П. Иранские женские стихи с начала до сегодняшнего дня [Текст] / П. Ахмади. – Тегеран: Чешме, 2010.
6. Мохаммади, Асл Аббас. Гендер и социолингвистика [Текст] / Асл Аббас Мохаммади. – Тегеран: Гол Азин, 2010.

REFERENCES

1. Ahmatova A.A., *Stihotvorenie, pojemy*, Moscow, Izdatelstvo-AST, 2000. (in Russian)
2. Ahmatova A.A., *Stihotvorenie, pojemy*, Moscow, Drofa, 2007. (in Russian)
3. Ahmadi P., *Iranskie zhenskije stihij s nachala do segodnjashnego dnja*, Tegeran, Cheshme. 2010.
4. Blok A.A., *Stihotvorenie, pojemy*, Moscow, Drofa, 2006. (in Russian)
5. Malkova N.Ju., *Filosofsko-antropologicheskie osnovanija reprezentacii muzhskogo i zhenskogo v pojeticheskom tekste (na materiale poezijii XX v.)*, Vladivostok, 2006. (in Russian)
6. Mohammadi Asl Abbas, *Gender i sociolingvistika*, Tegeran, Gol Azin, 2010. (in Persian)

Махдия Тари (Исламская Республика Иран), аспирантка, кафедра русской литературы, Московский педагогический государственный университет, mahdie.tari@gmail.com

Mahdie Tari (Islamic Republic of Iran), Post-graduate Student, Russian Literature Department, Moscow State University of Education, mahdie.tari@gmail.com

ДЪЯКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2016

■ Ю.В. Куликова

В третий раз на кафедре истории древнего мира и средних веков имени профессора В.Ф. Семенова Института истории и политики МПГУ прошла научная конференция «Дьяковские чтения», получившая в этом году статус «международной».

На конференцию было заявлено более 50 докладов специалистами по истории и археологии древнего мира и раннего средневековья, филологии, психологии, геофизическим методам исследования, географии, теории и истории государства и права из различных регионов Российской Федерации, в том числе из Крыма, Татарстана, Дагестана, а также других государств, в частности, Республики Молдовы, Украины, Узбекистана и Таджикистана.

В работе конференции принимали участие представители 20 научных центров и высших учебных учреждений из 11 городов и регионов РФ, в числе которых Институт всеобщей истории РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, Центр египтологических исследований РАН, Центр социально-гуманитарных исследований КГУ им. К.Э. Циолковского, Санкт-Петербургский государственный университет, Юридический институт РУДН, Московский государственный областной университет, Московский государственный лингвистический университет, Институт мировой экономики и информатизации, Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник, Туль-

ский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Белгородский государственный университет, Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта, НИЦ «Курчатовский институт», Дагестанский государственный университет, Тюменский государственный университет.

В 2016 г. на «Дьяковские чтения» прислали свои заявки специалисты из других государств, представленных в общей сложности 9 учебными и научными заведениями, среди которых Дипломатическая Академия Украины, Одесский национальный морской университет, Институт востоковедения им. А.Е. Крымского Национальной АН Украины, Комратский государственный университет Республики Молдовы, Национальный университет Узбекистана, Национальный институт рукописей АН Туркменистана, Академический лицей при Международном Вестминстерском университете в Ташкенте, а также Римский университет «Tor Vergata» (Италия) и Мадридский университет (Испания). Примечательно, что Международная научная конференция «Дьяковские чтения» носила междисциплинарный характер, а многие вузы были представлены несколькими институтами и кафедрами. В числе участников конференции было 12 докторов наук по истории, техническим наукам, филологическим наукам, геолого-минералогическим наукам, географическим наукам, а также академик Академии наук Туркменистана.

Стоит отметить, что «Дьяковские чтения» привлекают к совместной научной работе преподавателей колледжей, лицеев и школ, способствуя тесному сотрудничеству и являясь связующим звеном между высшими и средними учебными заведениями в области исторической науки. А очно-заочная форма позволяет принять участие и представить на более широкое обсуждение коллегам свои научные наработки из самых разных регионов.

Работа «Дьяковских чтений» началась с пленарного заседания и продолжилась на пяти секциях: истории Древнего Востока, истории Древней Греции, истории Древнего Рима, истории и археологии Причерноморья, истории поздней Античности и раннего Средневековья.

Торжественное открытие Международной научной конференции проходило в зале Ученого совета исторического факультета Института истории и политики.

С приветственным словом выступил заместитель директора Института истории и политики *Юрий Владимирович Романов*, который отметил, что проведение получившей в этом году статус «международной» научной конференций «Дьяковские чтения» способствует тесному научному сотрудничеству самых разных научных и учебных заведений.

Конференцию открыл заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков имени профессора В.Ф. Семенова, д.и.н., профессор *Н.И. Винокуров* с докладом о научной деятельности В.Н. Дьякова (1882–1959), в рамках школы которого ведут научные исследования преподаватели кафедры. *Н.И. Виноку-*

ров подчеркнул важность преемственности традиций.

На пленарном заседании было заслушано три доклада (председатели: *Н.И. Винокуров*, *Ю.В. Куликова*). Все доклады сопровождались показом мультимедийных материалов.

Чрезвычайно информативным, вызвавшим оживленную дискуссию оказалось выступление *И.Н. Модина* (МГУ им. М.В. Ломоносова), представившего совместные (*А.Д. Гидаспов*, *М.Я. Кац*, *В.В. Козлов*, *А.Т. Пелевин*, *С.Б. Соколов*) результаты исследований, проведенных кафедрой геофизических методов исследования земной коры МГУ им. М.В. Ломоносова в Греции. Речь в сообщении шла о «Геофизических поисках затонувшего древнегреческого города Элики», который был разрушен в результате катастрофического землетрясения в 373 г. до н.э. В настоящее время, начиная с 1988 г., его поиск ведется в рамках международного проекта Фонда «Элики». Анализ результатов работ на акватории Коринфского залива привел к выводу о необходимости поиска города на земле. Бурение скважин, геодезическая разведка, раскопки велись на обширной территории. Это изменило представление о положении города, но развалины Элики так и не были обнаружены. Авторы исследования сообщили, что это обстоятельство побудило их пересмотреть методы исследования. Разрушение города и его дальнейшее перемещение стали рассматриваться как результат воздействия геологических процессов.

А.Ю. Можайский (МППГУ) в своем докладе затронул одну из проблем, стоящих перед исследователями Пелопоннесской войны, в частно-

сти интерпретация той части текста Фукидида, которая касается так называемой «чумы» в Афинах. Он заметил, что с уверенностью определить болезнь, распространившуюся тогда в Афинах, сложно, но, быть может, к ее определению нас приблизят данные археологии и ДНК. Дело в том, что в 1984 г., в районе Афин – Керамик, в месте, прилегающем к будущей станции метро Керамикос, были проведены археологические исследования. Тогда и была обнаружена часть некрополя, существовавшего с V в. до н.э. по римское время, в том числе два коллективных захоронения, находившихся в центральной части раскопа, датируемых временем Пелопоннесской войны. В 2005 г. было проведено исследование, которое выявило схожесть между ДНК, выделенного из зубной пульпы трех зубов, что были взяты из материала раскопок в Керамике (1994–95 гг.), и известным патогеном брюшного тифа. Гипотезу о том, что болезнь Фукидида похожа на какую-либо из разновидностей тифа, выдвинул еще в своих комментариях, изданных, правда, уже посмертно, знаменитый комментатор Фукидида Э. Гомм. Докладчик приходит к выводу, что теперь, похоже, данные археологии подтверждают ранее выдвинутую теорию.

В докладе *М.А. Рудневой* (БелГУ) были рассмотрены «Особенности изучения Александрии Египетской IV–V вв. в отечественной и зарубежной историографии». Она обратила внимание на то, что зарубежная историография более обширна и отличается значительной широтой исследовательского поля, в то время как в отечественной науке проблема

не получила значительного внимания вплоть до конца XX – начала XXI века. По мнению автора, наибольшие перспективы в плане изучения ранневизантийской Александрии Египетской видятся в области исследования археологического комплекса города, а с развитием технических возможностей в археологических исследованиях повышается вероятность обнаружения новых сведений о городе, в том числе и ранневизантийского периода.

Дальнейшая работа конференции проходила по секциям.

Заседание секции «История Древнего Востока» (председатели: С.В. Иванов, Э.В. Сердитых) было представлено пятью докладами, в основном касающимися проблем истории Древнего Египта.

В своем докладе *С.В. Иванов* (Центр египтологических исследований РАН) представил целостную картину «Производства фаянса в Египте Позднего периода (по материалам археологических исследований ЦЕИ РАН в Мемфисе)», в котором обобщил результаты работы российской экспедиции ЦЕИ РАН за последние годы, сделав попытку определить характер и масштабы этого производства в обозначенный период.

Выступление *В.И. Ярмолович* (Центр египтологических исследований РАН) было посвящено теме «Древнеегипетские сосуды с изображением бога Беса с Ком Тумана (северо-восточный Мемфис): еще раз к вопросу о типологии». Докладчик отметил, что глиняные сосуды с изображением бога Беса являются одним из классов фигурных сосудов, предприняла попытку рассмотреть

различные подходы к изучению этих сосудов и представила краткие результаты изучения этого класса керамики из Мемфиса (на основе материалов археологических раскопок Центра египтологических исследований РАН). По мнению В.И. Ярмолович, керамические сосуды с Ком Тумана, датированные эпохой Нового царства и Позднего периода, сохранились в основном во фрагментах, что не позволяет разделить их на типы по формам сосудов. Докладчик приходит к выводу, что сосуды с изображением бога Беса были распространены по всей территории Египта, в Судане, Сирии, Иране и Палестине.

Р.А. Орехов (Центр египтологических исследований РАН) в своем сообщении рассмотрел «Гидротехническое искусство египтян как фактор в основании Мемфиса», заметив, что ведущая роль в урбанизации данного района в эпоху первых династий принадлежала восточному берегу Нила, но в эпоху Джосера – западному. Для проверки данной гипотезы автор доклада обратился к режиму работы сложного гидротехнического сооружения ступенчатой пирамиды, известному среди исследователей как “Dry moat”, для обеспечения работы которого требовался достаточно высокий уровень Нила и более близкое расположение русла реки к западному берегу. Р.А. Орехов делает вывод, что строительство в пойменной территории (затопляемая зона) западного берега было невозможно в период III династии, а начало крупномасштабной застройки в данном месте стало возможно только в эпоху расцвета государства Древнего царства.

В докладе *Е.А. Мручко* (Центр египтологических исследований

РАН) «Классификация древнеегипетского костюма и ее проблематика» на основании выделенных признаков предпринята попытка разделить на определенные виды древнеегипетский костюм, дав им четкую характеристику.

Ш.С. Мурадова (МПУ) в своем выступлении на тему «Ардашир – харизматический лидер?» предприняла попытку дать оценку основателю династии Сасанидов Ардаширу, отметив, что именно харизма этого лидера была одним из основных факторов, способствовавших становлению государственности и формированию сильной централизованной власти Сасанидов. Автор отметила, что харизматический лидер обосновывает свои требования и наличие у него харизмы через успех или веру в успех, основанную на результатах его действий. Ардашир непрерывно доказывал свои силы и способности путем преодоления испытаний, сочетая государственный ум и талант полководца, подчинил Мидию, области Сакастан и Хорасан, Атропатену и часть Армении.

На секции «История Древней Греции» (председатели: И.Е. Суриков, А.Ю. Можайский) были представлены доклады, затрагивающие различные аспекты древнегреческой истории.

И.Е. Суриков (Институт всеобщей истории РАН) предложил вниманию аудитории доклад на тему «Афинский оратор Антифонт и законы Солона», отметив, что в сохранившихся речах Антифонта, афинского оратора второй половины V в. до н.э., великий законодатель Солон не упоминается, однако если использовать косвенные доказательства, можно

уверенно утверждать, что блистательное знание Антифонтом афинского законодательства распространилось не только на законы Драконта об убийстве, но и на законы Солона, регламентировавшие остальные стороны жизни полиса и граждан.

В своем выступлении *А.В. Горохова* (МПГУ) затронула дискуссионную тему «К вопросу о культурной идентичности эллинов в V в. до н.э.». В нем она рассмотрела три уровня культурной идентичности эллинов в рамках оппозиции «свой – чужой». По мнению автора, первый уровень – формирование общего культурного пространства греков и его противопоставление миру «варваров», второй – преодоление полисного партикуляризма посредством панэллинских празднеств, третий – создание общего культурного пространства полисов, входивших в состав Первого афинского морского союза.

И.Н. Коровчинский (МГОУ) в докладе «Образ Федры у Еврипида и чувство вины у древних греков» обратил внимание, что в современной науке распространены представления о древнегреческой культуре как о «культуре стыда», в которой представления о нравственно должном опирались не на внутреннюю оценку индивида («совесть»), а на оценку общества. Однако трагедия Еврипида «Ипполит» демонстрирует пример иного подхода. Ее героиня Федра осуждает в себе даже то дурное, которое никому, кроме нее, не известно, прямо подчеркивает, что зло является злом объективно, даже если общество считает его добром, и признает возможность того, что все общество может заблуждаться в вопросах нравственности. Ясно, что она руко-

водствуется именно внутренним чувством нравственно должного. Правда, перспектива общественной огласки ее порочной страсти также пугает ее, но этот страх не является ни единственным, ни даже главным фактором, определяющим ее отношение к вопросам этики, до тех пор, пока обстоятельства не превращают огласку в ее глазах из маловероятной в весьма вероятную. Это позволяет если не пересмотреть существующие представления о древнегреческой этике, то внести в них небезыңтересный корректив.

Доклад на тему «Сказ о том, как Прометей человека сотворил: позднеантичная антропология на одном саркофаге из Археологического музея Неаполя» представил *Н.Е. Гайдюков* (ПСТГУ), сделав на основании анализа образов, изображенных на саркофаге, вывод о том, что это была не штучная, а серийная вещь, для которой уже имелись заготовки. Автор также предположил, что данный саркофаг, вероятно, являлся копией какого-то рельефного изображения.

В своем выступлении *А.А. Клейменов* (ТГПУ им. Л.Н. Толстого) рассмотрел «Координированные наступательные действия в греческой военной практике классической эпохи: опыт неудач», Попытки греческих армий осуществить координированные наступательные действия для решения стратегических задач, имевшие место в рамках военных кампаний 424, 418 и 395 гг. до н.э., следует оценивать как неудачные. Помимо частных причин в каждом конкретном случае, могут быть выделены и общие предпосылки краха комбинированных походов. К ним относятся недостатки военной орга-

низации греческих полисов классического времени: отсутствие строгой командной иерархии высших чинов, нехватка квалифицированных кадров, плохая организация связи, слабое взаимодействие частей крупных коалиционных армий.

В докладе *К.А. Анисимова* (ТГПУ им. Л.Н. Толстого) «Парадинасты в территориальной структуре Одрисского царства V-IV вв. до н.э.» была затронута проблема института парадинов – «соправителей царя» и его роли в истории Одрисского царства V-IV вв. до н.э. Автор, касаясь генеалогии одрисского царского рода Тересидов и территориальной структуры периода расцвета этого государства, предпринял попытку показать эволюцию отношений одрисских царей и их парадинов, стремившихся к независимости, что, по мнению К.А. Анисимова, привело в итоге к упадку одрисов.

Заседание секции «История Древнего Рима» (председатели: Ю.В. Куликова, В.О. Никишин) было представлено шестью докладами.

В.О. Никишин (МГУ им. М.В. Ломоносова) в своем выступлении «Сколько раз из Рима изгоняли чужаков?» поднял тему, вызвавшую интерес слушателей. Докладчик подчеркнул, что феномен римского «шовинизма» объясняется тем, что римляне никогда не были столь же нетерпимыми по отношению к чужеземцам «националистами», какими всегда оставались греки. По мнению В.О. Никишина, в этом смысле «римская теория не была совершенно нерасовой, но она являлась гораздо более гибкой на практике». Римляне, имея в виду представителей других

народов, никогда не проводили между ними и собой столь же резкой грани, которую всегда проводили греки между собой и варварами. Причины подчас весьма агрессивного и непримиримого римского негативизма по отношению к варварам в известной степени коренятся в греческой антиварварской традиции. Не следует сбрасывать со счетов также и фактор военной угрозы, реальной или воображаемой, со стороны варваров.

В докладе *С.М. Лысенкова* (МПГУ) «К вопросу о проблеме вооружения воинов в период Ранней Республики» была предпринята попытка опровергнуть мнение о том, что в V в. до н.э. граждане Рима самовооружались. Он отметил, что право хранить оружие дома имели только патриции, плебеи такого права не имели, при этом вооружение плебеев, набранных в войско, осуществлялось из государственных арсеналов, а оружие для них приобреталось государством за счет военного налога – трибута. Докладчик заключает, что право хранить оружие дома имели только знатные патрицианские рода, плебеи такого права не имели; обязанность по обеспечению вооружением граждан, призванных на военную службу в зависимости от их цензовой принадлежности, за исключением патрициев, брало на себя государство; а комплекс вооружения предоставлялся государством своему гражданину в пользование на период военной компании, в соответствии с суммой цензового взноса в казну для его приобретения государством.

Выступление *В.С. Калмыкова* (МПГУ) было посвящено теме «Первая Митридатова война 89–84 гг. до н.э.: последний шанс сопротивления

эллинистического мира римской экспансии», в котором докладчик, исследовав внешнюю политику Митридата VI Евпатора, предпринял попытку выявить военные и политические ошибки царя, а также причины побед римской армии в сражениях при Херонее и Орхомене.

В.А. Булдаков (ГБПОУ ДЗМ «Медицинский колледж № 5») в своем докладе обратился «К вопросу о боспоро-римских отношениях во время правления императора Нерона». Автор отметил, что правление императора Нерона является сложным и малоизученным периодом в истории Боспорского царства. Государство было в строжайшей зависимости от Римской империи и находилось на грани потери суверенитета. К сожалению, малое количество эпиграфических и письменных источников не дает нам в полной мере изучить данный период, но нумизматические данные приоткрывают свет на решение вопроса.

В докладе *Ю.В. Куликовой* (МПГУ) «Одна победа императора Аврелиана» была затронута дискуссионная тема военного столкновения Аврелиана с германским племенем ютунгов. На основании данных источников автор доклада предположила, что подобных столкновений было как минимум два, но в античной историографии фактически слились в одно, оставив в изложении событий некоторые противоречия. Именно первое столкновение с ютунгами принесло Аврелиану поражение, поскольку император вынужден был поспешить на Дунай, чтобы не допустить проникновения других варваров. Именно это обстоятельство позволило ютунгам собрать новые силы и

вторгнуться второй раз, достигнув территории Италии, едва не поставив под удар столицу Империи. Собранные силы, император Аврелиан нанес сокрушительное поражение германцам. Интересно, что приписанная Аврелиану первая победа над ютунгами произошла намного раньше, что отражено на победном алтаре галльского императора Постума из Аугсбурга.

И.О. Князький (Институт мировой экономики и информатизации) представил свой взгляд на проблему «Август и «закон об оскорблении величия». Докладчик отметил, что хотя этот закон звучал громко и грозно: «Закон об оскорблении величия» (*Crimen laesae maiestatis*), однако величие здесь изначально не воспринималось как качество персональное. Когда в 104 г. до Р.Х. закон этот появился по инициативе плебейского трибуна Апулея Сатурнина, то целью его была защита величия всего римского народа. Август никогда не действовал по наитию, все его решения всегда были глубоко продуманными и взвешенными. Ему было важно показать римлянам, что, устанавливая новые порядки, действует он не ради себя и своей власти, но ради римского народа, для которого такая власть в настоящее время является наилучшим выбором.

Секция «История и археология Причерноморья» (председатели: Н.И. Виногуров, С.М. Крыкин) была представлена докладами, охватывающими историю региона с древности до средневековья.

В своем выступлении «Аспарух: продолжение политической линии?» *С.М. Крыкин* (МГПУ), отметил, что славяне и болгары, создали

на территории древней Фракии государство. Для признания этого события понадобились определенные политические шаги, которые бы доказывали право и преемственность от предшественников. Культурные традиции человечества к этому времени уже собрали исторический опыт нескольких тысячелетий.

Вне программы представил доклад *Е.С. Сухарников* (ГБОУ СПО МГТТиП) на тему «Универсальность литургического принципа типологизации пещерных храмов Таврики на примере средневековой Руси». Он предложил взглянуть на особенности внутреннего устройства христианских храмов, то есть малые архитектурные формы, как на признаки, характерные исключительно для церквей, и на этом основании применять литургический (богослужебный) принцип типологизации восточно-христианских каменных храмов, суть которого состоит в анализе литургических устройств. Автор приходит к выводу, что литургический принцип типологизации пещерных храмов Таврики, предложенный ранее другими исследователями, способен работать и для древнерусских домонгольских храмов, а идентификация зоны протезиса по наличию и расположению угольника может иметь право на существование, если еще в каких-либо домонгольских храмах Руси будут обнаружены угольники.

А.К. Папцова (Комратский государственный университет) в своем выступлении на тему «Внешние факторы политогенеза у северных фракийцев» предприняла попытку рассмотреть культурное влияние цивилизационных центров и последствия эволюции завоевательной активности

империй и племенных союзов в разные периоды как важные составляющие процесса политогенеза у северных фракийцев. Автор отметила, что в соответствии с современной тенденцией смещения акцентов в исследованиях отношений между цивилизационным центром и периферией, значительное внимание следует уделять взаимодействию между племенами, относимыми к периферии.

Доклад *В.Г. Недиогло* (Комратский государственный университет) «Скифы в истории региона: к постановке проблемы» был представлен его научным руководителем *А.К. Папцовой*. Автор затронул дискуссионные вопросы скифской истории в контексте формирования национальных историографических школ. По его мнению, трактовка роли скифов в истории региона подчинена общему образу прошлого, а особый интерес вызывает влияние развития национальных историографических школ на степень заинтересованности в исследованиях тех доисторических этносов, которые могут быть рассмотрены в качестве предков современных народов. Так развитие молдавской национальной историографии предопределило интерес к исследованию северных фракийцев. Как следует из доклада *В.Г. Недиогло*, возрастание значения этнорегиональной идентичности гагаузов активизирует интерес к исследованиям истории скифов.

На секции «История поздней Античности и раннего Средневековья» были обсуждены самые разнообразные проблемы истории в ее различных аспектах.

Наш почетный гость из Дагестана профессор *Г.-Р.А.-К. Гусейнов*

(ДГУ) предложил вниманию участников конференции доклад «Зихи Северо-Восточного Причерноморья: адыги или тюрки. Топонимические данные к постановке вопроса», посвятив его проблеме этноязыковой принадлежности зихов, проживавших в античную и раннесредневековую эпохи в пределах Северо-Восточного Причерноморья. Автор отметил, что традиционно они относятся к адыгскому этносу, но рассмотрение топонимических данных позволяет считать их тюрками, и приходит к выводу, что это позволило так же негативно оценить недавнее мнение об их индоарийской этноязыковой принадлежности.

Выступление *Д.А. Гоголева* (Тюменский государственный университет) было посвящено теме «Особенности урбанистической терминологии в «Церковной истории» Феодорита Кирского». На основании выявленных и изученных конкретных урбанистических терминах, использованных Феодоритом Кирским, докладчик предпринял попытку определить их применение. По его убеждению, термины «полисма», «полихнион» и «полидрион» Феодорит применяет к небольшому по значению, количеству населения и территории поселениям. Термин «асти» Феодорит использует для обозначения городских центров и не включает их описание в строго определенные рамки, а вот городские поселения без топонима почти всегда обозначаются как «полис». Изучение характера употребления термина «полис» у Феодорита Кирского, по мнению *Д.А. Гоголева*, требует специального исследования.

Доклад *А.В. Храпова* (МГЛУ) был посвящен сложной теме «Западная

Церковь и императорская власть в Византийской империи в середине VI века», акцентировав внимание на особенности религиозной политики византийских императоров указанного периода, особо отметив роль римских пап в споре о Трех Главах. Автор приходит к выводу, что император и папа согласились на некий компромисс, своеобразную унию, суть которой сводилась к отказу папы, а под его руководством и всех церквей Италии от борьбы против осуждения Трех Глав и замалчивании V Вселенского Собора. Так сохранился бы авторитет римской кафедры, а также поддерживался мир в Церкви и империи.

Д.Н. Суходольский (МПУ) в своем сообщении «Образ тюрков-сельджуков в Византийской империи XI–XII веков» постарался осветить проблему восприятия тюрков-сельджуков византийцами, отметив, что причиной, по которой византийские авторы второй половины XI века уделяли так мало внимания тюркам-сельджукам, возможно, связана с их собственными взглядами и интересами. Несмотря на то, что византийские авторы наделяли сельджуков массой негативных качеств, среди которых особенно выделялись отсутствие у них христианского учения и их коварство, все же их позиция была намного более реалистичной и прагматичной, чем у крестоносцев и восточно-христианских соседей империи. Кроме того, для византийцев тюрки стали не только непримиримыми врагами, но и отличным средством для достижения своих целей, что подтверждает тот факт, что тюрки в том или ином качестве довольно часто на протяжении второй половины XI – XII века участвовали в военных

кампаниях на стороне империи. Автор приходит к выводу, что именно по этим причинам в Византийской империи сложился свой особый образ сельджуков, отличный от типичного для других христианских народов образа, основанного на демонизации кочевников.

С докладом на тему «Роль Сасанидского Ирана в формировании картины мира восточных армян в IV–V вв.» выступила *Е.С. Петросян* (МПГУ). По ее мнению, ориентация на Византию, но, вместе с тем, и близость к Сасанидскому Ирану сформировала в Армении особую картину мира, повлекшую за собой и становление армянской идентичности, а именно благодаря политике иранизации Ездигерда II армянский народ осознал свою национальную самобытность. Автор замечает, что политика персидского двора не достигла ожидаемых результатов и не увенчалась успехом, но, вместе с тем, не желая того, позволила армянскому народу осознать свою идентичность, что стало определяющим фактором в деле формирования их картины мира и осознания самих себя в этом мире. Именно этот период представляет наибольшую ценность в поиске корней формирования армянского национального самосознания и стремления к поиску собственного пути развития.

Председатели секций, организаторы конференции и участники под-

вели итоги работы конференции, которая, по общему мнению докладчиков и слушателей, была проведена на высоком уровне. Был отмечено разнообразие научных тем, в том числе, что немаловажно, и междисциплинарных, которые были обсуждены в ходе работы «Дьяковских чтений» на заседаниях секций. Очень важно, что перспективы таких исследований очень высокие.

«Дьяковские чтения» дают возможность регулярно представлять итоги своей научной работы специалистам разных направлений и разного уровня. Участники конференции выразили надежду на дальнейшее сотрудничество, отметив, что подобные научные встречи помогают развивать межвузовские контакты, налаживать международные научные связи, делиться и обсуждать перспективы развития научных направлений, способствуя продвижению исторической науки в Российской Федерации.

Международная научная конференция «Дьяковские чтения» завершила свою работу. По результатам работы будет подготовлен сборник научных трудов, чтобы обсуждаемые научные вопросы могли быть доступны для более широкого круга читателей: специалистов, аспирантов, магистрантов и студентов.

517

Куликова Юлия Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории древнего мира и средних веков им. проф. В.Ф. Семенова, Институт истории и политики, Московский педагогический государственный университет, glanam_yul@mail.ru

Kulikova Yu.V., PhD in History, Associate Professor, Professor V.F.Semenov Ancient History and the Middle Ages Department, Moscow State University of Education, glanam_yul@mail.ru

Уважаемые коллеги!

Управление издательской деятельности
и инновационного проектирования
Московского педагогического государственного
университета
предоставляет услуги:

- ✓ **редактирование**
- ✓ **верстка**
- ✓ **печать**

книг и брошюр всех видов

По вопросам оказания услуг обращаться
в редакцию по телефону:
8 (499) 730-38-61

по e-mail:

izdat@mpgu.edu

или по адресу:
г. Москва, проспект Вернадского, д. 88
(корпус гуманитарных факультетов МПГУ),
каб. 446